Келли Армстронг - Тревожа мертвых

Переведено специально для группы
˜”*°•†Мир фэнтези†•°*”˜ http://Wfbooks.ru
Оригинальное название: Disturbing the Dead / Тревожа мертвых
Автор: Келли Армстронг / Kelley Armstrong
Серии: Раскол во времени #3 / A Rip Through Time #3
Перевод: nasya29
Редактор: Евгения Волкова

Келли Армстронг – Тревожа мертвых
Kelley Armstrong - Disturbing the Dead

Аннотация

«Тревожа мертвых» — новая часть уникального цикла, застрявшего одной ногой в викторианской эпохе, а другой — в нашем времени. Детективные романы из серии «Разрыв во времени» от автора бестселлеров New York Times Келли Армстронг — это атмосферная смесь жанров и захватывающее погружение в прошлое.

Викторианская Шотландия постепенно перестает казаться чужой Мэллори Аткинсон, детективу из отдела по расследованию убийств. Жизнь в чужом теле всё еще выбивает из колеи — и неважно, что ее наниматели знают правду: она вовсе не горничная Катриона Митчелл, а гостья из будущего, попавшая сюда после нападения в том же темном переулке сто пятьдесят лет спустя. Мэллори нравится работать ассистенткой Грея — гробовщика и полицейского судмедэксперта в одном лице. К тому же в этом веке у нее наконец-то появляются настоящие друзья… и настоящие чувства.

Зная об одержимости викторианцев темой смерти, Мэллори не слишком удивляется, когда ее вместе с друзьями приглашают в дом сэра Аластера Кристи на «вскрытие мумии». Однако, когда наступает момент сорвать покровы, хозяин дома бесследно исчезает. Грею и Мэллори приходится взять инициативу в свои руки. Вот только при ближайшем рассмотрении оказывается, что под древними бинтами скрывается вовсе не мумия, а свежий труп.

Келли Армстронг – Тревожа мертвых
Kelley Armstrong - Disturbing the Dead

Оглавление

ГЛАВА ПЕРВАЯ 5
ГЛАВА ВТОРАЯ 13
ГЛАВА ТРЕТЬЯ 18
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ 25
ГЛАВА ПЯТАЯ 33
ГЛАВА ШЕСТАЯ 37
ГЛАВА СЕДЬМАЯ 43
ГЛАВА ВОСЬМАЯ 49
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ 54
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ 60
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ 66
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ 71
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ 78
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ 85
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ 89
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ 96
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ 102
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ 106
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ 113
ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ 116
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ 123
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ 130
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ 135
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ 142
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ 150
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ 155
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕМЬ 160
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ 168
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ 175
ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ 181
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ 187
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ 194
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ 199
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ 207
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ 213
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ 221
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ 227

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ 233
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ 240
ГЛАВА СОРОКОВАЯ 245
ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ 249
ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ 256

Келли Армстронг – Тревожа мертвых
Kelley Armstrong - Disturbing the Dead

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Как вы относитесь к мумиям?

Я смотрю на Эннис через стол в гостиной. У нас в самом разгаре жестокая карточная партия. Конечно, я подозреваю, что слова «карты» и «жестокая» не должны стоять в одном предложении, но это же Эннис — она способна превратить даже детскую «Рыбку» в кровавый спорт.

Мы играем в экарте; это похоже на вист, только для двоих. И хотя игра с сестрой моего босса может показаться передышкой от обязанностей горничной, на деле всё наоборот: работу по дому никто не отменял. А значит, я застряну здесь, складывая это чертово белье, в то время как должна уже закончить с делами и просто отдыхать.

Но чего хочет Эннис, то она и получает, и если она требует, чтобы я сыграла с ней в карты, выбора у меня особо нет. Ну, ладно, я могла бы отказаться. В конце концов, я не настоящая горничная в Эдинбурге 1869 года. Я детектив полиции двадцать первого века, которая, по причинам, кои Вселенная отказывается разглашать, оказалась заперта в теле двадцатилетней служанки доктора Дункана Грея.

Грей знает мою историю. Его вторая сестра, Айла, тоже знает. Но их здесь нет: они бросили меня ради какой-то секретной миссии, из-за которой я совершенно — ну вот ни капельки — не бешусь. Я застряла с Эннис, которой мой секрет неизвестен. И если я заявлю ей, что развлекать незваных гостей не входит в мои обязанности… Что ж, викторианские горничные не говорят такого вдовствующим графиням.

Так что я играю в экарте, и она меня громит, несмотря на то, что я уже начала неплохо соображать в этой игре. Никто не играет так, как Эннис. По крайней мере, кровь проливается только в переносном смысле. В этот раз.

— Мумии? — Она машет рукой перед моим лицом. — Вы меня слушаете, Мэллори?

— Как я… отношусь? К… мумиям?

— Вы что, прикладывались к виски, пока моей сестры нет дома? Это бы многое объяснило. — Она кивает на карты. — Единственное другое объяснение — вы чувствуете себя обязанной поддаваться. Я была о вас лучшего мнения.

Я игнорирую шпильки. С Эннис нужно выбирать, в какой бой вступать, иначе не закончишь воевать, пока не упадешь от изнеможения, а она объявит себя победителем.

— Боюсь, леди Эннис, что я — плохая замена доктору Грею и миссис Баллантайн. Я не вращаюсь в надлежащих кругах, и хотя уверена, что существует некий обычай прерывать карточную игру вопросом об отношении партнера к мумиям, я не знаю подходящего ответа. Пожалуйста, простите меня. Я такая тупица.

Она прищуривается.

— Нет, вы грубая, дерзкая и саркастичная. К вашему счастью, я считаю всё это замечательными качествами для молодой женщины, при условии, что она не моя горничная. Итак, мумии. Ваше отношение к мумиям.

— Вы ведь об египетских мумиях, верно? Это не какой-то тайный шифр аристократии, где под «мумиями» на самом деле подразумевается морфин? К морфину я отношусь очень серьезно. Это плохо. Не принимайте его. Так, а теперь я хочу сбросить вот эти. — Я хлопаю по столу двумя картами.

— Нет ничего плохого в капле морфина при правильных обстоятельствах. Проблема в лаудануме, он притупляет ум. Этого я не терплю. Но да, я имею в виду египетские мумии. Вам когда-нибудь хотелось развернуть такую?

Келли Армстронг – Тревожа мертвых
Kelley Armstrong - Disturbing the Dead

Я моргаю. Я правильно расслышала? Вглядываюсь в Эннис, в ее глаза, которые блестят по-кобриному ярко, как и всегда. Никаких признаков виски или морфина.

— Хотелось ли мне когда-нибудь… развернуть мумию? — переспрашиваю я.

— И посмотреть, что там, под всеми этими бинтами.

Я расслабляюсь. Точно. Вспоминаю, где нахожусь. Викторианская Шотландия времен расцвета Британской империи, когда египетские мумии были на пике моды. То, что кажется мне полным бредом, для Эннис — обычный светский разговор. Должно быть, она прочитала статью о раскопках и подумала, что мне это будет интересно.

На самом деле мне даже льстит, что она делает такое усилие. Это не в стиле Эннис. Впрочем, мы ладим, несмотря на моё ворчание из-за того, что она навязала мне роль компаньонки. Леди Эннис Лесли — женщина не добрая. Но она интересная, и пока она продолжает налаживать отношения с Греем и Айлой, я могу признать, что её общество мне не в тягость.

— Иссохший труп, — говорю я, изучая свои карты. — Вот что скрывается под оберткой. Обезвоженный человеческий труп без желудка, печени, легких и кишечника. О, и мозги. Мозги они вынимали через нос.

Тишина. В общении с большинством людей я бы предположила, что оскорбила их чувства. Но женщина напротив меня — из Грев; она дочь отца, сколотившего состояние на похоронном деле, и матери, которая привила любовь к науке всем своим детям. В этом доме никто не упадет в обморок при упоминании извлечения мозгов через ноздри. Напротив, это станет приглашением к бурной дискуссии о деталях процедуры.

Поэтому, когда Эннис замолкает, я удивленно поднимаю взгляд.

— Где ты об этом прочитала? — спрашивает она.

Судя по тому, как она на меня пялится, мне хочется едко напомнить ей, что я умею читать, и весьма неплохо, спасибо большое. Но тогда она может настоять на том, чтобы узнать, где именно я это вычитала, а я не буду знать, что ответить, поэтому говорю правду:

— Уверена, что где-то читала, но я и мумий видела. В музеях.

— В каком именно?

Я замираю, осознав свою ошибку. Вот в чем причина её замешательстве, мы не в том мире, где дети ходят в музеи на школьные экскурсии, особенно такие девочки, как Катриона Митчелл, в чьем теле я нахожусь.

Я неопределенно машу рукой.

— Не припомню. Где-то в моих странствиях.

— В каких еще странствиях? — Она пристально смотрит на меня. — Вы — почти неграмотная горничная, которая, скорее всего, никогда не покидала Эдинбург.

— Я не «почти неграмотная». Я понимаю, что создавала такое впечатление до травмы головы, но теперь подозреваю, что всегда умела читать. Просто по какой-то неведомой причине предпочитала этого не делать. На самом деле мои навыки чтения — превосходны.

«Травма головы» — это оправдание для тех, кто не знает моей тайны. Я переместилась сюда, когда нас с Катрионой одновременно придушили; она действительно получила травму головы и несколько дней была без сознания. Грей объясняет изменения в моей личности — и мои причуды — травмой мозга. Это также

позволяет мне использовать мое собственное имя: я чувствую себя другим человеком, поэтому попросила называть меня Мэллори вместо Катрионы.

Я отхлебываю чай.

— А теперь давайте вернемся к нашей захватывающей партии в…

— Вы никогда не уезжали из Эдинбурга, Мэллори.

— Конечно уезжала. Я была в Лите буквально на прошлой неделе.

Ее глаза сужаются.

— В Лите вы не могли видеть мумию.

— Вы уверены? В Лите можно встретить любые странности. Вот в прошлую поездку…

— В Лите нет музеев.

— Возможно, это секретный музей. Простите, леди Эннис, если вас туда никогда не приглашали, но у них строгие правила: не пускать тех, кого обвиняли в отравлении мужей, даже если их признали невиновными.

В этот момент я готова на всё, лишь бы отвлечь её, даже на упоминание её недавнего прошлого.

— Уверена, вам это кажется очень забавным.

— Как и вам — вы ведь находите способ ввернуть это почти в любой разговор. Я не знаю, где видела мумию, леди Эннис. Это часть повреждения моего мозга. Я просто помню, что видела. Возможно, я слышала, как кто-то об этом говорил, и по ошибке приняла этот рассказ за собственный опыт. Разум — штука загадочная.

— Как вы не устаете мне напоминать каждый раз, когда я указываю на то, что вы ни капельки не ведете себя как двадцатилетняя горничная.

— Горничные ведут себя по-разному. Будучи Катрионой, я была воровкой с явными наклонностями к социопатии. Будучи Мэллори, я, как вы выразились, грубая, дерзкая и саркастичная. Если вы предпочитаете социопатию…

— Я не знаю, что это такое, никогда не слышала этого слова.

— Прошу прощения. Опять же, — я стучу пальцем по голове, — это вызывает массу проблем, включая мою склонность изобретать новые слова. Мне просто повезло найти такую толерантную семью, готовую закрывать глаза на мои причуды.

— Ни одна горничная не должна знать слова «причуда».

— Я употребила его неправильно?

Она качает головой.

— Вам слишком нравится дразнить меня своими секретами, какими бы они ни были.

— У меня нет секретов. Даже в этих картах — рука просто паршивая. А теперь, если позволите мне такую дерзость, леди Эннис: могу я спросить, почему вы упомянули мумий?

— Возможно, потому, что я собиралась предложить вам возможность, которая вряд ли еще хоть раз представится девушке твоего круга. Однако, раз уж вы настаиваете на столь непочтительных колкостях, я склонна забрать предложение назад.

— Нельзя забрать то, чего вы еще не предлагали. — Я пристально смотрю на нее. — Это как-то связано с мумиями?

— Вечеринка со вскрытием.

— Вечеринка… со вскрытием мумии?

Она отмахивается.

— Официально это называют «научной демонстрацией», но по сути — это вечеринка. Вечерний прием в доме сэра Аластера Кристи. Он недавно вернулся из Египта с двумя мумиями и намерен вскрыть одну из них. Это может стать событием сезона, ну, или как минимум недели. Вскрытие проведет сам сэр Аластер, он хирург в Королевской больнице. Сэр Аластер — жуткий зануда и наверняка будет утомлять всех лекциями, но это малая цена за возможность увидеть, как разворачивают мумию.

Я сохраняю бесстрастное выражение лица. Здесь я часто так делаю — так же, как и приучила себя не разговаривать с посторонними в той манере, в которой общаюсь с Эннис.

Уверена, в какой-то момент, если Эннис останется в нашей жизни, ей придется узнать правду. Но никто — и меньше всех я — пока не спешит ей всё выкладывать. Впрочем, это дает мне отличный повод поумерить спесь этой непрошибаемой старшей сестры Грея и Айлы.

Что касается вскрытия мумии... признаю: десятилетняя Мэллори была бы в восторге. Тридцатилетняя Мэллори в ужасе. Это всё равно что устроить вечеринку с раскопками на кладбище, чтобы поглазеть на труп в могиле. Даже викторианские шотландцы поняли бы, что это аморально. Но здесь это считается приемлемым, потому что тело внутри бинтов — египетское. Я не жду, что Эннис это поймет, хотя Грей, ее сводный брат, сам темнокожий.

Оскорбляет ли меня идея вскрытия мумии? Да. Оскорбила бы она всех в моем времени? Нет. Все ли в этом времени одобряют подобное? Тоже нет. Подозреваю, это одна из причин, почему всё действо прикрыто респектабельным плащом «науки».

— Вы приглашаете меня на эту... вечеринку? — осторожно спрашиваю я.

— Я приглашаю Дункана и Айлу, а они могут взять с собой тебя и этого своего друга-детектива.

— Хью, леди Эннис, — поправляю я. — Его зовут Хью МакКриди, и вы знаете его больше половины жизни, так как он лучший друг вашего брата.

— Да-да. Хью. Он тоже может прийти.

— Я думала, это закрытое мероприятие. Вы можете просто так добавить к приглашению еще четверых?

— Я делаю, что пожелаю, — заявляет она. — Я леди Эннис Лесли. — Она отпивает чай и ставит чашку с решительным щелчком. — Единственная причина, по которой меня вообще пригласили, — это желание добавить в процесс щепотку пикантного скандала. «Та самая оскандалившаяся вдовствующая графиня».

— А-а.

— И я решила, что раз им нужен скандал... — Она замолкает, элегантно пожимая плечами.

— То вы им его обеспечите, — заканчиваю я. — Расширив приглашение на сестру-химика, незаконнорожденного брата, их друга-детектива... и горничную, которую ваш брат упорно называет своей ассистенткой.

Ее губы изгибаются в улыбке.

— Именно так.

Я вздыхаю.

— Это звучит как очень плохая идея.

— Все лучшие идеи таковы.

Келли Армстронг – Тревожа мертвых
Kelley Armstrong - Disturbing the Dead

Я уже открываю рот, когда щелкает замок задней двери. Не скажу, что я прислушивалась. Не скажу, что мне пришлось сдерживаться, чтобы не вскочить, как брошенный щенок, услышав возвращение хозяев. Если что-то из этого правда, я виню во всем Эннис и эту бесконечную партию в экарте.

— Идите к нему, — вздыхает Эннис. А затем вскидывает брови: — Ой, не смотрите на меня так, дитя. Вам удается дурачить только моего брата — он вечно слишком занят своими мыслями, чтобы что-то заметить.

Я не стала спорить. Пусть Эннис развлекается. Я оживилась, потому что и Айла, и Грей дома, и я смогу узнать, чем они занимались. Может, чем-то интересным, например, началом нового дела.

Со всем подобающим достоинством я выхожу из гостиной и спускаюсь по лестнице на первый этаж, откуда доносится голос Айлы. Когда мои шаги раздаются совсем рядом, она зовет:

— Мэллори?

— Иду.

Первой я вижу Айлу. Это статная тридцатичетырехлетняя женщина, на полголовы выше меня, с бледной кожей, веснушками и медными кудрями. Грей стоит за ее спиной. Он на три года младше сестры, ростом около шести футов, широкоплечий, с волевой челюстью, смуглой кожей и карими глазами; его волнистые темные волосы уже начинают выбиваться из-под помады.

Они стоят в задней прихожей, снимая зимнюю верхнюю одежду.

Айла улыбается.

— Мэллори. Мы сделали тебе подарок.

Она указывает рукой, и только тогда я замечаю молодую женщину, почти растворившуюся в тенях. Ей около восемнадцати, крошечная, тонкокостная; на ней коричневое платье, из-за которого она напоминает крапивника. Крапивника, готового улететь при первой же возможности.

— Лорна, — говорит Айла, — это Мэллори. Именно её обязанности горничной ты на себя возьмешь.

— Еще одна? — раздается голос. Я поднимаю взгляд и вижу Эннис, спускающуюся по лестнице.

— Я думала, что это я выбираю для вас горничную, — замечает Эннис.

— Нет, дорогая Эннис. — Айла аккуратно сворачивает перчатки. — Ты предложила это, и мы сказали «нет». Категорическое, безоговорочное «нет». У нас очень специфические требования…

— Которые я прекрасно понимаю, ведь я выросла в этом доме. И что это? Четвертая девчонка, которую вы нанимаете на место Мэллори?

— Третья.

— Разве в сентябре не было еще одной, которая не продержалась и полдня, прежде чем…

— Ладно. Четвертая.

— За четыре-то месяца. — Эннис пристально изучает девушку и выносит вердикт: — Нет, эта не подойдет.

— Эннис… — предостерегающе произносит Грей.

— Ты хочешь ее рассмотреть? Я категорически против, но если ты настаиваешь, беседу проведу я.

— Эннис, — с раздражением говорит Айла, — мы уже наняли...

— Тогда вы можете ее уволить, выплатив подобающую компенсацию. — Она поворачивается к бедной Лорне. — Первый вопрос. Ты собираешь рубашки моего брата и понимаешь, что красные пятна на них — это кровь. Твои действия?

— Эннис... — снова пытается вмешаться Айла, но Грей взглядом просит ее не мешать.

— Я замочу их в холодной воде, мэм, — едва слышно отвечает Лорна. — А затем отнесу в прачечную. Я понимаю, что доктор Грей — хирург, и даже если он не практикует, он помогает полиции осматривать мертвых.

— Как мы и объясняли, — вставляет Грей.

Эннис его игнорирует.

— Следующий вопрос. Ты убираешься в похоронном кабинете внизу и обнаруживаешь, что мой брат оставил на столе банку с заспиртованной человеческой головой.

— У меня нет банок с головами, Эннис, — замечает Грей. — Это было бы верхом неуважения. У меня есть части тел, да, но только если они представляют ценность как образцы для изучения судебной медицины.

Эннис снова поворачивается к Лорне:

— Итак, перед тобой плавает человеческая голова, глаза открыты и смотрят прямо на тебя. Что ты делаешь?

— Я... — Лорна вздрагивает, но затем выпрямляется. — Мне хотелось бы сказать, что я продолжу уборку, но признаю, я этого не сделаю. Я закрою дверь и почтительно попрошу конюха унести банку, чтобы я могла закончить работу.

— Тебе не нужно впутывать Саймона, — говорит Айла. — Любой в этом доме уберет её для тебя, хотя лично я бы предпочла этого не делать.

— Кстати, о конюхе, — подхватывает Эннис. — Какого ты о них мнения?

— О... конюхах?

— Одной из твоих предшественниц указали на дверь за то, что она положила глаз на Саймона и отказывалась понимать слово «нет». Смотри не повтори её ошибку. Это бессмысленно. Ты — девушка. Он не заинтересован.

— Эннис! — восклицает Айла, но Лорна, кажется, не понимает намека и только кивает.

— Я бы никогда так не поступила, — говорит Лорна, и голос ее теперь звучит чуть тверже, словно она обретает уверенность в ходе этого самого странного в мире собеседования на должность горничной. — Проявлять романтический интерес не зазорно, но преследовать человека после отказа — неправильно.

— Хороший ответ, — вставляю я.

Эннис фыркает и продолжает:

— Вопрос четвертый. Ты идешь через внутренний двор и видишь, что кто-то оставил открытой дверь в ядовитый сад. Твои действия?

— Я-ядовитый...?

— Сад, полный смертоносных растений.

— Они не все смертоносны, — замечаю я, тут же понимая, что это вряд ли поможет делу.

Когда бедная Лорна запинается, Эннис наносит решающий удар:

— Раньше это был мой сад. Ты знала, что мой муж умер прошлой весной от яда? Случайности, конечно, не связаны. Я не заходила в сад десятки лет. Теперь он принадлежит Айле. Впрочем, я бы не слишком беспокоилась о здешних ядах. Тебе стоит опасаться лаборатории моей сестры. Она...

— Эннис, — обрывает ее Айла. Она поворачивается к девушке: — Да, у нас есть сад с ядовитыми растениями, исключительно для изучения, и он всегда заперт. Также от тебя никогда не потребуется убираться в моей лаборатории. На самом деле она тоже всегда закрыта на замок, и персоналу вход туда запрещен.

Судя по лицу Лорны, это звучит вовсе не так успокаивающе, как рассчитывала Айла.

— Я... — Лорна расправляет свои узкие плечи. — Я знаю, что вы химик, мэм, и понимаю, что в доме могут находиться ядовитые вещества.

Эннис пристально смотрит на нее. Затем произносит:

— Последний вопрос. Кто ты такая?

— Кто... я такая?

— Воровка, карманница, мошенница, проститу...

— Эннис! — вскрикивает Айла. — Довольно. Она горничная, и ничего больше.

Эннис смотрит на Лорну:

— Я знаю правила найма моей сестры. Нет ничего постыдного в том, чтобы признаться, что ты чистила чужие карманы или задирала юбки, при условии, что не собираешься продолжать это здесь. Ну, хотя, если ты задираешь юбки бесплатно, это никого не касается, кроме тебя самой. Если только ты не решишь задрать их для моего брата. Он этого не оценит по достоинству. Как и я. Ты слишком молода для любого из нас.

— Достаточно, Эннис, — говорит Грей, пока Айла только глотает воздух, не в силах вымолвить ни слова. — Ты уже вволю поиздевалась над бедным ребенком, и тот факт, что она всё еще стоит на ногах, достаточное доказательство того, что у нее есть та закалка, которая нам нужна. — Он поворачивается к Лорне: — Моя сестра права в том, что мы обычно нанимаем тех, кто был не в ладах с законом, иногда по делу, а иногда и без. Их истории — это их личное дело, и я верю, Лорна, что ты отнесешься к этому с уважением.

— Да, сэр.

Он поворачивается к Эннис:

— У Лорны нет подобного прошлого. В свете наших недавних трудностей с наймом горничной, мы решили сделать более традиционный выбор.

— Вы наняли обычную девушку?

— Да.

— Тогда нет. Она не подойдет. — Эннис смотрит на Лорну: — Я найду тебе работу в собственном доме и компенсирую неудобства. Всё. Вопрос решен.

— Ты не украдешь нашу горничную, Эннис, — заявляет Айла.

— Я ее не краду. Я заменяю ее кем-то, кто подходит вашим нуждам, и этого человека выберу я. Эта — не годится. Она не вписывается. — Эннис машет рукой в сторону Лорны: — Даже не трудись распаковывать саквояж, дитя. Ты здесь не останешься.

— Я провожу тебя в твою комнату, Лорна, — говорит Айла. — Потому что ты остаешься. И первый урок, который тебе предстоит усвоить, таков: моя сестра здесь не

живет, а потому тебе не нужно делать... — она свирепо смотрит на Эннис, — ...ничего из того, о чем она тебя просит.

— О, дорогая Айла, я не прошу. Я приказываю.

— Только не в этом доме. Понятия не имею, какой чести мы обязаны твоим присутствием, Эннис...

— Я пришла пригласить вас на вскрытие мумии.

Айла осекается. Она во все глаза смотрит на сестру. Я жду, когда она спросит, какого дьявола та несет. Вместо этого она произносит:

— На прием у сэра Аластера?

На лице Эннис расплывается удовлетворение.

— Если намечается другой, я о нем не слышала. Но важен только этот. Научное событие сезона. Я пришла пригласить тебя, Дункана, вашего друга-полицейского и Мэллори. Полагаю, вы захотите пойти?

— Я... Да, — отвечает Айла. — Я очень хочу... То есть, я подумаю об этом, конечно, если позволит мой график.

— Совершенно уверена, что ты найдешь место в своем графике. Что касается этой девчонки...

— Девушка остается, — отрезает Айла. — Лорна, идем, я покажу тебе твою комнату. А затем проведу экскурсию по дому.

— Я могу это сделать, — предлагаю я.

— Ты нужна Дункану, — бросает Айла.

— Не сомневаюсь, что нужна, — бормочет Эннис так тихо, что ее слышу только я. Я воздерживаюсь от попытки испепелить её взглядом.

— Именно так, — говорит Грей. — Я кое-что принес тебе, Мэллори. — Его губы кривятся в слабой улыбке. — Подарок, не предназначенный для посторонних ушей. Спускайся в похоронный кабинет, я покажу его тебе с глазу на глаз.

Эннис начинает было что-то говорить, но под моим взглядом ограничивается лишь очень неженственным смешком. Я вежливо прощаюсь с Айлой и Лорной и следую за Греем по коридору в похоронный кабинет.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Похоронное бюро девятнадцатого века имеет мало общего с тем, что мы привыкли видеть в современную эпоху. Хотя Грея называют гробовщиком, его работа больше соответствует современному званию распорядителя похорон.

Это место не предназначено для проведения обрядов или прощания с покойными. Единственные тела, которые когда-либо попадают в похоронный кабинет Грея, — это те, что направляются на вскрытие в его лабораторию. Он имеет ученые степени в области хирургии и медицины, но никогда не занимался практикой. Отчасти потому, что его отец умер, и Грей, несмотря на то что был младшим ребенком — и, технически, незаконнорожденным, — унаследовал семейное дело. Кроме того, ему запрещено практиковать из-за пустякового инцидента с расхищением могил. В свое оправдание он говорит, что лишь пытался доказать факт убийства, когда его никто не желал слушать. И всё же этого правонарушения хватило, чтобы он лишился права заниматься медициной или хирургией.

Так что он гробовщик, и в этом качестве он не взаимодействует с реальными трупами. Его работа — руководить организацией похорон. «Похоронный кабинет», расположенный на первом этаже семейного таунхауса, служит именно для этих договоренностей. Там есть очень уютная приемная для встреч с убитыми горем семьями и обсуждения деталей. Затем идет кабинет Грея и, наконец, комната, в которую никогда не войдет ни один скорбящий: лаборатория.

Грей не коронер. Он не может им быть, потому что, опять же, ему запрещено заниматься медициной. В викторианском Эдинбурге роль коронера во всех случаях подозрительных смертей и убийств исполняет одно выборное лицо. Это полицейский хирург — должность, которую в данный момент занимает некомпетентный осел по фамилии Аддингтон.

Будучи привилегированным выскочкой, получившим место благодаря семейным связям, Аддингтон на самом деле не горит желанием возиться с мертвецами. Фу, гадость. Кроме того, он не хочет проводить вскрытия в полицейских моргах. Опять же — гадость. Грей великодушно позволяет Аддингтону работать в своей лаборатории, а Аддингтон великодушно разрешает Грею осматривать тела, когда сам закончит.

Истинная страсть Грея — криминалистика. Он пионер в этой области. Такое соглашение с Аддингтоном выгодно всем, особенно жителям Эдинбурга, которые получают квалифицированного медика, проверяющего — и исправляющего — работу их полицейского хирурга.

— Вы сказали, что принесли мне подарок? — спрашиваю я, когда мы входим в похоронный кабинет.

Он закрывает за нами дверь в коридор.

— Именно так.

— Найм новой горничной — это подарок.

— Только если она справится, — бормочет он.

— Вы думаете, не справится.

— Я сохраняю оптимизм. Но я принес настоящий подарок.

— Пони? Скажите мне, что это пони. — Я прохожу в его кабинет и опускаюсь в кресло. — В детстве я каждый год просила пони, и каждый год меня ждало горькое разочарование.

Он хмурится.

— Ваши родители не купили вам пони? Они ведь были вполне обеспеченными людьми, не так ли?

— Мы жили в городе. На участке меньше вашего. И без конюшни.

— Это не оправдание. Если девочка хочет пони, а ее родители могут себе это позволить, она должна его получить. Это единственно верно.

Я качаю головой. Не могу понять, шутит ли он.

Когда я только прибыла сюда, очнувшись в теле Катрионы, Дункан Грей показался мне угрюмым, чопорным и пугающим. Прошло много времени, прежде чем я заподозрила, что он способен улыбаться, и даже тогда я не была в этом уверена. Теперь я видела его улыбку и слышала его смех, а также научилась истолковывать малейшее движение его губ и блеск в темных глазах. Сейчас, однако, он был расслаблен и в прекрасном настроении, а значит, невозможно понять, подтрунивает он надо мной или нет.

Возможно, и нет. Грей вырос в мире, где дети из высшего среднего класса действительно получают пони. Я могу рассказывать ему истории о двадцать первом веке, включая отсутствие лошадей, но он не может до конца это представить. Точно так же и я: я пришла сюда, многократно видев викторианскую эпоху на экране, но всё равно чувствую себя так, словно попала в альтернативную реальность, где почти ничего не соответствует моим ожиданиям.

Грей поднимает сверток и кладет его на письменный стол.

— Боюсь, не пони.

— Часть пони?

Его губы кривятся.

— Это было бы неправильно. Не следует дарить части чего бы то ни было. По крайней мере, мне так говорили. — Теперь в его глазах точно пляшут искры.

Я смотрю на сверток. Он завернут в коричневую бумагу, как и почти всё в мире без пластика и прочих упаковок. Я завидую умению Грея упаковывать вещи. Знаю, звучит странно, но когда мы оказываемся на местах преступлений, я вечно в растерянности ищу, во что бы упаковать улику, а он к тому моменту уже заворачивает её в водонепроницаемую бумагу так аккуратно, что окровавленный нож выглядит как рождественский подарок.

Конечно, если на ноже нет крови, он и МакКриди вполне могут просто засунуть его в карман. Цепочка сохранности улик здесь никого не волнует, раз суды еще не принимают дактилоскопическую экспертизу.

— Это слишком красиво, чтобы открывать, — говорю я, видя его явное нетерпение. — Думаю, я просто поставлю это рядом с кроватью. — Я беру сверток. — Да, отличная идея. Буду любоваться этой прекрасной упаковкой у себя в спальне и никогда её не разверну.

— Я понимаю, что ты надо мной издеваешься, но я умру от шока, если тебе удастся оставить его там, не заглянув внутрь, дольше чем на день. Кроме того, я бы не советовал хранить это у кровати, учитывая... природу содержимого.

Я смотрю на него и выгибаю бровь.

— Интересно. Значит, это скоропортящийся продукт? Это можно съесть?

Движение губ становится отчетливее.

— Полагаю, против подобных вещей существуют законы.

Я присматриваюсь к свертку.

— Всё странее и странее.

Он тянется, чтобы забрать его.

— Если ты не хочешь…

Я выхватываю сверток из его рук. Затем беру со стола нож и перерезаю бечёвку. Это не просто коричневая бумага. Это вощёная бумага, а значит, содержимое и впрямь может испортиться.

Я продолжаю разворачивать и…

Я прижимаю ладони к губам с писком девичьего восторга.

— О, доктор Грей! Вы принесли мне часть тела! — Я грожу ему пальцем. — Ах, вы шутник. Сказали, что части — это неподобающий подарок, и я почти не смела надеяться. Но нет, вы принесли мне…

Я тянусь и поднимаю заспиртованный отросток.

— Третью руку. С ней чистить ночные вазы будет куда проще. Мне больше не нужны свои руки. Я могу использовать эту. — Я испускаю глубокий вздох счастья.

— Тебе больше вообще не нужно чистить ночные вазы, — говорит он. — У нас есть горничная. Не то чтобы я ожидал, что ты будешь заниматься этим и раньше, как тебе прекрасно известно.

Я не поддаюсь на провокацию. Это предмет наших постоянных споров с тех пор, как Айла и Грей узнали мою истинную личность. Я — образованная женщина-профессионал из будущего. Я не должна чистить их ночные вазы. Таково их мнение. Мое же заключается в том, что вазы сами себя не вычистят, и вряд ли они виноваты в том, что Вселенная забросила меня в тело их служанки.

— Я знаю, что ты иронизируешь, — говорит он, — но я понимаю, что это едва ли обычный подарок. Я просто подумал… — Он кашлянул. — Я подумал, что это интригующий образец, который мы могли бы изучить вместе, чтобы понять, почему он в таком состоянии.

Я улыбаюсь ему.

— В пять лет я, может, и хотела пони, но в моем возрасте нет ничего лучше загадки. — Я кладу руку на стол. — Она и правда интересная.

— Не правда ли?

Он наклоняется над рукой, так близко, что я чувствую запах пчелиного воска и миндального масла от его помады для волос. Эннис может сколько угодно поддразнивать меня по поводу брата, но если мое сердце и замирает, когда он так близко, то в основном потому, что я вижу скрытую сторону Дункана Грея, которую я, черт возьми, заслужила. Не просто расслабленного Грея, а Грея увлеченного, настолько жаждущего окунуться в тайну, что он забывает соблюдать приличную дистанцию между нами.

— Я нашел её в лавке, — говорит он. — Её продавали, что, очевидно, совершенно незаконно, но они утверждали, что это не настоящая рука. Она такая сморщенная, что я понимаю, почему она кажется подделкой, поэтому не стану обвинять их в сознательной торговле человеческими останками. При ближайшем рассмотрении я не думаю, что она такая старая, как кажется. Похоже, её…

— Замариновали?

— Именно так. Замариновали, а затем высушили, чтобы её можно было брать в руки. А потом на неё что-то накапали, похожее на…

— Воск! — восклицаю я. — Я знаю, что это такое. Рука Славы.

— Рука... чего?

— Славы. Не спрашивайте меня, почему она так называется. — Я поднимаю руку. — Если это настоящая «рука», то её отсекли у повешенного, желательно у убийцы, который совершил преступление именно этой конечностью. Её отрубают, маринуют и высушивают, а затем используют, чтобы зажать свечу между пальцами.

Выражение лица Грея говорит о том, что он оскорблен тем, что я даже не пытаюсь придумать более правдоподобную историю.

Я продолжаю:

— Эту руку вместе со свечой затем используют воры.

— Воры...

— Так вот, если я правильно помню, существуют разные объяснения того, что она должна делать. Некоторые говорят, что пламя свечи начнет мерцать, если кто-то в доме проснется, предупреждая вора. Другие, что она заставляет всех спать беспробудным сном. В любом случае, для вора это... — я помахиваю отростком, — ...весьма сподручно.

Его глаза сужаются.

— Я серьезно, — говорю я. — Поищите в книгах. Это народная магия.

— О чем ты знаешь потому, что в двадцать первом веке воры бегают по домам с маринованными руками, чтобы совершать грабежи.

— Сарказм вам не к лицу, доктор Грей. Я знаю, что это такое, потому что, когда я не грезила о пони, я была маленькой любительницей жути, которая обожала всё макабрическое. В данном случае я прочитала об этом в романе и разозлилась на автора за то, что он выдумал какую-то нелепицу. Поэтому я провела небольшое исследование и выяснила, что это реальная вещь. И, поскольку это так дико, я, естественно, это запомнила. Вы нашли Руку Славы и теперь вручили её воровке. Отличная работа, сэр.

Он качает головой.

— Полагаю, раз эта загадка решена, мне следует от неё избавиться. — Он звучит так разочарованно, что я чувствую укол вины за то, что случайно лишила его пазла.

— Я думаю, нам всё же стоит её вскрыть, — говорю я. — Мы не знаем, как её готовили, а это может оказаться интересным. Кроме того, нам стоит выяснить, откуда она взялась, на случай, если кто-то занимается... — я поигрываю бровями, — ...расхищением могил.

Он вздыхает и слегка закатывает глаза.

— Ты слишком сильно интересуешься расхищением могил, Мэллори.

— О, я не единственная.

— Это было недоразумение, — говорит он с притворной суровостью. — Но да, мы отложим это для дальнейшего изучения. Однако, возвращаясь к теме человеческих останков...

— Моя любимая тема.

— Даже если они обмотаны бинтами, которые будут разворачивать на вечеринке?

Я строю гримасу. Я не хотела, видя восторг Айлы, я решила оставить свои мысли о вскрытии мумий при себе. Я быстро скрываю реакцию, но Грей замечает её и выдыхает.

— Значит, не я один нахожу это верхом дурновкусия? — спрашивает он.

— Не вы один. — Я указываю на руку. — Здесь всё иначе. Вы спасли её из лавки, и это всего лишь рука. Вы отнесетесь к ней как к научному образцу и подобающим

образом утилизируете, когда закончите. Я знаю, они пригласили хирурга вскрывать мумифицированные останки и называют это наукой...

— Это было бы наукой, будь это первая вскрытая мумия или имей мы основания полагать, что она необычна в чем-то, что может принести пользу. Эксперты уже препарировали мумий. Мы понимаем, как проходил этот процесс. Теперь мертвых следует оставить в покое, поскольку такова была изначальная цель их мумификации. Человек, живший тысячи лет назад, умер, рассчитывая на вечный покой, как того требовала его религия.

Он замолкает, выглядя смущенным.

— Это прозвучало как лекция, верно?

— Если так, то перед благодарным слушателем. Я понимаю, что могилы грабили ради развития медицины, и, к счастью, в этом больше нет необходимости. Я согласна с эксгумацией тела, если это поможет поймать убийцу. Но люди имеют право на уважение к их убеждениям. Вот и моя лекция.

— Значит, мы согласны, что вечеринка со вскрытием — не то мероприятие, которое мы желаем посетить.

Я пожимаю плечами.

— Я бы солгала, сказав, что мне не будет любопытно. Так же, как мне любопытно это. — Я киваю на руку. — Даже будучи взрослой, я сохранила склонность к макабрическому, как вам прекрасно известно.

Бледная улыбка.

— Склонность, которую мы разделяем, и я согласен. Никогда не видев вскрытия мумии, я испытываю любопытство. Если бы коллега пригласил меня на такое, я бы вежливо отказался. Но Айла...

— Айла хочет пойти, и я не хочу стыдить её за это.

Он встречается со мной взглядом.

— Именно так. Хью тоже захочет пойти. Если ты предпочтешь остаться, я пойму.

— Вскрытие состоится вне зависимости от моего присутствия. Не вижу смысла вставать в позу из принципа, особенно когда Айла может задаться вопросом, почему я отказываюсь от того, что должно меня интересовать.

— Значит, мы идем на вскрытие мумии?

— Похоже на то.

Келли Армстронг – Тревожа мертвых
Kelley Armstrong - Disturbing the Dead

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Три дня спустя мы уже на пути к вечеринке со вскрытием мумии, и на мне роскошное платье, которое делает меня счастливее, чем, как я думала, вообще может сделать одежда. Чистка ночных ваз — не единственный камень преткновения между мной и моими работодателями. Жалование — еще один больной вопрос. Горничная получает сущие гроши в дополнение к жилью и столу. Грей и Айла, конечно, платят больше, но это не значит, что я могу позволить себе платья, от которых нет никакого практического прока, особенно когда они стоят столько же, сколько дизайнерский наряд в моем времени.

Я также не могу просто заскочить в какой-нибудь дисконт-центр и купить что-то готовое. Даже если бы я решила разориться, к платью нужно подобрать соответствующую обувь, перчатки, украшения, зимнюю накидку и кринолиновую клетку. У меня есть приличное подержанное платье «на выход» из чесаной шерсти, которое выручает меня почти везде. Но оно не выручит меня на закрытом приеме в доме сэра Аластера Кристи.

Здесь в роли феи-крестной выступает Эннис. Ну, или выступает, когда на этом настаивает Айла. Айла, может, и не обладает сестринским даром к манипуляциям, но она выросла, наблюдая за ними.

— Эннис хочет видеть тебя на этой вечеринке, — сказала Айла в тот день, когда нас только пригласили.

— Она хочет эпатировать публику, притащив на этот вечер горничную, — ответила я.

— Возможно, но ты ей нравишься. Ты интересная, а она обожает интересных людей.

— Я для неё — пазл, который нужно собрать.

— А еще приятная компания. Суть в том, что она хочет твоего присутствия, а значит, должна обеспечить тебя всем необходимым. Я настою на том, чтобы она поработала твоей феей-крестной для этого конкретного бала. — Губы Айлы дрогнули. — Пожалуйста, постарайся извлечь из этого максимум пользы. Помни: если Дункан кажется состоятельным человеком, то по сравнению с Эннис, он просто нищий.

И я воспользовалась шансом. Это не в моем стиле, но есть огромная разница между тем, чтобы принять нелепое жалование, которое Грей пытался предложить мне как своей ассистентке, и тем, чтобы позволить его богатой сестре нарядить меня в платье, подходящее для вечеринки, где я нужна ей в качестве приманки для скандала.

То, что я получила, не новое. Для пошива с нуля было слишком поздно, да и слишком расточительно. Вместо этого Эннис велела быстро подогнать по фигуре одно из своих платьев, сменив отделку. Платье шелковое — в эту эпоху я бы никогда не смогла его себе позволить, да и в свою собственную, пожалуй, тоже. Оно бирюзовое, с ржаво-коричневой вышивкой и бисером, отороченное коричневым кружевом. Вырез высокий, а лиф такой тесный, что мне нужна помощь, чтобы затянуть шнуровку на моем новом корсете. Кринолиновая клетка тоже досталась мне «с барского плеча» Эннис, как и кринолиновая нижняя юбка, которая надевается поверх неё. Юбки под ней — мои собственные. Перчатки — из белого шелка, и туфельки тоже шелковые, на тонкой кожаной подошве.

Аксессуар, который радует меня больше всего, — это мое кольцо с секретом. Впервые с тех пор, как Грей подарил его мне на двадцатилетие Катрионы в прошлом

месяце, мне представился случай его надеть. Это великолепное изделие из черной эмали и золота, антикварное даже по нынешним меркам. Но самое лучшее в нем — крошечное отделение для, да-да, яда. Ладно, на самом деле их используют не для яда. Женщины хранят там таблетки или капельку духов. Но любой, кто его увидит, знает, что внутри может быть отрава.

Кольцо подарено в честь нашего последнего дела, в котором была замешана банда отравителей. Я была ужасно разочарована, осознав, что «poisoning ring» означало лишь группу подозреваемых, а не само украшение. Грей подарил мне эту вещицу, чтобы загладить вину.

Эннис заезжает за нами в своем экипаже. Могу я сказать, что это не совсем удобно? Это значит, что МакКриди нужно сначала прийти к нам домой, вместо того чтобы мы подобрали его по дороге. Затем нам приходится ждать Эннис, а она опаздывает — как обычно. Кроме того, кареты на самом деле не рассчитаны на пять человек, особенно когда трое из них — женщины в викторианских вечерних платьях.

Грей помогает мне войти, а затем садится рядом, из-за чего Эннис многозначительно вскидывает брови. Клянусь, эта женщина не лучше назойливой подружки из пятого класса, которая вечно напевает под нос: «Тили-тили-тесто, жених и невеста...». Ладно, в пятом классе этой назойливой подружкой была я, но я-то из этого выросла.

Грей занимает место подле меня, чтобы позволить Айле сесть рядом с МакКриди, потому что именно они заслуживают этих детских подначек. И хотя мы с Греем не станем опускаться до песен, мы не прочь сделать всё возможное, чтобы подтолкнуть их друг к другу.

Однако, когда мы все рассаживаемся, Айла вздыхает и говорит:

— Так не пойдет. — Она смотрит на Эннис. — Ты разве не собиралась об этом упомянуть?

Эннис лишь улыбается своей кошачьей улыбкой.

Айла качает качает головой.

— Мы не можем прибыть на вечер в такой конфигурации. Дункан? Хью?

Они меняются местами без комментариев, будто и сами понимали, что так будет правильнее, просто не хотели поднимать тему. МакКриди садится рядом со мной, а Грей — между сестрами; полагаю, ради соблюдения приличий.

Айла — вдова, чей срок траура почти подошел к концу, и на ней сейчас платье великолепного насыщенного лилового цвета. После смерти принца Альберта существуют очень строгие правила поведения для вдовы круга Айлы: двухлетняя публичная демонстрация скорби по случаю утраты того мерзавца, которому Грей платил за то, чтобы он держался подальше от сестры. На вдовцов, разумеется, такие обязательства не налагаются. Как можно ожидать, что они найдут себе новую жену, если их наряд будет публично напоминать всем о потере предыдущей?

Айла и МакКриди знают друг друга с детства. В правильном любовном романе они бы вместе выросли, поняли, что любят друг друга, и поженились. Но в жизни всё вышло иначе. Может, они осознали свои чувства слишком поздно, когда Айла уже была замужем, а МакКриди обручен. Я не лезу в душу. О, я бы с радостью это сделала, будь такая возможность, но когда два человека отказываются признать, что сходят друг по другу с ума, ты не можешь просто спросить, как давно это тянется и почему они до сих

пор ничего не предприняли. Приходится ждать, пока они сами во всем разберутся, что крайне утомительно.

МакКриди — детектив полиции. «Сотрудник уголовной полиции», так сказать; должность относительно новая в относительно новом институте — формальная полиция ведет свою историю лишь с начала этого столетия. Это не тот случай, когда Грей подружился с бедным мальчиком из низов. Семья МакКриди происходит из того же социального слоя, что и Грей, и мальчики познакомились в частной школе.

Сейчас МакКриди в ссоре со своей семьей, и это опять же не та тема, о которой я могу расспрашивать. Я знаю лишь то, что вижу: это очень симпатичный парень — несмотря на пышные, соответствующие эпохе бакенбарды, — умный, добродушный и порядочный во всех отношениях, что делает его идеальной парой для блестящей, волевой и добросердечной Айлы. Но хватит об этом. Пока что.

Как и всегда, МакКриди одет так, словно сошел с викторианской рекламной картинки. Грей тоже выглядит щегольски — в однобортном шелковом сюртуке до середины бедра с высоким накрахмаленным воротником и шейным платком, — но рядом с МакКриди кажется, будто он только что скатился с кровати и натянул первое, что попалось под руку. Не то чтобы МакКриди был одет как-то иначе. Набор вечерней мужской одежды здесь так же ограничен, как и в мое время. Просто наряды МакКриди каким-то образом всегда сидят чуть лучше, благодаря крою, посадке и ткани.

Менее всего модно одет тот человек, который может себе это позволить лучше всех. Эннис носит глубокий траур, и даже само её присутствие на подобном мероприятии может стать поводом для скандала. Она должна быть в черном с головы до пят, и это даже не может быть модное черное платье. Наряд должен быть максимально бесформенным, и на её пышной фигуре он смотрится как рубище из мешковины, будто её наказывают за то, что она пережила мужа.

Экипаж, естественно, остается в Новом городе. В Эдинбурге есть четкая «правильная сторона баррикад», и это Новый город. Карета везет нас от Роберт-стрит к более величественным домам и останавливается у одного, который я бы приняла за два таунхауса, соединенных вместе, если бы не единственный вход.

Или мне только кажется, что вход один. Трудно разобрать с нашего места, в самом конце очереди из экипажей.

Я стараюсь не прилипать носом к окну. На этой улице я еще не бывала. Таунхаус Грея величественен и прекрасно обставлен внутри, но его экстерьер лучше всего описать как аскетичный — под стать нынешнему владельцу. Эти же дома представляют собой более вычурную георгианскую архитектуру, дополненную декоративными встроенными колоннами и широкими парадными ступенями по центру.

— Там впереди какие-то проблемы? — ворчит Эннис. — Такими темпами мы пропустим всё вскрытие.

— Мы могли бы выйти и дойти пешком, — предлагает Грей. — Тут всего пара сотен футов.

— Сейчас ноябрь, Дункан. Ноябрь. Там… — Она кивает подбородком на тротуар и произносит слово «снег» с таким выражением лица, с каким говорят о куче лошадиного навоза.

— Это всего лишь легкая пороша, — говорю я. — Выглядит прелестно.

Я смотрю в окно. Из-за темноты снаружи и праздника внутри дом освещен так ярко, что кажется, будто он мерцает. В карете достаточно холодно, чтобы я видела собственное дыхание, и благодаря меховой муфте, согревающей руки, у меня возникает ощущение, будто я еду на рождественскую вечеринку.

Грей наклоняется ко мне и шепчет:

— Хотела бы ты пройтись?

Я бросаю взгляд на Эннис, ожидая какого-нибудь комментария, но она слишком занята тем, что стучит по крыше, требуя, чтобы кучер ехал быстрее.

Очередь продвигается на дюйм, и я снова выглядываю в окно. Я бы хотела выйти. Здесь одновременно и слишком холодно, и слишком жарко. Лицу холодно, а телу, укутанному в слои одежды, жарко. Обычно мы стараемся ходить пешком везде, где это возможно, но зимние званые вечера здесь похожи на вечеринки в моем времени: ты ожидаешь, что тебя высадят прямо у двери, чтобы не пришлось натягивать сто одежек поверх своего лучшего наряда.

Когда карета снова останавливается, я наклоняюсь и шепчу:

— Будет ли неприлично пройтись пешком?

— А разве это имеет значение? — отзывается Грей, и в его глазах пляшут искорки.

Я должна бы сказать, что нет. Именно этого он ждет и хочет — ту Мэллори, которая попирает условности и позволяет ему делать то же самое. Я знаю, как сильно и Грей, и Айла наслаждаются возможностью раздвинуть границы, с которыми боролись всю жизнь, и в этом плане я — ужасный пособник.

Грей и Айла живут в своего рода пузыре, где никто не ждет от них полного соответствия всем социальным нормам. Происхождение из заведомо эксцентричной семьи дает им определенную свободу, как и тот факт, что они всего лишь средний класс. Но пузыри — штука хрупкая, а им всё еще нужно жить и работать в этом мире.

Может показаться, что я слишком много об этом думаю. Подумаешь, пройти пару сотен футов до вечеринки. Но если прогулка привлечет к нам лишнее внимание, если она вызовет шепотки, насмешки и издевки, это может испортить вечер, которого Айла так ждет.

Карета, к счастью, снова трогается с места. Когда она останавливается, МакКриди первым распахивает дверцу, чтобы выглянуть наружу. Он хмурится, будто что-то услышал, и когда я это замечаю, то готова дать себе пинка.

Может, в этом мире я и не коп, но для меня служба в органах была чем-то большим, чем просто способом оплачивать счета. Я выбрала полицию, потому что под слоем моего сарказма скрываются идеалист и гуманист. МакКриди такой же — государственный служащий, который понимает значение этого слова; человек, обязанный нести факел сквозь тени. Он услышал снаружи что-то тревожное, а я была слишком поглощена собственной маленькой драмой, чтобы это заметить.

Теперь и я различаю звуки разгневанных голосов, и когда МакКриди выходит из кареты, я начинаю подниматься. Естественно, Грей уже проскальзывает мимо меня. В его случае это не столько несение факела сквозь тьму, сколько любопытство — не скрывают ли эти тени чего-нибудь интересного.

Эннис ворчит, когда я направляюсь следом, но не останавливает меня, лишь бросает:

— Оставь муфту в карете, Мэллори. Слугам нельзя доверять, в чем ты, я уверена, убедилась на собственном опыте.

Я уже готова выпрыгнуть из кареты, когда вижу там МакКриди, он протягивает руку, чтобы помочь мне спуститься. Точно. Торжественное мероприятие.

— Позвольте мне помочь вам, мисс Мэллори, — произносит МакКриди достаточно громко, чтобы я поняла: эти слова — упрек его другу, который уже вовсю шагает по тротуару, забыв обо всем на свете ради зова приключений.

Этим самым «зовом» оказывается довольно резкий голос молодой женщины. Она следует за двумя гостями вверх по ступеням таунхауса, распекая их за что-то, чего я не могу разобрать.

Двое лакеев вырастают за спинами гостей, словно закрывающиеся двери. Молодая женщина свирепо смотрит на них и шагает назад, чтобы поджидать новых жертв. Подкатывает следующая карета, и она уже тут как тут, ждет, когда гости сойдут на землю. Когда те не выходят, вероятно, пытаясь сообразить, как ее избежать, она замечает нашу компанию, идущую по тротуару.

Оказавшись снаружи, я понимаю, почему Эннис и Айла остались внутри, помимо соображений приличия. На мне туфли на тонкой подошве, а идти приходится по ледяному, припорошенному снегом тротуару. К счастью, идти недалеко.

Грей замедлился ровно настолько, чтобы заметить меня и предложить локоть, хотя этот жест кажется скорее рефлекторным, чем искренним. Я всё равно принимаю его. Появляться на вечеринке, где ты чувствуешь себя лишней, и так неловко, и я честно признаю: лучше делать это под руку с импозантным джентльменом.

Говоря о джентльменах и импозантности: МакКриди проносится мимо нас, мешая Грею первым добраться до молодой женщины. Та оборачивается, и мне удается ее разглядеть. Ей лет двадцать пять, темные волосы зачесаны назад в намеренно строгом стиле, на носу очки. Одежда на ней невзрачная, ботинки стоптанные и…

Будет ли это звучать ужасно, если я скажу, что она выглядит как стереотипный «синий чулок»? Есть такой типаж. Он существовал всегда, возник еще до этой эпохи и продолжает жить в мемах вплоть до наших дней.

Видите эту феминистку? Видите, какая она зажатая и непривлекательная? Конечно, она борется за права женщин — ведь она не может найти мужика, который бы о ней позаботился.

Вот только эта девушка не кажется ни зажатой, ни дурнушкой. Похоже, она одевается так намеренно, и я не уверена, то ли это своего рода униформа, то ли просто способ отвлечь внимание от своей внешности.

Порой легче добиться, чтобы тебя принимали всерьез, если накинуть плащ сексуальной непривлекательности. К несчастью для меня, в наши дни провернуть такое куда сложнее, когда ты заперта в теле фигуристой двадцатилетней блондинки с лицом ангельской пастушки.

Молодая женщина исчезает из виду, когда МакКриди преграждает нам путь, но перед этим она успевает заметить нашу группу, и ее глаза вспыхивают, как у ястреба, завидевшего мышей.

— Вы, там! — говорит она, и стук каблуков подсказывает мне, что она решительно направляется к нам.

— Да, здравствуйте, — откликается МакКриди. — Я услышал шум и пришел узнать, не нужна ли вам помощь. — Он снимает шляпу, склонив голову. — Детектив Хью МакКриди из…

— Вы идете на эту вечеринку, детектив? — перебивает она.

— Таково мое намерение, вместе с…

— Тогда я требую арестовать сэра Аластера. Существуют законы против того, чтобы тревожить мертвых.

— А, полагаю, вы имеете в виду…

— Вы считаете, что это не в счет? Потому что покойный не шотландец?

— Возможно, — произносит Грей низким, предостерегающим голосом, — вы позволите детективу МакКриди закончить фразу, прежде чем решать, что он имеет в виду, а что нет?

— О, вы хотите, чтобы я была вежливой, так? Вежливость ни к чему нас не приведет. Единственный язык, который понимает ваш брат…

Поймав взгляд Грея, она осекается. Челюсти ее шевелятся. Наконец, она обретает дар речи.

— И вы здесь, доктор Грей? Я надеялась на лучшее, хотя, полагаю, это было глупо с моей стороны. Вы не известны как борец с несправедливостью. Лучше прятаться за фамильным именем и делать вид, что у вас нет ничего общего с беднягой, чей труп они собираются осквернить.

— Осквернение требует того, чтобы плоть резали, — говорит Грей, и голос его становится мягким теперь, когда грубость направлена лично на него. — Я делаю это постоянно с мужчинами — и женщинами — любого толка. Я — макабрический делец с равными возможностями для всех.

Его улыбка — сплошной оскал без тени юмора, и девушка снова заминается. Впрочем, она быстро берет себя в руки.

— Это не одно и то же, и вы это знаете. Это надругательство над человеком, вырванным из чужой земли и привезенным сюда ради забавы скучающих богатеев.

— Я бы согласился, — говорит Грей.

Пауза. Еще пауза. Ее глаза мечутся, она пытается перегруппироваться. Затем она вскидывает подбородок:

— Вы согласны, и всё же ничего не предпринимаете.

— Предпринимаю. Я иду туда, чтобы проследить, чтобы всё прошло максимально уважительно.

— Послушайте, — говорю я. — Я понимаю, что вас это возмущает, но я не уверена, кого именно вы пытаетесь здесь убедить.

Я киваю на хорошо одетую пару, которая проскальзывает на вечеринку за ее спиной, воспользовавшись тем, что она отвлеклась.

— Их? — спрашиваю я. — Или тех, что остались там? — Я указываю на очередь карет, из которых как раз выходят Эннис и Айла. — Им плевать. Если вы хотите добиться результата в подобных делах, вам нужна огласка. Поднимайте прессу. Поднимите шум там, где его услышат.

— Да, — шепчет Айла, подходя к нам. — Я знаю, что вы расстроены, мисс Кинг, но эта сцена не принесет того результата, на который вы рассчитываете.

Девушка резко смотрит на Айлу.

— Мы знакомы?

— Я самым пристальным образом слежу за новостями об «Эдинбургской семерке», — говорит Айла. — Я поддерживала вашу борьбу за право учиться на медицинском факультете, и я в восторге от того, что вы победили. Я слышала выступление мисс Джекс-Блейк, и я восхищена тем, чего она, чего вы все, добились.

— Вы поддерживали нашу победу? Странно, что я не видела вас раньше. Ах, вы поддерживали нас «тихо», да? Из безопасности своей гостиной?

Айла вздрагивает. Я знаю, почему она не поддерживает «Семерку» активнее. Высунуть голову над бруствером, значит подставиться под удар. Она женщина в мужской профессии, и она крутится как может, лишь бы оставаться незамеченной.

— Вы одна из «Семерки»? — спрашивает Эннис, выступая вперед. — Тогда передайте мои слова признательности прославленной мисс Джекс-Блейк. Я не понимаю, зачем кому-то может захотеться заниматься медициной, но я поддерживаю её право на это. Однако я бы посоветовала ей держать вас… — хищная улыбка, — …на поводке покороче. А теперь идемте, дети, нам пора на вскрытие трупа.

Келли Армстронг – Тревожа мертвых
Kelley Armstrong - Disturbing the Dead

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Я слышала об Эдинбургской семерке еще до того, как переместилась в это время. Обнаружить, что я прибыла именно в тот год, когда они творили историю? Это совсем круто, даже при том, что я лишь смутно представляла, что именно они сделали.

Теперь я знаю всю историю целиком.

В марте 1869 года, за два месяца до моего появления, София Джекс-Блейк подала документы на изучение медицины. Академический совет принял её, но университетский совет ответил отказом под предлогом того, что они не могут создавать условия ради одной-единственной студентки. Тогда она нашла еще шестерых. Они стали Эдинбургской семеркой. Они запросили и получили разрешение на сдачу вступительных экзаменов. Эти экзамены сдавали более ста пятидесяти человек, включая пятерых из «Семерки». Четыре женщины оказались в первой семерке лучших по общему баллу.

Несколько недель назад они подписали матрикуляционный список, и Эдинбургский университет стал первым британским университетом, принявшим женщин.

Одна часть истории, которую я помню, относится к их будущему: когда во время финальных экзаменов студенты-мужчины сделают всё, что в их силах, чтобы помочь и поддержать их. Нет, это версия моей душонки, любящей хэппи-энды, где юноши восстают против своих зашоренных стариков, чтобы помочь товарищам по учебе. Всё будет совсем не так.

Эти однокурсники попытаются помешать женщинам сдать экзамены, подняв снаружи невообразимый шум и вбросив овцу, да, живую овцу, прямо в аудиторию. Это не остановит Эдинбургскую семерку, так что финал всё равно счастливый, но я бы предпочла версию, где студенты не входят в историю как кучка придурков из студенческого братства.

Айла расстроена и выбита из колеи обвинением мисс Кинг, и лучший человек, чтобы справиться с этим, — не брат, который будет сочувствовать, и не подруга, которая будет негодовать вместе с ней. Это МакКриди — парень, который, может, и не до конца понимает, почему она расстроена, но хочет это понять именно потому, что она расстроена. И иногда это и есть самый лучший друг на свете.

Как только мы оказываемся внутри, МакКриди бормочет что-то о том, что ему нужно выпить, и уводит Айлу. Затем Эннис замечает кого-то, с кем ей нужно поговорить. В итоге я остаюсь на своем первом викторианском приеме наедине с Греем, и это не самое плохое место, вовсе не самое плохое.

Мы бродим по парадным залам. Дом прелестен — декор для викторианской Британии прямо-таки изысканный. И всё же главная декорация сегодня — гости в праздничных нарядах. Я на викторианском званом вечере, и здесь... тесновато? Наверное, я представляла себе огромные бальные залы, но реальность совсем иная. Я замечаю вспышки ярких тканей, великолепные драгоценности и роскошные бакенбарды, но в основном мы лавируем в очень плотной толпе.

— Хотела бы ты взглянуть на артефакты? — спрашивает он, наклоняясь и шепча мне на ухо, пока мы идем по коридору.

— На...?

— На египетские древности сэра Аластера. Я слышал, он организовал здесь частный показ, прежде чем они отправятся в музей.

Осознаю ли я, что музеи в это время забиты награбленным у других народов добром? Да, осознаю, и это не мешает мне посещать их — так же, как эта проблема не останавливает меня в мое время. Я полностью поддерживаю все усилия по репатриации ценностей и, если бы меня попросили бойкотировать выставку, я бы это сделала, но я также знаю, как много музеи дали мне для понимания мира за пределами моих тесных границ.

Считайте эти отношения «сложными», но я в них состою и не стану отрицать искру азарта, вспыхнувшую при словах Грея.

— Да, с удовольствием, — отвечаю я с улыбкой.

Он картинно выдыхает.

— Превосходно. Я боялся, что ты предпочтешь светские беседы.

Я беру его под руку, пока он прокладывает путь сквозь толпу.

— Значит, вы совсем меня не знаете, доктор Грей.

— О, подозреваю, предложи я тебе знакомство с кем-то действительно интересным, история была бы совсем другой, но единственный интересный человек, которого я здесь знаю, — это сэр Аластер. И боюсь, это знакомство состоится не благодаря мне. На самом деле я скорее надеюсь, что мы с этим человеком не столкнемся, так как в последнюю нашу встречу он заявил, что мне лучше никогда больше не попадаться ему на глаза.

— Э-э...

— Да, возможно, мне следовало сказать об этом Эннис, но если бы я это сделал, она бы лишь тверже решила представить нас друг другу лично. Моя сестра обожает фейерверки.

Мы огибаем очередной угол, и я понимаю, что Грей движется по дому очень уверенно, словно знает планировку.

— Смею ли я спросить, что вы натворили? — интересуюсь я.

— Я? Почему ты сразу думаешь на меня, дорогая Мэллори?

— Так это были вы?

— Не совсем. Сэр Аластер возглавил тех, кто принял в штыки мое извлечение тела из земли.

— Ах, тот инцидент с раскопками могилы. Сэр Аластер был ответственным за то, что вас лишили лицензии? Тогда нам и впрямь лучше с ним не встречаться, иначе мне придется вызвать его на дуэль.

Грей бросает на меня взгляд с мимолетной улыбкой.

— Если бы я верил, что ты действительно это сделаешь, я бы, возможно, поддался искушение, просто чтобы посмотреть, как он будет негодующе пыхтеть. Да, он возглавил травлю, но поддержки у него хватало. В последний раз он сказал, что ему лучше никогда больше не видеть моего лица в университете.

— Но вы же бываете там постоянно.

Он пожимает плечами.

— Сэр Аластер часто путешествует. Он сказал, что ему лучше не видеть *меня*, а не что мне лучше туда не ходить.

— Дьявол кроется в деталях.

— Истинно так. Я вполне признаю, что сэр Аластер — личность незаурядная, но тебе придется довольствоваться его египетскими сокровищами.

— Наверное, оно и к лучшему.

Мы сворачиваем за очередной угол, и кто-то произносит:

— Мистер Авад?

Перед нами вырастает мужчина, глядя прямо на Грея.

— Мистер Авад. Я не слышал, что вы прибыли. — Увидев замешательство Грея, мужчина восклицает: — О! Прошу прощения! — и переходит на язык, который я не узнаю.

— Боюсь, вы приняли меня за кого-то другого, — говорит Грей.

Глаза мужчины округляются.

— О! Да. Судя по вашему акценту, я определенно ошибся. Примите мои искренние извинения.

Мужчина быстро отступает, продолжая извиняться, и исчезает прежде, чем мы успеваем что-либо вставить.

— Авад? — переспрашиваю я. — Звучит по-египетски. Как думаете, сэр Аластер привез кого-то с раскопок для выступления? Я бы хотела это послушать.

— Будем на это надеяться. Если он пригласил местного археолога или историка, это представит всё мероприятие в чуть менее предосудительном свете.

Грей указывает на дверной проем. Он ведет в одну из комнат в задней части дома; за окнами угадывается сад, закрытый на зиму. Каким бы ни было назначение этой комнаты в обычное время, сейчас из нее вынесли всё, вплоть до картин со стен, оставив лишь призрачные контуры на обоях — будто искусство могло отвлечь внимание от выставленных древностей.

Я поворачиваюсь к первому столу… и ахаю. Меньше чем в пяти футах от меня стоят канопы, и нет ни стеклянных витрин, ни ограждений — вообще ничего между мной и сосудами.

— Полагаю, ты знаешь, что это такое, — спрашивает Грей, когда мы входим в комнату.

— Канопы, — отвечаю я. — Перед мумификацией бальзамировщик извлекал органы через разрез в боку трупа. А мозг вынимал через нос. — Я смотрю на него. — Вы смогли бы так?

— Вопрос, как мне кажется, должен звучать так: «Захотел бы я это сделать?» И еще: «Зачем?». — Он подходит и встает рядом. — Хотя концепция интригующая. Честно говоря, я не совсем понимаю, как именно им это удавалось.

— И вы еще спрашиваете, захотели бы вы и зачем? — Я усмехаюсь. — Да потому что это загадка. Проблема лишь в поиске добровольца. Желательно мертвого.

— Желательно, да.

— Вам бы понадобилась веская причина, полагаю. Помимо удовлетворения научного любопытства. Хотя… зачем? Получилась бы отличная научная статья. Вам стоит это сделать. Нужно только тело.

Бросив на него взгляд, я вижу, как в его голове закрутились шестеренки. Затем он отмахивается от этой мысли.

— Ты плохо на меня влияешь, Мэллори.

— Я влияю на вас лучше всех, и вы это знаете.

Здесь четыре сосуда, всё — голубая глазурованная керамика. Каждая крышка выполнена в форме головы бога. К счастью, есть этикетки, иначе я бы никогда не поняла, кто есть кто, не говоря уж о том, чтобы назвать имена богов. На том, где лежат кишки, изображен сокологоловый Кебехсенуф; павианоголовый Хапи охраняет легкие,

шакалоголовый Дуамутеф отвечает за желудок, а человекоголовый Имсети бережет печень.

— Видите это? — я указываю на полосу иероглифов на каждом сосуде. — Это заклинание, называющее имя покойного и призывающее нужного бога.

Я провожу у каноп несколько минут. Затем осознаю, что так ими увлеклась, что даже не посмотрела, что еще есть в комнате. Теперь я поднимаю взгляд, снова ахаю и делаю стремительный шаг вперед, прежде чем вспоминаю, что на мне не джинсы с кроссовками… и что мне не восемь лет и я не вхожу в Британский музей впервые в жизни.

Грей издает тихий смешок за моей спиной, а когда догоняет меня, его улыбка выражает чистейшее снисхождение, которому каким-то образом удается не казаться высокомерным.

— Я пыталась строить из себя невозмутимую особу, — говорю я. — Помнить о культурном достоянии и всё такое, но когда родители ездили в Лондон, они высаживали меня у музея, и я часами пропадала в египетском зале. История в целом — не мой конек, но эти штуки я обожала.

— Потому что это в высшей степени макабрично.

— Я так предсказуема. — Я оглядываюсь. — Мы что, правда здесь одни? Это же… — я подбираю слова, осматривая комнату. — Это же буквально сокровища, прямо здесь — смотри, нюхай, трогай. Да, я знаю, что трогать нельзя, и не буду, но могла бы. Где все?

Он делает неопределенный взмах рукой.

— Общаются с людьми, с которыми не разговаривали с прошлого приема пару недель назад.

— Уф. Смею ли я надеяться, что они хотя бы во время вскрытия будут внимательны?

— Глупая девчонка, конечно, нет. Им нужно лишь иметь возможность сказать, что они здесь были. Нам придется встать поближе к экспозиции, если мы надеемся услышать что-то, кроме догадок о том, что леди Макдональд подаст на своем зимнем балу.

— Что ж, не могу жаловаться на то, что вся эта комната в нашем распоряжении. Погодите, это что, погребальная маска?

Я практически бегу к золотой маске, которая должна была лежать на лице мумии.

— Очень надеюсь, что они не нашли её на настоящем теле и не сняли, — говорю я. — За такое полагается проклятие.

— За что?

— Проклятие мумии.

Видя его пустой взгляд, я уже собираюсь подразнить его тем, что пора бы оторваться от медицинских журналов. Затем я вспоминаю, почему он в таком замешательстве.

— Ах да, — говорю я. — Проклятия не были в ходу до царя Тутанхамона.

— Царя кого?

Я быстро оглядываюсь, проверяя, одни ли мы.

— Царя Тутанхамона. Он взошел на трон мальчиком и умер, не дожив до двадцати. В начале следующего века археолог найдет его гробницу. И тогда люди начнут умирать, проклятые за то, что потревожили сон юного царя.

— Это настоящая история? — раздается голос, заставляя меня подпрыгнуть. — Или выдуманная?

Из теней появляются две маленькие фигурки. Дети, лет десяти или одиннадцати. Девочка одета в уменьшенную копию дамского вечернего платья, только покороче, с нижними юбками вместо кринолиновой клетки. Она высокая, со светло-коричневыми кудрями и кожей, которая выглядит так, будто провела на солнце больше времени, чем положено викторианке из высшего общества. За ней стоит мальчик с темными волосами и глазами, его кожа того же оттенка, что и у Грея.

— Я её выдумала, — быстро говорю я. — Простите.

— Всё равно это очень хорошая история, — заявляет девочка. — Продолжайте.

Мальчик закатывает глаза.

— Ты не можешь приказывать гостье продолжать рассказ, Фиби.

Её брови взлетают.

— А какой тогда толк в том, чтобы быть дочерью хозяина? Если я должна терпеть все эти улыбки и реверансы перед гостями, то я должна иметь право приказывать им закончить истории, которые они начали. — Она переводит взгляд на меня. — Вы говорили о проклятии в гробнице фараона. Там кто-нибудь умирает? Очень на это надеюсь.

— Фиби, — с изможднием произносит мальчик.

— Что? Это было бы паршивое проклятие, если бы никто не умер, и я считаю, что кое-кто должен. — Девочка оборачивается на звук поспешных шагов в коридоре. — Ты со мной согласна, Мими?

— Согласна с чем, Фиби? — Появляется женщина и поправляет девочке волосы. — Смею ли я спросить, чем вы двое докучаете нашим бедным гостям на этот раз?

— «Вы двое»? — возмущенно вскрикивает мальчик. — Это был не я, мама.

Вошедшая женщина примерно нашего возраста. Она похожа на мальчика, кожа чуть темнее. На ней платье еще изысканнее моего, а на шее, должно быть, настоящий египетский артефакт: широкое ожерелье из множества нитей, на каждой из которых нанизаны десятки крошечных амулетов.

Прежде чем дети успевают ответить, женщина замечает нас. Её взгляд останавливается на Грее, и она моргает. Затем она издает легкий смешок и касается губ — жест несмелый, словно она хочет скрыть этот смех.

— Прошу прощения, сэр. На мгновение я почти приняла вас за… кое-кого другого.

— Меня уже принимали за некоего мистера Авада, — говорит он.

— За дядю Селима? — спрашивает Фиби.

— Он мой дядя, а не твой, — вставляет мальчик.

— Раз наши родители теперь женаты, Майкл, это делает его и моим дядей тоже. Если не хочешь им делиться, я заберу его себе, а ты можешь забрать моего дядю Томаса, который тот еще старый зануда.

Женщина глубоко вздыхает.

— Я должна извиниться за детей. Они провели слишком много времени в Каире и совсем позабыли, как должны вести себя приличные шотландские мальчики и девочки.

— Потому что мы не шотландцы, — заявляет Фиби. — Я родилась в Каире, как и Майкл. Мы египтяне. — Она поворачивается к нам. — В Египте лучше, там слишком жарко, чтобы носить всё это. — Она дергает свое платье. — И это отличный повод его не надевать.

Я поворачиваюсь к Грею.

— Можем ли мы поехать в Египет, доктор Грей? Пожалуйста.

Девочка смеется, но женщина резко вдыхает.

— Грей? — переспрашивает она. — Доктор Дункан Грей?

Грей напрягается, почти незаметно, и я тоже, боясь того, что она могла о нем слышать.

— О! Где мои манеры? — спохватывается она. — Я должна быть хозяйкой вечера, как бы мало я себя ею ни чувствовала. Я Мириам Кристи. Мой муж — сэр Аластер. Это наши дети: мой сын Майкл от первого мужа и дочь моего мужа Фиби от его первой жены.

Любой другой, взглянув на Грея в этот момент, увидел бы лишь вежливый кивок, предшествующий любезному приветствию. Но я знаю его достаточно хорошо, чтобы заметить этот проблеск замешательства, и подозреваю: он не знал, что первая леди Кристи мертва… или что сэр Аластер женился снова.

— Вы доктор Дункан Грей? — спрашивает Фиби.

— Э-э, да. — Его тон выдает, что он с содроганием ждет, какие истории она может связывать с этим именем. — А это моя ассистентка, мисс Мэллори Мит…

— Митчелл? — Фиби округляет глаза. Она толкает сводного брата локтем и шепчет: — Это мисс Митчелл.

— Да, — сухо отвечает Майкл. — Именно это и сказал доктор Грей. У тебя отличный слух, Фиби, когда ты соизволишь слушать.

Я уже открываю рот, чтобы сказать, что они явно приняли меня за другую мисс Митчелл, когда леди Кристи расплывается в улыбке и говорит:

— Мы с огромным интересом следим за вашими делами, доктор Грей и мисс Митчелл.

— В них слишком много про доктора Грея, — вставляет Фиби. — И недостаточно про мисс Митчелл. Вам нужно поговорить с писателем.

— С писателем? — это единственное слово, которое я в силах вымолвить.

— Боюсь, я не знаю его имени, — говорит леди Кристи. — Он публикуется анонимно и только-только начал вести хронику ваших приключений, описывая ваши прошлые дела.

— Это… новости, — произносит Грей, пока я не могу найти слов. — Как… лестно.

— Для вас, — колко замечает Фиби. — Но не для мисс Мэллори, которую описывают лишь как вашу льняноволосую ассистентку. Полагаю, она здесь не только для того, чтобы красиво выглядеть, что не кажется слишком уж полезным навыком для детектива.

— О, вы удивитесь, — говорю я.

— Мисс Мэллори делает гораздо больше, чем просто «красиво выглядит», — вставляет Грей. — Мне нужно взглянуть на эти истории и исправить любые недоразумения.

— Мисс Мэллори рассказывала нам историю, — говорит Фиби. — О проклятии в гробнице фараона.

— Выдуманная история, — поправляет Майкл. — И она рассказывала её доктору Грею. А ты прервала их и потребовала продолжить.

— Потому что это была хорошая история. Она была о людях, которых прокляли за то, что они ворвались в гробницу и украли артефакты под предлогом занятий наукой.

Я считаю, что за такое нужно проклинать. — Она смотрит на леди Кристи. — Разве ты не согласна, Мими?

— О боже, — говорит леди Кристи, и её щеки заливает румянец. — Мне так жаль, доктор Грей и мисс Митчелл. У моей дочери... очень твердые убеждения. Которые... — Она сурово взглядывает на Фиби. — ...не вполне уместны на подобном собрании.

— Почему? Потому что я говорю, что моего отца нужно проклясть за вскрытие мумии ради развлечения? Нужно. Ничего смертельного, конечно. Подойдут фурункулы.

— О боже, — повторяет леди Кристи.

Я улыбаюсь Фиби.

— Думаю, в некоторых случаях нелетальный исход в виде фурункулов был бы вполне подходящим наказанием. — Я понижаю голос. — Но, пожалуйста, не говорите вашему отцу, что я это сказала.

— Пожалуйста, не надо, — шепчет Грей. — У сэра Аластера и так обо мне не лучшее мнение.

Леди Кристи хмурится.

— С чего бы ему... О! — Её глаза округляются. — Вы — тот самый Дункан Грей. Тот, с которым его сестра... — Её рука взлетает ко рту.

— О боже, — шепчу я, и, по-моему, это звучит слишком тихо, чтобы кто-то услышал, но Фиби хихикает.

— Простите, — говорит леди Кристи. — Я не сразу провела связь. Не то чтобы это имело какое-то значение. Вы были молоды, а его сестра была вдовой и... — Её взгляд метнулся ко мне, и она прочистила горло. — В этом нет абсолютно ничего плохого.

Гм. Похоже, Грей кое-что не договорил.

— Вам здесь очень рады, доктор Грей, — твердо говорит леди Кристи. — Если мой муж скажет иначе, я его поправлю. Уверена, он уже всё пережил. Не то чтобы у него было право обижаться, ведь это его не касалось и... — Она снова прочищает горло. — Хватит об этом. Кто-то упомянул историю о проклятом фараоне?

Да уж, ничто так не разряжает неловкую паузу, как история о проклятии.

— Мне продолжить? — спрашиваю я. — Или начать с начала?

Не успевают они ответить, как в комнату спешит мужчина с подносом, на котором позвякивают пустые стаканы.

— Леди Кристи? Мы искали вас повсюду. Там возникла ситуация. — Он наклоняется, чтобы что-то прошептать, и веки леди Кристи полуопускаются — это говорит мне о том, что «ситуация» скорее досадная, чем тревожная.

— Спасибо, — говорит она. — Я найду его.

Она поворачивается к нам.

— Дети, нам пора оставить доктора Грея и мисс Митчелл. Демонстрация скоро начнется, а вашего отца нигде не видно.

— Он наверняка в ловушке: разговаривает с каким-нибудь занудой, который его не отпускает, — говорит Фиби.

— Скорее всего, так и есть, поэтому мы должны вмешаться.

— Вы и идите. А я остаюсь с ними. — Фиби указывает на нас.

— Фиби, ты не можешь...

— Мисс Митчелл не закончила историю.

— Но демонстрация вот-вот начнется...

— Я посмотрю её с ними. Или, если хочешь, я могу побродить здесь сама, рассказывая другим гостям, что я думаю о вскрытии мумий...

— С нами ей будет хорошо, — быстро говорю я. — Это освободит вас для поисков сэра Аластера.

Леди Кристи колеблется. Мы оба заверяем её, что всё в порядке, и она, наконец, уходит. Фиби дожидается, пока мать скроется из виду, а затем шепчет:

— Историю о проклятии расскажете потом. Сначала давайте покажем вам ушебти.

— Ушебти? — переспрашиваю я.

Фиби ухмыляется и указывает на витрину со статуэтками.

— Слуги. Для загробной жизни.

— Ну, это лучше, чем забирать с собой живых слуг, как делали викинги, — замечаю я.

— Мы тоже так делали, — говорит Майкл. — Египтяне, в смысле. Во времена Первой династии.

— Расскажи им историю про этих ушебти, — говорит она Майклу. Затем смотрит на нас. — С ними связана самая жуткая история.

— Теперь ты уже мне приказываешь рассказывать истории? — спрашивает Майкл.

— А для чего еще нужны младшие братья?

— Я младше на две недели. Всего на две недели.

— И, поскольку ты, как обычно, опоздал, ты теперь навеки проклят... тем, что стал моим младшим братом. Давай же. Рассказывай.

Келли Армстронг – Тревожа мертвых
Kelley Armstrong - Disturbing the Dead

ГЛАВА ПЯТАЯ

Мы всё еще в сокровищнице, как раз перешли к обсуждению погребальной маски, когда за нашими спинами раздается голос Эннис.

— Боже милосердный, — говорит она. — Стоило оставить их на час, и посмотрите, что происходит. У них уже дети.

— Даже Дункану не под силу такое научное волшебство, — замечает МакКриди. — Они просто одолжили этих двоих, примерить роль на себя.

— Позвольте представить наших гостей, — говорю я. — Или хозяев, в зависимости от ситуации. Это Фиби, а это Майкл. Дети сэра Аластера. — Я поворачиваюсь к детям: — А это сестры доктора Грея, миссис Баллантайн и леди Лесли, и наш дорогой друг, детектив МакКриди.

— Детектив МакКриди? — на этот раз подает голос Майкл, и в нем сквозит восхищение. — Полицейский детектив? Из рассказов?

— Из рассказов? — переспрашивает МакКриди, но прежде чем кто-то успевает ответить, Фиби подходит к Эннис и спрашивает: — Леди Эннис Лесли? Та самая, которую обвиняли в убийстве мужа с помощью яда?

— Да, хотя обычно я не так представляюсь.

Айла бросает на нее взгляд.

— Именно так ты и представляешься.

— Не детям же. Это было бы неправильно.

— Вас вообще не должны были арестовывать, — заявляет Фиби. — Очевидно же, что вы этого не делали. У вас не было мотива. У вас были собственные деньги, и вам незачем было убивать мужа. Полицейские были дураками.

— Мне нравится этот ребенок, — говорит Эннис.

— А еще, — добавляет Майкл, — когда Фиби говорит, что полицейские были дураками, она не имеет в виду вас, детектив МакКриди.

— Приятно слышать, — бормочет МакКриди.

— Что еще за рассказы? — спрашивает Айла, поворачиваясь ко мне.

Я отвечаю:

— Похоже, кто-то ведет хронику наших приключений и публикует её.

— Что? Как я могла этого не знать?

— Видимо, это произошло совсем недавно, а мы были заняты.

— Думаешь, это… — Айла понижает голос. — Джек?

— Если это она, мне придется с ней серьезно поговорить.

МакКриди кашлянул

. — Не хочу прерывать, но мы искали вас по делу. Демонстрация вот-вот начнется. Возможно, детям пора… удалиться?

Фиби фыркает, глядя на него, а Майкл выглядит разочарованными, похоже, бравый детектив только что упал в его глазах.

— Или нет? — исправляется МакКриди. — Я не знаю, чего хотят ваши родители.

— А разве это имеет значение? — спрашивает Фиби.

— Раз уж мы гости ваших родителей, — мягко говорит Айла, — это имеет значение. Ослушаться их было бы грубостью.

— Ну и что? Я лучше буду честно грубой, чем фальшиво вежливой.

— Мне определенно нравится этот ребенок, — говорит Эннис. — Будь у меня гарантия, что получится такое дитя, я бы, может, и обзавелась им.

— Учитывая все обстоятельства, — замечаю я, — у вас была практически стопроцентная гарантия получить именно такое дитя.

— Глупости, — отрезает Эннис. — Шансы были пятьдесят на пятьдесят: либо такая, либо елейная девчонка, которая строила бы из себя паиньку мне назло. Дети ведь обожают бунтовать против родителей, попирая всё их влияние.

— А-а, — тяну я. — Так вот как вы это называете. Бунт.

Ее глаза сужаются, но она лишь качает головой.

— Мы можем взять детей с собой, — предлагаю я. — Мы будем стоять впереди, чтобы нормально слышать демонстрацию, и если родители не захотят их там видеть, они сами об этом скажут.

— Мы обязаны там присутствовать, — говорит Майкл. — Мама считает, что мы должны учиться всему, чему можем, а сэр Аластер... — Он пожимает плечами.

— Моему отцу плевать, что мы делаем, — заявляет Фиби. — Лишь бы мы не делали это настолько близко, чтобы мешать ему.

— Тогда тебе придется вести себя тихо, Фиби, — говорит Майкл. — Справишься?

Она делает, как я подозреваю, неприличный жест, а Майкл улыбается ей, прежде чем они ведут нас в зал для демонстраций.

Я сейчас умру от теплового удара. Это будет моей эпитафией. Переместилась во времени в викторианскую Шотландию. Пережила все антисанитарные ужасы той эпохи только для того, чтобы загнуться на шикарном приеме, потому что напялила на себя слишком много слоев одежды и оказалась заперта в комнате с другими людьми, на которых тоже слишком много слоев одежды, и никто не догадался открыть чертово окно.

Если бы там вообще были окна. Мы в центральной комнате, которая с комфортом вместила бы дюжину человек, а в ней в три раза больше. И, как и предупреждал Грей, никто не обращает ни малейшего внимания на тот факт, что на столе лежит настоящая мумия.

Ладно, это не совсем так. Двое парней затеяли игру, подначивая друг друга прикоснуться к ней, пока невозмутимый дворецкий не прогнал их. И под «парнями» я имею в виду, что им было лет по двадцать с небольшим. Настоящие же дети болтали с нами гораздо вежливее, чем взрослые в этой комнате, которые продолжают надрывать голоса, чтобы их услышали в общем шуме, что, конечно, только усиливает этот самый шум. Мы решили забиться в угол и попытаться поговорить, пока пот катится по нашим лицам.

— Это нелепо, — наконец говорит Фиби. — Где отец?

— Интересно, мама всё еще пытается его разыскать? — спрашивает Майкл.

Фиби ворчит:

— Тогда почему мы все набились в эту комнату, как сельди в бочке?

Когда к мумии подходит мужчина с тростью, я замечаю его, в основном, из-за огромного количества блестящих медалей на его сюртуке.

— Бывший военный? — шепчу я Грею.

Он качает головой.

— Это медали, заслуженные его дедом, который был настоящим героем войн с революционной Францией. Это лорд Мьюир. Он спонсирует экспедиции сэра Аластера.

Лорду Мьюиру на вид лет под семьдесят. Грузный, бородатый, с белыми бакенбардами и волосами и ярко-голубыми глазами. Он явно пытается привлечь

внимание присутствующих и краснеет, когда у него это не выходит. Наконец кто-то свистит, и от этой вульгарности в комнате воцаряется тишина.

— Благодарю вас, — говорит Мьюир. — Мне неприятно быть вестником дурных новостей, но боюсь, демонстрация не может состояться. Как многие из вас заметили, наш многоуважаемый хозяин не смог к нам присоединиться.

Гости переглядываются, явно давая понять, что ничего они не заметили. Вот почему леди Кристи смогла оторваться от своих обязанностей хозяйки, чтобы поговорить с нами. Не потому, что люди игнорировали вторую жену, а потому, что им было всё равно, присутствуют ли хозяин и хозяйка. Они были слишком заняты, наслаждаясь их гостеприимством.

— Мы надеялись, что сэр Аластер вскоре придет к нам, — продолжает мужчина. — Но боюсь, он по-прежнему нездоров. Понимаю, это станет ужасным разочарованием. Возможно, мы сможем перенести вскрытие на другой день.

— Но мы уже здесь, — заявляет молодой человек, выпятив грудь так, что это наводит на мысли о паре лишних бокалов пунша, пропитанного спиртным. — Нам обещали вскрытие, и я не уйду, пока не получу вскрытие.

Несколько приглушенных голосов выражают поддержку.

— Тогда окажите нам честь вы, — говорит пожилая дама, кивая на лорда Мьюира.

— Честь? — переспрашивает Мьюир.

— Разверните эту штуку.

Мьюир моргает.

— Я не хирург и не египтолог.

— Какое это имеет значение?

Грей, кажется, готов податься вперед с протестом, но МакКриди придерживает его за сюртук.

— Мне не нравится, как всё это выглядит, — бормочет МакКриди. — Я повидал слишком много опасных сборищ.

Мне хочется рассмеяться. Опасное сборище? Да это же вечеринка для самых богатых и влиятельных людей Эдинбурга. И всё же, едва я об этом думаю, толпа устремляется к центральному столу.

— Нужно увести детей, — говорит Айла.

— Согласен, — откликается МакКриди.

Я жду, что Фиби станет протестовать, но она смотрит на мумию, и в её глазах читается явная тревога.

— Уведите детей, пожалуйста, — шепчет МакКриди нам с Айлой. — А мы здесь сделаем всё, что сможем.

— Вы не можете позволить им вскрыть мумию, — говорит Майкл. — Они же растерзают её на части.

Кто-то протягивает руку и хватает свисающий бинт; Майкл бросается вперед, но его перехватывает Грей, который выступает вперед со словами: —

Ну же, довольно.

— Доктор Грей! — раздается голос, перекрывающий шум толпы. Мы оборачиваемся и видим леди Кристи, прокладывающую себе путь. — Доктор Грей! Да! — Её голос становится громче. — Нам не нужно откладывать демонстрацию. Среди нас есть очень опытный хирург.

Грей резко останавливается.

— Доктор Грей, — говорит она, спеша к нему. Улыбка её нежна, но в глазах светится паника. Она поворачивается к толпе. — Я уверена, многие из вас знают доктора Дункана Грея. Он идеально подходит для этой задачи. Он не только обладает подготовкой хирурга, но и является местным гробовщиком с опытом в науке криминалистического толка.

— В потрошении трупов, вы хотите сказать, — доносится голос кого-то невидимого.

— Ради науки, — твердо произносит леди Кристи. — Это благородное дело, и с учетом его хирургического опыта я не могу представить никого более подходящего на эту роль, раз уж мой муж нездоров.

— Я... я не думаю... — произносит Грей слишком тихо, чтобы услышали другие.

— Пожалуйста, — говорит она, встречаясь с ним взглядом. — Мне неловко навязываться, но...

— Либо это сделаешь ты, — вставляет Эннис, — либо они разорвут эту мумию, как праздничный подарок.

— Пожалуйста, — просит Фиби.

Взгляд Грея устремляется на меня. Я не стану присоединяться к хору голосов, умоляющих его об этом. Если ему не по себе, он должен иметь право на собственный выбор.

— Ты поможешь мне? — шепчет он мне.

— Конечно, — отвечаю я.

— Я не смогу вести подобающий исторический экскурс, — говорит он леди Кристи. — Я могу лишь докладывать о том, что вижу, и о медицинских последствиях.

— Майкл и я можем прочитать лекцию, — подает голос Фиби. — Вам нужно только вскрывать.

Грей делает глубокий вдох и бросает взгляд на стол, вокруг которого кружат шакалы.

— Хорошо, — говорит он, повышая голос, чтобы его услышали. — Я не смогу в полной мере заменить сэра Аластера, но давайте попробуем провести вскрытие как полагается.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

— Всё будет хорошо, — шепчет мне Грей, пока леди Кристи отлучается, чтобы принести медицинские инструменты мужа. — Мы сделаем всё уважительно. — Он одаряет меня мимолетной улыбкой. — Ради науки.

Я пытаюсь улыбнуться в ответ, но безуспешно.

— Если ты не хочешь в этом участвовать… — говорит он.

— У нас есть повод вскрыть мумию, — отвечаю я. — Я никуда не уйду. Просто я знаю, что сейчас тебе достанется куда больше внимания, чем ты любишь.

Грей всегда работал за кулисами. Он тихо представляет свои выводы МакКриди, не выступает в судах и не читает лекций. Так он счастливее всего. Когда его оставляют за работой и незнакомцы не обвиняют его в том, что он макабрический делец с нездоровым интересом к мертвецам. Ему и так хватает этого от копов-придурков, которые не понимают, что труд Грея и других таких же новаторов совершит революцию в расследовании преступлений.

Впрочем, ситуация начала меняться. Его имя всплыло в дискуссиях во время нашего первого совместного дела и прочно закрепилось там во время второго — спасибо и Джеку, и собственной сестре Грея, Эннис, разумеется.

Тогда Грей говорил, что не обеспокоен, потому что никому не будет дела. Он был просто ученым. Но теперь, судя по всему, кто-то ведет хронику его приключений, и я готова чертовски поспорить, что фокус там вовсе не на науке. Мы живем в мире, который только открывает в себе одержимость детективами, и я боюсь, что Грея затянет в этот водоворот.

— Подозреваю, занавес над моей деятельностью уже отодвинут слишком далеко, чтобы его можно было задернуть снова, — говорит он. — И это странным образом совпало с появлением у меня одной ассистентки. Знаешь, за все годы работы с Хью у меня такого не бывало.

— За ваши целые десятилетия совместной работы? И сколько именно лет, Грей?

Его губы кривятся в улыбке, он часто так делает, когда я зову его просто по фамилии.

— Почти три года.

— Ну, долго это в любом случае не продлилось бы, со мной или без меня. Ты чертовски интересный человек.

— Это звучит подозрительно похоже на комплимент.

— Это он и есть. Я раздаю их время от времени, чтобы мой босс был доволен. У него такое хрупкое эго.

Снова движение губ. Грей, может, и скрытный человек, но вовсе не из-за отсутствия уверенности в себе.

— Что касается этих новых историй, — говорю я. — Если это Джек, я велю ей прекратить. Если откажется — пригрожу надрать ей задницу. Она уже говорила, что не хотела бы встретиться со мной на ринге.

— Ты хочешь сказать, что вызвала бы её на дуэль, чтобы защитить мою честь?

— С радостью.

Его улыбка становится шире, в глазах пляшут искорки; он наклоняется ближе, приоткрыв губы, чтобы прошептать…

— Вот всё, что может вам понадобиться, доктор Грей, — говорит леди Кристи, появляясь с подносом медицинских инструментов.

Келли Армстронг – Тревожа мертвых
Kelley Armstrong - Disturbing the Dead

Вокруг нас все снова вернулись к болтовне. Теперь воцаряется тишина: Грей берет поднос, а Фиби и Майкл спешат присоединиться. Пора начинать.

К явному неудовольствию толпы, мы с детьми настаиваем на том, чтобы начать с короткой лекции, поместив события вечера в исторический контекст. Почти всё я оставляю детям, беря на себя роль посредника лишь тогда, когда они начинают спорить из-за какого-то спорного исторического факта.

Дети и впрямь потрясающие. Если они не вырастут и не станут видными фигурами в египтологии, я буду одновременно шокирована и разочарована. Похоже, Фиби провела большую часть своей юной жизни на раскопках и, имея отца, который позволял ей вольничать, сполна удовлетворяла природное любопытство. Подозреваю, она уже знает больше, чем большинство археологов нашего времени. Майкл же эксперт в истории своей страны и народа; он помещает мумификацию в исторический, культурный и религиозный контекст.

Дети объясняют весь процесс мумификации, начиная с извлечения органов и набивки тела тканями, пропитанными ладаном. Затем тело засыпают соляным порошком под названием натрон и оставляют сохнуть примерно на шесть недель. После этого набивку вынимают и заменяют свежей, разрезы зашивают, а тело покрывают смолой.

Затем наступает черед савана и обертывания. Бинты — общей площадью до четырех тысяч квадратных футов — предоставлялись семьей покойного; у бедняков это могли быть просто тряпки или домашнее белье. Пока тело оборачивают, его смазывают горячей смолой, служащей клеем. Бальзамировщики читают защитные заклинания во время работы и могут вкладывать амулеты между слоями ткани.

Когда мумия готова, её помещают в картонаж — нечто вроде папье-маше из папируса и других волокон. Затем надевают погребальную маску, подобную той, что мы видели на выставке. Её украшают изображением либо покойного, либо бога. Картонажный футляр кладут в сухет — гроб, расписанный под человеческую фигуру, — и этот сухет торжественно доставляют в гробницу, где прислоняют к стене.

Дети делятся знаниями с такой живостью и краткостью, что даже моему отцу, профессору английского, стоило бы у них поучиться. Извини, пап, но тебя иногда заносит.

Несмотря на то что дети говорят едва ли десять минут, внимание гостей не просто рассеивается. Его нет изначально. Хотя несколько человек слушают — из интереса или вежливости, — большинство ведут себя слишком грубо, чтобы даже просто уважить детей. Они возобновляют разговоры, как будто дети — это телевизор, работающий на фоне.

Мои свирепые взгляды лишь отскакивают от нарушителей. То есть от большинства; пара мужчин, кажется, принимают их за флирт. Единственное утешение — МакКриди и Айла протиснулись вперед и слушают так же завороженно, как и леди Кристи. Даже Эннис подошла послушать, как и несколько других гостей, так что — я надеюсь — дети видят перед собой лишь благодарную аудиторию.

Когда они заканчивают, высокий и чистый голос Майкла разносится над толпой:

— Сэр Аластер привез в Эдинбург две мумии, чтобы способствовать дальнейшему изучению египетских погребальных обрядов. Как видите, эта обернута плохо, поэтому именно её мы будем изучать сегодня, в то время как вторая была доставлена в университет для дальнейших исследований.

Эстафету перехватывает Фиби:

— Эта мумия не была найдена в надлежащем сухете или даже в картонаже, чем и объясняется состояние её бинтов. Её обнаружили в коридоре, и мы не смогли определить, где её место. Гробница ранее была разграблена, большинство мумий вынули из сухетов и вовсе вынесли из усыпальницы. Эта, как вы видите, была частично развернута — судя по всему, воры искали амулеты или драгоценности под слоями ткани. Мы не знаем, кто покоится под этими бинтами, и именно поэтому мой отец счел приемлемым вскрыть мумию здесь, чтобы мы могли определить личность усопшего и должным образом репатриировать останки.

Гости переглядываются, хмуря брови — то ли из-за незнакомого слова, то ли из-за непривычной концепции.

Майкл говорит:

— Доктор Грей? Начинайте, пожалуйста.

Грей склоняет голову в кивке. Затем переводит взгляд на толпу.

— Я буду проводить вскрытие с осторожностью, из уважения к усопшему. Помогать мне будет моя ассистентка, мисс Мэллори Митчелл.

Я замечаю прокатившийся смешок. «Ассистентка», как же. Все они знают «правду»: Грей нашел себе симпатичную девчонку, чтобы та подносила и подавала инструменты… и, возможно, не только их.

Если Грей и замечает смешки, то игнорирует их и наклоняется, чтобы шепнуть мне план действий. Это не рождественский подарок, который можно легко и быстро распаковать. Это займет время, а этого здесь никто не хочет. Поэтому мы оба будем действовать настолько быстро, насколько осмелимся, снимая внешние слои ткани.

К счастью, как и сказала Фиби, бинты в плохом состоянии. Смола, которая должна была склеивать их, кажется, растворилась, что указывает на дешевую мумификацию.

Внешний слой сохраняет классическую форму мумии: ноги сведены вместе, руки скрещены на груди. Она более бугристая, чем я ожидала. Дети говорили, что для придания формы часто использовали набивку, и, полагаю, эти бугры — еще один признак плохой или наспех сделанной мумификации.

Я начинаю с ног, вооружившись ножницами. Да, ножницами, иначе это заняло бы часы. У меня нет роскоши в виде латексных перчаток, но на мне хотя бы шелковые, хотя я подозреваю, что это их последний выход. Запах могилы не вытравить простым замачиванием. Пока мы начинаем, горничная зажигает курильницы с благовониями, и это делается не только ради атмосферы.

Мы снимаем внешние слои легче, чем я ожидала. И вот перед нами уже узнаваемые очертания тела, ноги которого обмотаны по отдельности.

— Обратите внимание, что ноги перетянуты в коленях, — говорю я. — А стопы разделены набивочным материалом. Кроме того, если изучить бинты, можно увидеть, что часть из них сделана из старой одежды. Вот здесь есть пройма для рукава. — Я приподнимаю кусок ткани и демонстрирую. — Полагаю, это указывает на то, что под бинтами находится относительно бедный человек.

— Так и есть, — подтверждает Майкл. — Как сказала Фиби, египтяне использовали любую доступную ткань, в том числе и старую одежду.

Кто-то в толпе шумно и нетерпеливо вздыхает. Когда кто-то другой делает поторапливающий жест, МакКриди встает перед ними и улыбается.

— Мы почти закончили, — говорю я. — Не знаю, скольким из вас доводилось видеть мумифицированное тело, но я должна подготовить вас к тому, что зрелище, скорее всего, будет тревожным.

И после этих слов в комнате воцаряется тишина. Несколько женщин подносят руки в перчатках к лицам, словно готовясь закрыть глаза, но их взгляды остаются прикованными к моим пальцам, когда я медленно разворачиваю ногу мумии.

— Я действительно не могу не подчеркнуть, — говорю я. — Если вы из впечатлительных или слабонервных, возможно, вам стоит отвести взгляд.

Никто не отводит взгляда. Фиби ухмыляется мне, понимая, что я нагоняю драму ради аудитории.

— Осталось совсем немного, — продолжаю я. — Я вижу кожу, потемневшую в процессе мумификации. Если желаете отвернуться, сейчас самый…

— Мисс Митчелл, — произносит Грей.

Я бросаю на него взгляд, готовая извиниться за театральность. Раз уж нам приходится вскрывать эту несчастную душу, я хочу, чтобы это имело смысл, и хочу удержать их внимание. Но если у Грея есть претензии к тому, как я провожу процедуру, я уступлю ему.

Однако взгляд, который он бросает на меня, вовсе не предостерегающий. На самом деле он вообще на меня не смотрит. Он пристально разглядывает труп.

Грей разворачивал бинты не так быстро, как я, так что его часть — голова — всё еще закрыта. Но он стоит неподвижно, глядя вниз, и между его бровей пролегла глубокая складка.

— Гм? — произношу я, подходя к нему.

Он смотрит на меня, а затем снова вниз. Я не вижу, что он…

О, это странно. На моем краю тела кожа под последними слоями казалась темной. Это ожидаемо, каков бы ни был при жизни цвет кожи мумифицированного человека. Но хотя Грею осталось снять еще несколько слоев, через прореху в плохо обмотанном участке видна часть щеки. И эта кожа ненамного темнее моей.

— Что-то с лицом? — шепчу я, придвигаясь ближе. — Какая-то посмертная маска под бинтами?

Он жестом просит меня коснуться всё еще обмотанного участка щеки. Я хмурюсь, но делаю, как он просит.

— Надави, — шепчет он.

— Что, черт возьми, происходит? — спрашивает кто-то. — Вы уже почти закончили. Продолжайте уже.

Я игнорирую последовавший за этим ропот согласия. Надавливаю пальцами на обмотанную щеку, и плоть поддается там, где поддаваться не должна.

— Что-то пошло не так с процессом высушивания? — шепчу я.

Грей колеблется. Затем произносит:

— Да, должно быть, в этом всё дело.

Он прочищает горло и поворачивается к аудитории.

— Похоже, возникла проблема с верхней частью тела. Вероятно, она не была должным образом высушена. Мы пока оставим это и обратим внимание на ноги.

По толпе пробегает ворчливый ропот.

— Мы вернемся к голове, — говорю я. — Как только установим характер повреждений.

Дети переглядываются. Майкл делает шаг к нам и понижает голос.

— Каких еще повреждений? — шепчет он.

— Лицо выглядит не так, как мы ожидали, — отвечаю я. — Это может указывать на неудачную мумификацию.

Он хмурится еще сильнее.

— Такое случается, но...

— Кожа кажется очень бледной. Я ожидала более темного оттенка из-за процесса бальзамирования.

Он качает качает качает головой.

— Нет, натрон высушивает ткани без того значительного потемнения, которое вы бы увидели при естественной мумификации. Кроме того, в древнем Египте были и светлокожие люди — те, кто прибывал из Рима и Греции.

— Возможно, в этом всё дело. Но кожа также кажется мягче, чем я предполагала.

— О? — Он запинается. — О, это... — Он качает головой. — Возможно, это и правда неудачная мумификация, как вы и сказали. Простите, что перебил. Продолжайте.

Я хочу спросить, о чем он думает, но он уже отошел и теперь ведет заговорщический шепот с Фиби. Леди Кристи придвигается ближе, чтобы присоединиться к обсуждению.

Грей уже стоит у ноги мумифицированного трупа, где я почти закончила разворачивать бинты.

— Здесь мы почти закончили, — говорит Грей, — и видим то, что и должны.

— Да, — вступаю я, повышая голос для аудитории. — Плоть под бинтами твердая, а процесс высушивания затемнил кожу.

Вот только, как сказал Майкл, кожа не должна была потемнеть. Должно быть, мумификация и впрямь была паршивой.

— Мы выходим на финишную прямую. — Грей повышает голос. — Сейчас мы обнажим ногу мумии. Мисс Митчелл окажет нам честь.

Он с легким поклоном протягивает мне конец бинта, словно дарит розу. Несмотря на торжественность момента, я не могу не улыбнуться. Очевидно, театральность здесь и впрямь не возбраняется.

Я беру край бинта большим и указательным пальцами в перчатках. Затем очень осторожно пропускаю его под ногой мумии и вывожу с другой стороны, потянув вверх и над голенью, чтобы явить...

Я замираю.

Я вижу не темную, сморщенную плоть. Это похоже на ткань — так, словно мумию забинтовали прямо поверх одежды на ногах.

— Что это такое? — спрашивает кто-то. — Брючина?

Я издаю легкий смешок.

— Похоже на то, не правда ли? Кажется, мы еще не добрались до самой мумии. Что-то было обмотано вокруг её ноги. Возможно, усопший при жизни получил травму, и какое-то вспомогательное устройство было оставлено для помощи в загробном мире.

Майкл поворачивается и хмурится, глядя на меня. Точно. «Вспомогательное устройство» — термин не из этой эпохи.

— Ножная повязка, — поправляюсь я. — Чтобы помогать при передвиж... при ходьбе.

Грей уже рядом; он взял бинт из моих рук и разматывает ногу, пока я говорю. Он обнажает целый лоскут темной материи.

Темная и совершенно целая ткань. На ней нет никаких следов времени. Из-за обертки? Разве хлопок мог сохраниться так долго? Я знаю, в Египте был хлопок. Вот только это не хлопок. Это шерсть. Темная шерсть...

— Выведите детей, — бросает Грей в зал, в то время как до меня доходит реальность того, что я вижу.

Темные шерстяные брюки. Викторианские брюки.

— Детей вон! — рявкает он. — Очистить комнату! Хью! Мне нужна твоя помощь. — Он поворачивается ко мне и понижает голос: — Кто-то...

— ...находится внутри этих бинтов, — заканчиваю я. — Это не мумия.

Грей уже у головы трупа, он разматывает бинты так быстро, как только может, и я гадаю — почему, пока не понимаю то, что он, очевидно, уже осознал: мы можем иметь дело не с трупом.

Я спешу к голове мумии, но МакКриди уже там, он помогает, не нуждаясь в объяснениях. Я дико оглядываюсь и вижу комнату, полную людей, наблюдающих за нами с тем же плотоядным любопытством, которое они проявляли во время финала вскрытия.

Я подавляю желание прорычать им, чтобы они убирались. И что сказать? Что кого-то завернули в бинты мумии? Возможно, живого человека? Что это место преступления? Никто из них после такого не уйдет.

Я резко поворачиваюсь туда, где были дети, но Айла уже выводит их в сопровождении двух слуг. Хорошо.

Грей и МакКриди почти закончили. Теперь я вижу четкие очертания лица. Мужское лицо с легким загаром и светло-коричневой бородой. МакКриди разматывает кусок ткани вокруг шеи, и когда он убирает бинты, на них видны пятна крови. Четкие странгуляционные борозды опоясывают основание шеи под бородой. Удавка затянулась так глубоко, что выступила кровь.

Толпа ахает.

— Он мертв? — спрашивает кто-то.

Они продолжают разматывать. Далее следует рот, и Грей наклоняется, чтобы проверить дыхание, пока МакКриди заканчивает с верхней частью лица. Нос. Затем глаза. Карие глаза, которые безжизненно уставились в потолок.

— Сэр Аластер! — выкрикивает кто-то.

И леди Кристи начинает кричать.

Келли Армстронг – Тревожа мертвых
Kelley Armstrong - Disturbing the Dead

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Следующие десять минут я помогаю МакКриди очистить комнату. Мне плевать, что здесь я не коп. Мне плевать на возмущенные вздохи. На сцену выходит детектив Мэллори: она выпроваживает всех из своего, черт возьми, места преступления и подталкивает тех, кто движется недостаточно быстро. Несколько мужчин помогают, как и Эннис. Айла вернулась и увела леди Кристи.

Часы бьют одиннадцать, когда МакКриди благодарит тех, кто задержался помочь, а затем вежливо, но твердо выставляет их за дверь. Он зовет одного из слуг и отправляет его оповестить полицию и доктора Аддингтона.

Затем двери закрываются, и в комнате остаемся только мы: Грей, МакКриди, Эннис, я и мертвый сэр Аластер.

— Леди Лесли, — говорю я. — Я не собираюсь приказывать вам уйти, но была бы признательна, если бы вы пошли и поговорили с Айлой. Ей понадобится помощь. Может быть, присмотрите за детьми вместе с леди Кристи?

Я жду, что Эннис начнет спорить, особенно насчет того, чтобы её назначили ответственной за детей, но она лишь кивает и говорит, что посмотрит, чем может помочь.

Я подхожу туда, где Грей разматывает тело мужчины лет под сорок, с рыжеватой бородой и заурядной внешностью, с телосложением и мозолистыми руками человека, привыкшего к физическому труду.

— Это определенно сэр Аластер? — спрашиваю я.

— Он самый.

— Тогда… я не понимаю. Вы заменили его, потому что он был нездоров. Никто не мог убить и забинтовать его так быстро. — Я осекаюсь. — Погодите. Мумия уже была на столе, когда мы вошли в зал. До того, как нам сказали, что сэр Аластер не придет.

— Да, — отвечает Грей, что ни капли не помогает, но, в сущности, это честный ответ. Он врач, временный коронер и эксперт на месте преступления. Он не детектив. Детектив здесь я… и парень, стоящий у нас за спиной.

Я поворачиваюсь к МакКриди.

— Нам нужно выяснить, кто сказал, что сэр Аластер нездоров, — говорит МакКриди. — И сделать это быстро, пока они не покинули здание.

— Я помогу. — Я поворачиваюсь к Грею. — Ты не против?

— То, чем я занимаюсь, сейчас едва ли срочно. А вот это — да.

Я нахожу Айлу в гостиной вместе с леди Кристи. Они сидят вдвоем на кушетке, и когда я вхожу, леди Кристи как раз говорит:

— Я должна пойти к детям. Я знаю, что должна, но сначала мне нужно прийти в себя.

— Возьмите еще пару минут, — отвечает Айла. — Вы не понадобитесь им сию же секунду, но да, вы будете им нужны, и вам не стоит беспокоиться о том, что вы кажетесь убитой горем. Они именно этого и будут ждать.

Леди Кристи кивает. Глаза её покраснели, лицо в потеках от слез.

Я стучу по косяку, входя в комнату. Затем изображаю полуреверанс, потому что чувствую, что сейчас так будет правильно.

— Мои глубочайшие соболезнования, — произношу я, проходя вглубь комнаты. — Мне очень жаль, что вы понесли такую утрату, и жаль, что мне приходится беспокоить

вас в такое время. Обещаю, я постараюсь уложиться как можно быстрее, но детективу МакКриди нужно, чтобы я спросила вас кое о чем, пока гости не разошлись.

Мысленно прошу прощения у МакКриди за то, что сваливаю всё на него, но он бы понял, что мне здесь нужен его авторитет.

— Да, — быстро подхватывает Айла. — Полиция в таких ситуациях должна действовать стремительно, как я знаю со слов детектива МакКриди, и им приходится задавать неудобные вопросы в самые неподходящие моменты. Если бы они могли подождать, они бы подождали.

Я бросаю на Айлу благодарный взгляд, пока леди Кристи вытирает глаза и произносит: — Я понимаю.

Вот и мой шанс, и я должна действовать осторожно, потому что человек, который с наибольшей вероятностью мог запустить ложь о «нездоровье» сэра Аластера… это его жена.

— Вы знаете, кто последним разговаривал с сэром Аластером? — спрашиваю я. — Я так поняла, он плохо себя чувствовал.

Её щеки заливает румянец, и она опускает взгляд.

— Нет, это была ложь.

— Ложь, что он был нездоров?

Она кивает.

— Я не хочу перекладывать вину на других, но слова о том, что он нездоров, были не моей идеей. Это была отговорка, которую придумали, когда мы не смогли найти моего мужа.

— Я помню, вы искали его ранее.

— Искали, и не могли найти, поэтому лорд… кое-кто другой предложил сказать, что он нездоров.

— Лорд Мьюир? — уточняет Айла. — Я понимаю, что вы не хотите никого винить, но полиции потребуется четкая последовательность событий и имена всех участников.

Леди Кристи сглатывает.

— Да, это был лорд Мьюир. Мы искали мужа весь вечер, и стало ясно, что его нигде нет, поэтому лорд Мьюир сказал, что нам стоит объявить его нездоровым, так как признание в том, что мы не можем его найти, прозвучало бы странно.

— Пожалуй… и всё же, вам с лордом Мьюиром не показалось странным, что вы не можете найти сэра Аластера?

Она снова краснеет.

— Эта вечеринка была идеей лорда Мьюира, и поскольку он финансировал экспедицию, мой муж не считал, что может отказаться, но Аластер был не выше того… То есть… Он мог быть… — Она делает глубокий вдох. — Мой муж… был… блестящим человеком, и он не любил, когда его отвлекали от занятий, а это мероприятие было помехой.

Я вспоминаю, как Фиби говорила нечто подобное, что она может делать что угодно, пока не путается у отца под ногами. Полагаю, под ногами у его исследований, занятий и интересов.

— Я понимаю, это выставляет моего мужа не в лучшем свете — признание в том, что мы не были удивлены его исчезновению сегодня вечером, но Аластер был, как я уже сказала, гениален, а с гениальностью приходит эксцентричность.

Ага, это не эксцентричность. Я живу с двумя блестящими людьми, и ни Грей, ни Айла не бросили бы своих друзей и близких разгребать последствия и выгораживать их только из-за того, что они не в духе, раз обязательства мешают их работе. Но иногда гениальность и эгоизм идут рука об руку. Сэр Аластер не хотел проводить демонстрацию, а поскольку он человек исключительный — баронет, хирург и египтолог — он считал, что и не обязан, даже если его неявка унизит жену и спонсора.

Вот только он ведь не сбежал, верно? Просто его характер был таков, что никто не задался вопросом, когда показалось, что он поступил именно так.

— Когда вы видели его в последний раз? — спрашиваю я.

Она нервно перебирает пальцами, глядя в пол.

— Я... То есть... Мы с мужем вели очень обособленную жизнь, мисс Митчелл. Когда он со своей первой женой жил в Каире, я была... — Она прочищает горло. — Я была гувернанткой. Пенелопа — первая леди Кристи — и я вместе учились в Лондоне. Мы были подругами. Так она и познакомилась с сэром Аластером: она приехала навестить меня в Каир. — Слабая улыбка ненадолго смягчает её горе. — Пенелопа была чудесной женщиной, очень похожей на Фиби. Она была моей самой близкой подругой и... — Она моргает, глядя на меня с легким ужасом. — И это не имеет никакого отношения к делу. Я заговорилась, простите меня.

— Вовсе нет. Это помогает мне всё понять.

Это помогает мне понять очень многое. Первая леди Кристи умирает, и кого сэр Аластер выбирает себе во вторые жены? Лучшую подругу жены и гувернантку своей дочери. Избавил себя от забот по поиску того, кто будет присматривать за Фиби. Просто повысил гувернантку в должности.

О, я знаю, что это не обязательно так, но такая вероятность дает мне определенное представление об этом браке.

Леди Кристи продолжает:

— Когда муж был поглощен работой, для меня было обычным делом не видеть его целыми днями. Он обедал на месте раскопок или у себя в кабинете и часто возвращался уже после того, как мы с детьми ложились спать. Теперь, когда мы вернулись в Эдинбург, он был занят каталогизацией своих находок и встречами с официальными лицами из музеев. Всё это — объяснение, даже оправдание тому, в чем я сейчас признаюсь: я не видела его с сегодняшнего раннего утра. Мы вместе позавтракали, а затем я повела детей на прогулку, пока он работал. Когда я вернулась, Аластера уже не было. После этого я была занята подготовкой к приему. Я не сочла странным, что Аластер не пришел домой к обеду или к чаю — так было заведено, к немалому раздражению нашего повара. Что касается ужина, то он прошел в суматохе, так как нам всем нужно было собираться к вечеру.

— Вы не видели, как он собирался?

Долгая пауза. Затем тихий голос:

— У нас разные спальни и гардеробные, мисс Мэллори.

Точно. Это эпоха, когда у богатых свои комнаты. Средний класс часто пытается подражать этому, отделяя себя от бедняков, которым приходится — о ужас — делить кровать с супругом.

— Конечно, — говорю я с легкой улыбкой. — В таком доме легко можно не видеться целыми днями.

— Истинная правда. У моего мужа были свои покои, и когда он уходил, то предпочитал добираться до места пешком, он часто жаловался на то, какой малоподвижной стала жизнь здесь по сравнению с раскопками. Слуги бесконечно сетовали на то, что никогда не знали, дома он или нет. Я пыталась объяснить ему, что всем было бы легче, если бы он предупреждал об уходе, но людям трудно это понять, если они сами не были в услужении. Я полагаю, вы были горничной, верно?

— Да, и вы совершенно правы. Персоналу важно знать, дома ли хозяева. Значит, вы не видели сэра Аластера весь день, а затем, когда поняли, что он не просто опаздывает к началу вечера, отправились на поиски.

— Мы с лордом Мьюиром искали его. Мы расспросили слуг, но никто не видел Аластера с самого утра. Тем не менее, мы предположили, что он вернулся и проскользнул в дом незамеченным. Только после того, как я увидела вас и доктора Грея, я поняла, что есть простой способ определить, явился ли он на праздник: оделся ли он? Он настаивал на том, чтобы носить даже праздничные костюмы, не требующие посторонней помощи, так как не любил, когда камердинер его одевает. Поэтому я проверила, на месте ли одежда, приготовленная его слугой. Она была там. А значит, дома его не было. Именно тогда лорд Мьюир предложил сказать, что Аластер нездоров.

Она теребит платок.

— Мне была ненавистна эта ложь, но лорд Мьюир — и справедливо — указал на то, что правда выставила бы моего мужа в унизительном свете. Мы не могли признать, что Аластер ведет себя…

Остальное она вслух не произносит. А я могу. Ведет себя как капризный ребенок.

Она быстро продолжает, словно читая мои мысли:

— Я думала, что это легко может оказаться ошибкой. За завтраком мы даже не обсуждали прием. Я знала, что эта затея портит ему настроение. Он мог уйти и напрочь о ней забыть. — Она умолкает, лицо её искажается от горя. — Или это было лишь то, на что я надеялась, а теперь оказывается… — Она смотрит на меня. — Возможно ли, что он вовсе не уходил? Что мы провели весь день, полагая, будто он на работе, а он был прямо здесь, будучи… будучи…

Она заходится в рыданиях, и, наверное, мне следовало бы чувствовать себя паршиво из-за холодного анализа этого плача, но такова моя работа. Я ищу признаки настоящих слез. Ищу признаки подлинного горя. Ищу любой намек на то, что она ломает комедию. Мне симпатична Мириам Кристина, и мне определенно нравятся её дети. Но я встречала слишком много убийц, которые при первой, и даже при второй и третьей встрече, казались мне очень милыми людьми.

Её горе кажется искренним, но даже это не доказательство того, что она не могла убить мужа. Далеко не каждый убийца — хладнокровный социопат. Ссора. Толчок и случайная смерть, а затем следы удавки и бинты мумии, чтобы выдать это за убийство, совершенное неизвестными.

Впрочем, необходимость оставаться беспристрастной помогает мне дождаться окончания истерики и продолжить расспросы.

— Вы знаете, когда мумию положили на стол? — спрашиваю я.

— Когда её…? О! — Её рука взлетает ко рту. — О!

Я даю ей мгновение, чтобы осознать весь этот ужас, пока Айла сочувственно похлопывает её по руке — сочувствие, которое я проявить не могу. Да, леди Кристи

только что поняла, что тело её мертвого мужа было выставлено на всеобщее обозрение бог знает сколько времени, но знать, сколько именно, жизненно важно для следствия.

— Есть кто-то еще, у кого я могу получить эту информацию? — спрашиваю я наконец. — Кто-то, кто отвечал за мумию?

— Этим должен был заниматься Селим, — отвечает она. — Мой младший брат, он еще не приехал. По плану мумию должны были установить сегодня днем. Селим собирался всё подготовить и проследить, чтобы её охраняли до начала демонстрации. Во время приема он намеревался быть там вместе с Майклом и Фиби, чтобы отвечать на вопросы, но…

Она всплескивает руками.

— Вчера он прислал телеграмму, что его корабль задерживается, но всё равно он должен был быть здесь к полудню, и мы весь день его прождали. Когда прием начался, а от него по-прежнему не было вестей, я велела двоим слугам отнести мумию в зал для демонстраций. Затем мы держали дверь закрытой, чтобы никто…

Её взгляд резко встречается с моим.

— Селим. — Она шумно вдыхает. — Аластер пропал, а теперь он мертв, а Селим не приехал и… О!

Леди Кристи поворачивается к Айле.

— Я должна немедленно поговорить с детьми, но еще мне нужно, чтобы кто-нибудь разыскал моего брата. Я знаю, на каком корабле он прибыл, и мы собирались все вместе встретить его в порту, но из-за задержки мы не знали точно, когда он придет.

— Ваш брат хорошо знает Эдинбург? — спрашиваю я. — Мы столкнулись с человеком, который принял доктора Грея за него, и он, похоже, ожидал, что Селим понимает только по-арабски.

Она раздраженно машет руками.

— Вечно одно и то же. Все принимают нас за каких-то экзотических и чужестранных существ. Мой брат учился в Лондоне, так же как и я. Наш отец — правительственный чиновник, он понимал важность изучения английского языка и обычаев для детей, которые в один прекрасный день могут оказаться подданными Британской империи. — Она умолкает и морщится. — Я не хотела звучать так резко.

— Вам не за что извиняться. Я видела, как часто люди не ожидают от доктора Грея знания английского. Это выводит из себя.

Айла издает тихий согласный звук.

— Как человек, наблюдавший за этим всю его жизнь, я не могу не согласиться. Это раздражает чрезвычайно.

Леди Кристи немного расслабляется.

— Спасибо за понимание. Что касается Селима, он мой младший брат, а младшие братья могут быть по-своему… неуправляемыми.

Айла бормочет:

— Стоит младшим братьям решить, что они уже мужчины, они ошибочно полагают, что больше не нуждаются в наставлениях старшей сестры.

— Да. Селим безрассуден и крайне своенравен, и если я могла доверить ему присмотр за мумией, то не могла поручиться, что он приедет прямиком сюда, а не заглянет по пути в какой-нибудь паб. Вот почему я не беспокоилась, когда он задержался.

— Но вам не приходило в голову беспокоиться о том, что он мог заблудиться в чужом городе? — уточняю я.

Леди Кристи улыбается.

— Селим достаточно хорошо знает Эдинбург и чувствует себя как дома, где бы ни оказался, вот почему... — Улыбка исчезает, когда она поднимается на ноги. — Кто-то должен выяснить, что с ним случилось. Я сказала, что не удивлена тем, что муж, похоже, избегал собственного праздника, но я была удивлена, что Селима до сих пор нет. Это на него не похоже. Я бы больше беспокоилась о Селиме, если бы всё мое внимание не было приковано к Аластеру.

— Если кто-нибудь даст нам информацию о его корабле, — говорю я, — мы всё разузнаем, пока вы будете разговаривать с детьми.

— Да, спасибо. Я должна... — Она слегка покачивается, поднося руку ко рту. — Дети. Фиби. О, бедная моя Фиби. Сначала её мать, а теперь...

— У неё есть вы, — говорит Айла, вставая и беря леди Кристи под руку.

— Да, конечно. — Леди Кристи выпрямляется. — Что бы ни случилось, у Фиби всегда буду я. Пойду поговорю с ними.

— Вы хотите, чтобы я вас сопроводила? — спрашивает Айла.

Бледная улыбка.

— Пожалуйста. Мне не помешала бы опора, чтобы я не сорвалась при них.

Айла подставляет локоть, и я открываю перед ними дверь.

Келли Армстронг – Тревожа мертвых
Kelley Armstrong - Disturbing the Dead

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Гости разошлись. У МакКриди не было никакой возможности их задержать. Дополнительные офицеры подтянулись только сейчас, а мы еще не живем в мире, где детектив может заявить: «Произошло убийство. Никто не уйдет, пока я не разрешу», и ожидать, что хоть кто-то из местной элиты его послушает.

Вместо этого МакКриди сосредоточился на персонале. Дворецкий и экономка собрали всех в одной комнате для допроса. Им приказать остаться несложно. А если гости возмущены тем, что рядом нет никого, кто нашел бы их пальто, придержал дверь или вызвал карету? Что ж, они могут поговорить с полицией, пока ждут. Никто на предложение МакКриди не откликается.

Я передала показания леди Кристи МакКриди, и он отправил конюха проверить, прибыл ли корабль. Это на пятьдесят процентов вежливость по отношению к леди Кристи и на пятьдесят — признание того, что если сэр Аластер мертв, а его зять пропал, ответом на это вряд ли будет слово «совпадение».

Мне не терпится помочь Грею с телом сэра Аластера. Я заглянула к нему узнать, не нужна ли помощь. Он не сказал «нет», но заметил, что МакКриди я нужнее, и тот действительно ждет меня. И снова моя прежняя карьера вытесняет новую.

МакКриди нужно поскорее допросить персонал, а Грей никуда не торопится: Аддингтон уже велел ему доставить тело в похоронный кабинет, где он проведет вскрытие утром. Когда Аддингтон сделал так в первый раз, я была в ужасе. Во второй — просто злилась за покойного, чья смерть не стоила полицейскому хирургу даже одной бессонной ночи. Теперь же должна признать, что это играет на руку Грею, позволяя ему сделать всё, кроме внутреннего вскрытия, до того, как Аддингтон наложит свои лапы на жертву. На самом деле, если бы каждая жертва убийства умирала ночью, я бы сочла это благословением для эдинбургской полиции.

Я оставляю Грея за его работой и помогаю МакКриди составить хронологию.

Мы знаем, что тело не переносили до начала приема. Лакеи, которые вносили его, подтвердили, что было восемь тридцать, когда они это сделали. Мумия хранилась в «комнате с артефактами» — помещении без окон, которое служит складом для всего, что сэр Аластер привозит из своих экспедиций.

Те артефакты, что выставлены сегодня, обычно хранятся там?

Да, но прислуга говорит, что их вынесли сегодня утром, тогда же сэра Аластера видели в последний раз, так как он руководил процессом. После этого комнату закрыли, пока туда не вошли лакеи, чтобы забрать мумию.

Закрыта? Или заперта?

Тем утром она была заперта. Сэру Аластеру пришлось отпереть её для лакеев, так как единственный ключ был у него. Когда они закончили выносить артефакты, он снова её запер, и один из них был тому свидетелем. И всё же, когда они пришли за мумией, комната с артефактами была не заперта, что навело их на мысль, будто сэр Аластер дома. Они решили, что он открыл её для них, зная, что им понадобится доступ к мумии.

Значит, выставленные артефакты вынесли, пока сэр Аластер еще был дома. Затем дверь заперли, и единственный ключ вернулся к нему в карман.

Это произошло вскоре после девяти утра. К двери больше не прикасались до половины девятого вечера; ни у кого из прислуги не было повода проверять её в промежутке.

На разворачивание мумии и повторное заматывание тела бинтами потребовалось бы много времени. Сколько именно? Тут может понадобиться научный эксперимент. Вероятно, часы, а значит, почти двенадцати часов между тем, как дверь заперли и снова открыли, было более чем достаточно, если знать, что тебя не потревожат. Всё, что нужно было сделать, — это запереть дверь изнутри, пока ты там, и оставить её незапертой, когда уходишь.

И кто мог замотать мумию? Требовались ли для этого особые навыки? Или кто угодно мог справиться достаточно сносно? Мы заметили, что мумия выглядела потрепанной, что могло быть результатом дилетантской работы. Нам нужно будет подробнее поговорить с кем-то, кто видел её, когда внутри еще находились мумифицированные останки.

Сэр Аластер был с лакеями после того, как его жена и дети ушли на прогулку. Затем он запер комнату с артефактами. Так кто видел его последним? Никто не уверен, и я этому не удивлена. Слуги были поглощены работой. Они не сверяются со своими несуществующими наручными часами.

Они знают, что сэр Аластер был здесь, когда его жена уходила. Они знают, что её всё еще не было, когда его видели в последний раз. Завтрак подали в семь. Леди Кристи и дети ушли около половины девятого и вернулись «поздним утром». Мне нужно спросить её, когда именно они вернулись с прогулки, хотя она тоже может не знать точного времени.

Никто из персонала не сообщает ничего необычного в поведении сэра Аластера.

— Он вообще-то казался в хорошем расположении духа, мисс, — говорит одна из горничных. — Что нас удивило, ведь мы все знали, что он не хотел устраивать этот прием.

— Из-за этого были споры?

— Споры? — Её глаза округляются, будто я сказала что-то вульгарное. — Леди Кристи не спорит. Она слишком кроткого нрава. Вот первая леди Кристи…

Когда она обрывает себя, я говорю:

— Любая информация, которую вы можете мне сообщить, поможет поймать убийцу его милости. Это не сплетни и не пересуды.

— Я не хотела обидеть первую леди Кристи. Я очень её любила. Мне повезло иметь двух прекрасных хозяек. Но первая леди Кристи была похожа на свою дочь. — Глаза горничной загораются. — Та еще зажигалка. Доводила сэра Аластера до исступления, но леди Кристи знает, как управляться с мисс Фиби, точь-в-точь как её мать. Я слышала, как леди Кристи говорила сэру Аластеру, что строптивых кобылок нужно лелеять, а не объезжать, и я подумала — как бы гордилась первая леди Кристи, услышав такое. Но я к тому, что у первой леди Кристи был характер, но она не была злой, если вы понимаете, о чем я.

— Строптивая кобылица, которую не объездили.

Горничная улыбается.

— Да, именно так. Сэр Аластер не всегда понимал, что с ней делать, как и с их дочерью.

— Он не спорил в ответ?

— Он не из таких людей. Когда она сердилась, он уходил.

— Уходил или убегал?

— Это выглядело как уход, но он убегал, мисс. Не то чтобы он боялся её языка, просто он любил тишину в доме. Я всегда думала, что со второй леди Кристи он будет больше времени проводить дома, ведь она обеспечивала ему покой. Но он не стал.

Потому что ему не нужен был тихий дом. Ему нужна была жизнь отшельника, где он мог бы сосредоточить всё внимание на своих увлечениях. Люди были помехой, даже если они были семьей.

— Так когда вы говорите, что знали, что он не хотел сегодняшней демонстрации…

— То, что сэр Аластер не любил спорить, не значит, что он держал язык за зубами, мисс. Не тогда, когда он был в дурном настроении. Он не желал устраивать сегодняшний прием, но лорд Мьюир настоял, и леди Кристи пришлось сглаживать острые углы, иначе он мог лишиться покровителя. Сэр Аластер, казалось, никак не мог понять, что лорд Мьюир необходим ему, если он хочет продолжать работу. Хозяин был блестящим человеком, мисс, но в некоторых вещах люди вроде него… — Она пожимает плечами. — Ну, они не слишком здравомыслящие.

Потому что для ученого утомительно — и оскорбительно — выступать в роли цирковой собачки. В этом я сочувствую сэру Аластеру. Но еще больше я сочувствую леди Кристи, которая была «здравомыслящей» и понимала: то, что её мужу *не следовало бы* заискивать перед спонсором, вовсе не означает, что он может себе позволить этого не делать.

— Я думаю, он также искал нового покровителя из-за этого, — говорит горничная. — Я слышала, как он пробормотал леди Кристи, что, возможно, ему не придется терпеть капризы лорда Мьюира слишком долго. Она спросила почему, а он лишь ответил, что с него хватит этого абсурда.

Я задаю горничной еще вопросы, главным образом потому, что она на них отвечает. Если находишь словоохотливого свидетеля, нужно выжать из него всё возможное, потому что другие могут быть не такими разговорчивыми.

Помогает то, что в доме, похоже, нет проблем, о которых горничная могла бы умолчать. Сэр Аластер был слишком поглощен работой, чтобы доставлять хлопоты персоналу. Леди Кристи была требовательной, но при этом внимательной и достаточно доброй, чтобы это компенсировать. Дети были детьми. С Фиби было непросто, но она была доброй девочкой и делала то, что ей велели… в конце концов. Майкл проказничал ничуть не меньше, но он также держал Фиби в узде.

Сэр Аластер хорошо обращался с женой и детьми. Леди Кристи была предана детям, а они — ей. Для недавно созданной сводной семьи здесь было удивительно мало трений, вероятно, потому, что все они знали друг друга годами.

После этого я разговариваю с несколькими другими слугами, но единственная сплетня, которую мне удается добыть, — это то, что двоих уволили, когда Кристи вернулись из Египта в прошлом году, а бывшая гувернантка с сыном возвысились до членов семьи. Одна горничная и помощник дворецкого не отнеслись к новоприбывшим с должным уважением, и их выставили за дверь — подозреваю, столько же за их поведение, сколько в назидание остальным.

Сэр Аластер ожидал, что к его новой жене и сыну будут относиться так же хорошо, как к первой жене и дочери, и любой, у кого с этим возникали проблемы, получал расчет за месяц и отправлялся на выход. С людьми обходились твердо, но справедливо, и хотя я записываю имена тех двоих слуг, меня заверяют, что они уже нашли новые места и ушли без лишнего шума.

Мы с МакКриди находимся в той малой гостиной, где Айла сидела с леди Кристи; это единственная комната, где мы можем поговорить наедине. Мы сопоставляем информацию. Ничто из его опросов не противоречит моим выводам. Никто не видел сэра Аластера с тех пор, как леди Кристи и дети ушли на прогулку, и никто больше не заходил в комнату с артефактами до тех пор, пока прием уже не был в самом разгаре.

— Значит, у убийцы было время «сделать мумию», — говорю я. — Задушить сэра Аластера. Затащить его тело в комнату с артефактами.

— Если он уже не был там.

— Верно подмечено. Так было бы даже проще. Застать его там или заманить внутрь, пока он на месте.

— Что было бы несложно. — МакКриди замолкает, когда за закрытой дверью раздаются шаги. Затем он продолжает: — Сэр Аластер мог зайти туда, чтобы проверить что-то перед сегодняшним вечером, или его могли увести туда под этим предлогом. И если убийство не было преднамеренным, то убийца решил использовать то, что было под рукой, чтобы спрятать тело.

— Слуги сказали, что сэр Аластер запер дверь после того, как они вынесли артефакты, но она была не заперта, когда лакеи пришли за мумией. Значит, сэр Аластер запирает её, а там его либо застает врасплох убийца, либо убийца приводит его туда. Ты ведь еще не видела комнату с артефактами, верно?

— Я ждала вас, прежде чем мы начнем обыск дома. Но начать нам стоит именно оттуда.

Мы поднимаемся с кресел и выходим в коридор.

— Нам понадобится проводник по дому, — говорит МакКриди на ходу. — Кто-нибудь из персонала показался тебе особенно подходящим для такой задачи? Кто-то с отличным знанием дома и маловероятной склонностью к истерикам?

— Я могу помочь вам, — произносит чей-то голос прежде, чем я успеваю ответить. Голос тихий, нерешительный; мы оборачиваемся и видим Майкла, застывшего в дверном проеме.

— Я знаю дом лучше большинства слуг, — говорит Майкл. — И я... я еще не сорвался. Фиби очень расстроена, что вполне понятно, и я решил, что будет лучше оставить её с моей матерью. Мне очень нравился сэр Аластер, но он не мой отец. — Он смотрит нам в глаза, по очереди, взглядом, в котором сквозит почти вызов, словно он ожидает что-то там увидеть.

— Хорошо, — осторожно произношу я.

— Он мне не отец, — повторяет он, подходя ближе. — Вы можете услышать, что это так, но это ложь. Люди так думают, потому что моя мать и леди Кристи были школьными подругами, а я выгляжу так, будто во мне течет английская кровь, и мы все жили вместе... Они делают выводы.

Его челюсть сжимается, и я понимаю: он не просто открещивается от сэра Аластера как от папы, он отрицает их биологическое родство.

— Мой отец был на британской дипломатической службе, — говорит Майкл. — Он был англичанином. Он умер, когда мне было три года, и тогда моя мать пошла работать к леди Кристи.

— Понятно, — говорю я. — Если мы услышим что-то обратное, мы проигнорируем это как сплетни.

Это не совсем правда. Если об этом упомянут в каком-то заслуживающем доверия ключе, который повлияет на следствие, нам придется это проверить. Но я также понимаю, как похотливые умы могли состряпать подобную историю. Две подруги, у которых дети примерно одного возраста? Смуглокожая гувернантка с сыном, который кажется наполовину белым? Очевидно же, что у детей один отец, и вот они все живут вместе — какая восхитительно гадкая тема для пересудов, не так ли?

— Я могу показать вам дом, если хотите, — предлагает Майкл. — Или могу сказать, кто из слуг знает его лучше всех, хотя даже они не знают всех тайников и лазеек.

Я улыбаюсь.

— Взрослые никогда не знают всех тайников и лазеек. Если ты чувствуешь в себе силы, мы будем признательны за помощь. Можем мы начать с комнаты с артефактами?

Келли Армстронг – Тревожа мертвых
Kelley Armstrong - Disturbing the Dead

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Первым делом я проверяю, запирается ли дверь в комнату с артефактами изнутри. Замок явно относится к тем временам, когда эта комната, вероятно, была гостевой спальней — очень унылым помещением без окон в дальнем конце коридора, из тех, что отводят гостям, чье долгое пребывание нежелательно. Тот факт, что она запирается еще и снаружи, может показаться тревожным, но в эту эпоху подобные комнаты не редкость: гости часто гостят неделями и могут захотеть запереть дверь, уходя по делам.

Внутренний замок важен потому, что он дал убийце время на мумификацию жертвы. Единственный ключ был у сэра Аластера, и если он находился внутри в процессе превращения в мумию, никто не мог случайно зайти и помешать его убийце. Затем убийце нужно было оставить дверь незапертой, чтобы слуги могли забрать мумию и чтобы все мы пережили тот ужасающий момент, наблюдая за вскрытием тела сэра Аластера.

Ранее мы предполагали, что убийца мог не знать о вечеринке и обмотал сэра Аластера бинтами, чтобы спрятать тело. Я больше в это не верю. Оглядываясь назад, понимаешь, что работа была сделана слишком топорно, чтобы скрывать труп долгое время. Вот почему у нас не возникло проблем с тем, чтобы размотать его. Шанс на то, что убийца просто решил спрятать его в бинтах мумии именно тогда, когда слуги вовсю суетились, готовясь к вечеринке со вскрытием? Практически равен нулю.

Убийца не хотел прятать тело. Ему нужен был драматизм. Мертвый сэр Аластер, найденный в бинтах мумии, которую он сам же и привез из Египта. Он планировал вскрыть останки бедного незнакомца, а в итоге на столе оказался его собственный труп.

Нам придется вернуться в комнату с артефактами для более тщательного обыска. Пока же МакКриди выставил у двери офицера с приказом не впускать никого — даже членов семьи. Это место преступления, и хотя полиция еще не до конца осознает последствия этого факта, они понимают, что МакКриди работает по-своему, и достаточно уважают его, чтобы не мешать.

Майкл проводит для нас быструю экскурсию по дому. Это нужно прежде всего для того, чтобы мы поняли планировку. Мы не знаем, принадлежит ли наш убийца к числу домочадцев, но если нет, нам нужно увидеть все возможные выходы.

Также мы кое-что ищем. Весьма важный — в буквальном смысле — недостающий фрагмент.

Останки, которые изначально находились в этих бинтах.

Мы провели быстрый осмотр в комнате с артефактами — наиболее вероятном месте, где их могли припрятать. Но из-за обилия древностей, выставленных к приему, мест, где можно было бы спрятать иссохший труп, оказалось не так уж много.

Это ведет к проблеме. К весьма серьезной проблеме. Убить, а затем мумифицировать сэра Аластера в запертой комнате было несложно. Но как вынести настоящую мумию? Когда дом полон слуг, суетящихся перед приемом?

— Не представляю, как это было осуществлено, — говорит МакКриди на ходу. — Но уж точно не через парадную дверь.

— Тогда почему бы не спрятать её где-нибудь в комнате с артефактами? Уносить её — огромный риск. Зачем? Существует ли черный рынок мумифицированных трупов?

— Черный...?

— Нелегальная сеть сбыта с конкретными покупателями.

— Я уверен, что на мумии есть спрос среди богачей. Но здесь речь идет о теле внутри, а мумией его делают именно бинты.

Майкл прочищает горло.

— Если позволите?

— Конечно, — отвечаю я, стараясь не улыбаться его вежливости. Это и плод викторианского воспитания, и, подозреваю, его натура.

— Тело могли продать для медицинских целей. — Он морщится и поспешно продолжает: — Я имею в виду шарлатанство. Высохшие тела не имеют реального медицинского применения. В начале века была мода на подобные снадобья, и хотя пик её прошел, нам всё же стоит быть настороже. Труп вроде этого может стоить сотни фунтов.

— Верно. Я слышала об этом. Люди... — Впрочем, сейчас это не важно. — Мы обсудим это позже, и нам может понадобиться твоя помощь, Майкл.

Он смотрит на меня, словно подозревая, что я просто потакаю ему. Увидев, что я серьезна, он важно произносит:

— Разумеется.

— Пока что предположим, что кто-то забрал мумифицированный труп, и вряд ли он просто хотел от него избавиться. Рискнули бы они вынести его из дома во время подготовки к вечеру? Или припрятали и планировали вернуться позже?

— Нам нужно увидеть все твои тайники, Майкл, — говорит МакКриди.

— Да, но есть кое-что, что вам нужно увидеть в первую очередь.

Мы находимся в самом нижнем подвале. В большинстве подобных таунхаусов подвал — это жилые помещения для прислуги, а не склад. В доме Грея на цокольном этаже расположены кухня, столовая для персонала и комнаты экономки. Здесь всё устроено похоже: первый подвальный этаж отведен под кухню, кладовые и жилье слуг. Но у некоторых домов в Новом городе есть еще один уровень — самый нижний подвал. В этом доме он используется под склад. И в дальнем углу этого подвала...?

— Тоннель? — удивляюсь я.

Майкл одаряет меня улыбкой, которая, я подозреваю, при любых других обстоятельствах осветила бы всё его лицо. Сейчас же это лишь слабая тень, но он старается.

— Да, это тоннель, — подтверждает он. — Мы с Фиби не знаем, для чего он. О нем мало кто осведомлен, и в это число не входят ни мама, ни... — Он отводит взгляд. — ...сэр Аластер. Мы не могли расспросить об истории этого места, не признавшись, что нашли его, а если бы мы признались, его бы запечатали.

Я понимаю, почему тоннель остался незамеченным всеми, кроме любопытных детей. Чтобы добраться до него, нужно спуститься по шаткой лестнице, а затем пересечь весь нижний подвал. В самом конце находится комната, забитая гниющими ящиками — похоже, в какой-то момент прислуга решила, что ничего из того, что попало сюда, не стоит труда по извлечению обратно. Вход в тоннель — массивная дверь за этими ящиками.

Майкл открывает дверь.

— Вход узкий, но сам тоннель шире.

Я смотрю на свое платье. Нет ни единого шанса пробраться туда в кринолиновой клетке. Придется её снять. Еще мне не помешала бы накидка, чтобы защитить ткань, но я не могу вот так просто попросить её у безутешной вдовы. Буду просто осторожна.

Я проскальзываю в соседнюю комнату и аккуратно снимаю кринолин. Следующая проблема — мои туфельки. Тут я вспоминаю, что видела ботинки этажом выше. Нахожу несколько пар, вероятно, принадлежащих горничным, и мысленно прошу прощения, заимствуя подходящую по размеру пару. Также я прихватываю фартук, чтобы надеть поверх платья.

Затем возвращаюсь вниз к МакКриди и Майклу.

МакКриди принес фонарь и идет первым. Мне приходится протискиваться в узкую дверь, но за ней тоннель уходит под уклон, пока не становится возможным идти в полный рост.

— Куда он ведет? — спрашиваю я.

— К саду в конце улицы, — отвечает Майкл. — Там есть боковые проходы, но они запечатаны или обвалились. Куда-то ведет только этот основной тоннель. — Он оглядывается, фонарь отбрасывает тень на его лицо. — Он заканчивается люком, который ведет в сарай в частном парке, сарай в руинах, им никто не пользуется.

— Секретный выход? — уточняю я. — Люк заперт?

Майкл качает головой на ходу.

— Нет, и я говорил Фиби, что именно поэтому нам стоит о нем упомянуть, но она возразила, что дверь в подвале всегда заперта, так что никто не может пробраться в дом этим путем.

— Я заметила, что когда мы вошли, она была не заперта.

— Это из-за вечеринки. Слуги весь день сновали туда-сюда в кладовые.

Мы продолжаем путь. Я иду за МакКриди, у которого фонарь, а значит, вижу в основном только его спину. Пол земляной, из камней, покрытых илом, так что неудивительно, что один из моих ботинок соскальзывает. Рука в перчатке ударяется о стену, МакКриди резко оборачивается, но я поднимаю вторую руку, давая понять, что со мной всё в порядке.

Я делаю ему знак идти дальше, но он, как истинный джентльмен, ждет, пока я приду в себя. Он вытягивает руку с фонарем, чтобы я видела, куда наступаю. Сделав пару шагов, он начинает отворачиваться, уверенный, что я твердо стою на ногах. И в этот миг свет падает на что-то у моей ноги. На нечто, похожее на обугленный кусок дерева, из которого торчит бледная палка.

— Погоди, — говорю я. — Можно мне свет?

МакКриди поворачивается; я собираюсь наклониться, напрочь забыв, что в корсете вечернего платья со шнуровкой это невозможно. Я резко вдыхаю, бормочу проклятье под нос и подхватываю подол, чтобы присесть на корточках. Собирая шелк, я вспоминаю, что тащусь по грязному тоннелю в платье, которое стоит больше годового жалования. Черт возьми.

Из-за всей этой возни я упускаю шанс самой поднять предмет с земли. МакКриди уже заметил его и — не будучи затянутым в корсет — легко наклонился, чтобы подобрать его.

— Что за дьявольщина? — бормочет он.

Он подносит предмет к фонарю. Длиной примерно в дюйм, почерневший и высохший, с торчащей из конца костью.

— Палец, — говорю я. — От мумии.

Майкл нырнул под руку МакКриди и пристально всматривается.

— Да, это он. Палец отломился. По крайней мере, кончик.

— Значит, мы на верном пути, — замечаю я.

— Я положу это в карман, — говорит МакКриди. — Знаю, как ты злишься, когда мы относимся к уликам столь бесцеремонно, но, не ожидая сегодня убийства, я не подготовился.

— Да-да, — ворчу я. — Просто будь с ним осторожнее.

Пока мы шли, мы миновали пару тех боковых проходов, о которых упоминал Майкл — тех, что больше никуда не ведут. Стоило нам продолжить путь, как мы почти сразу достигли следующего, и…

Майкл вскрикивает и бросается в боковой проход. Я подавляю желание отпихнуть МакКриди, хотя, возможно, мой толчок получается не самым нежным.

Майкл уже там, в этом проходе, он склонился над распростертой фигурой мужчины, и при виде этой фигуры мое сердце делает крошечный скачок. В тенях я могу разобрать лишь смуглую кожу гладко выбритой щеки и темные волнистые волосы, спадающие на волевой нос. Требуется всего мгновение, чтобы понять — это не Грей, и в следующее мгновение Майкл уже кричит: «Дядя Селим!» и трясет мужчину за плечо.

Я спешу мимо МакКриди. Мужчина — Селим, брат леди Кристи — лежит на боку, глаза его закрыты. По шее стекает струйка крови. Я прикладываю пальцы к его горлу и чувствую пульс.

— Дункан, — бросаю я МакКриди. — Зови Дункана.

Мы перенесли Селима наверх, в кухню. Грей не разрешил нести бесчувственное тело молодого человека дальше, пока не проведет должный осмотр. Во время осмотра Селим приходит в себя, и Грей объявляет, что его можно перевести в гостевую спальню. Мы сейчас там; Селим медленно приходит в чувство, пока Грей обрабатывает рану на затылке. Эта рана, очевидно, и стала причиной потери сознания.

Пока Грей занимается Селимом, я переобуваюсь обратно в туфельки и снимаю одолженный фартук. Я не утруждаю себя возвращением кринолина и лишних юбок. Уверена, выгляжу я сейчас паршиво, но в данных обстоятельствах это никого не волнует.

Майкл поработал гонцом, сообщив матери, что Селим здесь, он ранен, но с ним всё будет в порядке. Естественно, она хочет видеть брата, но нам нужно сначала поговорить с ним. МакКриди улаживает это, заявив, что Селим всё еще в прострации и нуждается в покое, и что сейчас для него лучше всего отдых, бульон и, возможно, немного бренди. Эти хлопоты занимают леди Кристи, пока мы допрашиваем её брата.

Теперь, когда Селим пришел в себя и сидит в хорошо освещенной спальне, я ни за что не спутала бы его с Греем. Лишь гладко выбритая смуглая кожа, волнистые темные волосы и профиль чем-то напоминают Грея. Этот молодой человек суше и на пару дюймов ниже ростом, у него более светлые глаза и лицо, которое кажется более склонным к смеху, чем к мрачным раздумьям… по крайней мере, когда он не восстанавливается после удара по голове. Даже сейчас его губы кривятся в ироничной усмешке, когда он начинает объяснять.

— Я хотел удивить детей, — говорит он с акцентом, похожим на акцент сестры: английская речь высшего общества с мелодичным подтоном, который, как я полагаю, и есть египетский акцент в этот период. — Я знаю об их секретном тоннеле, поэтому

пришел этим путем. Пока я шел, я кого-то услышал. Решил, что это дети. Зная о подготовке к приему, я был уверен, что Фиби попытается улизнуть ради какой-нибудь забавы. Я спрятался в боковом проходе, чтобы напугать их. Но мимо прошла фигура, которая не была ни Майклом, ни Фиби. Это был кто-то со свертком, похожим на дрова. Я затаился, намереваясь выскользнуть следом и посмотреть, что они задумали. Только, похоже, этот человек меня услышал. Я крался по тоннелю, думая, что он впереди, когда он выскочил из бокового прохода и огрел меня по затылку. Затем я очнулся уже здесь.

— Этот тип, — произносит МакКриди. — Как он выглядел?

Усмешка становится еще более кривой.

— Я даже не могу сказать, был ли это «тип». Я видел только плащ и этот сверток. Сверток привлек мое внимание, потому что палка, которую я видел торчащей из него, выглядела уже обгоревшей, что показалось мне странным. Я мог бы описать палку лучше, чем человека. Знаю только, что он был меньше меня. Ниже ростом и более хрупкого телосложения. Определенно крупнее детей, впрочем. И плащ или пальто был темным. Боюсь, это всё, что я могу сказать.

— Те палки, что вы видели, — спрашиваю я. — Могли они быть частями мумии? То есть трупа внутри?

Селим бросает на меня взгляд, словно видит впервые. Его брови хмурятся, будто я не похожа на человека, который мог бы задать такой вопрос.

— Мисс Митчелл — ассистентка моего соратника, — мягко произносит МакКриди. — Пожалуйста, отвечайте на её вопросы так, словно они мои собственные.

— Да, конечно. — Селим склоняет голову. — Я не хотел вас обидеть, мисс. Вы спросили, могли ли эти палки быть... — Он осекается, его глаза расширяются. — Частью мумифицированного трупа. Да. Это имело бы смысл. Я не знал, что сэр Аластер привез части тел в дополнение к мумиям. Это... — Он прочищает горло. — Надеюсь, он этого не делал. Может быть, это были части мумифицированной кошки или собаки?

Я бросаю взгляд на МакКриди и отступаю, позволяя ему взять на себя следующую часть. Он сообщает Селиму, что его зять мертв, а его тело было обернуто в бинты мумии.

— Мириам, — произносит Селим, порываясь встать. — Я должен увидеть Мириам. И детей. Они, должно быть...

МакКриди не дает молодому человеку подняться.

— Поскольку сэр Аластер был убит, а вас обнаружили в секретном тоннеле, боюсь, мне нужно сначала поговорить с вами. Ваша сестра и дети в порядке, вы скоро к ним попадете.

Губы Селима сжимаются, но он сдерживает гнев. Когда он отвечает: «Да, конечно», его слова звучат резко. Ему не нравится, что его удерживают вдали от горюющей сестры, но он не станет с нами спорить.

Я спрашиваю:

— Тот, кто убил сэра Аластера, также забрал мумифицированные останки. Мы заподозрили, что они ушли по этому тоннелю, и так нашли вас. Могло ли то, что вы видели, быть расчлененным трупом?

— Целым трупом? Нет, — резко отвечает Селим. — Это были куски. Они... они разломали его, как щепу для растопки. — В его голосе закипает ярость. — Они взяли человеческое тело и разломали его на части, чтобы было легче нести.

— Их заботило только то, как поскорее убраться оттуда, — замечаю я.

— Не только это, — говорит Селим. — Единственная причина красть мумифицированные останки — это продажа их для снадобий. Для этого тело не нужно целиком.

— Майкл упоминал об этом, — бормочу я. — Любая информация, которую вы сможете предоставить, поможет детективу МакКриди, но мы обсудим это позже.

— А пока, — говорит МакКриди, — нам нужно как можно больше подробностей о вашей встрече в тоннеле. В какое время вы прибыли. Как вошли. Что услышали. Также нам нужно знать все ваши перемещения с момента схода с корабля до прибытия сюда.

— Корабль прибыл вчера в два часа дня. Я сразу взял кэб до этого дома. Я могу дать вам детали: где меня подобрали и как выглядел возница. Я попросил его высадить меня на углу. Не уверен, на каком именно, никак не могу запомнить названия здешних улиц, но могу показать на карте. Затем я пошел прямиком к входу в тоннель.

— Вы знаете, в какое время прибыли?

— Знаю, что в четыре я был в кэбе. Я проголодался и знал, что ужин будет ранним из-за приема. Я посмотрел на часы, надеясь, что не пропустил его.

— А ваши вещи? Полагаю, вы привезли багаж.

— Я оставил его в том маленьком сарае, где начинается тоннель. Надеюсь, сумки всё еще там.

МакКриди задает еще несколько вопросов. Затем смотрит на меня.

— В свете того, что случилось с сэром Аластером, — говорю я, — нам нужно будет поговорить с кем-то, кто знает, сколько времени может занять разворачивание мумифицированных останков и… повторное заматывание тела.

Я избегаю упоминать, чье именно тело было замотано, но вспышка боли на его лице говорит о том, что моя уловка не помогла.

Я продолжаю:

— Не знаю, с кем бы нам поговорить об этом.

— Со мной, — отвечает он. — Я работал на раскопках моего зятя еще до того, как он стал моим зятем. Археология — моя область изучения. Я нашел ту самую мумию и знаю, что она была в плохом состоянии, бинты почти не держались на смоле. Её можно было скорее размотать, чем разрезать.

Селим задумывается на мгновение, его губы шевелятся, будто он ведет подсчеты.

— По грубой оценке, я бы предположил, что на то, чтобы размотать и заново замотать, ушло бы несколько часов. Два-три часа, в зависимости от навыков того, кто выполняет работу.

— И это был мой следующий вопрос. Насколько глубокие навыки для этого требуются?

— Для останков в столь паршивых бинтах? Размотать было бы проще простого, скорость ограничивалась бы только необходимостью фиксировать, как именно было сделано обертывание. Если действовать осторожно и не просто сдирать бинты, а внимательно следить за процессом, то заново замотать тело смог бы кто угодно.

— Спасибо. — Я смотрю на Грея. — Есть что добавить, сэр?

— Только инструкции по уходу за этой травмой головы, — отзывается Грей.

Келли Армстронг – Тревожа мертвых
Kelley Armstrong - Disturbing the Dead

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

МакКриди занят проверкой алиби Селима. Это оставляет нас с Греем на осмотре места преступления, и теперь у нас их сразу два. Мы начинаем с того, что в тоннеле.

— Это крайне необычно, — говорит Грей, когда я веду его внутрь, предварительно вернувшись к своим прежним манипуляциям с гардеробом для передвижения по тоннелям.

— Дети не знают изначального предназначения, — замечаю я. — Насколько старыми могут быть здешние дома?

— Недостаточно старыми, чтобы иметь под собой сеть тайных ходов. Подобные вещи обычно служили для побега во времена войн или гонений. К богатым семьям Нового города это не относится.

— Богатые считают себя преследуемыми только в собственном воображении.

В ответ я слышу его тихий смешок.

— Истинно так, — говорит он. — Каждый раз, когда заходит речь о реформах, состоятельные люди и впрямь восстают, оплакивая свою гонимую долю. Но почему-то я не думаю, что они строили тоннели, чтобы спасаться от толп бедняков.

— Не-а, они уже сделали это, построив Новый город. Оставили чернь в безопасности по ту сторону Маунда. А что насчет других причин для побега? Когда там была последняя битва на шотландской земле? Каллоден?

Его лицо становится серьезным, он кивает.

— Да, и хотя у якобитов определенно были тоннели и прочее, Каллоден предшествовал Новому городу лет на двадцать.

— А самые нижние подвалы здесь — это норма?

— В некоторых домах — да. Это вопрос для нашего списка. Есть ли они в других домах в этом ряду? И если нет, то почему он есть у сэра Аластера?

— Им нужен был самый нижний ярус подвала, чтобы уйти достаточно глубоко для постройки тоннеля. Как долго сэр Аластер здесь жил?

— Это дом его детства. Не уверен, как долго он принадлежал семье до этого.

— Тоннели простояли здесь достаточно долго, раз некоторые успели обвалиться, — замечаю я.

— Обвалились ли они? Или это были ложные пуски? Попытки проложить путь через нестабильный грунт?

— Верно подмечено, — говорю я. — И вопросы хорошие, хотя они могут и не иметь никакого отношения к нашему делу. Но, похоже, юный мистер Авад всё же столкнулся с нашим убийцей.

— Если только он сам не убийца.

— Я рассматриваю и этот вариант, — отвечаю я, замирая, чтобы заглянуть в неглубокий боковой коридор. — Нам нужно будет проверить его алиби. Тот факт, что его вырубили, еще не значит, что он не убийца. Или не соучастник. На данный момент в списке подозреваемых почти все.

— Даже я?

— Ты уже признал, что у тебя был зуб на покойного.

— Это не было обидой, — возражает Грей. — Он был просто одним из многих, кто отказал мне в практике после того, как я выкопал тело без разрешения.

— Потому что ты выкопал тело? Или потому что ты кувыркался с его сестрой?

Позади меня Грей издает какой-то сдавленный звук.

Я оглядываюсь через плечо.

— Ты не кувыркался с ней?

— Я… я не знаком с этим словом.

— О, я уверена, ты догадаешься.

Я продолжаю идти, пока Грей откашлялся.

— Да, у меня были отношения с его сестрой, — говорит он. — Я был молод, она недавно овдовела, и всё было…

— По обоюдному согласию и к взаимной выгоде. Никаких осуждений. Суть в том, что сэр Аластер, похоже, осуждал вовсю. То, чем его овдовевшая сестра занималась днями — и ночами, — было не его делом, но он сделал это своим делом и несправедливо обвинил тебя. Хотя это вряд ли тянет на мотив для убийства, мне всё же нужно быть уверенной, что ты не улизнул от Айлы сегодня днем, чтобы прикончить его.

— Я знаю, что ты шутишь, но внезапно поймал себя на лихорадочных попытках вспомнить, может ли Айла подтвердить мое местонахождение всё то время, что нас не было.

Я снова оглядываюсь.

— Я шучу. Что касается вдовствующей сестры сэра Аластера, мне очень жаль, если это стало частью причины, по которой тебе отказали в лицензии.

— Подозреваю, это сыграло свою роль. Я был молод и менее осмотрителен, чем следовало.

— В связи с этим мне стоит воспользоваться случаем и упомянуть о кое-чем еще более неловком, что я от тебя скрывала.

— Пожалуйста, скажи, что это нечто выставляет тебя в столь же некрасивом свете.

— Роман между взрослыми людьми, согласными на это, не повод для смущения, Грей. И мое признание как раз об этом.

— У тебя… был роман? Здесь?

— Серьезно? Когда бы я успела? Как я уже говорила, этого нет в моем списке желанных викторианских впечатлений. Роман — твой. Был твоим, я имею в виду. У Катрионы в комнате было письмо, которое она перехватила. Оно предназначалось тебе.

— Письмо… мне?

— От некой леди Инглис. Думаю, Катриона украла его из входящей почты, вскрыла и решила, что оно может пригодиться, если ей когда-нибудь понадобится надавить на тебя. Мне очень жаль.

— Она нашла доказательство романа между холостяком и вдовой? Я ожидал, что у Катрионы более высокие стандарты в выборе материала для шантажа.

— Оно было… Э-э, в общем, заранее прошу прощения. Я прочитала ровно столько, чтобы понять, о чем речь. Похоже, леди Инглис хотела заманить тебя обратно с помощью, э-э, подробных описаний того, чего ты, гм, лишился. После вашего разрыва.

Снова один из тех сдавленных звуков.

— Я правда прочитала не больше пары строчек, — быстро говорю я, не оглядываясь на него. — И мне жаль, что я увидела даже это. Мне было противно читать твою почту, пусть и ненароком, и противно хранить её, но я не могла придумать, как её вернуть, чтобы ты не понял, что она была у Катрионы. Жутко неловко. Так что я хватаюсь за этот смутно подходящий разговор, чтобы признаться и пообещать вернуть его.

Я снова поворачиваюсь к тоннелю, и мы идем в тишине, пока Грей не произносит:

— Да, это исключительно неловко. Для нас обоих. Мне жаль, что тебе пришлось это найти. Но ты можешь от него избавиться.

— Я действительно должна его отдать...

— Я бы предпочел, чтобы ты этого не делала. Я буду счастливее, не зная, что там было... и какие именно части ты могла прочитать.

— Ничего скандального. Я просто поняла, к чему всё идет, и быстро закрыла его.

— Гм. Ну, тем не менее, если ты его сожжешь, я буду признателен. Это стало бы лишь напоминанием об ошибке... — Он вдыхает. — Давай оставим это, так как я уверен: ты так же жаждешь сменить тему, как и я.

— Ага.

— Сожги его. Пожалуйста.

— Сделано. И, надо же, посмотри-ка. Мы дошли до места, где нашли мистера Авада. Никогда не думал, что мы доберемся, а?

Он издает тихий смешок.

— Это была очень долгая прогулка.

— Черт! — Я поворачиваюсь к нему. — Мистер Авад сказал, что нырнул в другой проход, а затем убийца, предположительно, спрятался в этом, чтобы устроить засаду. Значит, тот, где прятался мистер Авад, — это тот путь, которым мы только что пришли.

— Мы миновали один в паре футов позади.

Мы возвращаемся к нему, и я наклоняюсь с фонарем, в последний момент вспоминая, что от этого мои юбки сзади задираются, и мне нужно поправиться. В иле и почве видны четкие следы ног. Центральная часть тоннеля слишком каменистая, чтобы там остались отпечатки, но здесь земля мягче, потому что в этот короткий проход, который обвалился примерно через два метра, никто не заходит.

Грей зарисовывает след, пока я провожу импровизированные замеры с помощью сантиметровой ленты, которую стащила из швейного набора. Это всё, что мы здесь находим. Несколько следов, некоторые четкие, некоторые смазанные, что соответствует рассказу Селима о том, как он нырнул сюда, чтобы напугать детей.

— Предполагаемый убийца был нагружен охапкой костей, — говорю я. — Был ли у него свет?

Грей берет фонарь и гасит его, погружая нас во тьму.

— Я бы сказал, что да.

— У него был свет, и у мистера Авада должна была быть хотя бы спичка. Нам нужно будет спросить. Мистер Авад бы свой свет погасил. Можете зажечь его снова, пожалуйста, и пройтись по тоннелю? Я хочу проверить, что бы я увидела.

— Передайте мне спички, и я зажгу его снова.

Когда я не отвечаю, Грей говорит:

— Я шучу, Мэллори. — Он зажигает фонарь. — Я видел, как ты положила спички после того, как зажгла его. Тебе нужно брать их с собой на случай, если он погаснет.

Он отходит в глубь коридора. Я встаю там, где, судя по следам, стоял Селим. Проблема нашего теста, конечно, в том, что мы не знаем, какой именно свет был у незваного гостя и как его несли, но это вряд ли было что-то крупнее фонаря, и Грей охотно изображает, как можно было бы его держать с охапкой костей в руках.

Он несет фонарь в руке, которая ближе ко мне. Это левая рука; скорее всего, человек был правшой, но с моего ракурса это дает максимальное освещение.

При максимальном освещении, когда фонарь в левой руке и направлен так, чтобы светить ярче всего, я вижу только рукав Грея, его левое плечо и левое бедро. Даже когда я пытаюсь посмотреть в сторону его лица, тени скрывают его. Возникает ощущение фигуры в темной одежде, несущей охапку чего-то. Как и сказал Селим, я бы лучше описала эту ношу, чем саму фигуру. Я не могу определить ни пол, ни цвет кожи, ни цвет волос — ничего.

Мы пробуем эксперимент с фонарем в другой руке — вдруг при меньшем освещении Грея будет видно лучше. Нет. Я забираю фонарь и провожу тест сама, пока Грей наблюдает.

— Я могу сказать, что на тебе платье, — говорит он, — и что оно бирюзовое. Если бы на тебе был кринолин, я бы определил по форме, что ты женщина.

— Но не горничную в простых юбках. Или леди, которая их сняла.

— Да. А если бы на тебе был плащ, единственное, что я мог бы увидеть, — это твоя рука. Нам нужно будет спросить об этом мистера Авада.

— Верно. Вид руки мог бы подсказать оттенок кожи и, возможно, пол. Если только она не в перчатке.

— Что всё равно могло бы указать на пол, в зависимости от перчатки. В остальном же его утверждение, что он видел в основном охапку предполагаемых палок, подтверждается уликами.

Я бросаю последний взгляд вокруг, но здесь больше не на что смотреть. Нам важно было подтвердить, что рассказ Селима был как минимум правдоподобным. Теперь назад, к другому обвалившемуся ответвлению, где его оставили.

Следы на земле здесь тоже подтверждают его версию. Опять же, середина слишком истоптана, чтобы разобрать шаги, но у входа в боковой тоннель видны следы волочения — там, где его бесчувственное тело перетащили с того места в основном тоннеле, где он упал.

— Вопрос в том, — говорю я, — какую силу нужно иметь, чтобы протащить человека габаритов мистера Авада. — Я оцениваю взглядом Грея. — Ты чуть крупнее него, так что по возвращении в дом мне нужно проверить, смогу ли я протащить тебя на нужное расстояние.

— Условия будут иными. — Грей опускается на одно колено. — Чтобы воссоздать их максимально точно, ты должна тащить меня здесь. В другом направлении, конечно, чтобы не повредить исходные следы.

— Я не собираюсь тащить тебя по полу в твоем лучшем праздничном костюме, Грей. Миссис Уоллес тебя убьет.

— Только если я не свалю всё на тебя.

Я фыркаю.

— Свалишь на меня? И что же я сделала — сбила тебя с ног и потащила?

— Именно так. Как она давно и опасалась, ты задумала совершить со мной нечто гнусное, сбила меня с ног и потащила через грязь. К счастью, мне удалось спастись.

— Ты шутишь, но она ведь может в это поверить.

Грей уже ложится на спину.

— Ради науки, — говорит он и протягивает руку, чтобы я за неё взялась.

Я могла бы возразить, что нападавший на Селима, скорее всего, тащил его за пиджак, но если это была женщина, ей было бы трудно так низко нагнуться в корсете. Ей и впрямь пришлось бы тащить его за руки. Я хватаюсь и тяну. Это непросто, но земля, кажется, помогает, и мне действительно удается протащить его на нужное расстояние.

— Кто-то моей силы вполне справился бы, — говорю я. — С перерывами на отдых это под силу и кому-то чуть поменьше. Также было бы легче, будь на мне мой рабочий корсет — он меньше стесняет движения. Опять же, если преступник — женщина, то вряд ли это кто-то вроде леди Кристи... если только она не сменила свой обычный корсет.

Грей встает и отряхивается, а я начинаю внимательнее изучать отпечатки ног. Он присоединяется ко мне, но вскоре замечает:

— Их здесь слишком много.

— Ага, — отвечаю я. — Сначала сюда вбежал Майкл, потом я, потом Хью, потом ты...

Я не ворчу по этому поводу. Мы нашли человека в беде, никто не думал о сохранении места преступления, и даже если бы я об этом вспомнила, я бы поставила Селима на первое место. Иначе я могла бы сейчас расследовать еще одно убийство вместо нападения.

— Я зарисую те отпечатки, которые смогу разобрать, — говорю я.

Он выхватывает бумагу из моих рук.

— Эй, мои рисунки вполне нормальные, — возмущаюсь я. — Проблема в моем почерке.

— Твой почерк — проблема куда более серьезная.

— Вы оскорбляете мою ловкость рук? Чтобы вы знали, у меня скорость печати семьдесят слов в минуту, даже на мобильном телефоне.

— Уверен, это впечатляет, — говорит он. — Однако, поскольку в этом мире нет ничего, что требовало бы таких навыков, я бы посоветовал тебе больше практиковаться с пером и карандашом. Я зарисую следы. Ты — измеришь их.

— Слушаюсь, сэр.

Пока мы этим занимаемся, мы ищем другие следы в тоннеле. Я нахожу несколько волосков и забираю их, но подозреваю, что они принадлежат Селиму, так как были найдены примерно там, где лежала его голова.

Закончив, мы продолжаем путь по тоннелю. Идти остается недолго: вскоре мы добираемся до заржавевшей лестницы. Грей осматривает её.

— Старая, — говорит он. — Нам понадобится, чтобы кто-то осмотрел её получше, но я бы сказал, что эта лестница появилась раньше нынешних жильцов.

Я согласна. Даже в такой сырости она бы не заржавела так сильно за пару десятилетий.

— Я поднимусь первым, — говорит Грей. — Тебе будет трудно в этих...

Я хватаюсь за лестницу. Позади меня раздается вздох.

— Я лишь пытался проявить благородство, — говорит он.

— Оставив меня внизу, в темном тоннеле, где бродят убийцы? Вы просто хотели оказаться на лестнице первым.

Когда я начинаю карабкаться, я понимаю, что он вообще-то был прав. Даже без каркаса мое платье не предназначено для скалолазания. К тому же на мне панталоны с

разрезом. Все панталоны в это время с разрезом в паху, и когда я чувствую прикосновение воздуха, я вспоминаю об этом... и о том, что Грей стоит прямо подо мной. К счастью, он слишком джентльмен, чтобы заглядывать мне под юбки.

С неимоверным трудом я добираюсь до верха. Это люк без малейших признаков ручки, так что я толкаю его, и он распахивается. Сверху доносится ругательство, когда крышка с грохотом отлетает. Я поднимаю взгляд и вижу двух констеблей в форме. Одного я узнаю — это Иэн, молодой горец, который уже помогал нам раньше. Пока я выбираюсь из люка, другой офицер во все глаза пялится на меня, и я понимаю: я — явно не то, что он ожидал увидеть выходящим из подземного логова.

Иэн с ухмылкой бросается вперед, чтобы помочь мне выбраться.

— Приветствую, мисс Мэллори.

— И вам привет, — отвечаю я. — Прекрасный вечер для прогулки по тоннелям, не так ли?

Его ухмылка становится шире, он поднимает фонарь, чтобы осмотреть меня.

— У вас чудесное платье сегодня, мисс Мэллори.

Я кручусь, расправляя юбки.

— Разве нет? Его сшили специально для бегства по грязным тоннелям. Цвет так гармонирует с грязью.

Взгляд его напарника скользит по мне, и я понимаю, что мою шутку могут принять за флирт. Черт возьми. В моем времени коллеги бы знали, что я просто валяю дурака. Здесь, в теле Катрионы, с парнями, которые мне вовсе не коллеги, всё совсем иначе. Черт, будучи Катрионой, мне достаточно просто глубоко вздохнуть, и вздымающаяся грудь уже может быть истолкована как заигрывание.

Я оглядываюсь на люк.

— Доктор Грей. А вот и вы. Что-то вы припозднились, сэр.

— Понятия не имею почему, — ворчит он. — Не то чтобы надо мной лез кто-то в грязных сапогах, осыпая мою голову комьями земли. — Он отряхивается и оглядывается по сторонам. — Полагаю, тебя прислал Хью, Иэн?

— Так точно. — Иэн поднимает саквояж и чемодан. — Пришел забрать вещи мистера Авада.

— Они были прямо здесь? Там, где он и сказал?

— Именно так.

— Хорошо. Если вы их отнесете, мы с мисс Мэллори осмотримся здесь. Мы закроем люк, когда закончим, и вернемся в обход, по улице.

— Вам... не мешало бы стряхнуть грязь с одежды, прежде чем идти.

Грей вздыхает.

— Разумеется. Благодарю вас, джентльмены.

Келли Армстронг – Тревожа мертвых
Kelley Armstrong - Disturbing the Dead

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

В сарае мы ничего не находим. Как и сказал Майкл, это маленькое полуразрушенное строение в частном саду. Я помню, как в свое время приехала в Новый город Эдинбурга, увидела сады на карте и отправилась в один из них на приятную прогулку, но обнаружила лишь преграждающие путь ворота. Запертые ворота. Эти сады принадлежат частному сообществу; можно подать заявку на членство и получить ключ. Меня тогда поразила сама мысль, что огромные сады в самом центре города закрыты для публики.

Это уменьшенная версия того же самого. Сарай предназначался для садовника, нанятого сообществом. Но поближе к входу есть другой сарай, в более удобном месте, а этот оставили превращаться в руины, заросшие плющом.

Старый сарай заперт, но у Майкла — и Селима — есть ключи: дети нашли два штуки в ящике со старыми ключами после того, как впервые обнаружили тоннель.

Осмотревшись, мы уходим и возвращаемся в дом. Обошлось без воплей соседей по поводу двух бродяг в нарядных одеждах, явно украденных с трупов. Можно было бы сказать, что отсутствие внимания доказывает, что я выгляжу не так плохо, как мне кажется, но я подозреваю — всё дело в том, что сейчас три часа ночи. Кроме того, позвольте заметить, что в три часа утра в конце ноября чертовски холодно, когда на тебе только вечерний наряд.

Мы расспрашиваем Селима о руках нападавшего. Он об этом не думал, но, вспоминая, говорит, что видел либо темную кожу, либо темные перчатки. Он не разглядел достаточно хорошо, чтобы быть уверенным.

Затем мы осматриваем выставочный зал. МакКриди присоединяется к нам, но и детектив, и я признаем: человек, лучше всего подходящий для этой задачи, — это Грей.

Грей говорит, что я лучше разбираюсь в людях — вижу подсказки и связи в их речи, манерах и выражении лиц. Может, это и правда, но кажется, он просто бросает мне кость, чтобы компенсировать тот факт, что настоящий детектив справляется с… ну, детективной работой хуже него. У Грея глаз наметан на детали так, как мне и не снилось. Это еще не уровень Шерлока Холмса, но иногда кажется именно так.

Я нахожу Грея сидящим на корточках над комком грязи, который он изучает кончиком карандаша.

— Дайте угадаю, — говорю я. — Это из крошечной деревушки Керк, где почва имеет только такой специфический состав.

— Вряд ли. Всем известно, что почва в Керке в основном состоит из азота и калия, учитывая, что земля там, судя по всему, заселена курицами. — Он бросает на меня взгляд. — Я приветствую твое рвение в изучении гэльского, Мэллори, но, возможно, тебе пока не стоит его использовать.

— Эй, «Курица» — вполне нормальное название для города. В Аляске такой есть. Его вообще-то хотели назвать «Тундряная куропатка», но основатели не смогли это слово по буквам продиктовать.

Он поднимает взгляд, проверяя, не шучу ли я. Затем качает качает головой и возвращается к земле.

— Возможно, это и не из славной деревни Керк, но я верю, что мы сможем подтвердить или опровергнуть версию о том, что это из тоннеля. Почва там несколько отличается от того, что мы видим снаружи, возможно, из-за возраста или глубины. Мы возьмем это и сравним.

Подходит МакКриди.

— Потому что если это из тоннеля, значит, наш убийца не только сбежал этим путем, но и вошел через него. — Он косится на меня. — Я вообще хочу знать, к чему был этот разговор о курицах?

— Просто доктор Грей поставил под сомнение мои познания в географической этимологии.

— Он в этом ужасен, не так ли? И хотя мне крайне неприятно прерывать столь важную дискуссию, полагаю, я обнаружил орудие убийства.

Мы срываемся с места так быстро, что врезаемся друг в друга. Грей жестом пропускает меня вперед, как и подобает джентльмену, хотя, как и всегда, он на мгновение медлит, прежде чем уступить лидерство.

МакКриди ведет нас в дальний угол.

— Я оставил его *in situ*.

В щели между письменным столом и стеной лежит кусок веревки. Её не столько спрятали, сколько просто бросили. О, я уверена, убийца не оставил бы её валяться посреди комнаты. Это вызвало бы подозрения, которые могли испортить всё удовольствие от того, как мы вскрываем мумию и находим там жертву. И всё же в мире, где еще не исследуют волокна или кровь, нет нужды прятать орудие убийства по-настоящему. А если забрать его с собой — шансы попасться возрастают.

— Можно одолжить ваш карандаш? — спрашиваю я Грея.

— Если ты намерена использовать его, чтобы выудить веревку оттуда, то, полагаю, мы уже установили твою прискорбную ловкость рук. — Он встает передо мной и наклоняется. — Можно мне свет?

МакКриди приносит фонарь, и Грей светит в узкое пространство.

— Есть ли там что-то, кроме волос, что я рискую сместить? — спрашивает он меня.

Я качаю головой.

— Сомневаюсь, что мы смогли бы снять с неё даже отпечатки пальцев. В основном мы бы искали волосы, но если это орудие убийства, любые волосы, скорее всего, принадлежат сэру Аластеру.

Он кивает и всё равно с величайшей осторожностью извлекает веревку, подцепив её карандашом, и бережно кладет на стол, словно это ядовитая змея.

Пользуясь фонарем, Грей изучает находку.

— Похоже на кровь. На шее сэра Аластера была ссадина там, где веревка впилась глубоко в плоть. Я могу проверить, совпадают ли следы с этим конкретным куском веревки. Полагаю, что да.

— Ага, в это время нет никакого смысла подбрасывать фальшивое орудие убийства. Ну, в мое время в этом тоже не так много смысла, учитывая методы сопоставления оружия и ран, но это не мешает людям пытаться.

— Значит, полиция становится умнее, а преступники — нет? — уточняет МакКриди. Когда я смотрю в его сторону, он добавляет: — Порадуй меня, Мэллори. Скажи, что хоть что-то становится проще.

— Полиция абсолютно точно становится умнее, — отвечаю я. — А преступники, если уж на то пошло, только тупеют. Знаете, именно поэтому в органы начали пускать женщин. Работа становится настолько простой, что даже женщины справляются.

На это МакКриди отвечает мне улыбкой.

— На что бы вы смогли проверить эту веревку? — спрашивает МакКриди.

— На ту самую легендарную ДНК, верно? — подхватывает Грей. — По крови, а также по чешуйкам кожи, оставленным жертвой и, возможно, даже преступником. Если только они не носили перчаток.

— А они не будут их носить, — говорит МакКриди. — Потому что в будущем все преступники гораздо менее сообразительны. Мэллори пообещала, и я ей верю.

— Тогда попроси её рассказать тебе про город под названием Курица, потому что никто не смог написать слово «куропатка». Хоть кто-то поверит в эту небылицу.

— Эй, а вы сами-то сможете написать «куропатка»? — спрашиваю я.

— Я даже не знаю, что такое тундряная куропатка, и совершенно уверен, что ты и это выдумала.

— Вообще-то, нет, — вступает МакКриди. — Это разновидность тетеревиных, обитающая в очень холодных регионах. Не проси меня писать это слово, но мне приятно знать то, чего не знаешь ты, Дункан.

— Ты знаешь много такого, чего не знаю я. В основном это бесполезные пустяки, но иногда твой репертуар включает крупицы практической информации.

МакКриди в ответ на это делает неприличный жест, сопровождая его улыбкой. Они дружат с самого детства, и я им завидую. У меня полно друзей по колледжу и коллег, но я потеряла связь с друзьями детства, как это часто бывает в нашем мире, где дружбы на Фейсбуке кажется достаточно.

Я придвигаюсь, чтобы получше рассмотреть веревку. Затем начинаю кружить по комнате.

— О-оу, — тянет МакКриди. — Мэллори вышла на охоту. Пока мы тут лясы точим, она выстраивает связи.

— Может, да, а может, и нет, — бросаю я.

Под столом я замечаю пару ящиков. Упаковочные ящики. Я мельком видела их раньше, но не обратила особого внимания, потому что они были недостаточно велики, чтобы вместить мумию, а искала я именно её. Теперь, надев перчатки, я наклоняюсь, чтобы вытащить один... и ага, на мне всё еще корсет от вечернего платья со шнуровкой. МакКриди галантно подходит и вытягивает ящик за меня.

— Упаковочные материалы, — констатирую я. — Для транспортировки артефактов. Включая... — Я указываю на кусок пеньки.

— Веревка, — произносит МакКриди. — Похоже на тот же тип, хотя Дункану нужно будет её осмотреть. Если это она, значит, мы имеем дело с преступлением, совершенным под влиянием момента, а не с умыслом. Убийца не приносил веревку с собой. Он использовал то, что было под рукой.

— Значит, они были здесь и либо нашли веревку, либо её кусок лежал на виду, — рассуждаю я. — Мы установили точное место преступления? На полу есть кровь?

— Крови было пролито недостаточно для этого, — говорит Грей. — Это была всего лишь ссадина. Но мне кажется, я вижу другое место преступления, раз уж мы здесь.

Он делает несколько шагов и наклоняется.

— А-а, — говорит МакКриди. — Полагаю, я знаю, что это такое. — Он достает из кармана мумифицированный палец.

— Это... палец? — спрашивает Грей.

— Фаланга пальца.

— А Мэллори обвиняет меня в том, что я рассовываю улики по карманам. По крайней мере, я не делаю этого с частями тел. Удивлен, что ты не боишься запаха, который может остаться.

— Я завернул его в носовой платок, — отвечает МакКриди. — И достал его, потому что считаю, что он объясняет то, на что вы сейчас смотрите.

Я смотрю туда, где склонился Грей. На полу видны темные крупицы; отсюда они кажутся пеплом или угольной пылью. Вот только камина в этой комнате нет. Я нахожу кусочек в отдалении и пытаюсь нагнуться, но сталкиваюсь с привычной проблемой из мира моды. Грей выпрямляется и протягивает мне фонарь.

Я направляю луч как могу, прищурившись на пол. На моем ногте поместилось бы несколько таких крошечных обломков, а значит, на ковре их почти не разглядеть.

— У вас есть какая-нибудь...? — начинаю я, но вижу, что Грей уже протягивает мне листок бумаги.

— Спасибо.

С помощью бумаги он подцепляет крупицу и подносит её мне. Я вглядываюсь в неё в свете фонаря. МакКриди, судя по всему, буквально «отдал палец» Грею, и тот молча протягивает его мне. Кожа того же цвета. Она дубленая, но неровная по краям — там она выглядит почти так же, как этот осколок.

— Значит, скорее всего, именно здесь убийца разломал мумифицированное тело, — заключаю я.

— Я бы сказал, что да, — откликается МакКриди. — Учитывая то, что я вижу под этим.

Я поворачиваю голову и вижу, что он склонился у витрины. Направляю туда свет и замечаю небольшой коричневый предмет.

— Это...? — начинаю я.

— Еще один палец? Полагаю, что так.

С некоторым усилием я выпрямляюсь.

— Значит, убийца решает разломать тело на мелкие куски. Это непросто. Оно высушенное, а не обугленное. Один палец залетает под мебель. Другой отваливается в тоннеле. Чертовски «милое» обращение с покойником.

— Я видел и похуже, — невозмутимо замечает Грей.

— Аналогично, — соглашаюсь я. — Просто я больше возмущена тем, насколько он старый. Человек умирает больше тысячи лет назад, и его бренные останки возят повсюду, как балаганный экспонат, а затем ломают, точно связку хвороста. Впрочем, учитывая то, что убийца сделал с сэром Аластером, полагаю, не стоит ждать от него уважения к мертвым.

Стук в дверь. Я нахожусь ближе всех и распахиваю её: на пороге стоит Айла, пытающаяся улыбнуться сквозь явное изнеможение.

— Знаю, что вы заняты, — говорит она. — Мириам сейчас со своим братом, и дети с ними, так что нам с Эннис незачем больше здесь оставаться. Она подбросит меня до дома. А потом отправит карету назад, когда та доставит её саму. Могу ли я прислать что-то с каретой? Инструменты, которые могут вам понадобиться?

Я смотрю на Грея, тот качает головой.

— Всё, что нам нужно проанализировать, мы заберем с собой, — говорит он. — Передай Эннис, чтобы не беспокоилась насчет кареты. Мы дойдем пешком.

Взгляд Айлы скользит по нам обоим сверху вниз.

— Нет, не дойдете, — заявляет МакКриди. — Вы примете предложение Эннис и будете надеяться, что она на вас не посмотрит, прежде чем уедет, иначе она может передумать и заставить вас тащиться на своих двоих.

— Да-да. На Мэллори страшно смотреть. Я была вежливая и не стала упоминать об этом.

— На меня? — возмущаюсь я. — А вам, сэр, не нужно зеркало?

Айла отмахивается от нас.

— Возвращайтесь к работе. Ждите карету через час. Я попрошу миссис Уоллес приготовить ранний завтрак, он будет готов к вашему возвращению, когда бы это ни случилось.

— Завтрак? — Грей достает карманные часы. — А-а.

— Да, завтрак, — подтверждает она. — Я постараюсь сама хоть немного поспать, но встану к девяти, чтобы мы могли обсудить дело.

Келли Армстронг – Тревожа мертвых
Kelley Armstrong - Disturbing the Dead

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

МакКриди отправляется опрашивать обитателей дома по нашему списку, в то время как Грей ведет меня осмотреть тело. Он ждет более пристойного часа, чтобы послать за Саймоном и катафалком. В современном мире это могло бы нас ужаснуть: оставить тело в доме, чтобы не будить возницу ни свет ни заря? Но есть причина, по которой викторианские гробовщики на самом деле не имеют дела с трупами. Бальзамирования еще не существует, поэтому тела часто остаются в семейном доме до самой подготовки к погребению. Женщины в семье сами занимаются омовением и одеванием покойного. Так что наличие мертвеца в доме для викторианцев не так мучительно, как было бы для нас.

Помогает и то, что сэр Аластер лежит не на кухонном столе. Комната, где мы его размотали, заперта, а констебль следит, чтобы никто не входил. Мы проскальзываем внутрь и закрываем за собой дверь.

Одна из причин такой охраны заключается в том, что Грей оставил сэра Аластера частично раздетым. Это всего лишь расстегнутая рубашка, но в этом мире подобное сочли бы скандальным и неуважительным по отношению к человеку положения сэра Аластера.

— Я подумал, ты захочешь взглянуть, прежде чем я одену его для перевозки, — говорит Грей, пока мы пересекаем комнату. — Как ты уже видела, самая очевидная травма на его шее.

Я всматриваюсь в синяки и ссадины, которые отметила ранее. Затем проверяю веки сэра Аластера.

— Похоже, причиной смерти стало удушение, — констатирую я.

— Вероятно, да. Налицо классический признак — петехиальные кровоизлияния. Если теперь ты проверишь руки…

— Признаки борьбы? — Я приподнимаю его кисть и замечаю небольшие порезы на кончиках пальцев. — Нет, это…

Я осекаюсь; перед глазами вспыхивает образ — воспоминание о той ночи, когда я перенеслась в это время. Кто-то хватает меня сзади, веревка захлестывает шею. Тщетные попытки оттянуть её от горла.

— Да, защитные раны, — тихо произношу я. — Но он защищался от веревки, а не от нападавшего. — Меня бьет крупная дрожь. — Я это помню.

Грей резко вдыхает.

— Я беспечно показал тебе то, что могло вызвать травматичные воспоминания. Мои искренние извинения, Мэллори. Давай прекратим. Тебе не нужно…

— Нет, я в порядке. Просто вспышка. Я устала, и мысли путаются. — Я быстро встряхиваю головой и снова осматриваю руки. — Нападавший накидывает веревку на шею сэра Аластера. Тот хватает её и пытается оттянуть, но противник сильнее. Или… — Я отмечаю угол ссадин на шее. — Нападавший был выше. Тянул вверх. Так же, как… — Снова глубокий вдох. — Мой нападавший был выше меня, он заставил меня встать на цыпочки, из-за чего я не могла драться. Я просто болталась там, как тряпичная кукла. Вся моя подготовка по самообороне, все боевые навыки — я даже не могла толком ударить ногой, чтобы не задушить саму себя… Черт возьми!

Я делаю глубокий вдох.

— Я действительно очень устала.

Я поднимаю взгляд, но Грея уже нет напротив. Его пальцы ложатся мне на руку — прикосновение робкое, проверяющее, не отстранюсь ли я. Когда я этого не делаю, он сжимает мою руку.

— Я бы предложил обнять тебя, — говорит он. — Ты сделала это для Джек, когда мы её спасли, и она, кажется, оценила.

Я слегка улыбаюсь при этом воспоминании. Поначалу Джек была в ужасе. Объятия? Конечно, нет. Она была не из таких, да и эпоха не располагала к утешительным объятиям.

— Я предлагаю, — повторяет он, — хотя сомневаюсь, что ты согласишься.

— Это зависит от того, — отвечаю я, и глаза мои внезапно застилают слезы, — предлагаешь ли ты это просто из вежливости. Если так — я справлюсь сама.

Он раскрывает объятия.

— Я никогда не бываю вежливым. Спроси кого угодно.

Это заставляет меня рассмеяться, и я шагаю к нему, осторожно, помня о том, как викторианцы относятся к прикосновениям. Но когда его руки смыкаются вокруг меня, я позволяю себе немного прислониться к его груди, его хватка становится крепче, и я буквально проваливаюсь в него. Я не планировала этого. Просто так вышло, и прежде чем я успеваю ужаснуться, он уже держит меня, а глаза снова наполняются слезами — не от воспоминаний о нападении, а от чистого облегчения.

«Облегчение» — подходящее ли это слово? Это ощущается именно так, будто я, наконец, могу всё отпустить и расслабиться.

Я всё еще осторожничаю, слишком остро осознавая, что ему это может быть неловко, и вскоре отстраняюсь, моргая, чтобы прогнать слезы, и выдаю какую-то полушутку о том, что испачкала его сюртук.

— Если уж на то пошло, ты стерла с него часть грязи, — говорит он. — Мне жаль, если я пробудил эти воспоминания. Я не подумал.

— Если я сама об этом не подумала, то не стоит ждать этого от кого-то другого. А если бы и подумала — отмахнулась бы. — Я вытираю глаза. — Я говорила со многими жертвами насилия, которые винят себя за то, что ничего не предприняли, и я не думала, что буду чувствовать то же самое, но, видимо, в глубине души я чувствую. Всё произошло так быстро, я была не готова.

— Что ж, я считаю себя отличным пугилистом, и всё же ты была свидетелем нескольких случаев, когда меня заставали врасплох и изрядно отделывали. А теперь, кажется, я слышу снаружи карету, должно быть, это Эннис. Мы можем уйти, если хочешь.

— Нет, я хочу закончить осмотр. — Я вдыхаю и снова смотрю на сэра Аластера. — Я говорила о том, что сэра Аластера, похоже, душили под углом вверх, что ставило его в невыгодное положение. Но рассказ Селима наводит на мысль, что мы имеем дело с не самым высоким человеком. Сам сэр Аластер выше среднего роста, и он в отличной форме для викторианца.

— Для викторианца?

— Вы, ребята, не то чтобы ходите в спортзал трижды в неделю.

— Многие мужчины делают именно это, Мэллори.

— Ага, ради захватывающей партии в крикет.

— В крикет не играют в гимнастическом зале.

— Вы понимаете, о чем я. Вы плаваете и всё такое, а не тягаете железо.

Он хмурится, услышав незнакомый термин.

— Поднимаете тяжести, — поясняю я.

Его брови взлетают вверх.

— Зачем нам это делать? Мы же не ярмарочные силачи.

— Суть в том, что сэр Аластер в очень хорошей форме, а это значит, что он не просто стоял на раскопках и раздавал приказы. Он сам ворочал там лопатой.

— Ты твердишь про «очень хорошую» форму, что подразумевает, будто такая мускулатура — черта положительная и даже привлекательная.

— Ладно, он в отличной физической кондиции. Так лучше?

Я прикусываю губу, видя, как в голове Грея крутятся шестеренки. О, я знаю, о чем он думает. Как я уже говорила, парень не обделен эго, и он сейчас сравнивает свою «физическую кондицию» с кондицией сэра Аластера. Я могла бы сказать ему, что он в полном порядке — он активнее большинства викторианских мужчин, и у него такое телосложение, которое само по себе обрастает мышцами. Но я собираюсь развлечься, позволив ему помучиться этим вопросом.

— Суть в том, — продолжаю я, — что та некрупная фигура, которую видел мистер Авад, вряд ли смогла бы задушить человека габаритов сэра Аластера.

Он возвращается к реальности.

— Да, конечно, и я уже нашел разгадку этой задачи. Именно поэтому я оставил его полураздетым.

Он разводит полы рубашки сэра Аластера шире. Я морщусь, видя живот мужчины. Его брюшную полость уродует жуткий синяк.

— Ударили под дых. — Я присматриваюсь к гематоме. — Похоже на два синяка.

— Я предполагаю удар кулаком, а затем — сапогом.

— Нападавший бьет его в живот. Сэр Аластер сгибается пополам. Удар ногой в то же место сваливает его и выводит из строя достаточно для того, чтобы убийца накинул веревку на шею. Сэр Аластер на коленях, и этот угол помогает убийце перехватить веревку и тянуть вверх.

— На спине тоже есть синяк, что позволяет предположить: убийца уперся ногой в спину сэра Аластера, затягивая веревку. Это объясняет, почему она впилась так глубоко. А также означает, что мы не можем априори предполагать сильного — или мужчину — нападавшего.

— Удар в живот не обязан быть сильным, если он застает врасплох. Добавьте сюда пинок, а затем упор ногой — и женщина средней силы вполне могла бы это провернуть.

Я прохожу вдоль тела.

— Трупное окоченение всё еще в активной фазе, что согласуется со временем смерти где-то между серединой утра и ранним днем. Поздний день — это самый крайний срок, потому что убийце нужно было время, чтобы размотать мумию и замотать тело, а мы полагаем, что Селим видел их в тоннеле около четырех. Я бы сказала, однако, что мы, скорее всего, имеем дело со смертью поздним утром, вероятно, до того, как вернулись леди Кристи и дети — так было бы проще всё провернуть.

— Дети ушли, прислуга занята подготовкой к вечеру, а сэр Аластер заходит в свою комнату с артефактами и больше оттуда не выходит.

Я киваю.

— Чего никто не замечает, потому что известно: он приходит и уходит когда ему вздумается.

Дверь открывается. МакКриди просовывает голову внутрь.

— Карета Эннис здесь.

— И я полагаю, мы к ней готовы, — говорит Грей. — Идем, Мэллори. Наш вечер наконец-то подошел к концу.

Я снова в таунхаусе, у себя в комнате, готовлюсь к завтраку. Я бы не уснула, даже если бы попыталась, к тому же, если Грей и МакКриди собираются завтракать вместе, я хочу быть там. Они будут обсуждать дело, а мое положение всё еще достаточно шаткое, так что мне нужно оставаться в самом центре расследования, иначе они забудут, что у меня больше нет обязанностей горничной.

Когда я смотрю в зеркало, ситуация оказывается не такой плачевной, как я опасалась. Платье можно спасти. Есть одно место, где кружево зацепилось и порвалось, но в остальном чистка влажной губкой сделает свое дело. В этом преимущество темного кружева — оно выглядит на редкость хорошо даже после того, как его протащили через тоннель.

Главный беспорядок — это я сама: лицо в грязи, прическа пошла наперекосяк. Я понимаю, почему никто не хотел, чтобы я шла через Новый город пешком. Меня бы, скорее всего, арестовали за предложение услуг. Ну, не то чтобы кто-то подумал, что я действительно предлагаю услуги в таком виде, но они бы решили, что я возвращаюсь в Старый город после ночи дикого кутежа, возможно, включавшего борьбу в грязи.

Я распутываю волосы, когда кто-то стучит в дверь.

— Это я, — говорит Элис. — Пришла узнать, не нужна ли помощь с этим платьем.

Я сверяюсь с карманными часами на комоде. Это недавняя импульсивная покупка. Никто другой не понимает, зачем горничной или даже ассистентке судмедэксперта нужны такие часы. Я не могу перебороть свою современную одержимость временем. Неважно, что внизу есть часы, и я слышу ежечасный бой даже здесь. Мне нужно точно знать, который час, в любой момент.

Сейчас почти полшестого. Обычно Элис только начинала бы свою смену. Но сегодня, из-за приема, Айла и Грей должны были завтракать поздно. Даже теперь, когда Айла попросила подать завтрак пораньше, миссис Уоллес велела бы Лорне взять на себя обязанности Элис и позволила бы той поспать. В обычном доме такого бы не случилось, но здесь всё работает иначе: Элис занимает промежуточное положение между горничной и подопечной.

Я открываю дверь. Элис едва не вваливается внутрь. В свои двенадцать она после скачка роста вытянулась чуть выше пяти футов. Сколько бы она ни ела, она остается худой как щепка, без малейших признаков полового созревания. Мы не носим униформу, но её рабочее платье — это простое синее платье, белый фартук и чепец.

Она меряет меня взглядом с головы до пят.

— Ну и вид у тебя. Я принесу теплой воды и помогу тебе отмыться.

— Ага. — Я прислоняюсь к дверному косяку. — Ты встала, хотя могла бы еще поспать. Предлагаешь помочь с платьем. Теперь собираешься тащить сюда наверх теплую воду? Тебе что-то нужно. Пожалуйста, только не говори, что возникли проблемы с новой горничной.

— С ней? — Элис фыркает. — Она и двух слов-то не вымолвила. Кажется очень скучной.

— Скучная — это именно то, что нам нужно от горничной. Точно так же, как нам нужны горничные в гостиной, которые отличаются кротким нравом, помогают своим коллегам и предлагают набрать им ванну безо всякой на то причины. Впрочем, мы не всегда получаем то, что хотим, верно?

— Если тебе не нужна моя помощь…

— Я хочу знать, на каких условиях она предлагается.

— Никаких условий. Я просто надеялась на беседу. В отличие от новой горничной, ты очень любишь поговорить. Я помогу с платьем, а ты расскажешь мне всё о сегодняшнем вечере.

— Ах, вот и правда выплыла наружу. Ты хочешь послушать про чудесный бал, про все эти красивые платья, вкусную еду и восхитительную музыку.

Она закатывает карие глаза.

— Я хочу послушать про убийство. Очевидно же.

Я уже открываю рот, чтобы ответить, как вдруг Элис напрягается и оборачивается в сторону коридора.

— Что тебе нужно? — резко спрашивает она.

Тихий голос Лорны едва долетает до меня.

— Я пришла узнать, не нужна ли мисс Митчелл помощь.

— Не нужна.

— Могу я принести ей чашку чая? Я слышала, у неё была ужасная ночь.

— Если ей понадобится чай, я сама его принесу. Тебе следует прислуживать доктору Грею и детективу МакКриди.

Прищурившись, Элис провожает Лорну взглядом. Я воздерживаюсь от комментариев. Катриона изводила Элис, и потребовались месяцы — и совместное приключение, — чтобы убедить её в том, что я больше не та Катриона. Наконец она мне доверяет, и если она метит территорию перед новой девчонкой, я не стану спорить. У меня всё равно сейчас нет времени знакомиться с Лорной. Это подождет.

Элис я говорю:

— Я была бы признательна за таз с горячей водой. Мне нужно позавтракать с доктором Греем и детективом МакКриди.

— Нужно или хочется?

— Иногда это одно и то же.

Я сняла платье, которое Элис унесла в подвал для чистки. Пока я отмывалась, я рассказывала ей о том, что мы нашли. Она заставила меня дважды пересказать вскрытие мумии, ворча, что я пропускаю важные части. Под «пропуском» она, судя по всему, имела в виду «недостаточно смачные подробности». Еще она хочет увидеть палец.

— Я никогда не видела мумию, — говорит она. — В музее была одна, но её показывали только ученым.

— Миссис Баллантайн или доктор Грей сводили бы тебя.

Она пожимает плечами и не отвечает. Это та грань, которую она еще не готова переступить. Они — её наниматели, и когда они слишком добры, это заставляет её нервничать. Таков уж заведенный порядок вещей.

— Ты говоришь, дети выросли в Египте? — спрашивает она.

Я улыбаюсь на это.

— Дети? Они всего на год или два младше тебя.

— Если их отец баронет, они намного младше меня. Как беспомощные котята, которые умрут с голоду, если кто-то не принесет им обед.

Гордость придает её голосу резкость. Она в чем-то права. Какими бы умными и зрелыми ни казались Фиби и Майкл, трудно поверить, что они ровесники Элис, которая уже сама зарабатывает на жизнь.

Я достаю свое обычное платье.

— Ты не можешь это надеть, — говорит она, забирая его у меня. — Ты больше не горничная.

Я медлю. В этом она тоже права. Хотя это платье не является формой как таковой, Айла покупает нам рабочую одежду, чтобы нам не приходилось тратиться самим, и эта одежда подходит для работы — что означает, что она предназначена для мытья полов, а не для опроса свидетелей.

— Мне понадобится более подходящая одежда, — замечаю я, доставая одно из двух своих нерабочих платьев.

— Ты сможешь купить её, когда тебе поднимут жалование, — говорит Элис, забирая платье и стряхивая с него ворсинку. — Раз уж ты теперь ассистентка доктора Грея.

— Гм.

Она бросает взгляд в мою сторону.

— Он ведь платит тебе больше, не так ли? Если он сам не упомянул об этом, ты должна спросить. Он может забыть, что теперь, как ассистентка, ты имеешь право на более высокую ставку.

Грей уже поднял мне жалование, якобы в знак признания той дополнительной работы, которую я выполняю как ассистентка, но на самом деле, я думаю, потому, что эта ситуация одинаково неловка для всех нас. Я не горничная и не ассистентка. Я детектив полиции. Но они не виноваты в том, что я не могу выполнять эту работу, поэтому я хочу получать деньги за свой реальный труд, а не принимать подачки как родственница, попавшая в трудное положение.

Я надеваю платье и открываю дверь, обнаружив Лорну прямо на пороге; она застыла от ужаса, будучи пойманной.

То, что она здесь, наводит на мысль: она собиралась поговорить со мной. Хотя в этом вряд ли есть преступление, я понимаю, почему она может нервничать после того, как Элис на неё прикрикнула.

Теперь Элис снова прикрикивает:

— Что ты здесь делаешь?

— Я... я пришла сказать, что завтрак готов и джентльмены... Они, э-э, похоже, ждут, что мисс Митчелл к ним присоединится.

Выражение её лица говорит о том, что она сбита с толку; возможно, она думает, что ослышалась. Я могу быть ассистенткой Грея, но я всё еще прислуга, а значит, мне не положено разделять трапезу с семьей. Да уж, здесь всё иначе, в чем она скоро убедится.

— Мэллори, а не мисс Митчелл, — мягко поправляю я. — И они ждут, что я буду вести записи.

При этих словах она расслабляется. В этом мире еще не существует женщин-секретарей, но это хотя бы звучит логичнее, чем мое присутствие за столом на равных правах.

— Вам что-нибудь нужно, мисс? — спрашивает она. — Бумага, перо?

Я улыбаюсь.

— У меня всё есть, спасибо.

— Вы предпочитаете чай или кофе? Я всё приготовлю.

— Она спускается прямо сейчас, — заявляет Элис. — И завтрак буду подавать я.

И снова Лорна выглядит сбитой с толку. Существуют очень четкие правила о том, кто из персонала чем занимается. В относительно небольшом штате они порой пересекаются, но всё же горничная в гостиной не подает еду, если только поблизости нет дежурной прислуги.

Я знаю, почему Элис хочет подавать завтрак. Дело не столько в защите территории, сколько в желании подслушать разговоры о деле.

— Сегодня утром это сделает Элис, — говорю я. — Боюсь, дело предстоит мрачное, и мы не хотим напугать тебя так скоро.

— Да, — быстро подхватывает Элис, выпрямляясь. — Я к таким вещам привычная. А ты — нет.

С этими словами Элис вылетает из комнаты, конвоируя меня вниз, к завтраку.

Келли Армстронг – Тревожа мертвых
Kelley Armstrong - Disturbing the Dead

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Мы завтракаем в библиотеке, что не совсем прилично. Еду полагается поглощать в столовых. Даже если вам захотелось почитать во время еды, вы не станете есть здесь... и не потащите книгу в столовую.

Пока Айла спит, у мужчин есть оправдание: ну, они же мужчины. Дело даже не в том, что они выше правил, а в том, что от них нельзя ожидать этого знания. Это работа «Ангела дома».

Однажды я подразнила Айлу этим прозвищем, и её ответ был шокирующе — и восхитительно — нецензурным. «Ангел дома» — одна из тех викторианских концепций, что завернуты в бантики и блестки, чтобы скрыть гнилую сердцевину внутри. Предполагается, что это возвеличивает женщин, возводя их на пьедестал, где их будут лелеять как нечто доброе и чистое в этом грязном мире. На деле же это золоченая клетка, которая запирает их и физически, и психологически, заставляя быть этими самыми добрыми и чистыми маяками света.

От «Ангела дома» ожидают кротости и мягкости, её жизнь подчинена одной цели: поддерживать в доме уют и порядок для своего мужчины. Взгляните на стереотипную домохозяйку пятидесятых, и вы увидите, как эта концепция просочилась сквозь время. Её мужчина весь день тяжело работал, и он заслуживает вернуться в спокойный, прибранный дом к наряженной и красивой жене со стаканом виски в руке.

Проблема всех этих «тихо и прибрано», «кротко и мягко», «уютно и чинно»? Это скучно до чертиков. Поэтому викторианские мужчины среднего класса не спешат домой после работы. Они идут в свои пабы и спортивные клубы и развлекаются там, прежде чем им придется вернуться в лоно семьи, сесть на хлипкий стул и читать газету, пока жена вышивает, а детей не видно и не слышно.

Айла здесь не «Ангел дома». Никто и не хочет, чтобы она им была. Но она всё же хозяйка, и в её присутствии всё идет немного иначе. Без неё мы можем завтракать в библиотеке, а миссис Уоллес лишь закатит глаза с оттенком ласкового раздражения.

Ну, ласковое оно только для парней. Мне же достается просто раздражение — с изрядной долей подозрения. Расположить к себе Элис было всё равно что скатиться с детской горки. Миссис Уоллес — мой Эверест.

Я пью уже вторую чашку кофе — это лучшая защита от зевоты и предложений Грея вздремнуть. Да, в викторианской Шотландии кофе существует, к моему немалому удивлению. Не скажу, что это хороший кофе, но он есть. Я жажду поэкспериментировать с методами заваривания и со вспениванием молока, чтобы соорудить себе нечто похожее на нормальный капучино. Но для этого мне нужен доступ на кухню. А чтобы получить этот доступ, мне нужно убедить миссис Уоллес, что я не злобная Катриона, которая последние полгода втиралась в доверие к хозяевам только ради того, чтобы их отравить.

Пока что я пью то, что дают, и наслаждаюсь недооцененным удовольствием от свежего теплого хлеба, с которого капает масло. Скоро добавлю джем. Еще я воспользуюсь наличием ветчины и яиц. Но сейчас — только кофе и углеводы.

Мы поглощены обсуждением дела, когда в закрытую дверь раздается стук.

Я ближе всех, поэтому открываю. В проеме Лорна изображает полуреверанс.

— Мне сказали не открывать закрытые двери, когда доктор Грей расследует дело.

Я киваю и улыбаюсь.

— Всё верно. Спасибо.

— К хозяину пришел гость. Некий лорд Мьюир. Мне проводить его в гостиную?

— Пожалуйста. Я принесу поднос с кофе.

— Благодарю вас, мисс, — говорит она и поспешно уходит.

Мы еще только идем по коридору с чашками в руках, когда лорд Мьюир несется нам навстречу на всех парах, а Лорна семенит за ним по пятам, пища: «Гостиная вон там, сэр», и указывая дорогу.

Лицо Мьюира раскраснелось от усилий, его трость на максимальной скорости выстукивает дробь по полу.

— Вы! — бросает он, беря на прицел МакКриди. — Вы ведь офицер уголовной полиции, ведущий дело об убийстве Аластера?

— Я, сэр. — МакКриди перекладывает чашку в левую руку и протягивает правую. — Мои искренние соболезнования в связи с утратой…

Мужчина игнорирует протянутую руку МакКриди.

— Рад видеть, детектив, что убийство баронета не испортило вам аппетита. Можно было подумать, что вы будете немного заняты — поимкой безумного убийцы, — но, видимо, это не в приоритете.

Голос МакКриди звучит мягко.

— Я всю ночь провел на месте преступления, лорд Мьюир. Я здесь, чтобы обсудить дело с доктором Греем и дождаться отчета полицейского хирурга. Пока я это делаю, я ем, чтобы быть полностью готовым к продолжению расследования.

— Есть сможете сколько угодно, когда убийца будет за решеткой, и я поражен, что вы до сих пор её не арестовали.

— Её? — переспрашиваю я.

— Эту… — Он делает неопределенный жест рукой. — Девчонку.

Ни МакКриди, ни Грей не отвечают. Они лихорадочно соображают. Я тоже, и до меня доходит первой.

— Молодая женщина, протестовавшая вчера у дома? — спрашиваю я.

— Конечно. — Мьюир резко поворачивается к МакКриди. — Скажите мне, что она под стражей.

— Я знаю, что она была расстроена демонстрацией вскрытия, — говорит МакКриди. — Она останавливала людей на входе.

— Расстроена демонстрацией? — Мьюир фыркает. — Плевать ей на демонстрацию. Это был лишь повод, чтобы унизить Аластера. Или так я думал сначала. Но теперь я понимаю: это была уловка, чтобы отвлечь внимание на случай, если её заметят на месте убийства. К тому же, находясь снаружи, она могла слышать переполох, вызванный её гнусным деянием.

— Кажется, я чего-то не улавливаю, — произносит МакКриди. — Вы решили, что мисс Кинг хотела унизить сэра Аластера, потому что…?

— Из-за того, что он сделал. С ней и остальными. И что продолжал делать.

— Что он сделал…?

— С этими женщинами. Он был одержим идеей их остановить.

— Мисс Кинг — одна из «Семерки», — бормочу я. Затем поворачиваюсь к Мьюиру: — Вы это имеете в виду? Семь женщин, которые учатся на врачей.

— Учатся медицине. Врачами они не станут.

— Хорошо, — говорю я. — Семь женщин, которым разрешили изучать медицину. Вы утверждаете, что сэр Аластер пытался им помешать?

— Он лоббировал в университетском совете отказ по заявлению мисс Джекс-Блейк, — раздается голос за спиной лорда Мьюира. Появляется Айла; на ней домашнее платье — видимо, её предупредили, что у нас гость. — Вчера, когда мы встретили мисс Кинг, я припомнила какую-то связь между «Семеркой» и сэра Аластером. Потребовалось время, чтобы вспомнить детали. Он был одним из тех, по чьей вине совет отказал мисс Джекс-Блейк. Теперь, когда она собрала остальных шестерых и добилась зачисления, он продолжает лоббировать их исключение или введение новых ограничений.

Она встречается взглядом с лордом Мьюиром.

— Потому что, видимо, недостаточно закрыть им доступ на лекции и заставить мисс Джекс-Блейк обучать их самостоятельно. Женщины не могут учиться вместе с мужчинами. Как же те будут концентрироваться, когда в аудитории столько... — Она машет рукой. — Женских частей тела.

Лорд Мьюир давится воздухом.

— Это отвлекает.

— Странно, — продолжает она. — Я отнюдь не лишена способности замечать красивых мужчин, но никогда не ловила себя на том, что они отвлекают меня от занятий настолько, что я не могу сосредоточиться. А если бы и отвлекали — это была бы моя проблема, которую мне следовало бы преодолеть. Я была лучшего мнения о молодых людях, чей интеллект позволил им поступить на медицинский факультет.

Я жду, что Мьюир начнет возмущаться, но он отступает, кивнув.

— Справедливое замечание, мэм. Прошу прощения. Я расстроен из-за убийства друга.

— Вполне понятно, — говорит Айла. — Полагаю, вы намекаете на то, что мисс Кинг убила сэра Аластера, дабы устранить ярого противника её учебы. Это звучит довольно радикально, но раз уж она была на территории дома и имела претензии к покойному... — Она осекается, переводя взгляд на МакКриди, словно осознав, что заходит на его территорию.

— Мы проверим мисс Кинг, — говорит МакКриди.

— Немедленно! — требует Мьюир.

Я ощетиниваюсь и жду, что МакКриди даст отпор. Когда он этого не делает, я осознаю свою ошибку. Можно сказать, что виноват этот мир и то, как здесь пресмыкаются перед знатью, но если бы я вела дело у себя дома, от меня бы ждали того же почтения к любому влиятельному лицу. У них громкие голоса и тугие кошельки, и мы можем сколько угодно твердить, что закон един для всех, но это не так.

— Я сам поговорю с мисс Кинг, — говорит МакКриди. — Доктор Грей останется, чтобы получить отчет доктора Аддингтона, когда вскрытие будет завершено.

— Вы поговорите с ней? — переспрашивает Мьюир. — Или арестуете её?

— Поговорю и затем передам свои выводы тем, кто правомочен принимать решение об аресте. — Своим начальникам и прокурору-фискалу. МакКриди этого не произносит. Он не собирается давать Мьюиру список мишеней для травли.

— Приемлемо, — бросает Мьюир. — Я буду ждать полного отчета сегодня днем.

Челюсть МакКриди при этом дергается, словно он пережевывает слова, которые хотел бы высказать в лицо лорду, но он лишь бормочет:

— Я передам вашу просьбу соответствующим сторонам. Доброго дня, лорд Мьюир.

Здесь грань между моей новой жизнью и старой окончательно размывается. Формально я наемный работник Грея: сначала была горничной, теперь ассистентка. Но если МакКриди нужна моя помощь в деле, это имеет приоритет, и я это ценю. О, бывают моменты, когда долг обязывает меня помогать МакКриди, хотя у Грея происходит что-то более интересное, но даже если я больше не госслужащий, я всё равно чувствую обязательства той, старой жизни.

Сегодня МакКриди хочет, чтобы я сопровождала его на встречу с мисс Кинг. Есть много ситуаций, когда внешность симпатичного полицейского помогает, если опрашиваемый — женщина. Но интуиция подсказывает нам обоим, что мисс Кинг не поддастся на легкое обаяние МакКриди.

Также есть много ситуаций, когда пребывание в теле молодой женщины помогает мне в общении с собеседницами. Я располагаю их к себе, выглядя как можно меньше похожей на представителя закона. Опять же, сомневаюсь, что мисс Кинг на это купится.

На что она может отреагировать, так это на ассистентку странного и прямолинейного доктора. Айла была бы еще лучше подготовлена, чтобы произвести впечатление на мисс Кинг, но опыт проведения допросов именно у меня. Поэтому Грей обещает, что не станет осматривать сэра Аластера после официального вскрытия до моего возвращения, и я отправляюсь с МакКриди.

Айла действительно нам помогает, делясь более полными сведениями о «Семерке». Она рассказывает, что у них есть своего рода штаб-квартира, и говорит, где её найти. Она и сама там бывала, предлагая поддержку и домашнюю выпечку. Вопреки намекам мисс Кинг, Айла поддерживала их всеми доступными способами, и я знаю, как её расстраивает необходимость ставить интересы собственной карьеры выше дела женского образования, но, думаю, она нашла верный баланс.

Я предлагаю ей пойти с нами, но она считает, что от этого будет мало толку. Свое время ей лучше потратить на анализ грязи и других образцов, собранных на месте преступления. МакКриди соглашается, и мы откланиваемся.

База «Семерки» — это квартира на Баклю-плейс, где обосновалась их лидер, София Джекс-Блейк, вместе с еще одной девушкой из группы. По словам Айлы, женщины используют это место как своего рода учебный класс. Именно туда мы с МакКриди и направляемся; кэб высаживает нас неподалеку.

— Неплохая была вечеринка, пока не случилось убийство, — замечаю я на ходу.

МакКриди смеется.

— Подобные вещи имеют тенденцию портить праздник.

— Айла наслаждалась вечером? Я знаю, она была расстроена после нашей стычки с мисс Кинг.

— Она быстро пришла в себя. — Он нежно улыбается. — Айла не может устоять перед хорошим приемом.

Я смотрю на него с удивлением. Я уже собираюсь сказать, что не видела, чтобы она их посещала. Затем до меня доходит, почему.

— Она не ходит на них, потому что всё еще, строго говоря, в трауре?

МакКриди проходит несколько шагов, словно обдумывая ответ.

— Возможно, в первый год или около того. Теперь, боюсь, она... чувствует себя менее уютно, чем раньше. Айла обожала вечеринки. Мы ходили вместе. Ну, с другими людьми, конечно. Дункан никогда не был любителем приемов, поэтому она любезно

составляла мне компанию. А потом появился Лоуренс... — Он резко качает головой. — Многое изменилось после появления Лоуренса, включая саму Айлу.

Еще пара шагов, прежде чем он быстро добавляет:

— Я не в обиду ей это говорю. В большинстве своем она осталась прежней. Просто... стала осторожнее. Менее открытой. Впрочем, она возвращается к жизни. Становится собой прежней, возвращает былую уверенность. Ты во многом этому способствуешь. Она видит твою уверенность, и это подпитывает её собственную.

— Может и так, но иногда я переживаю, что подаю... не самый лучший пример. Как тот друг, у которого куча денег, и он сорит ими направо и налево, а ты пытаешься за ним угнаться, пока не понимаешь, что ты совсем не в том же положении. Я могу позволить себе быть странной. Это не мой мир. Я не знаю, как долго здесь пробуду. Но когда я начинаю об этом беспокоиться, мне кажется, что я веду себя снисходительно.

— Тебе нужно позволить Айле самой делать выбор, — мягко говорит он. — Она не ребенок.

Щеки мои обдает жаром.

— Я знаю.

— Мне нужно делать то же самое. Радует ли меня мысль о том, что она бросается в опасность вместе с тобой? Нет. Но если я буду смеяться над Дунканом за то же самое и при этом трястись над Айлой, это будет неправильно.

— Да уж, тебе и впрямь стоит больше беспокоиться о Дункане.

Он тихо смеется, пока мы переходим дорогу.

— Истинная правда.

— Но я понимаю, о чем ты, — добавляю я. — У тебя неплохо получается не опекать её чрезмерно.

— Значит, я великий актер, потому что именно это мне и хочется делать. Хочется уже давно... — Он делает глубокий вдох. — Хватит об этом. Мы на месте.

Я вижу, что мы стоим через дорогу от дома на Баклю-плейс — узкая дверь зажата между двумя другими.

— А теперь самая неловкая часть, — произносит МакКриди. — Полиция никогда не пользуется популярностью у тех, кто придерживается радикальных политических взглядов. Нас видят врагами, и иногда — вполне справедливо.

— Ага. Я помню, что случилось в прошлый раз. — Тогда я предложила поговорить с парой юнцов с крайне правыми взглядами на иммиграцию, и дело приняло скверный оборот, когда они заметили констебля МакКриди снаружи. — В этом случае ты не можешь отправить меня одну, потому что это официальное полицейское расследование, а я не официальная полиция. Впрочем, если ты думаешь, что нам стоит разыграть какую-то роль, чтобы нам открыли дверь — уже поздно. Они нас заметили.

Его взгляд поднимается к окну, где отодвинули занавеску: бледный овал лица обращен в нашу сторону. МакКриди вполголоса чертыхается.

— Если бы я считала, что нам нужно их обмануть, — говорю я, — я бы здесь не стояла. Это молодые женщины, привыкшие, что с ними обращаются как с детьми. Я бы предложила нам так не поступать.

Он склоняет голову.

— Конечно. Я об этом не подумал.

Мы переходим дорогу. МакКриди стучит в дверь. Когда никто не отвечает, он зовет:

Келли Армстронг – Тревожа мертвых
Kelley Armstrong - Disturbing the Dead

— Детектив МакКриди, эдинбургская полиция. Прошу прощения, леди, что беспокою вас, но боюсь, мне нужно задать несколько вопросов мисс Кинг.

Он заносит руку, чтобы постучать снова, когда дверь резко распахивается. Перед нами стоит единственная участница «Семерки», чье имя я знаю и кого могу узнать в лицо. Лидер, София Джекс-Блейк. Её темные волосы убраны в строгую прическу, а маленький рот, кажется, застыл в вечной презрительной гримасе, но глаза светятся добротой, хоть и настороженной.

— Миссис Кинг здесь нет, — заявляет она, придерживая дверь и преграждая вход.

— Мои извинения, мэм. Значит, миссис Кинг. Мне нужно поговорить с ней самым срочным образом, и мне сказали, что она может проживать здесь.

— Это не так. Хотя она часто бывает здесь по вечерам, она редко остается на ночь. Мы не видели её вчера вечером, но я полагаю, вы знаете причину и именно поэтому вы здесь.

— Э-э, да, боюсь, она находилась у дома, где…

— Произошло убийство. Да, она говорила со мной о событиях вчерашнего вечера.

— Уже? — удивляюсь я.

Джекс-Блейк бросает на меня холодный взгляд.

— То, что она делает в свободное время, должно быть её личным делом, но она понимает, что это может коснуться всех нас, если привлечет внимание к одной. Убийства имеют свойство привлекать внимание. Вы мисс Митчелл, я полагаю?

Должно быть, у меня очень удивленный вид, потому что она добавляет:

— Мне надлежит знать, с кем я имею дело. Миссис Кинг упомянула, что столкнулась с детективом — мистером МакКриди — и что его сопровождали доктор Грей, две его сестры и его юная ассистентка. Вы и есть та ассистентка — я узнаю вас по описаниям приключений доктора Грея, автор которых пускается в весьма поэтичные рассуждения о ваших золотых локонах и лазурных глазах.

Я поворачиваюсь к МакКриди.

— Напомните мне разыскать этого писателя, как только мы раскроем дело.

Не померещилось ли мне, что губы Джекс-Блейк дрогнули?

— Пожалуйста, сделайте это, — говорит она. — Описание рисует весьма досадный ваш портрет, если вы действительно ассистентка доктора Грея, а не просто милое личико, призванное скрашивать его будни.

— Можно быть и тем, и другим одновременно, — бормочет МакКриди, и я награждаю его свирепым взглядом.

— Что касается миссис Кинг, — продолжает Джекс-Блейк, — она призналась, что протестовала против вскрытия мумии, которое имело место до убийства. — Она медлит. — Нет, полагаю, это было до *обнаружения* убийства, но сэр Аластер, должно быть, был уже мертв, раз его убийца запеленал его как мумию. Это потребовало бы времени. Впрочем, довольно символично. — Её взгляд поднимается к МакКриди. — Противоречит ли закону говорить подобное о представителе так называемой знати?

— Пока нет.

— Миссис Кинг созналась, что была у дома и была узнана миссис Баллантайн, и она поняла, что это может создать нам проблемы. Она собиралась рассказать мне об этом при следующей встрече. Вместо этого она услышала об убийстве и пришла прямо ко мне.

— В какое время это было? — спрашивает МакКриди.

Джекс-Блейк вздыхает.

— Это будет полноценный допрос, не так ли? Тогда вам лучше войти. Чем дольше полиция стоит у нашей двери, тем больше людей будут уверены, что нас всех — наконец-то — собираются арестовать.

Мы входим и оказываемся в прихожей с деревянным полом, таким же потертым, как и выцветшие желтые обои.

— Мисс Митчелл? — произносит она. — Раз уж я решила сотрудничать, я буду делать это в полной мере. Вы можете проверить, не солгала ли я о том, что миссис Кинг здесь нет, пока я буду беседовать с детективом МакКриди. Я бы предпочла, чтобы это сделали вы, так как одна из наших сейчас спит в задней комнате и была бы весьма встревожена, проснувшись и увидев в помещении детектива МакКриди. — Её губы снова дергаются. — Или, возможно, не столько встревожена, сколько разочарована, узнав, что он пришел лишь ради миссис Кинг. Идемте, детектив. Я как раз поставила чайник на плиту.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Поиск проходит достаточно быстро. О, если бы я думала, что найду улики, связанные с преступлением, я бы сполна воспользовалась тем, что меня оставили одну. Но Джекс-Блейк не просто так позволила мне разгуливать здесь без присмотра. Даже если миссис Кинг виновна, здесь не было бы никаких доказательств её вины. Мне бы хотелось порыться в вещах, чтобы удовлетворить личный интерес к столь захватывающей части истории, разворачивающейся передо мной. Но это было бы нарушением частной жизни.

Как и сказала мисс Джекс-Блейк, в доме находится только одна девушка — та самая студентка, что заснула над учебниками. Я не спрашиваю её имени. Опять же, это было бы бесцеремонным любопытством. Я вижу, что она не миссис Кинг, и иду дальше, коротко извинившись за беспокойство.

Когда я возвращаюсь в гостиную, Джекс-Блейк встает мне навстречу.

— Ну что, — спрашивает она, — мы прячем убийц под половицами?

— Нет, но еды вокруг разбросано достаточно, чтобы привлечь крыс из-под этих самых половиц.

— Знаю, — вздыхает она. — Нам правда нужна горничная. Не желаете предложить свои услуги?

— Простите, я переквалифицировалась с крошек на трупы.

Она склоняет голову.

— Означает ли это, мисс Митчелл, что вы подумываете о медицинской карьере?

— Нет. Наука интересует меня в основном для раскрытия преступлений. Из меня вышел бы ужасный врач. У меня нет этого деликатного «умения общаться с пациентами».

— Странно, я и о себе слышала то же самое. Что ж, если передумаете, нам всегда пригодятся молодые женщины, готовые присоединиться к нашему делу.

— Я буду рада помочь делу расширения возможностей для женщин любым доступным способом... пока это не подразумевает самостоятельного штудирования медицинских трактатов.

Она одаривает меня искренней улыбкой.

— Я ценю вашу прямоту и поддержку. Пожалуйста, передайте привет миссис Баллантайн. И скажите доктору Грею, что мы были бы весьма признательны, при условии, что он поддерживает право своей сестры на карьеру, если бы он поддержал и наше дело.

— Хотя я не люблю говорить за Дункана, — мягко произносит МакКриди, — могу сказать, что он на вашей стороне, но боится, что открытая поддержка принесет больше вреда, чем пользы. Он фигура неоднозначная в медицинском сообществе.

— Пусть поговорит со мной. Я его переубежу. А пока — доброго дня вам обоим.

Джекс-Блейк дала МакКриди адрес миссис Кинг — та живет, судя по всему, с мужем. Да, обращение «миссис» подразумевает замужество, но так бывает не всегда. Хотя я не думаю, что наша экономка — вдова, никто не назовет её «мисс». В данном случае мистер Кинг действительно существует и, более того, сам является студентом-медиком.

Мы прибываем по адресу. Это Старый город, но приличная его часть. Квартира, правда, находится на самом верхнем этаже, на который ведут пять пролетов весьма

подозрительных лестниц. Иными словами, паре этот район не совсем по карману, но для молодых студентов тут безопаснее, чем в большинстве мест.

На этот раз в дверь стучу я, МакКриди стоит за спиной. Мы не собираемся прикидываться кем-то, кроме полиции, но женское лицо на пороге может помочь.

Дверь открывает молодой человек лет двадцати четырех, стройный и темноволосый. Подозреваю, он был бы весьма недурен собой, если бы выспался. Учебник в его руках и чернильные пятна на пальцах подсказывают, что он не спит ночами вовсе не из-за посиделок в пабе. Увидев нас, он выпрямляется и проводит рукой по волосам, размазывая чернила по лбу.

— О, вы, должно быть, к Райанам, — говорит он. — Их дверь следующая. — Он понижает голос. — Они правда ценят ваши корзины, даже если мистер Райан ворчит. С вашей стороны это очень любезно — приносить им еду, пока миссис Райан больна. Мы предлагали посильную помощь, мы с женой оба студенты-медики, но они видят в этом лишь подачку.

— Боюсь, мы не к Райанам, — отвечает МакКриди. Он кивает. — Детектив МакКриди, эдинбургская полиция. Если вы мистер Кинг, то я встречал вашу жену вчера вечером у дома сэра Аластера.

Лицо молодого человека дергается.

— Детек... Моя жена? У сэра... у чьего дома? Боюсь, вы ошиблись. Моя жена была здесь со мной всю ночь. Да, всю ночь. И вечер. — Он поднимает книгу, рука его слегка дрожит. — Мы занимались вместе.

— Один из наших спутников опознал вашу жену, — произносит МакКриди не без участия. — Миссис Кинг не стала отрицать этого и позже сказала мисс Джекс-Блейк, что видела меня.

Рот Кинга беззвучно шевелится. Затем он ссутулится.

— Простите, детектив. Я просил Флоренс не ходить туда вчера. Говорил, что это кончится неприятностями, но она была настроена решительно. Полагаю, вы пришли арестовать её за нарушение общественного порядка на приеме.

— Нет, мне нужно расспросить её о деле куда более серьезном.

Кинг замирает.

— Она разбила окно или что-то в этом роде? Если так, то это вышло случайно.

— Можем мы войти и поговорить с ней?

Кинг медлит.

МакКриди говорит:

— Будет лучше для всех, если мы не станем вести этот разговор в коридоре.

Молодой человек жестом приглашает нас войти и закрывает дверь.

— Её нет дома. Можете обыскать здесь всё, если хотите, но, как видите... — Он обводит комнату взглядом с горькой усмешкой. — Искать особо нечего. Мы женаты всего два месяца и до сих пор обставляем жилье.

МакКриди кивает мне, и я вхожу первой.

— Мисс Митчелл осмотрится, — говорит МакКриди. — Она работает на консультанта полиции.

Искать здесь и впрямь почти нечего. Единственная комната площадью пару сотен футов с двумя ширмами. Я заглядываю за каждую, пока МакКриди опрашивает Кинга.

— Когда вы в последний раз видели жену? — спрашивает МакКриди.

— Час назад или около того. Она заглянула ненадолго сказать, что её не будет весь день. Я возразил, мы собирались погулять в парке, но она пообещала, что мы сходим завтра. У меня возникло чувство, что что-то случилось.

— Она не сказала, что именно?

Кинг качает головой.

— Я решил, что это связано с мисс Джекс-Блейк и остальными. Иногда мне лучше не знать, что они затевают. — Он быстро добавляет: — Я считаю, что моя жена имеет такое же право изучать медицину, как и я, и стать врачом. Мы так и познакомились. Прошлой весной мисс Джекс-Блейк устроила беседу для студентов-мужчин, которые хотели больше узнать об их движении. Я был… — Он морщится. — К сожалению, я был одним из немногих, кто пришел. Если я не посвящен во все их планы, то лишь потому, что моя жена считает это правильным. Она боится, что это может поставить под удар мою карьеру. Я говорю, что это не имеет значения, но она настаивает: хоть у кого-то из нас должна быть работа. — Ироничная улыбка. — Флоренс — женщина очень практичная, и я это ценю, потому что сам я человек не слишком практичный.

Я проверила пространство за обеими ширмами. Теперь я бросаю взгляд на Кинга, но он стоит ко мне спиной. Я проскальзываю в ту часть комнаты, что служит спальней.

МакКриди продолжает:

— Вы упомянули её протест на вчерашнем приеме сэра Аластера. Полагаю, жена рассказала вам об этом?

Ответа я не слышу. Я с трудом опускаюсь на пол, чтобы заглянуть под кровать, от которой слегка пахнет заплесневелой соломой. Там, впрочем, чисто, простыни заправлены, и под кроватью нет ни единого комка пыли.

Оглядываюсь через плечо. Мужчины всё еще разговаривают. Хорошо.

Единственный другой предмет мебели в этом крошечном закутке — самодельная тумбочка, заваленная стопками книг. В ней всего один ящик. Я бесшумно выдвигаю его. Внутри лежат современные — для этого времени — презервативы, из тех, что подешевле, сделанные из каких-то кишок животных. За это Кинг получает балл в свою пользу. Он может сколько угодно говорить, что поддерживает учебу жены, но это — реальное доказательство. Ребенок стал бы удобным поводом убедить Флоренс Кинг бросить свои мечты и стать «нормальной» женой.

Больше в ящике ничего нет. Выдвигаю его до конца и проверяю пространство за ним. Пусто. Оглядываюсь, и мой взгляд падает на кровать.

Со вздохом смирения я приподнимаю матрас. Ну конечно: под ним лежат два вскрытых конверта. Вот в чем беда мира, который существовал до появления детективных сериалов. Люди выбирают самые очевидные места, чтобы что-то спрятать. Это даже как-то разочаровывает.

Проверяю, продолжают ли мужчины беседу. Затем вытягиваю содержимое конвертов. В одном — ключ. В другом — несколько листов бумаги, исписанных мелким женским почерком. У меня нет ни единого шанса прочитать их до того, как Кинг заметит мое отсутствие. А если его жена узнает, что здесь была полиция, она спрячет всё, что угодно.

Что ж, в детективной работе эпохи, предшествовавшей строгим протоколам осмотра и правилам хранения улик, есть свои плюсы. Мысленно извинившись перед святым покровителем правоохранительных органов, я засовываю конверты в карман.

Я проскальзываю обратно как раз в тот момент, когда Кинг, кажется, вспоминает о моем существовании.

— Миссис Кинг нигде нет, сэр, — докладываю я МакКриди.

— И у вас нет ни малейшего представления, где она может быть? — спрашивает МакКриди её мужа.

Молодой человек качает головой.

— Я бы посоветовал заглянуть в комнаты, которые снимает мисс Джекс-Блейк. Я могу дать вам адрес.

— Он у нас есть, и вашей жены там нет.

Кинг вытирает пот со лба.

— Тогда мне очень жаль. Я правда не знаю. — Он быстро добавляет: — Но в этом нет ничего необычного. Когда она чем-то встревожена, она часто уходит на долгие прогулки, обычно вдоль Уотер-оф-Лит или на Колтон-хилл. Она просила не ждать её к обеду, но сказала, что вернется к чаю.

— Хорошо. Передайте ей, что это снова был детектив МакКриди. Мне нужно срочно с ней поговорить, и если она не явится в мое полицейское управление до наступления темноты, я буду вынужден отправить сюда людей, чтобы её привели. Это будет весьма неловко.

— Д-да, сэр. В управление до заката. А где оно находится?

МакКриди дает указания, и мы уходим.

Мы едва успеваем выйти на улицу, как к нам подбегает молодой констебль.

— Сэр, — говорит он. — Вас ищет детектив Крайтон.

В эпоху до появления мобильных телефонов или даже полицейских раций система связи в полиции просто поразительна. Помогает то, что Эдинбург в это время не такой уж огромный город. Если кому-то нужен МакКриди, весть об этом разлетается повсюду, вместе с примерным районом, где он может находиться. Офицеры, выполняя свои обычные обязанности, посматривают по сторонам, и если замечают его, передают сообщение.

Когда констебль уходит, я рассказываю МакКриди о конвертах и достаю их.

— Теперь и ты рассовываешь улики по карманам? — поддразнивает он.

— Вы с доктором Греем плохо на меня влияете. Мне нужно было их там оставить?

— Нет, ты правильно сделала, что забрала их. Если эти конверты важны, Кинги перепрятали бы их на случай, если мы вернемся с более тщательным обыском. В худшем случае мы сможем вернуть их на место позже.

Я стараюсь не морщиться от этой мысли. Затем, пока мы идем, я спрашиваю, что он думает о Флоренс Кинг.

— Пока лорд Мьюир не настоял на её кандидатуре, я не считал её серьезной подозреваемой, — говорит он. — Я и сейчас не до конца убежден. Впрочем, мне не нравится эта её манера пускаться в бега. Даже если это в её привычках, это выглядит подозрительно.

— Особенно учитывая, что она делает так, когда чем-то «встревожена».

— Гм.

— Хочешь забрать их? — спрашиваю я, протягивая конверты.

— Нет, отнеси их Дункану. Изучите их там, а я загляну, как только смогу.

Келли Армстронг – Тревожа мертвых
Kelley Armstrong - Disturbing the Dead

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Я вхожу в таунхаус через заднюю дверь и еще только снимаю уличные ботинки, когда на лестнице раздается дробь шагов. Поступь слишком легкая для Грея и даже для Айлы. Слишком быстрая для миссис Уоллес. Слишком тяжелая для Элис. Тогда кто же...?

Из-за угла высовывается Лорна. Ах да, точно. Новая горничная.

— Мисс Мэллори, — говорит она, и я её не поправляю. Если она пока не готова называть меня просто по имени, то это вполне сойдет. — Доктор Грей велел вам спуститься в его кабинет, как только вернетесь, а миссис Баллантайн сказала, что вы должны пообедать с ней, и что доктор Грей может присоединиться, если будет настаивать. — Она понижает голос: — По-моему, она так подшучивала.

Я улыбаюсь.

— Так и есть.

— Она сказала, что за обедом вы будете обсуждать дело, так что вам нужно взять свои записи. Но сначала вам нужно зайти к доктору Грею. — Она протягивает руку. — Позвольте, я почищу их для вас.

Я медлю, пока не понимаю, что она имеет в виду мои ботинки. Обычно я — та, кто чистит ботинки всем подряд, включая свои собственные. Но это работа горничной, напоминаю я себе, а я больше не горничная. И всё же, даже когда у нас бывали другие временные служанки, ни одна из них не предлагала почистить мою обувь.

— Я почищу их позже, — говорю я, — но ценю ваше предложение.

— Могу я принести вам чаю? — спрашивает она.

Хм. Другие горничные такого тоже не предлагали. К этому я могла бы и привыкнуть.

Я сверяюсь со своими карманными часами.

— Как раз время для утреннего чая доктора Грея с печеньем. Я выпью чашку вместе с ним. Спасибо.

Она изображает полуреверанс.

— Я всё принесу вниз.

Я надеваю домашние ботинки и спускаюсь. Грей в своей лаборатории, он смотрит на тело сэра Аластера.

— Он говорит что-нибудь интересное? — спрашиваю я.

— К сожалению, нет. Даже будучи трупом, он весьма скучный собеседник. — Он морщится. — Это было мелочно и грубо с моей стороны. Сэр Аластер мог быть весьма обаятельным. Я восхищался его страстью к работе, и у меня всегда было чувство, что мы бы отлично поладили, если бы он смог перешагнуть через...

— Цвет вашей кожи?

— Если честно, это никогда не было проблемой. Еще в медицинской школе я развил в себе весьма острое чутье: я сразу понимал, кто лишь заявляет, что его не заботит смуглый врач, хотя на самом деле это не так. Но с сэром Аластером такой проблемы не было. К тому моменту он уже годы работал с египтянами — как с экспертами и профессионалами, так и с рабочими. Проблема была в... ну... — Он бросает быстрый взгляд в мою сторону. — В романе с его сестрой. Хотя, опять же, не думаю, что его реакция имела отношение к моей коже. Он был бы в таком же бешенстве, будь на моем месте Хью.

— Как вдова, его сестра была на его попечении. Как и её добродетель.

— Не уверен, что дело было в этом, скорее он боялся, что ей причинят боль. Ведь это она была той, кто... — Он прочищает горло. — Она инициировала эти отношения. Думаю, он решил, что я ею воспользовался. Недоразумение, но оно всё же не так плохо его характеризует, как если бы он считал сестру своей собственностью. Его жена, по крайней мере, первая, была очень передовых взглядов, как и его сестра, и его это, кажется, никогда не смущало.

— И всё же у него были претензии к женщинам на медицинском факультете?

Его губы сжимаются.

— Мне это показалось странным. Возможно, его уважение к женскому интеллекту имело границы? Могу лишь представить: будь его первая жена жива, она бы изрядно его отлупила за выступления против студенток.

— Его нынешняя жена тоже не кажется застенчивой скромницей. Просто, возможно, она еще не набралась уверенности в собственном голосе.

— Да, вероятно, они женаты недостаточно долго, чтобы она чувствовала себя вправе возражать. К тому же, полагаю, леди Кристи была в Каире, когда сэр Аластер выступал против зачисления девушек. Она оставалась с детьми и помогала брату приглядывать за раскопками. — Он качает головой. — Но хватит об этом. Вы здесь, чтобы обсудить вскрытие.

— Смею ли я надеяться, что оно прошло успешно?

— Это зависит от того, настроена ли ты...

Раздается стук в дверь, почти неслышный.

Я кричу «войдите», и Лорна вносит поднос с чаем.

— Куда мне это поставить, сэр? — спрашивает она.

Грей рассеянно машет рукой в сторону стола, стоящего вплотную к прозекторскому. К чести Лорны, она не колеблется. Она ставит поднос в двух футах от обнаженного трупа, чья нагота лишь слегка прикрыта куском ткани в районе паха. Затем начинает разливать чай.

— Вам не обязательно это делать, — говорит Грей.

Она улыбается.

— Всё в порядке, сэр. Не часто мне выпадает случай подавать чай подле мертвого тела.

— Ты отлично справляешься, — замечаю я.

— Благодарю вас, мисс.

Мы ждем, пока она закончит разливать чай и уйдет.

Когда за Лорной закрывается дверь, я спрашиваю:

— Так что там со вскрытием? Вы сказали, что его успех зависит от...?

— От того, настроена ли ты посмеяться над Аддингтоном или предпочтешь биться головой о ближайшую стену.

— Всё настолько плохо, да?

— Он позволил мне присутствовать на вскрытии главным образом потому, что хотел закончить до возвращения лорда Мьюира. Он спросил, что я думаю, и я совершил ошибку, предположив удушение. Тогда он заявил, даже не взглянув на тело, что сэр Аластер умер оттого, что его запеленали в бинты мумии и ему стало нечем дышать.

— Вы объяснили ему разницу между странгуляцией и нехваткой кислорода?

— О, это лишь первая из множества проблем данной версии. Затем он пустился в велеречивые рассуждения о том, какой жуткой и ужасающей должна быть такая смерть: очнуться и обнаружить, что ты замурован в бинтах мумии. Этот образ его явно захватил. Признаюсь, это меня несколько обеспокоило.

— «Несколько»? Это я здесь макабрическая натура, но даже я не хочу думать о том, каково это — умирать вот так. Однако я точно знаю, что не стала бы просто лежать и задыхаться... если бы могла хоть немного подергаться и выбраться из этих чертовых бинтов.

— Вздор, Мэллори. Какая нелепая мысль. Пробивать себе путь наружу? Почему бы просто не лежать и не упиваться ужасом своей неминуемой кончины?

Я качаю головой.

— Скажи мне, пожалуйста, что он сменил версию причины смерти после того, как увидел совершенно очевидные странгуляционные борозды на шее сэра Аластера.

— Сменил, к счастью. И хотя он не заметил синяков на спине и угла наложения веревки, он всё же обратил внимание на гематомы на животе. Он также провел вскрытие корректно и пришел к выводу, что это действительно было удушье, вызванное странгуляцией. Я склонен согласиться.

— Значит, сэр Аластер умер именно так, как мы и думали.

— Да. В остальном же, как я и сказал, сэр Аластер мало что может нам поведать.

— А веревка? — спрашиваю я.

— Ах, да. Я как раз успел проверить её до прихода Аддингтона. — Он указывает на веревку. — Хочешь взглянуть?

Я улыбаюсь.

— Хочу, спасибо.

Сопоставление следов оружия — это одна из вещей, которые они могут делать уже в это время. Точнее, Грей может, хотя юридическая сила таких доказательств в суде всё еще под вопросом. Процедура состоит из трех основных этапов. Первый — сравнение размера и текстуры образца веревки с отметинами на коже. Я делаю это и соглашаюсь, что они совпадают, насколько это вообще возможно установить. Следующий шаг — изучение волокна, извлеченного из раны, и сравнение его с волокном самой веревки. Под увеличительным стеклом они действительно идентичны. Третий этап — самый доказательный, но в нем участвовала Айла. Она взяла эти два волокна для сравнительного анализа и обнаружила сходство. Судя по всему, эту демонстрацию я тоже пропустила.

— Я также подтвердил, что это тот же тип веревки, который мы нашли в упаковочных ящиках, — говорит Грей.

— Что указывает на то, что убийство не было предумышленным, — замечаю я. — Да, я знаю, здесь это не имеет значения — это всё равно убийство, и убийца всё равно отправится на виселицу. Но на ход расследования это влияет.

— Потому что использование орудия убийства из подручных средств наводит на мысль, что преступник не планировал убивать сэра Аластера.

— Верно, — соглашаюсь я. — Либо сэр Аластер застукал их за чем-то, возможно, в комнате с артефактами, либо они поспорили, и убийца набросился на него.

— Это должен был быть очень тихий спор, раз никто его не услышал.

— Справедливое замечание. Учитывая... — я осекаюсь. — Айла хотела обсудить это за обедом. Нам стоит подождать?

Он сверяется со своими карманными часами.

— Я бы предпочел не ждать с решением о нашем следующем шаге. Впрочем, согласен, Айла должна участвовать в разговоре. Пойдем узнаем, свободна ли она, чтобы присоединиться к нам за этим чаем, который мы уже успели остудить?

— Хорошая идея.

Мы в столовой со свежим чаем, печеньем и Айлой, которая действительно была готова к нам присоединиться. Мы быстро вводим её в курс дела. Она подтверждает, что её анализ веревки совпал с волокнами, найденными на шее сэра Аластера, и что использованный кусок веревки взят из того же мотка, что и веревка для упаковки. Значит, орудие убийства уже находилось на месте преступления.

Что касается грязи: следы, найденные в выставочном зале, не дают окончательного совпадения с грязью из тоннеля. Они могут быть оттуда, но мы не можем с уверенностью утверждать, что убийца вошел именно этим путем.

Затем я произношу:

— Итак, перед нами, похоже, незапланированное нападение. В той комнате что-то произошло, и сэра Аластера убили без лишнего шума, который можно было бы услышать через закрытую дверь. Он наткнулся на убийцу?

— На краже артефакта, — предполагает Айла.

— Это самый очевидный ответ. Дверь была отперта, пока их выносили. Допустим, убийца проскользнул внутрь до того, как её снова заперли. А потом вошел сэр Аластер.

— А мог у убийцы быть ключ? — спрашивает Айла.

— Нет, только у сэра Аластера... — я замолкаю. — Но ключ мы так и не нашли, а значит, он всё еще где-то там.

Я вспоминаю спрятанный ключ в квартире Кингов. Достаю конверт из кармана и объясняю, откуда он взялся.

— Это не ключ от комнаты с артефактами, — говорит Грей. — Пока мы были в том доме, я осмотрел замок, чтобы проверить, можно ли его вскрыть твоим методом.

— Моими верными шпильками?

— Да, и там более сложный механизм. Тот ключ, — он указывает на лежащий на столе, — от замка попроще.

Он прав, конечно. Это классический викторианский ключ, из тех, что мы в современном мире считаем «старинными». У моей бабушки были такие замки в доме, и я обожала вскрывать их отмычками из своего набора юного детектива.

— Значит, три варианта, — подытоживаю я. — Первый: убийца пробрался внутрь, пока выносили артефакты. Второй: они зашли, пока сэр Аластер был там, а дверь — не заперта. Третий: сэр Аластер сам привел этого человека внутрь. Вот только в то утро в доме не было посетителей. Что наводит на мысль, что убийца — кто-то из прислуги.

Айла качает головой.

— Они готовились к приему. Люди приходили и уходили постоянно, и персонал не считал бы их «посетителями». Кто-то мог легко войти через черный ход, будь он одет в любую рабочую одежду или одежду посыльного.

— Кроме того, — добавляет Грей, — хотя слуги могли и не впускать никого постороннего, сэр Аластер был не из тех, кто строго соблюдает церемонии. Если бы он ждал гостя, а прислуга была занята, он бы сам впустил его.

— В таком хаосе при подготовке к шикарному приему проникнуть в дом было бы проще простого, — замечает Айла.

— Нам нужно, чтобы полицейские Хью продолжили опрос персонала, — говорит Грей. — Теперь, что касается ключа... — он пододвигает его к себе и хмурится. — Он очень старый.

Старый...

— Тоннель? — спрашиваю я. — Сарай наверху заперт. У Селима был ключ, и у Майкла. Сколько вообще может быть таких ключей?

— Я попрошу ключ у мистера Авада и посмотрю, совпадет ли он.

— Хорошая идея. Теперь это письмо... — я разворачиваю его на столе руками в перчатках и щурюсь. — Почерк такой убористый, я едва могу что-то разобрать.

Айла протягивает руку, и я передаю письмо ей. Затем она качает головой и отдает его Грею.

— Проблема не в мелком почерке, — говорит она. — Похоже, это написано не по-английски.

— Нет, — возражает Грей. — Думаю, это английский. Но зашифрованный.

— О-о, шифр? — оживляюсь я. — Ты ведь в них мастер, верно?

— Я знаю несколько, — отвечает он. — Но это не один из них.

— Значит, мы его переписываем, оригинал отдаем полиции, а потом пытаемся разгадать.

— Да... — произносит Грей с явным сомнением.

— В чем проблема?

— Если он слишком сложный для быстрой разгадки, это потребует времени. И если мы не считаем миссис Кинг главной подозреваемой, мы потратим часы на дешифровку того, что, скорее всего, окажется любовным письмом. Они ведь молодожены.

— А. Справедливое замечание. Тогда отложим это на время. Главная зацепка, конечно, — сама мумия.

Грей хмурится. Затем говорит:

— Разумеется. Да. Тот, кто убил сэра Аластера, несомненно, забрал и мумифицированные останки. Прятать их не было смысла, а быть пойманным с ними — огромная опасность. Значит, у преступника была на них цель.

— И Майкл, и его дядя упоминали стоимость перепродажи для медицинских целей. Что вы двое об этом знаете?

— Я не имею дела с шарлатанскими снадобьями, — высокомерно заявляет Грей.

— Ну, тогда от тебя никакого толку.

— Ладно, — говорит он. — Я в курсе, что «мумия»...

— Что?

— Мумия, — повторяет он с некоторым нетерпением. — Порошок из останков мумий.

— У этого даже название есть? Ого.

— Как я и говорил, я в курсе, что порошок из мумий использовался в медицине. На протяжении всей истории считалось, что человеческие останки могут иметь медицинское применение. В седьмом веке Гален полагал, что жженые человеческие кости можно использовать для лечения эпилепсии. В шестнадцатом веке Парацельс

верил в использование человеческого жира, костного мозга и, да, порошка мумии для лечения различных состояний.

— А также экскрементов, — добавляет Айла.

— Я об этом не упоминал, — бросает Грей.

Я качаю головой.

— Если уж мы говорим о поедании сушеных кусочков людей, не уверена, что поедание фекалий — намного хуже.

Грей продолжает:

— Когда останки мумий начали использовать в Европе, это включало в себя как порошок, так и спиртовые настойки, приготовленные из жидкости, вытекавшей в процессе мумификации.

— Скажи, что ты шутишь.

— Я никогда не шучу по поводу истории медицины. Считается, что изначально под словом «мумия» подразумевалось вещество, использовавшееся при мумификации — битум. Ошибка перевода на западные языки привела к тому, что это стали интерпретировать сначала как вытекающий осадок, а позже — как сами останки. Останки мумий были наиболее популярны в качестве лекарств между пятнадцатым и восемнадцатым веками, когда их использовали в основном для лечения порезов, ушибов и переломов. На пике популярности, однако, люди закономерно начали фальсифицировать ингредиенты, и в продаже чаще всего оказывались не перетертые египтяне, а перетертые трупы европейцев. Это и привело к падению популярности.

— До чего докатился мир, когда нельзя даже верить, что в твоем порошке из мумии — настоящая мумия.

— До того же, до чего он докатился, когда нельзя верить, что в твоем сахаре — настоящий сахар, а в кофе — настоящий кофе, — сухо замечает он. — Если что-то можно фальсифицировать, это будет фальсифицировано.

Я никогда особо не задумывалась о контроле качества продуктов, пока не попала в этот мир, где, как говорит Грей, фальсификация процветает повсюду, будь то лекарства или еда.

— Значит, сейчас на мумии спроса нет?

Он бросает на меня тяжелый взгляд. Айла лишь качает головой.

— Точно, — говорю я. — Глупый вопрос. Если раньше это считалось признанным лекарством, спрос на него никуда не делся. Просто его не найдешь в обычной аптеке.

Айла кивает.

— Стоит какому-нибудь медицинскому ингредиенту выйти из моды, всегда найдутся те, кто будет за него цепляться и требовать его, ведь эти знания передавались из поколения в поколение.

— Вроде людей из моего мира, которые до сих пор думают, что можно подхватить обычную простуду — или катар, — если выйти на холод, несмотря на то что нам уже несколько поколений известно: причина тому — вирус.

— Катар вызван… чем? — переспрашивает Грей.

— Ой. Простите. Спойлеры. Идем дальше. Я поняла вашу мысль. Если порошок мумии больше не является обычным лекарством, это не значит, что на него нет рынка. Значит, следующий шаг — проверить это. Сначала поговорим с Селимом Авадом?

— Согласна, нам стоит с ним поговорить в какой-то момент, — отзывается Айла. — Но пока, пожалуй, лучше сначала исчерпать собственные ресурсы. Дадим полиции время убраться из дома Кристи и позволим семье немного передохнуть.

В наши дни мы бы так не поступили, но я понимаю её ход мыслей. Здесь, если кто-то калибра сэра Аластера скажет МакКриди зайти и расспросить семью завтра, тому придется подчиниться, если только у него не будет веских улик, чтобы настоять на своем.

— Тогда сначала свои ресурсы, — говорю я. — У вас кто-то есть на примете?

— Нет, но есть у тебя, и я давно искала повод с ней познакомиться.

Я хмурюсь.

— Разумеется, Королева Маб, — говорит Айла. — Хотя её специализация — предотвращение и... прерывание беременности, она известна тем, что имеет дело с редкими и запрещенными ингредиентами, которые я сама достать не могу. Не думаю, что она торгует порошком мумии...

— Но она может знать того, кто торгует. Проблема в том, как с ней связаться. Мы знаем, где она живет, но завалиться туда без предупреждения было бы грубо и даже угрожающе.

— Значит, обратишься к ней так же, как в прошлый раз.

— В прошлый раз мы передали сообщение... — я перевожу на неё взгляд. — Через Джек.

Айла улыбается и откусывает кусочек печенья.

— Джек, — продолжаю я, — с которой мы и так хотим поговорить по поводу этих детективных рассказов, но не можем позволить себе тратить на это время, пока занимаемся делом.

— И теперь две цели изящно пересеклись. — Она снова улыбается. — Как удачно. Я позволю вам с Дунканом взяться за Джек, в буквальном смысле, если потребуется, раз уж это твою историю она, судя по всему, пишет. А затем мы с Айлой нанесем визит Королеве Маб.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Чтобы найти Джек, нам нужно отправиться в Халтон-хаус. Звучит весьма чинно, будто мы собираемся в прелестное поместье на чашечку чая. На деле же Халтон-хаус — это бойцовский клуб. О, формально он считается меблированными комнатами, но администрация прилагает лишь чисто символические усилия, чтобы поддерживать эту видимость. Ровно столько, чтобы полиция могла заявить, будто понятия не имеет, что там происходит, и уж точно не получает денег за то, чтобы смотреть в другую сторону.

Мы с Айлой сами раскрыли правду о Халтон-хаусе, когда искали таинственную молодую особу, связанную с автором листков, известным лишь как «Главный репортер Эдинбурга по криминальным делам». Эта особа и есть Джек. Я также подозреваю, что именно она пишет эти листки и отчеты о наших приключениях.

Что касается Халтон-хауса, МакКриди уже знал о нем, потому что, ну разумеется, это один из худших секретов правоохранительных органов, секреты которого хранятся с помощью взяток. Я не виню полицию за эти деньги. Им мало платят, и от них и так ожидают, что они будут закрывать глаза на бойцовские клубы для высших классов. Это проверенная временем система работы с так называемыми преступлениями без жертв.

Мы с Греем отправляемся пешком. Хотя я сомневаюсь, что в такой ранний час мы застанем кого-то в Халтон-хаусе, это послужит поводом убедить Грея, что нам действительно стоит навестить Селима Авада, к черту приличия.

Мы доходим до Принсес-стрит. Как и в мое время, это главная артерия города, и, вероятно, такая же широкая, что делает её практически супермагистралью для экипажей. На этой стороне в основном магазины с яркими навесами для привлечения покупателей и туристов. Здесь есть тротуар, обрамленный уличными фонарями, достаточно широкий, чтобы идти вчетвером в ряд, и он на самом деле — по викторианским меркам — чистый… потому что это главный торговый проспект для богатого Нового города и вышеупомянутых туристов.

Мы переходим улицу и спускаемся к мальчику, который продает газеты.

— Доброе утро, Томми, — говорю я, когда мы подходим.

Он наклоняет голову.

— Доброе утро, мисс Мэллори. — Его взгляд перескакивает на Грея. — Доброе утро, сэр. Пришли лично разузнать новости о проклятии мумии?

Ну вот и верь после этого, что проклятия мумий тогда еще не были в ходу.

— Если ты имеешь в виду кончину сэра Аластера, — отвечаю я, — то мы возьмем газеты об этом, будь любезен.

Хотя едва наступил полдень, об этом уже напечатаны истории. Распространение новостей здесь на удивление эффективно. Листки пишутся и печатаются в спешке, а газеты, не успевшие к сроку сдачи, вкладывают дополнительные листы со всеми деталями, которые удалось раздобыть.

Я бегло просматриваю первый листок и вздыхаю, бормоча Грею:

— Ну, теперь мы знаем, откуда доктор Аддингтон взял свою версию.

Судя по всему, у Аддингтона есть привычка сверяться с новостными источниками перед проведением вскрытия. Я говорю «судя по всему» только потому, что всё еще надеюсь, что это шутка, хотя он заявлял об этом прямо при мне.

Как иначе я узнаю, от чего помер этот малый?

Келли Армстронг – Тревожа мертвых
Kelley Armstrong - Disturbing the Dead

Тот факт, что сейчас я лишь вздыхаю по этому поводу, наводит на мысль, что я, возможно, уже никогда не смогу вернуться к работе детектива в современном мире. Рассовывать улики по карманам? Позволять людям платить за доступ к месту преступления? Проверять газеты на предмет причины смерти перед вскрытием? Подумаешь. И не такое бывает.

Чтобы не терять окончательно веру в систему, я признаю, что Аддингтон — вполне сносный хирург, который обычно может отличить мертвых от живых. Ему просто не дается сама причина смерти, вот и всё. Ему лишь нужна небольшая помощь. От прессы.

Ладно, хорошо, я буду убеждать себя, что он проверяет эти ранние новости, чтобы лучше понять ситуацию, и что даже если он время от времени — часто — лажает с причиной смерти, у правовой системы есть предохранитель в лице доктора Дункана Грея. Им действительно стоило бы платить ему за это, но у Грея достаточно денег, и он считает это общественным долгом, в чем я не могу его упрекнуть.

Из этого листка с его аляповатым эскизом мумии в муках — ну, я предположу, что это смерть, а не страсть, хотя рисунок весьма сомнительный, — Аддингтон, должно быть, и почерпнул идею о том, что сэр Аластер задохнулся в бинтах. Именно так здесь и написано, со всеми любовно выписанными деталями трупа баронета в момент его обнаружения: безликое мужское лицо с гротескно искаженными чертами и выпученными глазами.

Серьезно, я снимаю шляпу перед викторианскими писателями. Когда у твоих читателей нет телевизора и кино, ты получаешь огромную творческую свободу, и авторы используют её на полную катушку, создавая ярчайшие образы в картинках и словах. Викторианцы могут ворчать при виде обнаженных щиколоток, но дайте им развороченные внутренности — и они будут счастливы.

Грей забирает остальные газеты и листки, велев Томми записать их на свой счет.

— У вас есть для меня какие-нибудь наводки? — спрашивает Томми. — Я знаю, ваш друг служит в полиции.

— Служит, и... — я наклоняюсь, чтобы прошептать: — ...именно мы разматывали труп бедного сэра Аластера.

Томми таращится на меня. Затем его глаза сужаются, он чует подвох.

— Мисс Митчелл говорит правду, — подтверждает Грей.

— А что касается наводки, — добавляю я, — можешь рассказывать людям, будто мне показалось, что тело шевельнулось.

— Правда? — спрашивает Томми с округлившимися глазами.

— Нет, но история хорошая, — подмигиваю я. — Мне на секунду показалось, что я увидела дрожь, будто сэр Аластер пытался сесть... но, должно быть, это была игра света.

Грей вздыхает. Глубоко. Да, это непрофессионально с моей стороны, но по сравнению с версией о заживо мумифицированном сэре Аластере, это вполне безобидная крупица информации, которую Томми может передать дальше, и она поможет его продажам. Что касается признания в том, что именно мы разматывали мумию, если это еще не стало достоянием общественности, то скоро станет. Особенно учитывая, что Грей и сам начинает мелькать в газетах. Что напоминает мне о том, зачем мы здесь на самом деле остановились.

— Томми, — говорю я, — из достоверных источников мне известно, что кто-то описывает подвиги доктора Грея на службе в полиции.

Томми морщится.

— Описывает?

— Так я слышала. Из двух надежных источников. Похоже, это совсем недавнее начинание. Кто-то строчит листки или брошюры, детально описывая его прошлые дела.

— Тогда мне нужно их найти, мисс. Я ничего подобного не видел, но я ведь только продаю новости. Если они рассказывают истории о том, что кто-то делал в прошлом, это совсем другое дело.

— Ты знаешь, где их можно найти?

— Я найду их для вас, мисс, и пришлю в дом.

Хотя это очень любезно, он также защищает свою позицию нашего основного поставщика новостей. Я не спорю. Мы благодарим его и движемся дальше, в сторону Старого города и Халтон-хауса.

Мы прибыли в Халтон-хаус, и, к моему удивлению, Элспет уже на своем месте за стойкой. Похоже, она занята бумажной работой. Полагаю, в этом есть смысл. Они открываются только поздно вечером, но если она управляющая или даже владелица, у неё будут дела днем, а нахождение за стойкой помогает поддерживать легенду о меблированных комнатах.

Стойка администратора действительно выглядит так, будто она в гостинице. Причем в приличной гостинице для этого района. Да, табличка «МЕСТ НЕТ» запылилась, а страницы в книге регистрации пожелтели, но это место точно не выглядит как бойцовский клуб. В этот час вы бы никогда не догадались, что это он, если только вы не Грей, который — во время своего первого визита — уловил слабый запах крови и опилок из подвала.

Женщине за стойкой лет сорок, в её темных волосах видны седые пряди. Она дородная, в очках, одета в простое коричневое клетчатое платье и чепец.

— Пришла принять мое предложение, девчонка? — спрашивает Элспет, не поднимая взгляда от счетной книги. — Готова продержаться пару раундов на ринге?

— Спустя пять месяцев после того, как вы спросили?

— Тебе потребовалось время, чтобы принять верное решение. — Её взгляд поднимается, когда она откладывает перо. — Доброе утро, доктор Грей. Выглядите хорошо.

Я скрещиваю руки на груди.

— Уж точно лучше, чем в прошлый раз, когда вы его видели, после того как ваши громилы пытались его убить.

Она вздыхает.

— Ничего подобного они не делали, девчонка.

— Они вырубили его и спустили с лестницы.

— Я с ними поговорила. Им следовало либо вырубить его, либо спустить с лестницы. Опасно именно сочетание. Проблема с бойцами в том, что они не слишком хороши в предвидении последствий. Я бы сказала, что они тупые скоты, но мне бы не хотелось оскорблять присутствующих. — Она смотрит на Грея. — Я слышала, вы и сами знаете, как нанести пару ударов, доктор.

— Знает, — вставляю я. — Когда его не застают врасплох скоты, которых вы на него натравили.

Грей поднимает руку. Его взгляд говорит, что он ценит мою защиту, но мне стоит поумерить пыл. В конце концов, мы здесь ради помощи Элспет. Я это знаю. Просто я до сих пор не могу перестать злиться из-за того, что произошло. Его действительно могли убить.

— Не думаю, доктор Грей, что вы пришли сюда, дабы самому выйти на ринг, — говорит она.

— Вряд ли. Я не прибегаю к пугилизму без крайней необходимости. Нахожу это занятие отвратительным.

Ого. И он ведь умудряется произносить это с совершенно серьезным лицом. Акцент решает всё — этот высокомерный аристократический тон в сочетании с привычкой смотреть на собеседника свысока.

— Мы ищем Джек, — заявляю я. — Давненько её не видели, полагаю, потому что у нас не было для неё интересных дел. Теперь ситуация изменилась, так что, уверена, она будет рада с нами пообщаться. От лица своего друга-писателя, разумеется.

— Вы про то убийство баронета? Которого запеленали в бинты мумии? И чего только люди не придумают. — Хотя её мимика изображает шок, в тоне звучит чистое изумление, приправленное восхищением.

— Нам нужно поговорить с Джек, — повторяю я.

— Я могу передать сообщение. Но это не бесплатно. — Она улыбается. — Ничто не бесплатно.

Грей разворачивается на каблуках и направляется к выходу. О, он вовсе не против давать взятки. На самом деле он делает это весьма оперативно. Но есть разница между добровольно предложенной взяткой — «небольшим вознаграждением за потраченное время» — и вымогательством.

— Передай Джек, что мы пытались с ней поговорить, — бросаю я Элспет, следуя за Греем. — И если это тоже стоит денег, то не утруждайся. Мы и без неё выясним всё, что нужно, зато не придется снабжать её сведениями для листков.

— Для её листков?

Я оборачиваюсь и награждаю Элспет красноречивым взглядом. Она старая подруга Джек, и если та и есть «Главный репортер Эдинбурга по криминальным делам», то Элспет об этом прекрасно знает.

Мы выходим из Халтон-хауса. Я не жду, что Элспет погонится за нами по улице. Это было бы ниже её достоинства. Но я всё же думала, что она крикнет нам в спину смиренное «погодите», прежде чем мы переступим порог.

— Мы не перегнули палку? — спрашивает Грей, пока мы идем по оживленной улице.

Я качаю головой.

— Элспет чуть тебя не убила, потому что решила, будто мы похитили Джек. Она заботлива, как наседка. Очень свирепая наседка. А еще она будет защищать деловые интересы Джек, ведь именно они приносят той доход. Она просто проверяла наши границы.

— Проверяла, дам ли я взятку?

— Элспет из тех, кто подбирает каждый фунт и каждый пенс, где только может, потому что даже если они не нужны ей сейчас, они были нужны ей когда-то. А когда ты хоть раз в них по-настоящему нуждался, ты уже никогда не уверен, что это не повторится.

— Мозоли на её пальцах. Они наводят на мысль о долгих годах работы на мельнице. Это не самая легкая доля. — Он бросает на меня взгляд. — Отличная дедукция.

— Я не видела мозолей. Моя дедукция основана на том, как загораются её глаза при мысли о паре лишних монет в копилке. К тому же то, что она позволила нам уйти — надеясь взять нас на пушку, — означает, что она не откажется от заработка так просто, хотя её одежда говорит о том, что она не в отчаянной нужде и не вцепляется в те полкроны, что ты мог бы предложить.

— Значит, наши общие наблюдения подтверждают, что мы не перегнули палку. Она просто надеялась на взятку чуть сильнее обычного. Ты полагаешь, она свяжется с Джек, как только убедится, что денег не будет. Я согласен. Я мог бы ускорить процесс этой самой взяткой, но интуиция подсказывает: это создало бы опасный прецедент.

— Ага. Если она так легко вытянет из тебя полкроны, ей нет смысла давать что-то бесплатно. — Я оглядываюсь по сторонам. — Я бы хотела поговорить с Селимом Авадом. Понимаю, Айла хочет, чтобы мы подождали, и, вероятно, так будет правильно, но в моем мире мы не тормозим расследование из уважения к горюющим, каков бы ни был их статус. Мы понимаем, что это навязчиво, но нам нужно раскрыть убийство, и чем дольше мы ждем, тем сильнее остывает след.

— Соглашусь, тем более что нам нужно поговорить с зятем жертвы, а не с его женой или детьми. Мы сделаем это, стараясь как можно меньше беспокоить семью в их горе. Я бы предложил нанять кэб до дома Кристи — это будет выглядеть приличнее, чем заявляться туда в пыльных ботинках.

— Нанять кэб до дома сэра Аластера? — раздается голос за нашими спинами. — Не против, если я присоединюсь? С удовольствием бы поглядела, как там всё внутри устроено.

Мы оборачиваемся и видим того, кто кажется молодым человеком среднего роста и очень худощавого телосложения, одетого в типичное платье юноши из рабочего класса: поношенные брюки, мешковатый пиджак и рубашку с пятнами пота. Это Джек. Насколько я могу судить, она выдает себя за парня вовсе не потому, что так себя идентифицирует. Это просто удобная маскировка. Она по-прежнему называет себя «она»... по крайней мере, в кругу тех, кто знает, что она вовсе не мальчишка-подросток.

Я поворачиваюсь к ней.

— Раз уж ты здесь, к сэру Аластеру мы не едем. Хочешь поговорить в пабе? Или у тебя в Халтон-хаусе?

Её брови взлетают вверх.

— С чего ты взяла, что я там живу?

— Ну, хотя бы потому, что тебе потребовалось... — я сверяюсь со своими карманными часами. — ...шесть с половиной минут, чтобы нас догнать. Этого времени как раз хватило Элспет, чтобы решить, что взятки не будет, и подняться наверх за тобой. К тому же твои раскрасневшиеся щеки говорят о том, что ты бежала, как бы ты ни пыталась сейчас выровнять дыхание. — Я кошусь на Грея. — Как я справилась?

— Превосходно. К тому же её кепка сбилась набок. Тебе стоит поправить её, Джек, пока волосы не выбились и не выдали тебя.

Она морщится, но всё же заправляет кудри под кепку разносчика газет.

— То, что я пришла из Халтон-хауса, еще не значит, что я там живу.

— Ты явно натянула брюки поверх нескольких слоев нижнего белья, — замечает Грей. — К тому же на тебе женские ботинки.

Джек смотрит вниз и в сердцах чертыхается.

Я смеюсь.

— Красиво. А я это пропустила. Ты торопилась и схватила первое, что попалось под руку. Тот факт, что ты схватила не те ботинки, означает, что ты была в месте, где хранишь всю свою одежду. Иными словами — там, где ты живешь.

Она поправляет манжеты брюк, чтобы получше скрыть женские ботинки, которые никто и не заметил бы без пристального взгляда.

— «Конец света», — бросает она. — Встретимся там через десять минут.

Келли Армстронг – Тревожа мертвых
Kelley Armstrong - Disturbing the Dead

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Мы направляемся в паб, который находится выше по Хай-стрит, вдоль Королевской мили. Название паба «Конец света» происходит от того факта, что его стены когда-то были частью Флодденской стены, а значит, паб отмечал границу Эдинбурга. Конец мира, по крайней мере для тех, кто жил внутри него в прошлые века.

Пока мы с Греем пробираемся через узкий зал, я оглядываюсь по сторонам. Мы устраиваемся за самым дальним столиком, и я говорю:

— Ого. Это место почти не изменилось.

Его брови выгибаются дугой.

— Не думаю, что оно вообще когда-либо меняется. Когда ты была здесь в последний раз?

— М-м. Года два назад, кажется. Я приезжала в Эдинбург навестить бабушку, и одна её подруга настояла, чтобы я встретилась с её внуком в этом пабе. Я думала, это просто встреча. Оказалось — свидание вслепую. Парень всё время язвил о том, какое это туристическое место... притом что сам его и выбрал. Барная стойка была единственным интересным моментом того вечера.

Брови Грея взлетают еще выше.

— Ты имела в виду, что это питейное заведение не сильно изменилось между нынешним моментом и твоим временем. Там, где оно всё еще существует.

— Большинство зданий здесь сохранились, но это именно паб с тем же названием, хотя, припоминаю, за это время он успел побывать и чем-то другим.

Я оборачиваюсь.

— В мое время вон там, за нами, находится кухня. А еще... — я киваю на соседний столик, где двое рабочих пьют пиво. — Стаканы стали гораздо чище.

Грей вздыхает. Состояние посуды в этом мире — моя вечная претензия, по крайней мере, в пабах Старого города, где, я подозреваю, стаканы не видели мыла неделями.

Приходит Джек, кивает бармену и проскальзывает к нашему столику.

— Давно не виделись, — говорит она, усаживаясь. — Не стану упоминать, что вы проигнорировали мою просьбу об интервью после того случая в доках Лита.

— Там не о чем было брать интервью, — отвечаю я. — Так, пустяковое приключение.

— Вы подожгли лодку. Каким-то зажигательным устройством.

— Это была старая лодка, кишащая торговцами людьми. Если они туда просочились, нужно сжигать всё дотла, иначе от них не избавиться.

— Торговцами лю...? — она осекается и качает головой, словно поняв термин из контекста. — Вы проигнорировали мою просьбу, потому что всё еще злились на то, что я бросила вас в неподходящий момент. Но теперь, полагаю, я прощена, раз вам что-то понадобилось.

— Нам ничего не «понадобилось». Мы бы хотели аудиенции у Королевы Маб. Мы знаем, где её найти, но завалиться туда без предупреждения кажется не слишком вежливым, поэтому мы просим тебя снова выступить посредником.

— А взамен мой друг получит эксклюзивную информацию по делу Кристи?

— Это зависит от обстоятельств. Мы продолжим притворяться, будто ты — не «Главный репортер Эдинбурга по криминальным делам»?

Её брови взмывают вверх.

— Думаете, это я их пишу? Да я имя свое едва могу накорябать.

— Без разницы. Мне, честно говоря, плевать. Просто я не хочу, чтобы ты вела переговоры о передаче сообщений между нами, когда я чертовски уверена, что именно ты их и получаешь. Красиво устроено — заставлять людей платить тебе взнос за доступ к самой себе.

— Понятия не имею, о чем вы.

— Опять же, проехали. Мне всё равно. Но раз уж заговорили о твоем пишущем друге, давай обсудим эти отчеты о приключениях доктора Грея.

Её взгляд стреляет в сторону Грея, который молча потягивает свою пинту.

— Отчеты?

— До нашего сведения дошло, что кто-то пишет о приключениях доктора Грея. Не как газетные статьи, а как рассказы. Описывает его прошлые дела и продает их.

— Что?

— Если это ты или твой пишущий друг, скажи сейчас, потому что если ты открестишься, а я позже узнаю, что это была ты...

— Я честно не имею понятия, о чем ты, Мэллори. Я освещаю... — она кашляет. — Я помогаю своему другу-писателю освещать преступления, в которых вы участвовали, но мы не делаем доктора Грея центром историй. Если кто-то этим занимается, то я... Ну, если бы я об этом слышала, я бы предположила, что вы заключили соглашение с тем писакой, и обиделась бы, что вы не попросили об этом моего друга.

— Так ты правда даже не слышала об этих беллетризованных версиях?

— Нет.

— Айла обожает листки в жанре тру-крайм (True crime (дословно — «настоящее преступление») — жанр, основанный на реальных преступлениях. В его основе — подлинные истории убийств, похищений, афер, исчезновений и других криминальных событий). Но она и понятия не имела, что такие существуют. Наш местный газетчик — тоже. И ты — тоже. Как такое вообще возможно? Кто их пишет и на кого они ориентированы?

— Их продают на рынке?

Я машу рукой.

— Под «рынком» я имею в виду людей, которые их купят. Потребителей.

— У тебя такая странная манера выражаться.

Грей ставит стакан.

— Да, это так, но смысл её слов ясен. Моя сестра — основной потребитель таких историй, и всё же она никогда о них не слышала. Даже если они совсем новые, я полагал, что кто-то упомянет об этом при мне. — Он медлит. — Что, собственно, и произошло, полагаю, но я удивлен, что этого не случилось раньше. Так кому продают эти истории? Через какие каналы?

— А кто вам о них рассказал?

Мы с Греем переглядываемся. Затем я осторожно произношу:

— Видишь ли, ты могла слышать, что вчера вечером мы были на приеме у Кристи.

— По-вашему, почему я бежала, чтобы догнать вас? Я слышала, что доктор Грей вскрыл здесь мумию, а вы ему помогали.

— Кое-кто из присутствующих читал эти рассказы. Дама, которую я бы не сочла основной целевой аудиторией для подобных вещей, хотя я и не знаю её близко. Она читала их вместе с детьми.

— Вот! — Джек хлопает по столу. — Теперь всё сходится.

— Сходится?

— Вы сказали, что они написаны как рассказы, и что эта знатная дама читает их детям. Значит, это и есть рынок, как вы его называете.

— Дети? Рассказы об убийствах?

— Нет, рассказы о расследованиях. — Губы Джек растягиваются в улыбке. — Это как «Кровавый реестр».

— «Кровавый реестр»?

Она отхлебывает пиво.

— Вы слишком молоды, чтобы помнить их.

— А тебе сколько лет? — спрашиваю я.

— Примерно как тебе, а значит, я тоже была слишком мала для них, но у моей мамы они сохранились с тех пор, как она сама была девчонкой, и я читала её экземпляры.

Я кошусь на Грея, тот лишь пожимает плечами.

— «Кровавый реестр»? — повторяет Джек. — «Ньюгейтский справочник»?

— О, — говорю я. — Я знаю, что это такое. Правда, никогда не слышала, чтобы его называли «Кровавым реестром».

— Это был подзаголовок. «Кровавый реестр злодеев».

— Но ты сказала, что они старые, а «Справочник» до сих пор издается.

— Та версия не в счет.

От Айлы я знаю, что «Ньюгейтский справочник» начинался как обычный бюллетень, издаваемый Ньюгейтской тюрьмой, со списками казней. Название подхватили другие, начав штамповать дешевые книжки о жизни знаменитых преступников — именно их и читала мать Джек.

«Ньюгейтский справочник» прошел через несколько перерождений, в итоге превратившись в «грошовые ужасы», которые, по словам Айлы, перестали выходить несколько лет назад. Однако «Справочники» также породили литературное течение «ньюгейтских романов». Эту часть я знаю от своего отца, профессора английского.

«Оливер Твист» Диккенса в свое время считался ньюгейтским романом — любители криминального чтива считали это комплиментом, а авторы вроде Теккерея — оскорблением. Пользуясь случаем, позвольте заметить, что я поглощала Диккенса запоем, но так и не смогла дочитать ни одного Теккерея, и если это делает мои вкусы откровенно плебейскими, пускай. Мой отец не растил литературного сноба.

— И как же это связано с историями о докторе Грее? — спрашиваю я.

— Напрямую. «Ньюгейтский справочник» был для людей способом читать об ужасных преступлениях и при этом внушать себе, что это их долг как добрых христиан.

Я помню этот момент. «Ньюгейтский справочник» считался подходящим чтивом для детей, потому что истории в нем подавались как назидательные притчи. Разумеется, читали их вовсе не ради морали, особенно когда речь шла о детоубийцах, как о тех, кто убивал детей, так и о малолетних преступниках.

— Ясно, — киваю я. — Теперь дошло. Если истории о докторе Грее преподносятся как детективная беллетристика, пригодная для женщин и детей, то это отличный способ читать об убийствах, делая вид, будто это не имеет отношения к нездоровому и непристойному интересу к насилию.

— Именно.

— Не думаю, что интерес к насилию так уж предосудителен, если только ты не ищешь в книге практическое руководство по совершению преступлений. Но даже в этом случае, раз уж детектив всегда заканчивается поимкой убийцы, для тех, у кого есть подобные наклонности, это скорее история в назидание.

Джек вытягивает ногу под столом, задев своим ботинком мой.

— Совсем как в «Ньюгейтских справочниках».

— Значит, основной рынок для этого — женщины? Возможно, под предлогом чтения приключенческих рассказов своим детям?

— Судя по тому, что я слышала, да.

Ничего удивительного. В современном мире женщины — главные потребители тру-крайма. И это не столько нездоровое любопытство, сколько инстинкт самосохранения. Они не ищут способы совершить убийство. Они ищут способы не стать его жертвой.

Келли Армстронг – Тревожа мертвых
Kelley Armstrong - Disturbing the Dead

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Как я уже говорила, мы знаем, где найти Королеву Маб. Она живет в Новом городе, занимая комнаты в доме, который, по всей видимости, принадлежит пожилой паре, служащей прикрытием для её дел.

Проблема сейчас в том, что на улице всё еще светло, а значит, визит в «заведение» Королевы Маб рискован. По крайней мере, так я думаю, пока не осознаю, что постоянный поток ночных посетителей выглядел бы еще подозрительнее. Королева Маб нашла решение этой проблемы, и в нем задействована та самая пожилая чета.

Джек велит мне привести Айлу к дому через час и подойти к парадной двери с сумкой, желательно с одеждой внутри. Если кто-то спросит — хотя она заверяет, что этого не случится, — мы пришли к миссис Морган, прослышав, что эта опытная швея творит чудеса, когда нужно починить испорченные платья. Весьма удобно, что у меня как раз есть такое платье.

Саймон везет нас в карете, в лучших традициях Нового города. Нам нечего скрывать.

Когда мы с Айлой поднимаемся по ступеням таунхауса, мимо по тротуару проходят две леди, и я вытаскиваю подол платья, причитая: «Не уверена, что кто-то сможет это исправить».

— Мы дадим миссис Морган шанс, — говорит Айла, похлопывая меня по руке. — О ней отзываются самым лестным образом.

У двери нас встречает чернокожий мужчина со спиной такой же накрахмаленной, как и его воротничок. Значит, дворецкий.

Мне неприятно признавать, что я была удивлена количеству небелых лиц в этом городе. А не следовало бы. Мы живем в эпоху Британской империи, когда люди перемещаются так активно, как никогда прежде. Но чаще всего цветных людей видишь либо в торговле, либо в услужении, как этого человека.

— Миссис Баллантайн к миссис Морган, — произносит Айла. — Полагаю, она меня ждет. Я надеюсь, она сможет починить платье моей юной спутницы.

Мужчина кланяется и без единого слова отступает, пропуская нас внутрь. Он сопровождает нас в гостиную, делает полупоклон и уходит. Внутри под яркой лампой сидит пожилая белая женщина и действительно шьет. В молодости она была бы ростом с Айлу, но теперь её спина ссутулилась. Рядом лежит трость, на носу — очки.

Увидев нас, она улыбается и кивает.

— Прошу простить, что не встаю.

Айла поспешно заверяет её, что всё в порядке, приветствует женщину и представляет нас. Миссис Морган окидывает взглядом кусок моего платья, всё еще торчащий из сумки.

Миссис Морган широко улыбается.

— Вы и впрямь принесли мне работу.

— Если бы вы смогли помочь, было бы чудесно, — говорит Айла. — Но это вовсе не обязательно.

— О, я с радостью попробую. Я ведь швея. — Она подмигивает. — Куда проще поддерживать фасад, когда люди могут честно подтвердить моё мастерство.

Миссис Морган вытаскивает платье.

— Боже мой, что вы делали в этом прекрасном наряде? Валялись в грязи?

— Незапланированная прогулка по подземному тоннелю после приема.

Я пытаюсь отшутиться, но её губы вздрагивают в усмешке.

— Ах да, помню, каково это — быть молодой. Незапланированная прогулка в подземный тоннель ради милой возни в грязи. Сено, впрочем, помягче будет. Вам стоит найти подходящую конюшню.

Мои щеки обдает жаром, а Айла прижимает руку ко рту, смеясь.

— Всё было совсем не так, — выдавливаю я.

Старая женщина вздыхает.

— Молодость и впрямь тратится на молодых. Возможно, в следующий раз. И забудьте про тоннели и конюшни. На приеме всегда найдется пара пустующих гостевых комнат. Просто не забывайте запирать дверь. О, и не забывайте навещать Её Высочество *до того*, а не после. Так гораздо удобнее. Что касается платья, тут потребуется ремонт кружева, а это работа кропотливая.

Она называет цену, и прежде чем я успеваю вставить слово, Айла говорит:

— Да, пожалуйста. Благодарю вас.

Миссис Морган звонит в колокольчик, и появляется горничная. Она тоже чернокожая, ей не больше шестнадцати.

— Пожалуйста, сопроводите этих дам к королеве, — говорит она. — А когда закончите, отнесите Её Высочеству тарелку с обедом и проследите, чтобы она поела. Она слишком зарывается в свою работу.

— Да, мэм.

Горничная ведет нас вниз по лестнице. Я замечаю еще одного члена персонала — пожилую чернокожую женщину. Это не совпадение, подозреваю я.

Сама Королева Маб — чернокожая. Возможно, её выбор персонала отчасти продиктован желанием дать хорошую работу цветным слугам, но они также служат камуфляжем для самой Королевы Маб. Соседи наверняка заметили, что у Морганов чернокожий персонал, и поэтому не подумают ничего дурного, видя, как Королева Маб приходит и уходит.

Горничная ведет нас в цокольный этаж, в крошечную библиотеку.

— Мисс? — говорю я. — Я знаю секрет. Можно я покажу подруге?

Горничная застенчиво улыбается, кивает и уходит без единого слова.

— Секрет? — переспрашивает Айла.

— О, я позволю тебе самой догадаться. За книжным шкафом есть потайная дверь. Нужно вытащить правильную книгу.

Лицо Айлы озаряется, и она буквально набрасывается на полки. Она просматривает корешки и смеется.

— Королева Маб, — произносит она и тянет за экземпляр «Сна в летнюю ночь».

Книжный шкаф открывается, и я не могу не ухмыльнуться вместе с Айлой. Мы проскальзываем внутрь и проходим туда, где Королева Маб трудится в своей лаборатории.

У Королевы Маб телосложение, подобающее той, кто назвался именем феи, и платье, подобающее той, кто назвался именем королевы. В ней меньше пяти футов роста, она изящна, у неё темная кожа и карие глаза. Золотые гребни удерживают её темные кудри. Её наряд заставил бы всех обернуться на приеме с мумией, и всё же, судя по всему, она так одевается всегда, даже работая в лаборатории. Сегодня на ней шелковое платье золотисто-коричневого и оливкового цветов, с отделкой из черного

кружева на воротнике и рукавах в три четверти, и черными пуговицами, которые, я уверена, сделаны из полудрагоценных камней.

Я бы сказала, что такое платье — это преимущество жильца, у которого под рукой первоклассная швея, но подозреваю, что хозяйка дома стала первоклассной швеей именно потому, что это выгодно Королеве Маб. Единственная уступка работе — фартук, качество которого выше, чем у любого из моих платьев. О, и очки. Как и Айла, она носит в лаборатории защитные очки.

Королева Маб поднимает очки.

— Миссис Баллантайн, — произносит она с акцентом, в котором лондонский и парижский выговор смешиваются с интонациями Вест-Индии. — Вы извините, что я не присаживаюсь с вами попить чаю. Я в разгаре деликатной процедуры, которую не могу оставить, но я готова говорить.

Пока Королева Маб опускает очки, Айла пользуется моментом, чтобы открыто осмотреть лабораторию. Её взгляд замирает на сушеном розовом цветке.

— Это балмония? — спрашивает Айла.

Королева Маб улыбается, отмеряя что-то в колбу.

— Она самая.

Айла завистливо вздыхает.

— Мой поставщик североамериканских трав берет сумасшедшие деньги, а товар приходит в ужасном состоянии. Я едва могу отличить одно растение от другого.

— Тогда вы должны позволить мне помочь вам найти нового поставщика.

Я оставляю их с их профессиональной болтовней, сдерживая желание порыться в комнате.

— И мисс Мэллори проявляет к нам исключительное терпение, — произносит, наконец, Королева Маб, — но я слышала, что она здесь по официальному делу, а именно — по поводу расследования убийства сэра Аластера прошлой ночью.

— Именно так, — отвечаю я. — Спасибо, что приняли нас.

Королева Маб поднимает колбу на уровень очков и всматривается в неё.

— Спасибо, что обратились через Джек. Я ценю вашу осмотрительность. В будущем, если захотите поговорить со мной, просто попросите кого-то из ваших слуг записаться на прием у миссис Морган. — Она опускает колбу и смотрит на Айлу. — И я бы хотела как-нибудь выпить с вами чаю, дорогая, если выкроите время.

Айла так и сияет.

— Я буду в восторге.

— Я знаю, что мы подходим к науке с разных сторон — вы с химической, а я преимущественно с травяной, — но я бы с удовольствием поболтала о медицине.

— Как и я.

— Теперь, мисс Мэллори… Мне крайне любопытно узнать, чем, по-вашему, я могу помочь в деле человека, который, по всем отчетам, умер либо от удушения, либо от нехватки воздуха. — Она берет банку с полки. — Ведь если это была нехватка воздуха из-за того, что его запеленали в бинты мумии, то его пришлось бы предварительно усыпить. А это, впрочем, скорее область миссис Баллантайн, чем моя.

— На самом деле, речь не совсем об убийстве как таковом. Прежде чем я спрошу… я не утверждаю, что вы замешаны в вещах, о которых пойдет речь, но, возможно, вы сможете направить нас по следу. Мы ищем тех, кто торгует нелегальными снадобьями.

— О, а вот это интересно. Хотя я ценю ваше уточнение, что вы не считаете меня способной на подобную торговню, в этом нет нужды. — Её губы вздрагивают. — Я имела дело со многими субстанциями, которые считаются не совсем законными, если они казались лучшим способом вылечить недуг.

— Ну, это вовсе не способ что-либо вылечить. Это шарлатанское снадобье. — Я медлю, не уверенная, используют ли слово «шарлатанский» в это время и в этом месте. — Я имею в виду, оно фальшивое.

— Да, — отвечает Королева Маб. — Я знаю, что такое «шарлатанское снадобье». Я, если угодно, женщина весьма искушенная и много где бывавшая. Этого добра вокруг полно, и я знакома с большинством видов, особенно с веществами, получаемыми из рогов крупных зверей.

— Бивни слонов и носорогов, — вставляю я.

— И единорогов. Ничто не ценится так высоко, как рог единорога. Знали ли вы, что любая отравленная пища, помещенная в него, немедленно становится безопасной?

Я перевожу взгляд с Айлы на Королеву Маб.

— Она развлекается за твой счет, — говорит Айла. — Вы должны простить Мэллори. Будучи новичком в мире медицины, она не всегда уверена, за какие старые верования мы всё еще цепляемся.

— Это правда, люди действительно верили в очищающие свойства рога единорога, — подтверждает Королева Маб. — В конце концов, эти звери ассоциируются с девственницами. Чисты, как свежевыпавший снег. Рога продавали за астрономические суммы, в основном монархам. Рога единорогов, я имею в виду, хотя уверена, что девственниц тоже. Затем исследователи, путешествовавшие на север, обнаружили настоящую драконью сокровищницу. Рога единорогов, прямо там, на берегу.

Обе они смотрят на меня, и если я и чувствую себя ребенком, которому загадали загадку, то не лишаю их этого удовольствия. По крайней мере, когда у меня есть ответ.

— Бивни нарвала, — говорю я.

— Умная девочка, — одобряет Королева Маб.

— Но разве бивни нарвала не длиной с человека? Какого же размера были те единороги?

Королева Маб вздыхает.

— Ты привносишь логику в царство фантазии. И разве ты не видела средневековые гобелены с единорогами? Рога там очень длинные и тонкие.

— Потому что их рисовали с нарвалов. Роговую часть, по крайней мере. Понятно.

— Что касается слонов и носорогов, то да, их рога используются, наряду с частями других диких зверей. Кое-что из этого — традиционная медицина тех мест, но когда это используют здесь, привлекательность заключается в экзотических качествах животных. Всё из чужих земель может быть волшебным, включая людей. Женщину вроде миссис Баллантайн могут принять как химика, даже если кто-то подозрительно относится к её мотивам. Её всё равно будут подозревать в варке ядов, потому что именно этим занимаются женщины, как ведьмы из старых сказок. Что до меня, я, должно быть, варю зелья из самого сердца Африки, даже если я там не родилась и не выросла. Мое траволечение должно происходить не из знания растений, а из знания магии.

— Фу.

Она пожимает плечами.

— Иногда это мне на руку. Я оставила попытки заставить принимать себя всерьез, поэтому смирилась с ролью Маб, королевы фей. Однако, если у вас есть вопросы о так называемых шарлатанских снадобьях, полагаю, я смогу помочь. Я не выдаю такие лекарства, но меня спрашивают о них достаточно часто, так что я знаю, куда направлять людей. В один прекрасный день какой-нибудь мужчина найдет дорогу к моему порогу в поисках моих превосходных мужских «щитов». А до тех пор мне нужно знать, где они могут купить то, за чем на самом деле пришли.

— Афродизиаки? — догадываюсь я.

Её глаза блестят.

— Если они просят об этом, я могу помочь. Даю им что-нибудь безобидное. Афродизиаки существуют в уме. Им нужно лишь верить, что им что-то дали. — Она становится серьезнее, проверяя свою колбу. — И чаще всего, я подозреваю, они хотят подсыпать этот афродизиак в чей-то лимонад. В таком случае, если продаю его я, я могу быть уверена, что он безвреден. Нет, большинство приходящих ко мне мужчин ищут «подмоги». Сталь их мечей размякла с годами. Или они мечтают о палаше, когда обладают лишь кинжалом. Или о длинном мече, имея рапиру. Или их меч изогнут, как ятаган, а они желают его выпрямить. Если бы мужчины тратили столько же времени на беспокойство о технике фехтования, сколько на свое снаряжение, женщины были бы куда счастливее.

Лицо Айлы вспыхивает. В этом беда рыжих волос и бледной кожи. Она не может скрыть румянец, и если бы она покраснела еще сильнее, то просто испепелилась бы. Но она также улыбается и кивает в знак согласия.

Викторианские женщины вовсе не такие ханжи, какими мы их воображаем. У них просто нет опыта обсуждения секса даже с подругами, по крайней мере, если они принадлежат к социальному классу Айлы. Здесь старая присказка «хорошие девочки так не делают» превратилась бы в «богатые девочки об этом не говорят».

— Это не афродизиак, — вставляю я. — И не какая-то другая мужская «подмога». — Я медлю. — По крайней мере, я надеюсь на это. Очень надеюсь. Речь о мумиях.

Её брови взлетают вверх.

— Мумии? В смысле египетские покойники?

Я киваю.

— Вы знаете, что сэра Аластера запеленали как мумию. Так вот, настоящие мумифицированные останки исчезли. Кто-то разломал их на куски и тайно вынес.

Королева Маб смотрит на меня, и медленно наползающий ужас сменяет её привычный ироничный блеск в глазах.

— Простите, — говорю я. — Можно было выразиться и помягче.

— Тебе не нужно смягчать правду ради меня, дитя. Я потрясена этой мыслью, но не удивлена. Ты думаешь, они забрали тело ради лекарства? Разве не могли они просто вынести его, чтобы избавиться?

— В комнате были места, где можно было спрятать останки, и выносить их было куда большим риском, чем оставить. Кому-то нужно было тело, но не настолько, чтобы сохранить его целиком, а значит, это не для коллекционера. Это могло быть для науки, но доктор Грей не знает о каком-то значительном спросе на части мумий. Однако, по словам брата леди Кристи, существует медицинский рынок для порошка мумии, о котором слышали и доктор Грей, и миссис Баллантайн.

— К сожалению, — бормочет Айла.

— Как и я, — говорит Королева Маб. — Тоже, к сожалению. Значит, вы здесь не для того, чтобы подтвердить это, а чтобы понять, где можно продать такие останки.

— Да.

— Подземный рынок.

Я киваю.

— Я так и думала. Какая-то тайная сеть торговцев.

Королева Маб тихо смеется.

— О, я не имела в виду это в переносном смысле, мисс Мэллори. Я имела в виду настоящий подземный рынок. Рынок, который, ну, возможно, и не является «подземным» в буквальном значении, но проводится в том, что мы здесь называем подземельями. В Сводах.

Я знаю об эдинбургских Сводах. Они находятся под Южным мостом. Когда мост строили, пространство под ним разделили на лабиринт комнат, некоторые из которых были длиной всего в пару метров. Те, что побольше, продавали или сдавали под склады, а те, что поменьше, становились лавками. Это было в конце прошлого века. В нынешнем же столетии они превратились в трущобы с борделями, пабами и всеми видами криминальной активности. Я думала, что всё это в основном в прошлом, но, видимо, нет.

— То есть там, в Сводах, есть реальный рынок, где продают подобные штуки? — уточняю я.

— «Подобные штуки» и много чего еще. — Её глаза лукаво поблескивают. — Но вам ведь неинтересно посещать такое место, не так ли? Такое милое и хорошенькое дитя, которое не захочет пачкать свои белые перчатки и портить эти золотые локоны…

— Где мне его найти?

Это заставляет и Королеву Маб, и Айлу рассмеяться.

— Боюсь, рынок открывается лишь раз в две недели, — говорит Королева Маб. — Но вам везет. Он будет открыт завтра. Однако это не решает всех наших проблем. Во-первых, я должна пойти с вами — и как сопровождающая, и как поручитель. Впрочем, одного поручительства недостаточно. Вам нужно что-то предложить.

Я хмурюсь.

— Но я хочу купить. Это была бы моя легенда. Я хочу купить порошок мумии.

Она качает качает головой.

— Рынок работает не так. Знаешь ли ты, что такое «рынок гоблинов»?

Когда я медлю, Айла произносит:

— Поэма мисс Россетти. «Рынок гоблинов».

— О! — восклицаю я. — Я знаю её. Мой…

Я уже собираюсь сказать, что мой папа преподает её, но вовремя прикусываю язык. Я даже не уверена, была ли поэма опубликована к этому времени.

— Когда это…? — начинаю я осторожно.

— Она вышла несколько лет назад, — говорит Айла.

Королева Маб продолжает:

— В поэме у девушки нет денег, поэтому она отдает в обмен локон своих волос. Фольклорный рынок гоблинов использует систему обмена. Так и здесь. Конечно, сделки за деньги не являются чем-то неведомым, но чтобы войти, ты должна что-то предложить.

— У меня волос много, — говорю я.

— Позволишь им сбрить их на парик?

— Э-э...

Айла улыбается.

— Наша Мэллори не тщеславна, но она едва ли горит желанием проводить свои тайные расследования в роли лысой женщины. Могу я помочь? Может, мне состряпать что-нибудь?

— Ты можешь создать что-то магическое?

Мы с Айлой обмениваемся взглядами.

— Рынок — это место магии, — произносит Королева Маб. — Не истинной магии. Я в такое не верю. Но это место суеверий и преданий, особенно касающихся народца фей. Думаю, именно поэтому меня туда пускают. Они не могут поверить, что королева фей не промышляет волшебством. Наверняка я творю его для тех, кому доверяю. А значит, они все хотят заслужить моё доверие. — Она улыбается. — Это весьма выгодно.

— Феи... фольклор... суеверия... Погодите! У меня есть Рука Славы.

Брови Королевы Маб взлетают вверх.

— Это из фольклора, — поясняю я. — Не знаю, относится ли это к фейским преданиям. Это рука, которую используют...

— Для воровства, — подхватывает Королева Маб. — Рука висельника, покрытая воском и служащая свечой.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

— Ты желаешь улизнуть с моей Рукой Славы, использовать её, чтобы проникнуть на секретный рынок гоблинов… и оставить меня здесь? — Грей стоит за своим столом, скрестив руки на груди. — Чем же я, позволь спросить, заслужил такое скверное обращение?

— Я…

— Разве я не приютил тебя? Разве не терпел твои причуды двадцать первого века и неспособность нормально разжечь камин?

— Эй, я научилась…

— Я возвысил тебя до должности своей ассистентки и позволял сопровождать меня в расследованиях, даже когда твоя безрассудность чуть не стоила мне жизни.

— Моя безрассудность? А как часто именно вы первым бросаетесь навстречу опасности?

— Только в половине случаев. Ты плохо на меня влияешь, Мэллори, но я это допускаю.

Я издаю неприличный звук.

Его брови взлетают.

— Что это было?

Я приседаю в реверансе.

— Простите, сэр. Я приношу глубочайшие извинения. Вы правы. Я — худшее влияние, я побуждаю вас потакать самым неподобающим склонностям. Я исправлюсь, и начну с того, что не дам вам вот эту коробку, — я поднимаю картонную упаковку, — с пирожными, которые я прихватила. Поедание сладкого ужасно вредит вашему здоровью — это убьет вас так же верно, как и походы в опасные места.

— Ты думала подкупить меня пирожными?

— Пирожными со сливками. — Я помахиваю коробкой. — Из вашей любимой лавки.

— Мне следовало бы оскорбиться тем, что ты сочла меня столь легко умиротворяемым.

— Восхитительные пирожные со сливками. Лучше всего идут под кофе со щедрой порцией виски.

— Которыми ты насладишься вместе со мной, я полагаю.

— Исключительно чтобы составить вам компанию. Как ваша верная ассистентка, которой на самом деле очень не хочется красть вашу отрубленную руку и тащить её на рынок гоблинов.

Он вздыхает и выходит из-за стола.

— Знаю. И надеюсь, ты понимаешь, что я поддразнивал тебя. По большей части. Я, конечно, немного расстроен и, возможно, какое-то время буду дуться.

— Вполне понятно.

— Тебе также не обязательно было приносить пирожные, хотя я их ценю. Идем. Насладимся ими, пока беседуем, а потом, возможно, мы сможем изучить эту руку, прежде чем ты с ней сбежишь.

В итоге мы берем Руку Славы на чай. Точнее, «на кофе», хотя звучит это не так поэтично. Мы уединяемся в лаборатории, раскладываем на одной красивой льняной салфетке пирожные со сливками, а на другой — отрубленную конечность… и запираем

дверь, чтобы миссис Уоллес случайно не зашла и не увидела, что мы творим с её бельем.

Я принесла кофе, а Грей добавил туда виски, который слишком дорог, чтобы его с чем-то смешивать. Но какой смысл иметь деньги, если ты не можешь время от времени позволить себе такой моветон, как добавление односолодового скотча в кофе?

Мы сидим на полу и изучаем Руку Славы, устроив наш маленький лабораторный пикник. Саму руку мы, конечно, не трогаем. О, Грей бы тронул, но он знает, что я не одобряю копание в мертвечине во время поедания закусок, которые берут руками.

Вместо этого мы осматриваем её визуально и используем зонды. Когда требуется реальное прикосновение, мы надеваем перчатки. В основном это просто внешний осмотр с обсуждением и записями. И пирожные. Много пирожных. По крайней мере, для Грея. Я чувствую вину за то, что отстраняю его от завтрашней вылазки на подземный рынок, и компенсирую это, уступая ему четыре из шести угощений.

— Я бы хотел сделать на руке надрез, — говорит он.

— Знаю.

— Возможно, взять небольшой кусочек для тестов.

— Я так и думала.

— Срез со стороны культи вполне подойдет. Главное, чтобы не было сразу заметно, что мы её кромсали.

— Если кому-то на этом рынке понадобится рука, им будет плевать на отсутствие пары кусочков. Мы можем придать срезу вид старого повреждения. — Я оцениваю почерневшую, скрюченную кисть. — Она и так выглядит довольно паршиво.

— Что нам на руку. Я отделю фрагмент для изучения и анализа, а затем…

Звук за дверью. Мы оба замираем.

— Кто там? — спрашиваю я.

— Мисс Мэллори? — зовет через дверь Лорна. — Простите, что беспокою. Я ждала, когда вы закончите разговор с доктором Греем.

Ручка поворачивается, и я вскакиваю на ноги. Ну, по крайней мере, пытаюсь вскочить. Даже спустя полгода здесь я забываю, что не могу просто так подорваться с пола, особенно когда держу в руке чашку кофе. Викторианский корсет и юбки подразумевают, что леди никогда не будет сидеть на полу, а значит, ей не нужно акробатически вскакивать.

Я едва не разливаю кофе и еще только ставлю чашку, когда Грей доходит до двери. Я поднимаюсь так быстро, как могу, и оправляю юбки.

— Мне так жаль, сэр, — говорит Лорна, когда он открывает. — Я не знала, что дверь может быть заперта.

— Мы изучали потенциально неприятный объект и не хотели никого напугать, — произносит Грей.

Её взгляд падает на наш импровизированный пикник: коробку из кондитерской, салфетки и бутылку скотча.

— Остатки нашего чаепития, — улыбаюсь я. — Нам следовало убрать всё это, прежде чем возвращаться к работе над *этим*.

Грей подхватывает Руку Славы — надеюсь, достаточно быстро, чтобы она не разглядела, что это такое… или что она завернута в льняную салфетку.

— Что это? — спрашивает она.

— Ничего такого, о чем вам стоило бы беспокоиться, — отвечает Грей.

— Похоже на руку.

Грей медлит, а затем говорит:

— Да. Именно поэтому мы закрыли дверь. Это отрубленная кисть, которую я изучал.

Она кивает, совершенно не выглядя при этом испуганной.

— Можете не опасаться, что я стану воротить нос от таких вещей. Я выросла на ферме и... О! — Её щеки розовеют. — Я забыла, зачем спустилась. Простите, доктор Грей. Там в дверях молодая женщина, хочет вас видеть. Миссис Кинг? Она кажется... — Лорна прикусывает губу. — Не в себе? Она не сказала, по какому вопросу.

— Всё в порядке, Лорна. Пожалуйста, проводи её... — Он бросает взгляд наверх, в сторону жилых помещений таунхауса, а затем решительно произносит: — Проводи её в переднюю приемную похоронного заведения и принеси чай.

— Слушаюсь, сэр.

Келли Армстронг – Тревожа мертвых
Kelley Armstrong - Disturbing the Dead

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Мы откладываем Руку Славы; я протираю лицо и платье влажной тканью и настаиваю, чтобы Грей сделал то же самое, что его изрядно раздражает. В этом мире куда меньше возможностей увидеть себя со стороны. В уборных зеркала есть не всегда. В спальнях — тоже, если не считать маленького зеркальца для бритья.

Зеркала используют в декоре, но Грей не из тех мужчин, что замирают перед ними перед выходом из дома. Это могло бы быть похвальным отсутствием тщеславия, но дело скорее в том, что он сосредоточен на цели, и любая пауза для него — помеха; и если это означает, что он выйдет в свет с пятном чернил — или крови — на лице, что ж, остальным плевать, так почему я поднимаю из-за этого такой шум? Наверное, потому, что он даже не замечает, как люди переходят на другую сторону улицы, завидев брызги крови у него на воротнике. А может, в этом и смысл — заставить людей освободить ему дорогу, — и я всё только порчу.

Я оставляю его с тряпкой и направляюсь в переднюю гостиную, шепнув на ходу, чтобы он дал мне минуту наедине с миссис Кинг. Она стоит у окна, глядя на улицу, и, услышав шаги, оборачивается с раздраженным видом, будто прождала здесь целую вечность.

— Я пришла поговорить с доктором Греем, — холодно произносит она.

— Миссис Кинг, — говорю я. — Я должна извиниться за вчерашнее, когда мы назвали вас «мисс». Это было прискорбное допущение. Пожалуйста, присаживайтесь. Горничная сейчас принесет чай. И её вам тоже придется извинить. Она совсем новичок. Меньше недели на месте, которое я раньше занимала сама. — Я элегантно оправляю юбки, прежде чем сесть.

— Вы были горничной? — переспрашивает она, присаживаясь.

— Да. Доктор Грей заметил мой интерес к его работе и нуждался в ассистентке, поэтому позволил мне занять эту должность. — Я улыбаюсь. — Это куда более поучительно, чем мыть полы. Мы как раз работали над кое-чем, когда вы позвонили. Человеческая рука, законсервированная для якобы магических целей. Сам процесс того, как она стала такой — дессикация и обработка, — завораживает, как и стоящий за этим фольклор. Полагаю, он уходит корнями в средневековье. — Я тихо смеюсь. — Фольклор, я имею в виду. Не сама рука.

Грей открывает дверь и входит; миссис Кинг растерянно моргает, глядя на него. Моя болтовня выбила её из колеи — чего я и добивалась. Не будь такой, какой она ожидает. Не веди себя так, как она ожидает. Не заводи светских бесед, которых она ждет. После нашей вчерашней встречи она пришла сюда с вызовом. Мне нужно сбить с неё этот гонор, прежде чем мы начнем.

— Огромное спасибо, что пришли, миссис Кинг, — говорит Грей. — Мы можем только догадываться, насколько всё это было тревожно. Могу я предположить, что вы уже говорили с детективом МакКриди?

Кажется, она пытается вернуть прежний гнев, но понимает, что это будет звучать просто сварливо, раз уж мы оба ведем себя так учтиво и предупредительно.

— Я не доверяю полиции, — заявляет она наконец, сохраняя в голосе нотку резкости. — Случались инциденты, и полиция обращалась с нами как с истеричными женщинами.

— Инциденты со студентами-мужчинами? — уточняю я, вспоминая истории, что читала о «Семерке».

Её взгляд вонзается в мой — наполовину удивленный, наполовину ищущий.

— Вообще-то, это беспокоит нас всё сильнее. Похоже, студенты-мужчины не склонны относиться к нам справедливо, но они нас не знают. — Она немного расслабляется. — Не могу не верить, что это верно для большинства наших противников. Если бы они узнали нас поближе, они бы увидели, что мы искренни и серьезны в своих устремлениях и не представляем для них угрозы. Что касается студентов, это только начало пути, и у нас есть надежда.

— Надежда — это хорошо, — бормочу я. — Но осторожность тоже не помешает. Я слышала, многие из вас обошли их по баллам на вступительных экзаменах. Они не воспримут это благодушно. Просто… будьте начеку и будьте готовы. Они увидят в вас конкурентов и используют ваш пол, чтобы заявить, будто вы не подходите для профессии или получаете поблажки.

Она продолжает изучать меня взглядом, после чего коротко кивает.

— Вы правы, мисс…

— Митчелл. Мэллори Митчелл. — Я удобнее устраиваюсь в кресле. — Но у вас будут союзники среди студентов. Ваш муж определенно кажется одним из них.

Выражение её лица смягчается, она даже улыбается.

— Да, Эмметт — настоящий союзник. Он понимает, что мы не конкуренты, что в такой профессии вообще не должно быть конкуренции. Мы все стремимся к одной цели — помогать людям.

— Благородная цель, — замечаю я. — И я рада, что у вас есть поддержка мужа. Это бесконечно упрощает жизнь. Что касается того, с чем вы столкнулись и что требовало вмешательства полиции… полагаю, это было своего рода преследование? С какой-то конкретной стороны?

— Нет, не с конкретной. Это было бы даже предпочтительнее. Организованная оппозиция дает нам то, с чем можно бороться. А это носит такой общий характер, что это… ну, удручает.

— Должно быть. Пожалуйста, поймите, что в полиции у вас тоже найдутся союзники. Детектив МакКриди, например, и он может посоветовать других, к кому стоит обратиться. В случае неприятностей вам нужны связи внутри управления. Идти прямиком к ближайшему полицейскому или в ближайший участок в вашей ситуации может быть бесполезно.

Она смотрит на меня так долго, что я начинаю бояться, не сболтнула ли я лишнего. Ведь именно так сообщают о преступлениях в это время, когда еще нет службы 911, верно?

— Мисс Митчелл права, — произносит Грей, немного сухо, будто его задело, что она, похоже, сомневается в моих словах.

— Д-да, конечно, — отвечает миссис Кинг. — Я только… Я ценю это предложение. Оно очень мудрое и проницательное в отношении, как вы выразились, нашей ситуации.

А-а, вот в чем проблема. Я говорила как коп, опытный в разруливании подобных дел. Хотелось бы мне сказать, что каждый в «подобных ситуациях» — будь то абьюз, нападение или преследование — может просто рассчитывать на адекватную реакцию местной полиции, но никто не притворяется, что это так в мое время, и уж точно это не так в нынешнее.

— Я попрошу детектива МакКриди дать вам контакты, — обещаю я. — И, кто знает, может быть, когда-нибудь и в полиции появятся женщины.

На это она отвечает мне улыбкой.

— Возможно, появятся. Спасибо, мисс Митчелл. Признаюсь, я была настроена весьма враждебно из-за того, что меня вызвали в полицию по поводу убийства сэра Аластера. Я понимаю, что убийство куда важнее преследований, но не могу не желать, чтобы нам уделяли хоть малую толику этого времени и внимания.

— Должно быть, обидно видеть полицию на своем пороге по этому делу, когда они игнорировали ваши собственные проблемы. Что касается «порога» — вчера вечером произошло убийство в доме, у которого вы находились.

Она напрягается.

— Да.

— Мы должны спросить: видели ли вы что-нибудь?

Она слегка выдыхает, хотя и пытается это скрыть.

— О. Да. Конечно. Вы хотите знать, что я видела.

— Именно.

— Боюсь, очень мало. Я пришла прямиком из квартиры, которую делю с мужем. Дошла до дома Кристи, заняла свое место снаружи и не покидала его, пока ваш детектив МакКриди не дал мне понять, что, возможно, стоит уйти.

— Но вы не пошли домой, так как, судя по всему, услышали об убийстве и отправились поговорить с мисс Джекс-Блейк.

Миссис Кинг сглатывает.

— Да, я отступила, но не ушла. Я была зла. Я мерила шагами мостовую. Уходила и возвращалась. Ходила туда-сюда, а потом снова уходила и снова возвращалась. Когда тело обнаружили, я была достаточно близко, чтобы услышать крики.

— И что потом? — спрашиваю я.

— Я… пошла туда, где слуги оставили дверь открытой.

— Какую именно дверь?

Она немного расслабляется, видимо, с облегчением видя, что я не ахаю от возмущения из-за того, что она пошла на крики. Как по мне, единственные люди, которые не стали бы подходить ближе, — это те, кто боится, что их позовут на помощь.

— Вниз по ступеням слева. Там внизу две двери. Я вошла в ту, что слева, она ведет в помещения для прислуги.

— Вы зашли внутрь.

Пауза — она осознает, что сболтнула лишнего. Затем она вскидывает подбородок.

— Да. Они могут твердить, что мне никогда не позволят врачевать, но я готовилась стать врачом всю жизнь. Мой отец — доктор.

— Значит, вы вошли, чтобы определить, нужна ли помощь, и что же вы увидели?

И снова она расслабляется от моего тона.

— Не много, — признается она. — Слуги сбегали по лестнице, сообщая остальным, что хозяин мертв. Я поспешила уйти, прежде чем меня обнаружили.

Дверь открывается, и я вспоминаю, что мы просили Лорну принести чай. Она начинает разливать, но я поднимаюсь.

— Я еще не забыла, как это делается, — говорю я. — Спасибо, что принесла.

Она колеблется и переводит взгляд на Грея.

— Мэллори разольет чай, — подтверждает он.

Лорна кивает. Затем говорит:

— Миссис Уоллес хочет знать, будете ли вы обедать в семь.

Грей сверяется с карманными часами. Отсюда я вижу, что уже полседьмого. Мы не спали всю ночь и были на ногах весь день; я потеряла счет времени и приемам пищи.

— Чуть позже семи, — отвечает он Лорне. — Передай ей, что я жду Хью. Спасибо.

Как только она уходит, я разливаю чай, продолжая допрос.

— Вы поспешили уйти, прежде чем вас обнаружили. А что потом?

— Я не совсем понимала, что делать дальше. Явно помочь я ничем не могла. В лице доктора Грея у них на приеме были и врач, и распорядитель похорон в одном флаконе. Я уже уходила, когда услышала слова одной из горничных внутри — она сказала, что это убийство. Вот тогда я и покинула этот район окончательно. Я знала, что мне нельзя там находиться, а раз уж меня узнали раньше — и не кто-нибудь, а полицейский, — мне нужно было предупредить Софию. Мисс Джекс-Блейк, я имею в виду.

— И сделали вы это после трех часов ночи. Убийство обнаружили до одиннадцати вечера. Остается зазор в четыре часа.

Бледная улыбка.

— От вас ничего не скроешь, верно, мисс Митчелл? Я уже начинаю жалеть, что не пошла в полицию для этой беседы.

— Это бы ничего не упростило. Мы с детективом МакКриди обсудили вопросы к вам еще до того, как приехали к вам домой. Мои вопросы были бы его вопросами. Кроме того, ваш муж говорит, что вы вернулись домой этим утром, а затем снова ушли. Мне понадобится полный отчет о вашем времени.

Она вздыхает.

— Конечно. Что ж, хорошо. Я говорю, что поняла: мне нужно поговорить с Софией, — будто я осознала это сразу же, как ушла. Но я лишь хотела бы обладать такой же ясностью ума, как она. — Слабая улыбка. — София знает, чего хочет и как этого добиться, и горе любому, кто встанет у неё на пути. Я далеко не так решительна. Я ушла от дома и отправилась к Уотер-оф-Лит, чтобы походить и подумать, и боюсь, прошло несколько часов, прежде чем я поняла, что должна предупредить Софию. Даже когда я уходила от дома Кристи, я не осознавала всей серьезности случившегося, знала только, что мне нельзя там попадаться.

Я заканчиваю разливать чай и сажусь со своей чашкой и печеньем.

Миссис Кинг продолжает:

— Я пробыла у Софии пару часов. Ей нужно было меня успокоить, а это потребовало и виски, и того, чтобы меня отвлекли. В итоге мы проговорили об убийствах — о человеке из моей деревни, который умер, и о деле, за которым она следила из-за медицинских аспектов. Когда я ушла оттуда, уже рассвело. Я знала, что Эмметт будет вне себя от беспокойства, поэтому купила свежий хлеб и масло к его завтраку. Придя домой, я обнаружила, что он с головой ушел в учебу и даже не заметил времени.

Она снова улыбается той самой нежной улыбкой.

— Мой муж лишен преимуществ в виде отца-врача и хорошего образования. Ему приходится трудиться усерднее, чем мне, и видя его таким, я поняла, что сейчас не время обременять его своими настроениями. Я объяснила, что произошло, и сказала,

что мне нужно погулять. Он предложил пойти со мной, но я его отговорила. Я шла и шла. Когда я вернулась домой до полудня, Эмметт уже ушел на лекцию. Он вернулся поздно днем и сказал, что полиция хочет со мной поговорить. Узнав, где найти доктора Грея, я решила прийти сюда.

Я отхлебываю чай. Затем произношу:

— Вернемся немного назад. Вы сказали, что мисс Джекс-Блейк знает, чего хочет, и горе любому, кто встанет у неё на пути. Насколько я понимаю, сэр Аластер стоял на пути у вас всех весьма твердо.

— И поэтому мы убили его, чтобы расчистить дорогу к прогрессу? — Горькая улыбка. — Если бы мы начали так делать, мы бы никогда не остановились. Те, кто нам противостоит, — как муравьи на пикнике. Их слишком много, чтобы перебить всех, и даже если бы это удалось, на их место примаршировали бы новые.

— Вы когда-нибудь встречались с сэром Аластером лично?

Она ставит чашку на блюдце.

— Смотря что вы вкладываете в понятие «встречались», мисс Митчелл. Если вы спрашиваете, были ли мы официально представлены друг другу — нет. Если спрашиваете, перемолвилась ли я с этим джентльменом хоть словом — нет. Однако я «встречалась» с ним в том смысле, что находилась в комнате, когда София говорила с ним. Или, вернее сказать, когда она пыталась с ним заговорить. К несчастью, он был занят. Ужасно занят. Это случилось после того, как она неоднократно пыталась договориться о встрече. Мы подкараулили его, и он сбежал.

Она умолкает, перебирая пальцами край блюдца.

— Признаю, это было огромным разочарованием для всех нас. Из всех представителей университета, что нам оппонируют, сэр Аластер казался самым разумным. Тем, кто скорее всего выслушает и, возможно, даже передумает. После того случая наши надежды рухнули.

— Вы говорите «сбежал». Выбор слова кажется мне значимым.

Она бросает на меня взгляд.

Я продолжаю:

— Он не просто ушел, не отказался вас принять и не захлопнул дверь перед вашим носом. Он именно сбежал.

— Возможно, это не совсем верное слово — оно подразумевает, будто он пустился в бега и припустил по коридору. — Её губы дергаются. — Не могу представить его за таким занятием. Он был очень достойным человеком. Когда я говорю «сбежал», я имею в виду, что он поспешил удалиться.

— И ваша группа многократно пыталась устроить с ним встречу, пока он был в Эдинбурге, но он отказывался.

— «Отвергал» — более подходящее слово, если уж мы выбираем их с осторожностью. Возможно, даже «уклонялся». Он не отказывался нас видеть. Он просто был занят. Так страшно занят.

— А когда вы его подкараулили, как вы выразились? Он что-нибудь сказал?

— Это было в его кабинете в университете. София пробралась внутрь, пока секретаря не было на месте, и мы вошли в кабинет сэра Аластера. Застали его врасплох. Он сказал, что ему ужасно жаль, но ему нужно быть в другом месте, схватил пиджак и выскочил вон. Мы пытались пойти следом, но к тому времени вернулся секретарь и преградил нам путь.

— Значит, сэр Аластер не столько отказывался говорить с вами, сколько избегал этого. Уклонялся, как вы и сказали.

— Именно так.

Его горничная намекала, что сэр Аластер избегал конфронтации. Не такое ли поведение я вижу здесь? И всё же кажется странным, чтобы человек положения сэра Аластера бежал от группы женщин. Он бы просто сказал им «нет», заявил, что не станет с ними говорить, и попросил бы перестать его беспокоить.

Такое поведение говорит о дискомфорте. Словно политик, увиливающий от вопроса по поводу курса, в который он на самом деле не верит, но обязан соблюдать партийную линию.

И Айла, и Грей отмечали, что сэр Аластер казался странным кандидатом на роль лидера оппозиции против «Эдинбургской семерки».

Неужели он правда верил, что эти женщины представляют серьезную угрозу для будущего медицины?

Или он просто соблюдал партийную линию?

И не просто соблюдал, а был вытолкнут на передовую этой атаки.

И кто же был этой «партией»? Кто его подталкивал?

Я делаю пометки обо всем этом. Затем произношу:

— Что касается ваших перемещений во время прогулок, у вас есть кто-то, кто мог бы предоставить алиби?

— Алиби?

— Кто-то, кто мог вас видеть, возможно, вы останавливались, чтобы что-то купить?

— А-а. — Она задумывается. — Не в период между тем, как я ушла из дома и пошла говорить с Софией. В такое время ночи я стараюсь не попадаться на глаза. Между Софией и Эмметтом я купила хлеб и масло. После того как ушла от Эмметта… — Она закатывает глаза к потолку. — Я купила газету со статьей об убийстве, а позже зашла выпить чаю в Новом городе. Я могу дать адреса всех этих мест.

— Спасибо. Я бы также хотела знать, где именно вы гуляли в оба этих раза.

— Конечно.

— И еще мне понадобится ваш распорядок за день до этого, между девятью утра и четырьмя часами дня.

Она замирает. Затем её взгляд встречается с моим.

— Полагаю, именно тогда сэр Аластер умер?

— Примерно так, да.

— До полудня я была с остальными леди. Мы встретились на поздний завтрак и занимались вместе. После этого я занималась дома.

— И ваш муж может это подтвердить?

— Да… Нет, вообще-то не может. Он был на занятиях. Но я была дома. Я вернулась около двенадцати тридцати, проведя утро на Баклю-плейс с остальными дамами.

Значит, на вторую половину дня у неё нет подтвержденного алиби. Хватило бы ей времени, чтобы убить сэра Аластера, замотать его тело и столкнуться с Селимом в тоннеле после четырех? Я не уверена. И, конечно, я не уверена, что считаю её серьезной подозреваемой.

Остановить оппозицию сэра Аластера было бы, как она и сказала, бессмысленно. Но убийство не кажется предумышленным. Могла ли миссис Кинг прийти поговорить с сэром Аластером домой, раз уж он ускользнул от мисс Джекс-Блейк? Убить его в пылу момента?

Вчера она показала свой нрав, и она далеко не хрупкая женщина. Она могла это сделать, нанеся те удары, чтобы свалить его, а затем использовав веревку и упершись ногой в спину для рычага. Если я смогла протащить Селима, она бы тоже смогла.

— Спасибо, — говорю я. Затем поворачиваюсь к Грею: — У вас есть дополнительные вопросы, сэр?

— Нет. Если вы не против записать остальную часть показаний миссис Кинг, я оставлю вас наедине.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

МакКриди явился как раз к ужину. Он, что вполне ожидаемо, поворчал на то, что миссис Кинг пришла сюда, а не в полицейский участок. Впрочем, ворчал он незлобно, в его голосе сквозило сочувствие и понимание того, почему она не доверяет полиции. Ему всё равно придется допросить её официально, но он решил подождать, пока не возникнут новые вопросы. Пока что я предоставила ему всё необходимое, позволив сосредоточиться на более перспективных зацепках.

МакКриди проверял деловые связи сэра Аластера, которые в основном касались его раскопок. Сэр Аластер читал лекции в университете достаточно часто, чтобы за ним закрепили кабинет, но это было скорее данью его репутации, нежели отражением реального объема работы. Кроме того, университету было выгодно поддерживать связь с человеком, который поставлял важные артефакты.

У МакКриди сложилось впечатление, что сэр Аластер относился к лекциям так же, как некоторые современные исследователи: для него преподавание было неизбежным злом, а не призванием. Мой отец искренне любит свою работу, но он стал профессором английской словесности, потому что хотел делиться своей страстью, а не потому, что ему нужна была аффиляция для поддержки исследований и доступа к лаборатории.

Сэр Аластер казался мне ученым того же склада, что и Грей, а не мой отец. Его египтология, возможно, и тяготела к искусству, скорее история, чем медицина, но его истинной страстью было поле: раскопки и открытия.

И мешали этому не только лекции. Мешало чертово презренное злато. Грею в этом плане повезло. Богатство семьи означало, что он может работать всего несколько дней в неделю, поддерживая похоронный бизнес отца без малейшего желания его расширять. К тому же его собственным исследованиям требовалось не так уж много ресурсов. Не скажу, что трупы — это дешево, но с тех пор, как я здесь оказалась, я не видела, чтобы он их покупал. Их привозит полиция в поисках ответов. Пока у Грея есть время и оборудование, он в порядке.

Сэр Аластер был другим. Ему нужны были деньги — много денег — для финансирования экспедиций. Вот тут-то и появлялся лорд Мьюир. Но наличие спонсора означало, что сэру Аластеру приходилось заниматься вещами вроде той унизительной демонстрации с разворачиванием мумии.

Могло ли это привести к конфликту между ними?

Всё это теперь лежало на следственном блюде МакКриди. Завтра он продолжит копаться в финансовых делах, пока мы ждем возможности выйти на след Королевы Мэб и её «рынка гоблинов».

***

Вечер мы провели дома. Как только с ужином было покончено, нас накрыла усталость после вчерашней бессонной ночи. Мы с Айлой ушли в библиотеку почитать, а когда МакКриди ушел, к нам присоединился Грей.

В этой новой жизни было много вещей, которые меня бесили, и как минимум столько же тех, что я успела полюбить. Одна из них — тишина, которая окутывает такой вот вечер.

Мы можем находиться в самом центре расследования, но ни у кого нет срочных дел, и поэтому мы просто позволяем себе отдохнуть. В моем мире даже в самый

спокойный вечер мозг нашептывал бы мне, что нельзя слишком сильно погружаться в книгу, сериал или видеоигру. Краткая передышка — это всё, что я могла себе позволить, прежде чем мне снова требовалось стать «продуктивной». Ответить на имейл. Написать сообщение. Что я упускаю? Что еще я должна сделать? Не забыла ли я о каком-то обязательстве? Наверняка забыла, раз мне кажется, что у меня свободен целый вечер.

Здесь же мы откладываем расследование в сторону и даем мозгу и телу заслуженный отдых. Я читала первое издание «Лунного камня», опубликованное в прошлом году. У Айлы были столь же свежие «Маленькие женщины», которых я закончила на прошлой неделе. У Грея… ну, у Грея был свежий номер «Ланцета». Технически он работал, но это его представление о досуге, так что я не стала его трогать.

Мы сидели в тишине, нарушаемой лишь тиканьем часов, и я читала, пока глаза не начали слипаться. Когда я собралась уходить, остальные согласились, что пора заканчивать; мы пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись по спальням.

***

Грей, Айла и я завтракаем вместе. К этому можно привыкнуть. О, они и раньше приглашали меня присоединиться к ним, но сидеть за столом с хозяевами, пока Элис прислуживает, было бы неловко. Я обедала с ними, когда могла надеть «шляпу ассистента», но даже тогда я настаивала на том, что буду подавать блюда. Теперь же я могу встать в нормальное время, и миссис Уоллес не будет *полоскать мне мозги* за пятиминутное опоздание или за то, что утренний кофе Грея недостаточно обжигающий. Я могу одеться нормально и без спешки, а затем почитать газету или перекинуться парой слов с Греем или Айлой перед завтраком.

Этим утром мы едим сразу, как только проснулись. Мы проспали до восьми, а день обещает быть насыщенным.

— Я послал Саймона за газетами, — говорит Грей. — Если юный Томми так и не нашел тех заметок о нас, предлагаю заняться поисками самим.

— Согласна, — кивает Айла. — Но тебе придется взять с собой Мэллори. У меня запланирован ланч, который я не могу отменить без веской причины.

— Мэллори? — Грей вопросительно смотрит на меня.

— Хороший план. Я бы еще хотела…

В дверь нерешительно постучали.

— Да, Лорна? — отозвалась Айла.

В дверях показалась голова Лорны.

— Прошу прощения, что прерываю, но это пришло для вас, доктор Грей. — Она протянула конверт; её рука слегка дрожала, будто она подозревала, что дело могло подождать до конца завтрака. — От лорда Мьюира. Мальчишка сказал, что это крайне срочно. Лорд Мьюир ждет вас в доме Кристи.

Грей подавил вздох, придав лицу подобающее нейтральное выражение.

— Спасибо, Лорна.

Она помедлила, затем склонила голову, словно смутившись от двухсекундной паузы, прежде чем поняла, что это был знак уходить. Грей подождал, пока она выйдет, и только тогда шумно выдохнул.

— Я понимаю, что работа с такими людьми, как лорд Мьюир — часть обязанностей Хью, — произнес Грей. — Но это еще одна причина, по которой я предпочитаю не привлекать к себе лишнего внимания.

— Потому что если такие люди, как Мьюир, не знают о вашем участии в деле, они не могут присылать записки с требованием явиться и ждать их, как обычный лакей?

Он поморщился.

— В моих устах это звучит довольно высокомерно, не так ли?

— Да бросьте. *Меня тоже бесило такое, когда я была копом.* Технически я была государственным служащим, но это не давало никому права помыкать мной. Чего хочет Мьюир? Кроме того, чтобы мы всё бросили и примчались в дом Кристи по первому его капризу.

— Чего я делать не стану, — пробормотал Грей. — Возможно, я и впрямь слишком высокого мнения о себе, но я не намерен создавать подобные прецеденты.

Он швырнул конверт на стол и взялся за кофе. Мы с Айлой обменялись понимающими взглядами. Грею удалось сделать ровно один глоток, прежде чем он снова потянулся к письму.

— Я прочту это и отправлю ответ, — сказал он.

— М-м-м, — протянула я. — Если это действительно вызов в дом Кристи, мы могли бы использовать его как повод заскочить туда и поговорить с Селимом Авадом о мумии. Но не стоит «бросать всё», как вы и сказали.

Грей продолжал читать, и мое любопытство заставило меня спросить:

— Там что-то случилось? Или Мьюир просто требует личного отчета о ходе дела?

На лбу Грея залегла глубокая складка.

— Они обнаружили пропажу нескольких артефактов из коллекции.

Айла со звоном поставила чашку на блюдце.

— Неужели?

— Мы проверяли это в первую очередь, — заметила я. — Это же самый очевидный мотив для убийства: сэр Аластер застукал вора на месте преступления. Но прислуга утверждала, что всё на месте.

— Утверждала. А теперь говорят, что нет. И лорд Мьюир полагает, что знает, кто их взял. Он ждет нас в доме прямо сейчас.

— Что ж, полагаю, мы всё-таки «всё бросаем» и едем.

***

Перед тем как отправиться в дом Кристи, Грей отправил Саймона в карете разыскать МакКриди и привезти его туда, если тот еще не в пути. Хотя записка была адресована Грею, это могло означать лишь то, что Мьюир решил удвоить шансы на ответ, написав обоим.

Дом встретил нас тишиной. Внешние колонны были обернуты черным крепом, а венок с черными лентами на двери предупреждал посетителей, что это дом в трауре.

Внутри дверные проемы тоже задрапировали крепом. Часы были остановлены примерно в час смерти сэра Аластера, а зеркала — завешены.

Я вспомнила слова бабушки о том, что завешивание зеркал — старое суеверие, согласно которому зеркало является порталом в иной мир. Если оставить его открытым, душа покойного может там застрять. Неужели леди Кристи действительно

об этом беспокоится? Нет, подозреваю, это сделала прислуга, да и то просто следуя обычаю, смысл которого давно утрачен.

Эта мысль напомнила мне о бабушке. Я приехала в Эдинбург, чтобы посидеть у её смертного одра, а вместо этого оказалась заброшена сюда еще до того, как она ушла. Умерла ли она, думая, что я исчезла? Что я мертва? А мои родители? Что они думают о том, что случилось с их единственной…

Я оборвала эту мысль. Я научилась «раскладывать» свои горе и тревогу по полочкам. Когда-нибудь я вернусь домой и всё объясню. Это стало моей мантрой с тех пор, как я здесь оказалась, и если она со временем поблекла, то лишь потому, что я и так знаю свою цель и мне не нужно бесконечно твердить её себе под нос, напоминая о том, что у меня нет ни единого шанса её достичь. Дело не в том, что мне здесь стало уютно. И не в том, что я больше не уверена, хочу ли домой. Я просто отодвинула всё это в сторону. Вот и всё.

Дворецкий молча вел нас через дом, который казался пустым, но я прослужила в горничных достаточно долго, чтобы расслышать шелест юбок и стук мягких домашних туфель — это горничные спешили скрыться с нашего пути. Дворецкий открыл дверь в комнату с артефактами, склонил голову и — опять же без единого слова — собрался было уйти, но я откашлялась.

Грей понял намек.

— Прошу прощения, — пробормотал он, — но я должен спросить в интересах следствия: можем ли мы после поговорить с мистером Авадом? Обещаю, мы будем кратки.

— Мистера Авада здесь нет, сэр.

— Когда вы ожидаете его возвращения?

Взгляд дворецкого метнулся вглубь комнаты, и я поняла, что лорд Мьюир уже там и прекрасно нас слышит.

— Мне это неизвестно, сэр, но как только он вернется, я передам, что вы желали с ним переговорить.

— Благодарю вас, — отозвался Грей.

Дворецкий закрыл за нами дверь, и Мьюир направился в нашу сторону.

— Вы пришли, — констатировал он.

— Да, лорд Мьюир, — ответил Грей. — Я также взял на себя смелость известить детектива МакКриди. Уверен, вы сделали то же самое, но сегодня его не будет в участке, и у моего человека больше шансов его разыскать.

— Мне не особо важно, придет он или нет. Я писал вам. Он всего лишь полицейский чин. Леди Кристи нужен детектив.

— Хью МакКриди и есть детектив, — твердо произнес Грей. — Это его звание. Он расследует преступления, в том числе убийства.

— Да-да, но он обычный *полицейский* детектив.

— Который предал правосудию не одного убийцу.

— С вашей помощью. Моя дочь читает всё о ваших приключениях, доктор Грей, и совершенно очевидно, кто здесь «мозг» всей операции.

— Вовсе нет. Хью МакКриди — это…

— Достойный полицейский, что само по себе замечательное достижение для выходца из низов.

Грей открыл было рот, но осекся. Я буквально видела, как в его голове крутятся шестеренки: он хотел возразить, что МакКриди вовсе не из «низов»… а потом понял, что это прозвучит так, будто он сам признает, что «обычных» полицейских можно мешать с грязью.

Мьюир продолжал:

— Моя дочь обожает детективную литературу. По её словам, полицейский в книгах никогда не раскрывает тайну. Он лишь путается под ногами, пока кто-то вроде вас не направляет его на верный путь.

Я поморщилась. Оказывается, эта проблема существовала еще до того, как Конан Дойл взялся за перо. Я люблю истории о Шерлоке Холмсе, но, признаться, никогда не одобряла то, как в них выставляют полицию — этот штамп до сих пор живее всех живых. Копы в книгах — это всегда кучка болванов, которым нужен гениальный частник, чтобы вывести их из тумана собственной профнепригодности. В рамках фикшена я еще могу это понять, если твой герой дилетант, полицию приходится принижать, иначе в герое нет смысла. Но в реальности это дает паршивый побочный эффект: настоящие профи на фоне таких сказок выглядят любителями.

— В данном случае это не так, — отрезал Грей. — Я не читал этих историй, но, судя по тому, что я слышал, мне приписывают слишком много заслуг. Авторы искажают факты в угоду публике, которой нужен один центральный герой вместо слаженной группы.

— Да-да, мой мальчик, — Мьюир покровительственно похлопал Грея по плечу. — Ваше желание разделить успех с коллегами похвально, но не будьте слишком упрямы в этом вопросе. — Он встретился с Греем взглядом. — Мир и без того охотно лишит вас заслуг из-за вашего происхождения. Не позволяйте этого. Вы достойны большего.

Хм. Вот уж не ожидала. Мьюир четко обозначил свою позицию по поводу высшего образования для женщин, и я полагала, что его зашоренность распространяется на всё остальное. Но люди — существа сложные. Можно поддерживать равенство для одной группы, отказывая в нем другим.

Ради Грея я была рада, что Мьюир не списал его со счетов так же быстро, как «Эдинбургскую семерку». Жаль только, что его симпатия шла в комплекте с унижением МакКриди и рабочего класса.

— Я ценю вашу веру в мою компетентность, — осторожно произнес Грей. — Тем не менее, я вызвал детектива МакКриди. А пока, чтобы не тратить ваше время, я начну осмотр вместе со своей ассистенткой.

Мьюир улыбнулся.

— Прелестная мисс Митчелл. Прошу прощения, что не узнал вас раньше. Дочь устроила мне настоящую головомойку на этот счет. Она чрезвычайно привязана к вашему персонажу в рассказах и говорит, что вы само очарование.

Да, нам определенно нужно найти эти рассказы. Меня называли по-разному, но «очаровательной» — никогда.

Я ответила на улыбку коротким реверансом и пробормотала:

— Я очень стараюсь, сэр.

— Вы сказали, что артефакты пропали, — Грей огляделся. — Боюсь, это скверные новости. Это полностью меняет картину дела. Прислуга была уверена, что всё на месте.

— Была. В этом-то и проблема.

Я достала блокнот и карандаш.

— Артефакты были здесь после убийства? — уточнил Грей.

— Да. Я провел небольшое собственное расследование. — Голубые глаза Мьюира азартно блеснули. — Я знал, что вам придется снова допрашивать слуг насчет пропавших вещей — вдруг их просто просмотрели при инвентаризации. Так вот — нет. Двое лакеев, проводивших проверку, сверялись со списком. Аластер был в этом вопросе крайне педантичен. У него был перечень всех артефактов в этой комнате, и он лично отмечал, какие из них выставлять вчера вечером. Лакеи обязаны были помечать каждый предмет, который вынимали из витрин или возвращали обратно. Аластер не терпел халатности.

Мьюир пересек комнату и протянул нам лист бумаги. Все артефакты были каталогизированы; рядом с каждым стояли отметки о перемещении, как в настоящем музее. Любой, кто брал предмет, должен был расписаться. Там стояла даже подпись самого сэра Аластера.

— Последняя колонка заполнена вчера вечером, — пояснил Мьюир. — Лакеи задокументировали возврат каждого артефакта и проверили остальные. Всё было на месте. Я показал этот список лакеям, они клянутся, что пропавшие вещи были в комнате, когда они закрыли дверь на ночь.

— Закрыли, но не заперли? — уточнил Грей. — Ключ ведь по-прежнему не найден.

— Верно. Полагаю, из-за того, что дверь постоянно открывали и закрывали, вор воспользовался суматохой и горем, охватившим дом, чтобы украсть артефакты. Надеялся, что кражу повесят на убийцу.

Мьюир выглядел почти по-детски довольным собой — будто уже представлял, как его опишут в следующей главе приключений Грея. *Почтенный лорд Мьюир, тайный сыщик.* Мне не очень хотелось симпатизировать этому типу, но я невольно задумалась: сколько в моей неприязни объективного, а сколько — предвзятости из-за его титула и самомнения? Можно, конечно, сказать, что высокомерие — часть его натуры, но это еще и продукт времени с его классовым расслоением.

— Весьма здравое заключение, — подтвердил Грей.

Мьюир просиял.

— Что вы можете сказать о самих пропавших предметах? — спросил Грей, и тут Мьюир замялся, став похожим на школьника, который гордо вызвался отвечать, но на полпути понял, что забыл половину урока.

— Впрочем, неважно, — быстро добавил Грей, не дожидаясь ответа. — Я не знал, насколько глубоко вы сами разбираетесь в египетских древностях.

— Если честно — нисколько, — расслабился Мьюир, становясь человечнее с каждой секундой: сначала в своем энтузиазме, теперь в честности. — Для меня поддержка работы Аластера была филантропическим вкладом в науку. Я нахожу всё это, — он обвел комнату рукой, — прекрасным и интригующим, но историческая значимость для меня — понятие абстрактное. Как и в случае с искусством. — Он едва заметно усмехнулся. — Мы с женой покупаем картины, которые нам нравятся, и полагаемся на других в том, что касается их скрытого смысла.

— У меня тот же взгляд на искусство, — признался Грей. — Я знаю лишь то, что мне по душе.

— Именно. — Мьюир оглядел комнату. — Поэтому я и спонсировал Аластера. Он делал стоящие вещи. Сначала хирург, затем египтолог? На его фоне мы все кажемся

бездельниками, просиживающими жизнь в загородных поместьях и устраивающими бесконечные приемы.

Мьюир говорил это с улыбкой, тон был легким, почти шутливым, но в его глазах сквозила тоска. Я вспомнила, что в эту эпоху титул часто означал невозможность заниматься чем-то по-настоящему серьезным. Титул и сопутствующие обязанности и были твоей «работой».

Мьюир откашлялся.

— Могу сказать лишь, что вор не тронул то, что я счел бы самым красивым — украшения и маски на месте. Полагаю, они самые ценные, но рыночная стоимость и историческая значимость могут сильно разниться.

— Безусловно, — согласился Грей.

Мьюир оживился:

— И если мы поймем, что именно забрал вор, это подскажет нам — зачем. Чтобы продать частному коллекционеру или сбыть в музей. Всё это поможет вам выйти на след. — Он замялся, его пыл поутих. — Впрочем, в этом нет нужды. Ибо я прекрасно знаю, кто украл артефакты.

Ну, конечно. Он же упоминал об этом в записке.

— Это молодой мистер Авад, — отчеканил он. — Брат леди Кристи.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Мы отошли вглубь комнаты с артефактами, чтобы леди Кристи нас не услышала. Пока мы меняли диспозицию, Грей позволил Мьюиру пройти вперед и шепнул мне:

— Проведите этот допрос, пожалуйста.

Я поняла, что он имел в виду. Только я начала видеть в Мьюире проблески человечности, как мои надежды на его благоразумие рухнули. Обвинять Селима Авада — всё равно что тыкать пальцем в горничную, когда пропадает столовое серебро. Не то чтобы горничные никогда не воровали серебро — я сама сейчас в теле той, что на этом попалась, — но такие обвинения всегда отдают автоматизмом. Конечно, вором должна быть хитроватая девица из низов, которую допустили к ценностям доверчивые хозяева. Конечно, вором должен быть молодой иностранец, допущенный к реликвиям доверчивым зятем.

Впрочем, что бы мы ни думали, к этому обвинению нужно отнестись так же серьезно, как к его выпадам против Флоренс Кинг. И мне это сделать проще: за свою карьеру я провела сотни допросов людей, которые божились, что кошелек вытащил именно тот бездомный из подворотни, а дом разгромили именно те подростки с угла. Чаще всего они ошибались, но моя работа заключалась в том, чтобы слушать их без тени осуждения.

— Лорд Мьюир, — сказала я, приседая в реверансе. — Простите мою дерзость, но доктор Грей попросил меня задать пару вопросов. Я учусь его детективному ремеслу, чтобы стать более полезной помощницей.

Улыбка Мьюира была полна снисхождения.

— Разумеется, дитя. Что ты хочешь знать?

— Во-первых, и мне крайне неловко это спрашивать, — я постаралась, чтобы голос звучал искренне, — где вы были вчера в промежутке между девятью утра и двумя часами дня?

Он уставился на меня, не мигая. Кажется, я услышала, как Грей поперхнулся, но останавливать меня он не стал.

— Мы обязаны спрашивать всех, — добавила я. — Еще раз прошу простить мою наглость.

Я снова изобразила легкий реверанс, и его благостная улыбка вернулась.

— А ты и впрямь настоящий детектив, не так ли, дитя? Разумеется, вы должны расспросить каждого, кто вел дела с Аластером. Вчерашнее утро я провел у своего солиситора по делу, не связанному с моими египетскими предприятиями. Затем мы отправились на ланч с двумя господами. Это затянулось почти до трех, после чего я вернулся домой, чтобы подготовиться к приему. Я предоставлю вам имена тех, кто может подтвердить мои слова.

— Благодарю вас, сэр. Теперь, полагаю, очевидный вопрос: что навело вас на мысль о причастности мистера Авада к кражам?

Мьюир погладил бороду.

— Видите ли… — Он выдохнул. — Надеюсь, я могу рассчитывать на вашу конфиденциальность? Я очень привязан к дорогой Мириам и мне бы не хотелось расстраивать её в любое другое время, а уж в нынешних обстоятельствах и подавно. Именно поэтому я надеюсь уладить всё как можно тише.

Я промолчала. Как по мне, «уладить всё тихо», значит, поговорить с самим Селимом, а не вызывать полицию срочной депешей. Но, возможно, именно поэтому он

вызвал нас, а не официальных лиц. Или же под «тихим решением» он подразумевал отправку Селима за решетку с минимумом шума. Арест брата свежеиспеченной вдовы за кражу артефактов её покойного мужа — это так… непристойно. Может, просто покончим с этим? Быстро?

— Аластер уже какое-то время подозревал, что Селим берет артефакты, — произнес Мьюир, понизив голос так, что мне пришлось напрячь слух.

— Он советовался с вами по этому поводу?

— Не совсем… Я был в его кабинете в университете и наткнулся на письмо, которое он писал Селиму. Там говорилось, что ему нужно срочно поговорить с ним о пропавших предметах. Аластер относился к нему с пониманием. Селим молод и, возможно, вы не в курсе, но он провел несколько лет в Лондоне.

— Учился там, верно.

Мьюир кивнул.

— Я и сам помню этот период жизни, когда у меня порой скапливались… досадные долги. — Его взгляд переместился на Грея. — Вы поймете, о чем я, ведь вы ближе к этому возрасту.

Я с трудом могла представить, чтобы Грей наделал долгов где-то, кроме кондитерской. Да, он бывает в бойцовских клубах и захаживает в пабы, но я подозреваю, что даже в юности он оплачивал свои счета до конца вечера. Однако намекнуть на то, что у него никогда не было долгов, значило бы оборвать установившуюся связь. Мьюиру явно нравился Грей, и это помогало ему откровенничать.

Наконец Грей произнес:

— Да, разумеется. У молодого человека есть множество способов задолжать другим, когда он всего лишь стремится к легким юношеским излишествам.

— Вот именно! — Мьюир просиял. — Нет ничего плохого в том, чтобы наслаждаться молодостью. Однако всегда найдутся люди, готовые нажиться на неопытности юнца. Полагаю, именно это и случилось с Селимом.

— И в письме говорилось, что ему нужно обсудить с ним пропажу артефактов?

— Срочно.

— Там упоминалась кража?

Брови Мьюира взлетели вверх.

— Аластер вряд ли стал бы писать такое прямым текстом. Но смысл был ясен.

— У вас есть информация о том, что именно пропадало в прошлом?

Мьюир покачал головой.

— Я хотел обсудить это с Аластером, но он был раздражен моими планами насчет «вечеринки с мумией», и я решил, что лучше не поднимать эту тему. Понимаете, артефакты принадлежат нам обоим. Я забираю долю в счет своего спонсорства. Уверен, что украденное принадлежало самому Аластеру, он был очень щепетилен и честен в своих расчетах. Но если бы я упомянул о краже, когда он был не в духе, он мог подумать, будто я обвиняю его в попытке меня обсчитать.

— Скрыв украденное из общей описи.

— Да. Я решил подождать окончания приема, когда он наверняка будет в лучшем настроении. Из-за его смерти я совсем об этом забыл, пока мне не сообщили, что пропало еще несколько вещей.

— Кто вам сообщил?

— Вчера вечером я получил записку от Мириам. Кажется, дети пошли на что-то взглянуть, а предмета не оказалось на месте. С этого всё и началось: в итоге Мириам решила, что я должен быть в курсе.

— В записке леди Кристи говорилось, что пропало *еще* больше артефактов? Она полагала, что вы знаете о предыдущих случаях?

Он покачал головой.

— Я оговорился. Она написала, что несколько предметов исчезло. И всё. Я могу показать записку. Я не упоминал при ней о прошлых кражах, так что не знаю, в курсе ли она. Подозреваю, что нет, если Аластер считал виновным её брата. У Селима и раньше бывали… неприятности, и ей приходилось его вытаскивать.

— Неприятности с законом?

— О нет. Конечно, нет. Обычные юношеские беды. Это всё, что мне известно. Я и сам не считал Селима виновным в этой краже, да и в тех, прошлых, пожалуй, тоже. Насчет нынешних — я думал, вещи просто переложили. Или же их забрал убийца Аластера. Но затем я приехал сюда и узнал, что Селим исчез со вчерашнего вечера.

— А-а.

Мьюир бросил взгляд на дверь, голос стал еще тише.

— Аластер не захотел бы вмешательства полиции. Я лишь хочу, чтобы артефакты вернули, а с Селимом поговорили… со всей строгостью.

***

Мы попрощались с Мьюиром, и горничная проводила нас в комнату, где мы могли переговорить, небольшую музыкальную гостиную.

— Что ж, эта задача решается просто, — сказал Грей. — Найти Селима Авада. Потребовать возврата артефактов. Затем поговорить с ним. Строго.

— Со всей строгостью, — я опустилась на стул возле фортепиано. — По крайней мере, Мьюир не потребовал депортировать его обратно в Египет.

— Хм. И то верно. — Грей стоял у окна, выходящего в задний сад. — Что вы думаете обо всем этом?

Я вздохнула и откинулась на спинку стула.

— Не знаю. Проще всего выставить Мьюира ксенофобом, который автоматически обвиняет иностранного родственника, но тут, похоже, другой случай. Он даже не думал на Селима, пока тот не исчез.

— А письмо?

Я всплеснула руками.

— Не уверена, как его трактовать. Мы можем спросить об этом самого Селима, но если сэр Аластер его в чем-то уличал, парень может просто солгать.

— А тот факт, что мистер Авад пропал?

— Выглядит подозрительно, но это ничего не доказывает. Если бы сэр Аластер подозревал Селима, это было бы серьезной зацепкой… если бы мы расследовали кражу артефактов.

— Потому что пропажа предметов, по всей видимости, никак не связана с убийством. Вор просто воспользовался трауром в доме. Я бы сказал, что нам вообще не стоит в это лезть, если бы не… — Грей покосился на дверь.

— Если бы не риск того, что в случае нашего отказа леди Кристи вызовет полицию, не подозревая, что главный подозреваемый — её собственный брат?

— Именно.

— Если нам всё же придется заняться Селимом, то только из-за артефактов? Он ведь не мог совершить убийство, верно? Его корабль пришел слишком поздно.

— К сожалению, это его не оправдывает. Корабль пришвартовался скорее в час ночи, чем в два, а Хью не может найти извозчика, который якобы высадил его здесь после четырех. Если он прибыл в дом около двух, это дает ему очень сжатые сроки, но он умеет обращаться с мумиями, а значит, справился бы быстрее обычного человека. Кроме того, это означает, что мы не можем с уверенностью утверждать, что убийца ушел после четырех — ведь вся эта сцена со встречей в туннеле могла быть ложью.

— Черт.

Я поднялась и принялась мерить комнату шагами, размышляя.

— Кража артефактов может и не быть связана с делом напрямую, но разговор с лордом Мьюиром подсветил зацепку иного рода. Мы и так знали, что сэра Аластера тяготила зависимость от Мьюира.

— Да.

— Но он не мог разорвать эту связь, если хотел продолжать раскопки. Взамен он отдавал Мьюиру долю находок и был вынужден соглашаться на вещи вроде той вечеринки с мумией. Он был у Мьюира в кулаке. Я верно понимаю их отношения?

— Пожалуй. Многие на месте сэра Аластера постарались бы извлечь из этого выгоду. Заискивали бы перед спонсором. Но тот сэр Аластер, которого знал я, как вы верно заметили, скорее испытывал бы глухое раздражение.

Я замерла у клавесина и провела пальцами по клавишам.

— Вчера я думала о том, почему сэр Аластер избегал мисс Джекс-Блейк. Как говорили вы и Айла, он не из тех, кто стал бы вставлять палки в колеса женщинам, желающим учиться на врачей. Он был женат на волевой женщине, и сестра у него такая же. Этот вопрос не затрагивал его лично, и он казался слишком поглощенным работой, чтобы ввязываться в академические интриги. После слов миссис Кинг у меня сложилось впечатление, что его кто-то науськивал. Он занимал пост на медицинском факультете, и некий человек или группа лиц потребовали, чтобы он использовал свое влияние против студенток.

— Лорд Мьюир.

Я вскинула глаза.

— Это похоже на правду?

— К несчастью, да. Мы уже слышали мнение лорда Мьюира о миссис Кинг и её учебе. Он не верит в высшее образование для женщин. Но при этом он не имеет никакого веса в медицинских или университетских кругах.

— А сэр Аластер — имел.

— Именно. Думаю, как бы нам ни хотелось оставить леди Кристи наедине с её горем, нам необходимо досконально разобраться в отношениях между лордом Мьюиром и сэром Аластером.

Когда мы попросили о встрече с леди Кристи, на лице горничной отразилось явное неодобрение. Но тут вмешалось само провидение в лице красавца-детектива: он рассыпался в извинениях перед леди Кристи за то, что нам приходится беспокоить её в

такой час, но дело крайне важное, и она может готовиться к встрече столько, сколько ей потребуется. А мы пока тихо подождем в музыкальной гостиной.

— Ты наш спаситель, — сказала я МакКриди. — Думаю, она собиралась даже не спрашивать хозяйку, а просто выставить нас вон.

— Ну, хоть на что-то я гожусь, — вздохнул МакКриди, с размаху падая в кресло. — Я уже подумываю об отставке, раз мои услуги больше не требуются. Сначала миссис Кинг, теперь лорд Мьюир — все зовут моего консультанта вместо настоящего детектива. Да что там, даже в этих байках о ваших героических приключениях мне едва ли пара строк перепадает.

— Кто тебе это сказал? — спросила я.

— Один из моих парней нашел выпуски, и я просмотрел их за завтраком. На пятьдесят страниц я упоминаюсь раза четыре.

— Они… они у тебя? — я оживилась. — И ты нам не сказал?

— Я знал, что вам это неинтересно, и сжег их после прочтения. — Он поймал мой яростный взгляд и добавил: — Ладно, они у Саймона, ждут вашего возвращения. А вот вам, мисс Мэллори, уделено в десять раз больше чернил. «Златовласая дева с женственными изгибами, глазами цвета сапфира, губами, как бутон розы, и голосом, подобным пению лесной птицы».

Я фыркнула.

— Ну, теперь я точно знаю, что ты шутишь. У Катрионы могут быть и волосы, и глаза, и изгибы, но мой голос уж точно не похож на пение птички.

— О, но в рассказах написано именно так. Раз за разом. Полагаю, автор в вас по уши влюблен. Или просто пытается привлечь мужскую аудиторию. Вам хотя бы льстят. Знаете, как он называет меня? Один-единственный эпитет, который он лепит каждый божий раз рядом с моим именем. «Неутомимый».

— «Неутомимый»?

— Именно, «неутомимый». Что это вообще должно значить?

— Что вы полны энергии.

— Да знаю я, знаю. Но почему именно это слово?

— К мужчине оно применяется, когда он… — я многозначительно поиграла бровями. — *Неутомим.*

МакКриди поперхнулся.

Я улыбнулась.

— Не спеши верить, что автор — мужчина. Кто бы это ни был, он находит вас очень… — я снова дернула бровью. — *Неутомимым.*

Грей откашлялся.

— Прежде чем придет леди Кристи, нам, пожалуй, стоит рассказать Хью о наших находках и о том, почему мы решили поговорить с вдовой.

— Тебя тоже бесит, когда он так благоразумен? — спросила я у МакКриди.

— Думаешь, сейчас плохо? — отозвался тот. — Попробовала бы ты дружить с ним, когда он был таким же рассудительным ребенком. Никаких шалостей. Вообще никаких.

— Даже выкапывание трупов не считается? — уточнила я.

— Это была его идея, а значит, это считалось научным поиском. — Он повернулся к Грею: — Ладно. С шутками закончили. Выкладывайте, что случилось.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Пока мы разговаривали, горничная высунула голову из двери и сообщила, что придется подождать еще как минимум минут двадцать — хозяйка прилегла вздремнуть. Она явно надеялась, что мы уйдем и вернемся позже, но мы пообещали подождать. Это дало нам время еще раз всё обсудить.

МакКриди согласился с моими выводами насчет письма, которое видел Мьюир. Само по себе оно не доказывало, что Селим украл нынешние артефакты или те, что пропали раньше. Но это означало, что парня нужно проверить. Что же до давления Мьюира на сэра Аластера по поводу «Эдинбургской семерки»…

— Это объясняет часть переписки, которую я нашел, — сказал МакКриди. — Перед тем как получить ваше сообщение, я просматривал деловые письма из кабинета сэра Аластера. Между ним и лордом Мьюиром шла довольно жаркая перепалка, я отложил её, чтобы изучить позже. Там упоминались «молодые особы» и то, как сэр Аластер сокрушался, что леди Кристи и Фиби могут об этом узнать. Вне контекста я подумал, что речь идет об интрижках, хотя странно было бы так беспокоиться о реакции маленькой дочери. Теперь же всё встало на свои места. Его жена и дочь были в Египте, пока он выступал против студенток-медиков, но чем громче он протестовал, тем больше был шанс, что по возвращении они об этом услышат.

— Да уж, они бы не обрадовались, — подтвердила я. — По моим ощущениям, леди Кристи была бы разочарована, а Фиби — просто в ярости.

— Лорд Мьюир в ответном письме отчитывал его за подобные страхи. Мол, женщины под его кровом должны просто признать, что ему виднее.

Я фыркнула.

МакКриди понимающе улыбнулся:

— Согласен. Мы изучим их переписку позже, уже под этим углом. Сейчас же меня беспокоит мистер Авад. Мы уверены, что он ушел по своей воле?

— Нам нужно больше информации, — ответила я как раз в тот момент, когда горничная постучала в дверь и сообщила, что леди Кристи готова нас принять.

***

Нас провели в сад, где леди Кристи сидела у небольшого пруда вместе с детьми. Фиби прислонилась к ней, и мать нежно поглаживала девочку по волосам, пока Майкл тыкал палкой в воду; по его отсутствующему взгляду было ясно, что он едва осознает, что делает.

Сад уже подготовили к зиме, но здесь всё равно было приятно — каменные стены надежно защищали от ветра. Одинокая красная лента на земле говорила о том, что кусты были украшены к празднику, пока кто-то в спешке не сорвал декор после смерти хозяина.

Когда мы появились, Фиби вскочила и вытерла слезы. Леди Кристи ободряюще коснулась её спины.

— Леди Кристи, — произнес МакКриди, снимая шляпу и склоняя голову. — Еще раз приношу искренние извинения за вторжение.

— Вы ведете расследование. Я понимаю, что это необходимо. Пожалуйста, задавайте ваши вопросы.

Я покосилась на детей. Когда Фиби просто отошла к Майклу, я посмотрела на МакКриди и леди Кристи, ожидая, что кто-то из них попросит детей уйти в дом.

МакКриди откашлялся:

— Детям, возможно, было бы удобнее…

— Со мной, — твердо перебила леди Кристи. — Им будет удобнее со мной, если они того пожелают.

— Что ж, хорошо, — уступил МакКриди. — Давайте начнем с кражи артефактов.

Серьезно? Он собирается допрашивать мать прямо при детях?

Грей подошел к Майклу и что-то тихо сказал. Мальчик кивнул и пошел за Греем в другую часть сада. Это оставило меня наедине с Фиби — я расценила это как сигнал от Грея: «отвлеки её».

— Прогуляемся? — предложила я.

Она кивнула и пошла рядом со мной в противоположную сторону.

Фиби молчала, и я перебирала варианты в уме. Оставить её в покое? Поболтать о чем-то отвлеченном? Или задать вопросы по делу, наплевав на то, что передо мной десятилетний свидетель без присмотра родителей?

— Лорд Мьюир считает, что папу убила одна из студенток-медиков, — внезапно сказала Фиби, когда мы дошли до дальнего угла. — Одна из тех женщин.

Я обернулась, искренне пораженная.

Девочка смотрела в землю; она подобрала палку Майкла и теперь чертила ею по грязи на ходу.

— Он говорит, — продолжала она, — что одна из них была в доме в ту ночь и убила папу за то, что он был против их учебы в университете.

Я открыла рот, но она не дала мне вставить ни слова: — Мими считает это глупостью. Я сказала, что нам нужно поговорить с вами и доктором Греем, но она говорит, что мы не должны вмешиваться. Что мы должны верить, что каждый делает свою работу правильно. Но я всё равно считаю, что вы должны это знать.

— Мы в курсе подозрений лорда Мьюира, и им уделяется всё должное внимание.

Она взглянула на меня:

— Надеюсь, это такой заумный способ сказать, что вы их игнорируете.

— Игнорировать их нельзя. Если на кого-то падает подозрение, его нужно официально снять. Иначе на суде адвокаты заявят, что полиция проглядела подозреваемого.

— В этом есть смысл, — она прошла еще несколько шагов, палка продолжала чертить линию рядом с ней. — Значит, это правда. То, что папа выступал против студенток, как говорит лорд Мьюир.

Черт.

— Мне жаль.

Она продолжала идти, а потом произнесла:

— Папа всегда говорил, что девочки так же умны, как мальчики. Что и Майкл, и я могли бы стать египтологами, если захотим. Или я могла бы стать как мама и помогать мужу в его работе. Или как Мими — учить детей.

Её глаза заблестели от слез.

— Но он просто говорил то, что мы хотели услышать, верно? Потому что мама и Мими не вышли бы за него, если бы он считал иначе. Он притворялся, чтобы сделать их счастливыми.

— Я думаю, — медленно начала я, — что для этого потребовалось бы слишком много притворства. Дома мы обычно расслабляемся и остаемся собой.

— Значит, вы думаете, что он лгал остальным. Притворялся, будто считает, что женщинам не место в медицине, хотя сам так не думал.

— Я не знаю, что делал или думал твой отец, Фиби. Но я верю, что он не лгал тебе, когда говорил, что ты можешь стать кем угодно, и что ты не менее способна, чем любой мальчишка.

— Но у папы должна была быть причина пойти против этих женщин, — она потрогала хвою на вечнозеленом кусте. — Может, он сделал это из-за кого-то другого? Как в одной книге, которую я читала: там мальчик в школе говорил гадости только для того, чтобы другие мальчики его любили.

— Я не могу строить предположения, Фиби, и не уверена, что тебе самой это поможет.

— Но разве это не было бы еще хуже? — спросила она. — Плохо уже само по себе считать, что женщинам нельзя в университет. Но разве не хуже считать, что они *должны* там быть… и всё равно пытаться им помешать? По крайней мере, если ты искренне веришь в идею, ты думаешь, что поступаешь правильно. Как лорд Мьюир. Он убежден, что женщинам в университете не место. Это ужасно, но и печально, потому что он верит в ложные вещи.

Она резко остановилась, палка взметнулась вверх.

— Это лорд Мьюир заставлял папу говорить всё это?

— Полиция проверяет все версии.

— Я не доверяю полиции, — отрезала она, наконец-то становясь похожей на прежнюю себя. — Среди них нет женщин, а значит, им нельзя доверять расследование дел, которые касаются женщин. Так всегда говорила мама. Если группа должна представлять всех, в ней обязаны быть женщины. Точно так же, как на раскопках в Египте нужны египтяне. Мама говорила, что они должны занимать влиятельные посты, и папа соглашался. — Её голос немного дрогнул. — Или говорил, что согласен. Неужели он нанимал египтян только для того, чтобы порадовать маму?

— Не представляю себе мужчину, который стал бы подстраивать свои методы ведения дел под желания жены только ради её спокойствия.

Она закусила губу, а потом выпалила:

— Я не хотела, чтобы папе причинили вред.

Я нахмурилась:

— Ну конечно…

— Я знаю, что говорила, будто его стоит проклясть за то, что он превратил разворачивание мумии в развлечение, но я не всерьез.

Я осторожно положила руку ей на плечо.

— Ты явно просто поддразнивала его, да и то — грозилась лишь наслать на него чирьи. То, что случилось, никак с тобой не связано. Проклятий не существует.

— Я знаю, — прошептала она. — Он был хорошим папой. Он ворчал, если мы крутились под ногами или слишком шумели, но он брал нас на раскопки, он говорил с нами и слушал нас так, будто мы взрослые. Майклу это нравилось. И мне тоже.

— Вот это и нужно помнить, — сказала я. — Только это и имеет значение.

Она снова зашагала вперед, теперь уже нервно постукивая палкой перед собой. Её следующая остановка была такой внезапной, что я едва в неё не врезалась.

Фиби резко обернулась и посмотрела мне прямо в глаза:

— Если дядя Селим взял те артефакты, у него была веская причина.

Я замерла.

Она упрямо вскинула подбородок:

— Она у него была, что бы там ни говорил лорд Мьюир.

Черт возьми. В современном мире я была бы обязана замять этот разговор или хотя бы отвести её к леди Кристи, прежде чем она скажет лишнее. Но что бы она ни задумала выложить, при сестре Селима она этого не скажет.

— Хорошо, — осторожно произнесла я.

— Он не вор.

— Хорошо.

— Если он и взял их, то по веской причине. По очень веской.

Я старалась подбирать слова как можно тщательнее:

— У тебя есть повод подозревать, что он мог… вынести артефакты из дома?

Молчание. Черт. Будь она просто уверена в его невиновности, её бы напугал сам вопрос; она бы тут же бросилась отрицать, мол, «конечно нет!».

Она снова упрямо вскинула подбородок:

— Дядя Селим не вор. Нельзя украсть то, что и так по праву твое. История Египта принадлежит египтянам.

Я выдохнула. Ну, допустим. Это в корне меняет дело.

Египет еще не стал частью Британской империи, если мне не изменяет память, это случится лет через десять. Сейчас он находится под властью османов, в состоянии так называемого сюзеренитета — что-то вроде отношений Пуэрто-Рико и США. Впрочем, британцы уже вовсю запускают туда лапы и выгребают любые артефакты, до которых могут дотянуться.

Мне хотелось расспросить её подробнее: протестовал ли Селим когда-нибудь против вывоза ценностей из Египта? Но я не могла. Она десятилетняя девочка, которая только что фактически дала показания против дяди, которого обожает. Она говорит это мне в надежде помочь ему, а не подставить под удар.

Фиби слишком мала, чтобы понять, что она делает, поэтому мне пришлось отступить, сделав для себя пометку: к сожалению, мы не сможем вычеркнуть Селима из списка подозреваемых так быстро, как хотелось бы.

***

Мы шли по саду. Не в том, что при доме Кристи, а в одном из частных скверов неподалеку от особняка Грея. Эти сады были закрытыми с самого момента их основания лет пятьдесят назад — только для жильцов близлежащих домов. У Грея был ключ; он впустил нас и запер за собой калитку.

В саду никого не было: цветы «ушли на покой», а зимних украшений, способных привлечь гуляющих, еще не выставили. Без снега сквер выглядел уныло: пустые клумбы, голые деревья и кусты с пожухлой листвой. Никакого сравнения с участком Кристи, где даже в ноябре было уютно. Зато здесь было тихо.

— Кажется, я знаю, кто взял артефакты.

Это сказала не я. Это сказал МакКриди. Я напряглась, ожидая услышать, что леди Кристи боится причастности брата. Но вместо этого он произнес:

— Похоже, между сэром Аластером и лордом Мьюиром вышел спор из-за находок.

— Спор? — переспросила я.

— Как лорд Мьюир уже говорил вам, он имеет право на часть добычи. Но всё это происходило в рамках строгих ограничений, установленных сэром Аластером для защиты исторической и научной ценности находок. Лорд Мьюир забирает половину, но сэр Аластер имеет право первым отобрать до двадцати процентов экспонатов до того, как лорд Мьюир начнет выбирать свою долю.

— Двадцать процентов того, что сэр Аластер считал наиболее значимым.

— Именно.

Я отвела в сторону не подрезанную ветку.

— Те самые двадцать процентов, которые сэр Аластер обещал передать в дар музеям.

— И он их передавал. Леди Кристи подтвердила это и сказала, что лорд Мьюир не станет утверждать обратное. Сэр Аластер жертвовал предметы, имевшие высокую историческую ценность.

— Но, полагаю, именно здесь и возник конфликт. Сэр Аластер забирал те вещи, на которые положил глаз лорд Мьюир.

— Да. Они договорились об этом еще в начале сотрудничества, и сэр Аластер, как и обещал, выбирал двадцать процентов для пожертвований. Но лорд Мьюир со временем осознал, что «ценность» в историческом контексте частенько означает «ценность» и в денежном эквиваленте.

Я вспомнила слова Мьюира, когда он небрежно обронил, что самые красивые вещи не всегда самые исторически важные. Вот только для искушенного покупателя это одно и то же.

На повороте мой каблук зацепился за расшатавшийся булыжник. Грей мгновенно протянул руку, поддерживая меня, прежде чем я успела пошатнуться. Я взглянула на него с благодарной улыбкой. До этого момента он молчал, слушая и анализируя информацию.

Я спросила:

— Мьюир оставляет свою долю себе или продает?

— Граф не станет пачкать руки торговлей, дорогая Мэллори. Для этого у него есть люди. Но да, хотя лорд Мьюир и оставляет кое-что для личной коллекции, большая часть уходит на продажу.

— И он понял, что прошаренным коллекционерам нужен не просто симпатичный ювелирный скарабей. Им подавай вещи, которыми можно хвастаться, например, редкий свиток из гробницы фараона.

— Точно. Лорд Мьюир хотел пересмотреть условия сделки, чтобы забирать свою половину из общего объема без предварительного выбора Аластера. Леди Кристи полагает, что её муж вел свою собственную игру. Умиротворял Мьюира другими способами.

— Например, выступая против студенток-медиков. Сдал их с потрохами, чтобы сохранить свои артефакты.

МакКриди кивнул: — Весьма вероятно. Лорд Мьюир, судя по всему, принял эти уступки как должное, и вопрос посчитали закрытым.

— Хм. — Я заметила, что мы приближаемся к выходу, и свернула на соседнюю дорожку, уводя нас на второй круг по саду. — А те вещи, что пропадали раньше… были среди спорных артефактов?

МакКриди улыбнулся:

— Не зря ты была детективом, я погляжу.

— Ну, я знаю, что ты чертовски хороший детектив, а значит, ты не стал бы рассматривать Мьюира как серьезного подозреваемого в краже без веских улик. Например, если бы пропали именно те вещи, которые он хотел заполучить.

— Из четырех предметов, похищенных в прошлый раз, два были именно теми, из-за которых они спорили.

— Потому что забрать только те, что ему нужны, было бы слишком очевидно. Значит, ты думаешь, что Мьюир не оставил эту затею. Он воспользовался хаосом после убийства, чтобы прибрать к рукам еще больше артефактов. Это было несложно: он постоянно ошивался в доме. Когда леди Кристи написала ему о пропаже, он примчался, взял всё в свои руки, вызвал нас, обвинил Селима и даже специально подчеркнул, что пропавшие вещи — не самые ценные.

Мы продолжали идти вдоль живой изгороди. МакКриди посмотрел на меня:

— Ты выстроила очень логичную версию, но у меня чувство, что ты просто пересказываешь мои мысли… и при этом сама с ними не согласна.

— Нет, я согласна. Просто я пытаюсь переварить дополнительную информацию.

Я пересказала ему то, что услышала от Фиби о её дяде.

— А-а, — протянул МакКриди. — Это осложняет дело.

— Это не значит, что Селим виноват. Фиби могла просто услышать, как Мьюир его обвиняет, и бросилась на защиту. Возможно, она боится, что он мог сделать это, чтобы вернуть сокровища своей страны. Что он против грабежа, а значит, по логике вещей, мог их забрать.

— Да.

Я взглянула на Грея. Он продолжал идти, но его взгляд был настолько сосредоточенным, что я поняла: он просчитывает варианты.

— В этом есть смысл, — заговорил Грей. — Лорд Мьюир крадет артефакты и выставляет виноватым мистера Авада — удобную кандидатуру, тем более что тот удачно исчез. Однако остается вопрос: где сейчас мистер Авад? Майкл говорит, что они не знают.

МакКриди кивнул:

— Леди Кристи сказала то же самое. Утром его не было в комнате, и сначала… Ну, вы помните, как мы сами поступали в юности. Айла находила вашу комнату пустой, наверняка тяжело вздыхала, а потом покрывала ваше отсутствие перед родителями. Леди Кристи увидела пустую постель, закатила глаза, посетовала на буйную молодость брата, закрыла дверь и сказала детям, что он еще спит.

— Ожидая, что он проберется обратно после ночной гулянки, — добавила я.

— Но потом приехал лорд Мьюир и захотел поговорить с Селимом, и ей пришлось признать, что его нет дома.

— Но изначально это не вызвало у неё тревоги. Значит, такое поведение было в порядке вещей?

— Леди Кристи была весьма сдержанна в выражениях, — МакКриди носком сапога откинул камешек с тропинки. — Но она намекнула, что у него есть… подруга, с которой он встречается, когда бывает в Эдинбурге.

— Понятно. Есть шанс разыскать эту «ночную подругу»?

МакКриди покачал головой:

— Леди Кристи, как истинная леди, понятия не имеет, с кем он видится. Однако она упомянула, что он всегда возвращался до рассвета. Она предположила, что из-за суматохи, вызванной смертью её мужа, Селим решил, что может задержаться подольше.

Я сверилась с карманными часами:

— Задержаться до полудня?

— Да, это уже тревожный знак.

— Лорд Мьюир упоминал о каких-то «проделках юности» в прошлом Селима…

МакКриди отмахнулся:

— Судя по всему, он преувеличивал. В лондонской школе Селима дразнили из-за акцента. Он заявил, что наложил на обидчиков древнее египетское проклятие, чем вызвал немалый переполох.

Я улыбнулась:

— Красавчик. Но да, на «криминальное прошлое» это не тянет.

— Согласен. Я сказал леди Кристи, что вернусь в дом. Мне нужно обыскать комнату Селима. — Он поймал мой взгляд и добавил: — Нет, я не предупредил её об обыске заранее, чтобы не давать ей времени спрятать что-то личное, например, информацию о его любовнице. Я лишь сказал, что мне нужно вернуться, чтобы поговорить с прислугой.

Я уже хотела спросить, не нужна ли ему наша помощь, но взгляд Грея меня остановил. К МакКриди и так уже дважды обращались через голову. Не стоит лишний раз намекать, что он не справляется сам. Захочет — попросит.

— Мы с Мэллори вернемся домой, — сказал Грей.

— Отдохните, — напутствовал МакКриди, а затем добавил с лукавой усмешкой: — Я оставил вам кое-что для чтения.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Вернувшись домой, мы обнаружили не просто «чтиво». У нас было сразу два экземпляра: один от МакКриди, другой от Томми. Причем в двух разных форматах. Те, что нашел МакКриди, были переплетены в дешевые книжки-брошюры и продавались по…

— По полкроны за штуку? — поперхнулась я. — Да это же дороже, чем нормально изданная книга!

— Это сделано намеренно, — пояснила Айла. — Такая цена не дает книгам попасть в руки простолюдинов, а состоятельные читатели чувствуют, что покупают нечто особенное.

— Но кто станет платить такие деньги за книгу, о которой раньше и не слышал?

Айла взяла то, что принес Томми, — серийные выпуски в мягких обложках.

— О них узнают из этого. Цена — три пенса. Втрое дороже грошовых листков, но вполне доступно для искателей острых ощущений из среднего класса. Те разнесут весть дальше, и люди купят уже переплетенную книжку, цена которой как раз равна десяти таким выпускам.

Я всё равно лишь качала головой. Я знала, что страсть к историям о преступлениях и убийствах неистребима. Интерес, оставшийся еще со времен «Ньюгейтского календаря», теперь мутировал в любовь к детективному фикшену. Но меня до сих пор поражало, что эти истории гуляют по городу уже несколько недель и умудрились найти путь даже к леди Кристи и её детям.

— Название просто идиотское, — пробормотала я, злобно глядя на первый том. — «Таинственные приключения Серого Доктора»? «Таинственные приключения доктора Грея» звучало бы куда складнее и логичнее.

— Я бы на месте автора использовала слово «гробовщик», — вставила Айла. — «Таинственные приключения любознательного гробовщика».

Она покосилась на Грея, но тот в разговор не вступал, перелистывая брошюры с растущей складкой между бровей.

— Мэллори? — тихо позвала Айла, привлекая мое внимание. Когда я обернулась, она шепнула: — С ним всё в порядке.

Мне хотелось проворчать, что с ним-то, может, и в порядке, а вот во всей этой ситуации порядка — ни на грош.

Грей всегда держался в тени, потому что ему так было комфортнее. Он просто хотел делать свою чертову работу, и я его понимала. В бытность копом я сама внутренне сжималась каждый раз, когда попадала в газеты, и при любой возможности переводила внимание на коллег, которые заслуживали этого больше.

Отчасти я чувствовала, что всегда есть кто-то более достойный, а если в печати оказывалось мое фото, то лишь потому, что какой-нибудь редактор решил, будто у меня подходящий «типаж» для статьи. Молодая, женщина, симпатичная. У меня было приятное, открытое лицо. «Миловидное», как мне говорили — сомнительный комплимент, когда ты уже давно не в нежном возрасте. В интервью я была просто собой: дружелюбной, доступной, капельку резкой и ироничной. Идеальный вариант для честной, но не слишком кусачей цитаты.

Так что я понимала, почему мне доставалось больше внимания прессы, чем моим напарникам, но я это ненавидела. Я буквально содрогалась, когда кто-то шутил, что я «опять в газетах». Я просто хотела делать свою чертову работу.

Но здесь было не фото и не упоминание в колонке. Здесь были целые истории, посвященные Грею, написанные каким-то незнакомцем, который наживался на его искренних попытках тихо помогать полиции и развивать криминалистику.

Возможно, я рычала из-за дурацкого названия, но на самом деле меня бесила вся эта затея целиком. И это я еще не начала читать.

— О господи, ну нет, — вырвалось у меня через две страницы. — Если это Джек, ей лучше здесь больше не показываться.

— Возможно, — мягко отозвалась Айла. — Но это не хуже того, что пишут в газетах, Мэллори. В твое время у писателей, наверное, есть более изящные способы описывать людей с другим цветом кожи, но здесь это норма.

Может и так, но тот факт, что ей не пришлось спрашивать, из-за чего я рычу, говорил о том, что она тоже это заметила. МакКриди мог ворчать на эпитет «неутомимый», но за две страницы автор умудрился трижды упомянуть цвет кожи Грея и дважды его «чужеземный лик».

— Быть может, вы предпочтете почитать в другом месте? — негромко спросил Грей.

Его слова прозвучали мягко, без тени упрека, но мои щеки всё равно вспыхнули.

— Простите, — сказала я. — Просто это меня бесит.

— Тогда давайте договоримся. Вы уже выразили свое неодобрение этим описаниям. Теперь же я заявляю: если этот проклятый писака еще хоть раз упомянет ваш бюст, я буду вынужден вызвать его на дуэль, даже если это окажется Джек.

Айла фыркнула.

— О, но её бюст описан весьма невинно, Дункан, так, чтобы не оскорбить женщин и детей. — Она подняла книгу и зачитала: — «Мисс Мэллори склонилась над жертвой; упругие холмы её девичей груди вздымались и опадали в паническом дыхании. „Сэр! — вскричала она. — Неужели он мертв?“ Она прижала свои прелестные руки к бледной груди и умоляюще воззрилась на своего нанимателя из-под золотистых ресниц».

— Это не для женщин и детей, — отрезала я. — Это мягкое порно под маской детектива. И к слову: мне плевать, сколько раз упомянут грудь Катрионы. Я сама вызову автора на дуэль за то, что он выставил меня глупой жеманницей.

— По крайней мере, теперь мы знаем, что автор никогда с вами не встречался, — заметила Айла. — Это, кажется, вычеркивает Джек из списка подозреваемых.

— Если только она не написала это специально, чтобы меня выбесить. «Паническое дыхание» и «умоляющие взгляды», — пробурчала я себе под нос.

— Ну-ну, — вставил Грей. — Я не раз видел, как вы «умоляюще взираете» на меня из-под этих золотистых ресниц. Обычно это происходит, когда в кофейнике остается ровно одна чашка.

— Прямо как вы смотрите на меня, когда на тарелке остается последнее пирожное?

— Хотя мне и жаль прерывать вашу очаровательную пикировку, — вмешалась Айла, — должна заверить вас обоих, что я прочла еще две страницы и не нашла ни единого упоминания бюста Мэллори. Только вот эту весьма примечательную подробность. — Она снова подняла книгу. — «Мисс Мэллори заметила след на полу и в спешке, желая его рассмотреть, подобрала юбки…»

— Что? — лицо Грея стало грозовым.

Айла подняла палец, призывая к тишине. — «Она подобрала юбки весьма благопристойно, обнажив лишь полоску молочно-белой кожи над краем изящных ботинок, а затем расположилась так, чтобы иметь возможность опуститься на четвереньки…»

Грей издал какой-то сдавленный звук; теперь его взгляд стал по-настоящему убийственным.

— «Опуститься на четвереньки», — повторила Айла, явно наслаждаясь моментом, — «выставив вверх свой округлый зад».

— Дуэль, — проскрежетал Грей. — Тут необходима дуэль.

— «Она замерла там, на руках и коленях, с поднятым округлым задом, склонившись над уликой, которая…» — Айла поперхнулась от смеха. — «Которая оказалась всего лишь пылинкой».

Она прижала ладонь к губам; её плечи сотрясались от хохота, а на глазах выступили слезы.

— О боже…

— Ага, — подтвердила я. — Викторианская эротика в мягкой обложке.

Глаза Айлы так и плясали.

— Могу ли я предположить, что существование термина «мягкое порно» подразумевает наличие и «жесткого»?

— Определенно.

— И что же именно в него входит?

Грей громко и демонстративно откашлялся.

Айла посмотрела на меня:

— Мужчины твердят, будто избегают подобных тем, чтобы не шокировать дам, но, как видишь, это лишь предлог. Те, кого на самом деле страшит шок — это сами мужчины.

— Если вы закончили, — произнес Грей, — можем ли мы вернуться к чтению этих… — он с трудом подбирал слова.

Айла ухмыльнулась:

— «Таинственных приключений очень чужеземного доктора и прелестных частей тела его прелестной помощницы»?

Я прыснула.

— Ладно. Мы выразили шок и неодобрение. А теперь давайте читать и выяснять, кто пишет эту дрянь.

— Чтобы я мог вызвать его на дуэль? — уточнил Грей.

— Чтобы мы могли велеть им, во имя всего святого, перестать писать. Иначе следующим убийством, которое мы будем расследовать, станет их собственное.

Грей улыбнулся, пожалуй, слишком широко, и я взяла следующую брошюру.

***

— Итак, мы согласны, что это абсолютный, беспросветный мусор, — подытожила я, откладывая последний выпуск.

— И «мягкое порно», — добавила Айла, многозначительно стрельнув в меня глазами.

Я закатила глаза. Должна признать, я была почти впечатлена тем, как автор вплетал эти пикантные моменты, используя любой предлог, чтобы мой бюст трепетал, а задница взмывала в воздух, даже если физически это было невозможно в корсете. В одном фрагменте я даже умудрилась на мгновение оказаться на коленях перед Греем. Разумеется, в самом невинном контексте.

Эти истории якобы предназначались для детей, но кто-то очень старался не забыть и о мужской аудитории. Впрочем, я даже ворчать не могла, я видела слишком много детективных сериалов, где камера с любовным пристрастием задерживается на обнаженных трупах молодых женщин. Эй, в этих историях я хотя бы живая. И полностью одетая.

Больше всего в этом «портрете» меня бесит то, что я здесь — не более чем ассистентка фокусника: существую лишь для того, чтобы красиво выглядеть и подавать реквизит гениальному боссу. В детективном жанре это почтенная традиция — наивная простушка с распахнутыми глазами, которая задает бесконечные вопросы, давая протагонисту повод разглагольствовать и блистать умом. Я — просто фон. Доктор Ватсон при Грее.

Так что бешусь я не столько из-за самого образа, сколько из-за того, что он говорит об авторе: тот либо вообще меня не знает, либо троллит намеренно.

Когда я озвучила это вслух, Грей издал какой-то гортанный звук.

— Да, я понимаю, это не так полезно, как хотелось бы, — вздохнула я. — Это не дает ответа на вопрос, могла ли это написать Джек.

— Судя по описаниям, — вставила Айла, — я смею предположить, что автор не на шутку вами увлекся. От Джек я подобного впечатления не получила.

— Я кажусь ей интересной, но не в этом смысле.

— А её предпочтения в целом?.. — осторожно поинтересовалась Айла. — У нас есть на этот счет какие-то данные?

— Ей нравятся мужчины, — ответила я. — Она сама об этом упоминала. — *Особенно как она пускала слюни на МакКриди, но при Айле я этого говорить не стану.* — Это не значит, что ей не могут нравиться и женщины, но… — я пролистала страницы. — Если предположить, что Джек — это и есть «Главный эдинбургский репортер криминальной хроники», то этот текст по сравнению с её статьями — просто шлак. Можно допустить, что она раньше не писала рассказов и это её первый блин комом, чем и объясняется паршивая проза, но как-то слишком много этих «если». Джек прокололась на днях: начала говорить, что сама освещала преступления, а потом резко перепрыгнула на «пишущего друга».

— Вы тоже это заметили, — пробормотал Грей.

— О, я это заметила. Просто не стала припирать её к стенке. Нутром чую — это не Джек. Дело не только в плохом слоге или странной одержимости моими частями тела. Даже расизм здесь какой-то… не такой, как у неё. Этот текст на девяносто процентов состоит из выдумки. Джек знает вещи, особенно по делу об отравлении, которые она обязательно включила бы в рассказ ради красного словца. А это писал кто-то, кто знает не больше, чем можно выудить из газет.

— И кто-то, кто встречался с вами и заработал нездоровую привязанность, — добавил Грей.

Я поморщилась.

— Думаете? А может, это просто такой маркетинг?

— Я допускаю, что подобное мог накатать и человек, совершенно равнодушный к женщинам, — сказал Грей. — Но мне кажется, что автор находит вас привлекательной. Я даже на мгновение заподозрил доктора Аддингтона — уж он-то точно вставил бы эти пассажи. Но его собственный портрет в книге слишком пренебрежительный. Он бы не смог так себя выставить, даже ради маскировки.

— Давайте посмотрим на это иначе, — предложила Айла. — Ты здесь явная звезда, Дункан. Автор экзотизирует тебя — довольно неприятно, но не сказать чтобы негативно. О твоих способностях отзываются исключительно с похвалой. Вклад Мэллори они не осознают, но она играет важную и столь же положительную роль. Что касается Хью, то очевидно, что автор считает его навыки детектива ничтожными по сравнению с твоими. Доктор Аддингтон выписан столь же лишним. В твоей драме, Дункан, они лишь актеры второго плана. Я же вообще отсутствую, если не считать упоминания «сестры-вдовы доктора Грея».

— *Красивой* сестры-вдовы, — поправила я.

Она закатила глаза.

— Да, но нет ни слова о моих познаниях в химии, даже когда это сыграло ключевую роль в прошлом деле. Мне кажется, мы ищем кого-то не из нашего круга, даже не из дальнего. Это незнакомец, который нахватался фактов о Дункане из газет и сплетен, а остальное просто высосал из пальца.

— Думаю, ты права, — согласилась я. — И это никак не поможет нам прикрыть эту лавочку. Или хотя бы взять повествование под контроль.

— Для этого у тебя есть Джек, — напомнила Айла. — Мы верим, что она вращается в этой среде. Пусть разузнает. А у нас на повестке убийство и подпольный рынок, в который Мэллори должна внедриться.

— Не раньше вечера. Сейчас всего лишь… — я сверилась с часами и выругалась.

— Время чая, — констатировала Айла. — Вы оба пропустили ланч, так что я настаиваю на чаепитии. А позже мы подберем тебе подобающий наряд для твоей загадочной ночной вылазки.

***

Мы надеялись на весточку от МакКриди, но он, очевидно, был по уши в делах. После чая Айла ускользнула, пообещав, что костюмом мы займемся позже. Мы с Греем провели какое-то время в лаборатории с «Рукой Славы» — на случай, если мне сегодня придется её отдать.

После ужина Айла привлекла подкрепление для разработки моего образа. Увидев это «подкрепление», я едва не уронила челюсть.

— Миссис Уоллес? — я уставилась на руки экономки, ожидая увидеть там поднос или стопку белья. Но руки были пусты.

— Миссис Уоллес любезно согласилась помочь нам с вашим нарядом на вечер, — объявила Айла, закрывая дверь за экономкой.

— Э-э… — выдавила я.

— Это было «спасибо», — пояснила Айла миссис Уоллес. — Мэллори просто лишилась дара речи от признательности.

— Я и впрямь признательна, — сказала я. — Просто… — я глянула на Айлу. — Вы объяснили ей, куда я иду?

— Еще нет.

О, сейчас начнется веселье.

— Я решила, что предоставлю эту честь тебе, — мило улыбнулась мне Айла.

Двойное веселье.

— Ну, в общем… — я снова покосилась на Айлу. — Не уверена, сколько мне дозволено говорить. — Не дождавшись помощи, я повернулась к миссис Уоллес. — Мы работаем над расследованием, это очевидно. Есть основания полагать, что, э-э, мумифицированные останки могли быть похищены в, скажем так, медицинских целях. Ради лекарства.

— Мумиё, — отрезала миссис Уоллес. — Я слышала об этом. Нелепая затея, но людей нельзя винить за готовность проглотить что угодно, лишь бы вернуть здоровье.

— Верно. Да. Мы думаем так же. Но сейчас его не так-то просто достать, так что если останки и будут продавать, то на черном… то есть на рынке нелегальных и мистических товаров.

Глаза экономки сузились.

— Вы планируете отправиться на подпольный рынок?

— Вы о нем слышали?

Она ответила коротким фырканьем, а затем произнесла:

— Если вы рассчитываете, что у «прежней» Катрионы остались связи, которые позволят ей туда попасть, вас развернут у самого входа. Если вы вообще найдете этот вход, в чем я сомневаюсь. Даже я в свое время не смогла туда пробиться, а я была не просто мелкой воришкой.

Я открыла было рот, чтобы спросить, кем же она тогда была, но сейчас было не время — я знала, она не ответит.

— С этим вопросом всё улажено, — сказала я. — Кое-кто меня туда отведет и проведет внутрь.

Её взгляд стал еще острее.

— Кто же обладает таким влиянием, чтобы не только войти самому, но и провести гостя? Никто, кроме… — она чуть отстранилась. — Вы работаете с Королевой Мэб.

— Мы работаем с определенным лицом, — твердо отрезала я. — Большего сказать не могу.

— Это наверняка Королева Мэб. Я гадала, не обращались ли вы к ней во время дела леди Эннис. Поговаривали, что именно она продала яд, убивший тех людей. Значит, вы обзавелись связями и теперь ими пользуетесь. — Глаза экономки превратились в щелочки. — Она знает, кто вы?

— Тот, кто нам помогает, знает, что я ассистентка доктора Грея. Этого достаточно.

Миссис Уоллес издала на редкость грубый звук.

— Этого совершенно недостаточно. Кто-то должен сказать ей, кто вы на самом деле.

— Кем Мэллори *была*, — мягко поправила Айла. — До несчастного случая. В нынешнем контексте это несущественно.

— Это вряд ли… — голос миссис Уоллес смягчился. — Прошу прощения, миссис Баллантайн, я не хотела говорить в таком тоне.

Айла едва заметно закатила глаза, давая понять, что этот приступ почтения — спектакль специально для меня. Хотя я знала, как сильно миссис Уоллес обожает Айлу и

Грея, это была любовь — и временами раздражение — тетушки, которая души не чает в племянниках, но считает своим долгом периодически давать им подзатыльники, чтобы не сбились с пути.

— Да-да, — отмахнулась Айла. — Здесь вы можете говорить свободно, миссис Уоллес. Мы с Дунканом не боимся, что Мэллори выкинет на рынке что-то неподобающее или использует этот визит для чего-то, кроме намеченной цели. А именно — представить себя молодой особой с товаром для обмена, которая, возможно, надеется на будущее сотрудничество.

— И что же вы несете на обмен? Это не может быть какая-то безделушка, какой бы ценной она ни была.

— «Руку Славы». Это…

— Если вы надеетесь выдать обычную отрубленную конечность за настоящую «Руку Славы», они раскусят этот обман в мгновение ока, и вы подставите Королеву Мэб.

— Это настоящая «Рука Славы». Могу показать, если хотите. Она внизу.

Кажется, мне впервые в жизни удалось лишить неукротимую миссис Уоллес дара речи.

— Внизу? — переспросила она.

— Дункан нашел её, — пояснила Айла, — и купил Мэллори в подарок.

Миссис Уоллес переварила эту информацию. Затем её взгляд ожесточился.

— Если доктор Грей купил вам эту вещь в подарок, не верю, что я это произношу, а вы собираетесь тащиться на подпольный рынок, чтобы отдать предмет, приобретенный за огромные деньги…

Айла перебила её:

— Дункан в курсе. И он согласен с тем, что Мэллори использует руку как пропуск, надеясь продвинуться в расследовании. — Айла встретилась взглядом с экономкой. — Если вы понимаете, с кем встречается Мэллори, то знаете, что мы не посмеем использовать её во вред. Мы бы не рискнули.

Миссис Уоллес перевела взгляд с меня на Айлу. А затем произнесла:

— Я пойду с Кат… с Мэллори.

Это была уступка с её стороны — она назвала меня Мэллори. Но Айла покачала головой.

— Если бы мог пойти кто-то другой, я бы пошла сама, — сказала Айла. — Или Дункан.

— При всем уважении, мадам, это было бы просто смешно. Растущая популярность вашего брата делает невозможным его маскировку в месте, где все только и делают, что маскируются. А вы — истинная леди, и не сможете вести себя иначе.

Лицо Айлы при этих словах заставило даже суровую миссис Уоллес почти улыбнуться.

— Это не оскорбление, миссис Баллантайн.

— Это именно оно и есть, и я исправлю это в другой раз, когда Мэллори займется моим обучением.

— Да уж, что-то мне подсказывает, что мисс Мэллори была бы отличным учителем в подобных делах.

— Это я сочту за комплимент, — вставила я.

— Вы не можете пойти, миссис Уоллес, — отрезала Айла. — Наш контакт ясно дал это понять. Только Мэллори может её сопровождать.

— Я знаю Королеву Мэб. Мы не виделись несколько лет, но она меня примет. Я часто подумывала попросить её отвести меня на рынок, но к тому времени, как я смогла это сделать, я уже не занималась делами, в которых такой визит был бы полезен.

— Теми делами… в цирке? — подсказала я.

— Я провожу вас до места встречи, — ответила миссис Уоллес, проигнорировав мой вопрос, как я и ожидала. — Если Королева Мэб не захочет брать меня дальше, я не стану спорить. Решено. Перейдем к наряду мисс Мэллори.

— Крылышки феи? — с надеждой спросила я. — Пожалуйста, скажите, что мне полагаются крылышки феи.

Миссис Уоллес посмотрела на меня. А затем медленно, очень медленно улыбнулась. И по этой улыбке я поняла: я влипла.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

— Я в этом на людях не покажусь, — отрезала я, стоя перед ростовым зеркалом в комнате Айлы.

Позади меня Грей едва сдерживал улыбку.

— По-моему, вы выглядите очаро...

— Если это слово «очаровательно», лучше замолчите прямо сейчас, иначе последствия будут тяжкими. — Я сердито уставилась на свое отражение. — Я вообще кто? Глинда, Добрая волшебница? Мне только волшебной палочки не хватает, чтобы посыпать Жевунов звездной пылью. А заодно, может, наколдую миссис Уоллес сердце. Нет, лучше чувство юмора.

— Вы же понимаете, что мы не улавливаем и половины ваших метафор, — заметил Грей. — Впрочем, если раньше я и задавался вопросом, почему у миссис Уоллес нет чувства юмора, то теперь всё ясно. Глядя на ваш наряд, я убеждаюсь, что за этим суровым фасадом скрывается весьма острое остроумие.

Я перевела испепеляющий взгляд на него. Затем снова посмотрела в зеркало, где Айла изучала меня с задумчивым видом.

— Я не уверена, что это… совсем то, что нужно, — пробормотала Айла.

— Думаешь? — я подхватила слои юбок. — Я выгляжу так, будто собралась на чертово первое причастие.

Я была во всем белом. С головы до ног. Если не считать самого верхнего слоя, на мне было фактически нижнее белье, и я готова была поспорить на этот счет, но они сложили и задрапировали вещи так, что их истинное предназначение скрылось за пышным облаком из белого льна, шелка и кружев.

Но и это было не самым худшим. Мои волосы завили в тугие локоны и намертво зафиксировали лаком; я стала похожа на двенадцатилетку, которой дорвалась до плойки. Щеки и губы мне чем-то натерли, придав им ярко-алый цвет, а губы вывели идеальным «луком Купидона».

— Вы же понимаете, что она надо мной издевается, да? — спросила я. — Как я, черт возьми, должна идти по улице в таком виде?

— Тут ты права, — прошептала Айла.

— Ну спасибо.

— Тебе придется спрятаться под длинным плащом. У меня есть один, с капюшоном. Это может…

— Королева Мэб не поведет меня на «рынок гоблинов» в костюме гребаного ангела.

Грей нахмурился и склонил голову набок.

— Напротив, им это может показаться интригующим. При условии, конечно, что вы добавите себе еще несколько пар глаз и звериных голов, чтобы соответствовать библейскому канону.

— Лишние глаза и головы тут точно не помешают, — проворчала я. — Я не…

Короткий шум за дверью заставил меня замолчать.

— Комната доктора Грея не нуждается в уборке! — рявкнула миссис Уоллес. — Пошла вон!

Мгновение спустя дверь распахнулась, и в комнату вошла экономка, раздраженно качая головой.

— Девчонка…

— Лорна? — уточнила Айла.

— Она у нас не задержится, мадам. Мне жаль это говорить, но нам в доме не место для таких пугливых мышей.

Она не дала Айле ответить, подняв то, что держала в руках. Это было пальто… наверное. Больше всего оно напоминало наряд средневекового менестреля: всё сшито из полосок разных цветов и тканей. Без лишних слов она набросила его на меня. Пальто было слишком длинным, почти подметало пол, но из-за приличной ширины оно застегнулось на груди. Миссис Уоллес тут же расстегнула верхние пуговицы и расправила борта так, чтобы из-под них выглядывало мое «ангельское» пенное одеяние.

Я посмотрела в зеркало. Эффект был любопытным. Броский, театральный жакет, а под ним — проблеск чего-то эфирного.

Миссис Уоллес подошла сзади и водрузила мне на голову шляпу. Это был низкий цилиндр из той же разноцветной ткани. Шляпа казалась намеренно маленькой, и экономке пришлось закрепить её шпильками.

— Готово, — выдохнула она.

Я уставилась на отражение.

— Хм.

— Закончили свои вопли? — спросила она.

— Закончила. — Я крутанулась на месте, наблюдая, как полы жакета взметнулись вместе со мной, приоткрывая белизну подкладки. — Сама понимаешь, я не могу не спросить, откуда у тебя эта шляпа и пальто.

— Из цирка, разумеется. А теперь нам понадобится Саймон и карета. В таком виде вы по улице не пойдете. Дайте мне переодеться, и едем.

***

Грей поехал с нами. Ему явно не нравилась перспектива оставлять меня на попечении Королевы Мэб. Сначала он просто расстроился, что не может пойти с нами. Теперь же, когда опустилась ночь, его беспокоило то, что я собираюсь делать, а главное, что рядом не будет никого, кому бы он доверял на сто процентов. О, миссис Уоллес он доверял. Он даже видел, как она учила нас с Айлой обращаться с ножом, так что он знал: в опасной ситуации она за себя постоит. Но станет ли она защищать меня? Вот в чем вопрос. И когда я говорила ему, что волноваться не о чем, я безбожно врала.

Если мы влипнем в неприятности, я ни на грош не рассчитываю на помощь миссис Уоллес. Максимум, на что я надеюсь, что она не воспользуется суматохой, чтобы вогнать мне перо под ребра.

У меня был с собой выкидной нож Катрионы. Впрочем, я не думала, что он понадобится. Королева Мэб не поведет меня туда, где меня могут прирезать и выкинуть на помойку. Это плохо для бизнеса.

Я понимала беспокойство Грея и была бы рада, если бы он мог пойти с нами. Но поскольку это было невозможно, я оценила его обещание не пытаться следовать за нами тайком… и не просить об этом Саймона. Раньше он уже подсылал Саймона тайно присматривать за мной и Айлой. Проблема была именно в слове «тайно». Мы договорились, что впредь он будет открыто заявлять о своих опасениях, и если он решительно не согласен с моей оценкой опасности, он может настоять на том, чтобы отправить Саймона или поехать самому. Для викторианского мужчины это была сложная грань, и я была благодарна ему за выдержку.

***

Королева Мэб назначила встречу у входа в подземелья. Чтобы понять эдинбургское «подполье», нужно понимать, как строился этот город. Веками, зажатый в кольце Стены Флодден, он мог расти только вверх. Есть целые кварталы, где новые здания возводились прямо поверх старых. Буквально над ними. Поскольку Эдинбург стоит на холмах, это было проще простого. То, что здесь считается «подземельем», на самом деле находится выше уровня земли. Просто оно скрыто под городом.

Большая часть сводов появилась в результате очередной исторической перестройки. Старый город — он, ну, старый. И в основном нищий. Если вы едете из Нового города и хотите попасть в богатые районы на другом конце, вам ведь не захочется проезжать через трущобы, верно? Фу. Вся эта грязь, нищета и напоминания о том, что некоторые люди живут в домах, которые вы бы и для скота не сочли пригодными. Нет, вам нужна дорога, которая пройдет *над* всей этой мерзостью. Так и был построен Южный мост.

Под этим мостом и находятся своды. Лабиринты комнат и коридоров, которые в итоге оказались непригодными для хранения товаров, зато отлично подошли для хранения людей, а именно тех, кто отчаянно нуждался в бесплатной крыше над головой. Своды также стали местом для торговли на черном рынке, так что неудивительно, что «рынок гоблинов» обосновался именно там.

Саймон провел карету по мосту, а затем спустился туда, где мы должны были встретиться с Королевой Мэб. Это была темная улица, по которой я бы не рискнула гулять в одиночку в такой час. Черт, я бы тут даже с Греем не пошла. Здесь было одновременно слишком пусто и слишком людно. Слишком пусто, чтобы грабитель засомневался, стоит ли нападать, и всё же в каждой тени я ловила движение, говорящее о том, что там прячутся люди. Люди, которые не хотят, чтобы их видели.

Когда Грей постучал в крышу кареты, Саймон лишь слегка притормозил Фолли, будто не был уверен, что действительно хочет здесь останавливаться. Наконец он замер и крикнул:

— Вы уверены, что нам сюда, сэр?

— Сюда, — раздался голос из тени.

В окне я увидела Королеву Мэб. Она даже не пыталась замаскироваться под беднячку. Напротив. На ней была великолепная накидка из алой шерсти с черной вышивкой и шелковыми кистями по подолу. Под накидкой виднелось зелено-золотое платье. С ней был мальчик лет тринадцати, не больше. Мы уже видели его раньше. Я не знала его имени, хотя мы подозревали, что он её родственник, возможно, внук или внучатый племянник. Я всмотрелась в темный переулок, но больше с ней никого не было. Только парень.

Саймон спрыгнул, чтобы открыть дверь, но Грей уже сам распахнул её настежь.

— Я не останусь, — сказал Грей Королеве Мэб, выходя первым. — Хотя, если вы передумали на этот счет, я с радостью присоединюсь. Похоже, у вас нет должной охраны.

Мальчик ощетинился, и рука Королевы Мэб легла ему на плечо.

— Я не хотел вас обидеть, — обратился Грей к парню. — Просто я ожидал увидеть здесь целый отряд.

— Брать с собой охрану — значит признать, что она мне нужна, — отозвалась Королева Мэб. — Словно моей репутации недостаточно, чтобы обеспечить мне безопасность. Густав вполне способен постоять за себя, если возникнет нужда, да и про мисс Мэллори я слышала то же самое. Мы…

Она замолчала, когда из кареты вышла миссис Уоллес; Грей помог ей спуститься.

— Ну, здравствуй, Паулина, — сказала Королева Мэб. — Не ожидала тебя увидеть. Ты теперь часть домашнего штата доктора Грея?

— Его экономка.

— Неужели? Я всё гадала, куда тебя занесло. Впрочем, я не удивлена.

— Я пойду с вами, — отчеканила миссис Уоллес. — Я не доверяю Мэллори в этом деле. Да и ни в каком другом.

Брови Королевы Мэб взлетели вверх. Затем она негромко рассмеялась.

— Ты всегда говорила то, что думаешь.

— Так проще жить.

Грей вздохнул.

— Я уважаю мнение миссис Уоллес, но уверяю вас: я доверяю Мэллори безоговорочно. Не знаю, насколько вы осведомлены о её прошлом…

— О том, что она была демоном с ангельским личиком? — подхватила Королева Мэб. — Безжалостной воровкой, которая кидала каждого встречного?

Саймон издал тихий звук. Он был другом Катрионы и, насколько я могла судить, единственным человеком, которого она ни разу не предала.

Королева Мэб продолжала:

— Затем произошел инцидент, едва не стоивший ей жизни; девочка ударилась головой, и теперь перед нами мисс Мэллори, которая уже не ангел и не демон, а нечто гораздо более любопытное. Загадка.

— Укутанная в тайну, — закончила я. — Если миссис Уоллес пойдет с нами, я не против. Я понимаю её недоверие и признаю, что прежняя Катриона дала для этого все основания.

Мне казалось, я звучу вполне разумно, но по тяжелому взгляду миссис Уоллес было ясно: для неё это лишь елейные банальности, на которые она не купится.

Я позволила Грею помочь мне выйти из кареты. Когда я оказалась в круге света от фонаря Саймона, Королева Мэб ахнула:

— О боже. А это весьма хитроумный маскарад.

— Похожа я на аппетитное лакомство? — спросила я, изящно крутанувшись.

— Ты похожа на эльфийского подменыша, готового сбросить пеструю шкурку и примерить роль милого человеческого дитя. Весьма недурно. И очень уместно, учитывая твою метаморфозу. Хвалю вашу изобретательность и чувство юмора.

— Это была идея миссис Уоллес.

— Что ж, тогда хвалю её.

— Не слишком броско? — спросила я.

Королева Мэб выразительно окинула взглядом собственный наряд и выгнула бровь.

— Поняла, — сказала я. — Значит, «броско» — это то, что доктор прописал.

— «Необычно» — это хорошо, как и намек на то, что ты не та, кем кажешься. Костюм идеален. Полагаю, руку ты принесла?

Я приподняла дорожный саквояж. Она подождала, пока я его открою, а затем вытащила содержимое, чтобы рассмотреть поближе.

— И впрямь настоящая, — констатировала она. — Да, это вполне подойдет. Теперь, доктор Грей… я знаю, вам не терпится последовать за вашим эльфийским подменышем, но я должна попросить вас уехать. Здесь небезопасно. Я позабочусь о том, чтобы её доставили домой в моем собственном экипаже.

Грей кивнул. Он прошептал мне: «Будь осторожна», а затем произнес громче:

— Если она не вернется к двум часам, я приеду сюда снова. Это не угроза, мадам, лишь мера предосторожности на случай, если с вами обеими там что-то случится.

— С мисс Митчелл ничего не случится, пока она под моей защитой. Идемте, дамы. Нам пора внедриться на «рынок гоблинов».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Мы углубились в переулок, где царила кромешная тьма. Юный Густав чиркнул спичкой, но это было всё освещение, на которое мы могли рассчитывать. Не раз и не два я слышала шорох в тенях и подозревала, что его источником было нечто покрупнее крысы. Наконец мы подошли к металлической двери. По ней стекала какая-то жидкость, образуя у порога покрытую ледяной коркой лужу, которую я осторожно обошла.

Королева Мэб дважды постучала. Смотровое окошко со скрежетом — металл о металл — открылось. Затем щелкнул засов.

— Живее, — бросила нам Королева Мэб.

Она вошла первой, придерживая юбки на ступенях. Я последовала за ней, затем миссис Уоллес. Как только экономка оказалась внутри, дверь захлопнулась; я услышала, как Густав, оставшийся снаружи, проверяет, надежно ли заперт замок.

Только когда входная дверь закрылась, с шипением ожил фонарь.

— Ваше Величество, — голос звучал под стать скрежету смотрового окошка, глубоко и хрипло. Собеседника я не видела: он расположил фонарь так, что тот почти слепил нас, оставляя его самого в тени. — Вы привели гостей.

— Да. И я ценю твою тактичность — ты не требуешь немедленных объяснений. Это похвально.

— Я бы не посмел требовать их от вас, миледи. Но спросить всё же обязан.

— И я с радостью отвечу. Твоя осторожность — это та самая броня, что защищает нас всех. Позволь представить мою юную подругу, мисс Кэт. Она пришла сегодня в поисках особого ингредиента для лекарства, который я предоставить не могу. Взамен она принесла нечто стоящее.

Королева Мэб сделала мне знак открыть саквояж. Я достала «Руку Славы». Охранник одобрительно хмыкнул.

— Настоящая, как видишь, — добавила Королева Мэб. — Надеюсь, этого предмета — вместе с моей личной рекомендацией — будет достаточно.

— А вторая леди?

— Гувернантка мисс Кэт. Моя подруга, как видишь, весьма юна и нуждается в присмотре.

Я прикусила губу, чтобы не фыркнуть. Точнее и не скажешь. Миссис Уоллес и впрямь была здесь, чтобы «присматривать» за мной.

— Мы можем идти? — спросила Королева Мэб с тем же тоном, с каким могла бы осведомиться, не пора ли ей снять шляпку, заранее уверенная в согласии.

— Разумеется, миледи. Приятного вечера. И добро пожаловать вашей юной подруге. Она чудесно скрасит этот сумрак.

Клянусь, миссис Уоллес презрительно шмыгнула носом. Я же лишь едва заметно улыбнулась и наклонила голову в сторону голоса из темноты.

Раздался еще один скрежет — открылась внутренняя дверь, сделанная из еще более тяжелого металла. За ней зияла абсолютная пустота. Королева Мэб уверенно шагнула вперед, и мы гуськом последовали за ней. Дверь за спиной закрылась; сердце заколотилось, пальцы сами скользнули в карман к ножу, когда нас поглотила тьма.

Затем чиркнула спичка. Шипение, и зажегся еще один фонарь. На этот раз я смогла разглядеть силуэт того, кто его держал, но не более. Фигура безмолвно двинулась по коридору, и мы пошли следом.

— Здесь — ни слова, — прошептала Королева Мэб. — Слишком хорошая акустика.

Мы повиновались. Проводник вел нас по узким коридорам; от камня веяло таким холодом, что я чувствовала его даже сквозь подошвы ботинок. Потолок был настолько низким, что Грею пришлось бы пригибаться. Со стен сочилась вода. Я вспомнила, почему Своды не годились для хранения товаров — здесь не было никакой гидроизоляции.

Наконец наш сопровождающий остановился и постучал в очередную металлическую дверь. Процедура повторилась. Мы шагнули в темноту, были переданы «из рук в руки» новому конвоиру, и только когда дверь за нами заперли, тот зажег фонарь. Впрочем, здесь свет был уже почти не нужен. Мы оказались в просторном каменном туннеле футов шести в ширину, со сводчатым потолком. По обе стороны тянулись закрытые двери. Издалека доносился гул голосов, тусклое свечение становилось всё ярче, пока мы не дошли до деревянной двери, сквозь щели которой пробивался свет. Наш призрачный проводник изобразил подобие поклона и распахнул дверь. Мы вошли на рынок.

Первое, что я увидела, свет. Мерцающее сияние свечей и огонь очагов. Затем звуки — треск дров в каминах, перекрываемый стройным хором приглушенных голосов. Сначала мне показалось, что нам нужно пройти через еще одну дверь, потому что голоса звучали как-то приглушенно. А потом я увидела людей. Очень много людей.

Зал был огромным. Очевидно, один из самых больших сводов, с двойной высотой потолков. Здесь были десятки людей, но никто не говорил громче вкрадчивого шепота.

Я сделала шаг вперед и резко замерла. Мой взгляд упал под ноги. Там, на каменном полу, сажей и мелом был начертан какой-то мистический символ. И мы шли прямо по нему.

— Это… не проблема? — спросила я, глядя вниз.

Королева Мэб усмехнулась.

— Только если вы верите в магию. Вы верите, мисс Мэллори?

Я замялась, и она резко вскинула на меня глаза.

— Хм, а это любопытно, — пробормотала она. — Вы кажетесь мне барышней, у которой нет времени на подобные глупости. Я пошутила, а вы вдруг засомневались. — Её темные глаза впились в мои. — Неужели у вас был личный мистический опыт, дитя?

Я тряхнула головой.

— Просто стало не по себе, только и всего. В моей семье все были суеверными. Видимо, это заразно.

Её пронзительный взгляд так и кричал, что я лгу, но она решила не допытываться и лишь добавила:

— Считается, что этот символ принуждает к честности в делах. Проблемы возникнут лишь в том случае, если вы не намерены быть честной… и если вы верите в подобные штуки. — Она понизила голос. — Лично я — не верю.

Я кивнула, всё еще чувствуя себя не в своей тарелке. Верю ли я в магию? Я бы сказала «нет», но прямо сейчас я шагаю по миру, который существовал за сто лет до моего рождения. Что это, если не магия?

Я отогнала эти мысли и огляделась. Следующим, что поразило меня, были не звуки и не виды. А запахи. Я улавливала их десятками, они неслись со всех сторон — тонкие ароматы, заставлявшие меня втягивать воздух, словно ищейка.

Королева Мэб бросила на меня вопросительный взгляд.

— Пытаюсь разобрать запахи, — пояснила я. — Некоторые знакомы, но не могу вспомнить названия.

Она глубоко вдохнула.

— Мирра и ладан, они всегда популярны в это время года. Еще анис и… — Она вскинула подбородок, втянула воздух посильнее и поморщилась. — А вот этот смрад я узнаю где угодно. У кого-то есть сырный фрукт.

— Сырный фрукт? — переспросила я. — Я люблю сыр. И фрукты люблю.

— Этот вам совершенно точно не понравится. Его еще называют «рвотным фруктом».

— Вкуснятина.

— В тропиках это еда для бедняков — его едят, только если совсем умирают с голоду. Говорят, у него есть целебные свойства, поэтому он здесь, но я никогда не считала его полезным.

Пока мы шли, люди на нас поглядывали. Никто не позволял себе такой нескромности, как оборачиваться вслед или тем более пялиться в открытую, но по тому, как быстро они отводили глаза, я поняла: даже эти мимолетные взгляды считаются здесь грубостью.

Большинство взглядов было приковано к Королеве Мэб. Её узнавали, ей кивали, даже кланялись. Когда замечали меня, интерес становился острее. Нечто новенькое. «Нечто любопытное», как выразилась Мэб. Вслед нам тянулся шлейф шепотков.

— Вы произвели фурор, дорогая, — шепнула она. — Превосходно.

— Можно мне осмотреться? — спросила я шепотом. — Я умираю от любопытства, но не хочу глазеть.

— И не стоит. Осмотрительность здесь превыше всего. Впрочем, смотреть не запрещено. Держите подбородок выше и скользите взглядом вокруг, будто вы просто изучаете обстановку.

Миссис Уоллес молча следовала за нами. Я оглянулась: она смотрела строго вперед с совершенно бесстрастным лицом.

Я последовала совету Королевы Мэб. Я осматривала окрестности как принцесса: с любопытством, но так, словно всё это для меня — обычное дело.

Хотя обычным делом тут и не пахло. То, что я видела вокруг, было чем-то средним между прокуренным притоном и волшебной страной. Из-за каминов в зале было полно дыма, а выход для него был… где-то там, наверху. В итоге под потолком висело плотное облако тумана, клочья которого сползали вниз, окутывая верхушки шатких деревянных прилавков. На десятках канделябров мерцали свечи. Одни горели обычным оранжевым пламенем, другие плясали мистическими огнями — зелеными, синими, белыми. Когда над головой пронеслась темная тень, я чуть не упала на пол. Ворон опустился на стойку одного из прилавков и смерил меня презрительным взглядом.

Здесь было не меньше сотни человек: половина за прилавками, половина — покупатели. Как минимум четверть лавок пустовала, будто хозяева сами ушли бродить в толпе.

Наряды на подпольном рынке делились на два типа. Либо нечто настолько серое и невзрачное, что владелец буквально растворялся в дыму, либо нечто настолько яркое, что оно сверкало даже в густом тумане. Те, кто хотел быть замеченным… и те, кто желал слиться с тенями.

Келли Армстронг – Тревожа мертвых
Kelley Armstrong - Disturbing the Dead

Когда миссис Уоллес замедлила шаг у одного из прилавков, я тоже притормозила, надеясь хоть что-то понять о нашей экономке. Я и представить не могла, что может её заинтересовать. И когда я увидела, как она изучает разложенные на столе сюрикэны, я не знала, удивляться мне или нет.

— О-о, метательные звезды, — сказала я. — Если я куплю одну, научите меня ими пользоваться?

Она прошла мимо без комментариев, и я пообещала себе: если снова застукаю её за разглядыванием чего-либо, нужно действовать скрытнее.

Королева Мэб тоже замедлила шаг. Она разглядывала кусок ткани, усыпанный чем-то, похожим на обрубки узловатых корней. Стоило её пальцам потянуться к одному из них, как хозяйка лавки бросила другого покупателя и подлетела к нам.

— У вас прекрасный вкус, миледи, — затараторила женщина. — Это из самых недр Аравии; это неведомое растение нашли прямо в следах джинна.

Королева Мэб посмотрела на торговку. Ни слова не сказала. Просто смотрела, пока на лбу у той не выступили капельки пота. Затем Мэб пробормотала: «Вы ошиблись дверью, любезная», и пошла дальше, игнорируя мольбы и извинения.

Её привлекла другая лавка. Здесь были драгоценности, в основном необработанные, кое-где лишь со сколами, открывающими скрытые внутри сокровища.

Королева Мэб осмотрела несколько камней. Наконец её взгляд остановился на одном, с которого был срезан тонкий слой, обнажающий ярко-зеленый блеск.

И снова торговец — на этот раз мужчина средних лет — поспешил к нам.

— Если скажете, что это глаз дракона, потеряете потенциального покупателя, — отрезала она. — У меня нет времени на подобную чепуху.

— Да, миледи. Я знаю, кто вы, и не совершу такой ошибки.

— Превосходно.

Она подняла камень. Мужчина напрягся, будь на её месте кто-то другой, он бы наверняка его остановил. Но перед ней он лишь стоял натянуто, как струна, пытаясь выдавить улыбку, пока она проверяла вес, подносила камень к глазу, а затем доставала из кармана лупу.

— Возможно, это меня заинтересует. Какого рода обмен вы ищете?

Он облизнул губы.

— Та, кого вы привели, вполне подойдет.

Королева Мэб глянула в мою сторону. Мой взгляд упал на саквояж, и я сжала его покрепче.

— Та, кого я привела? — переспросила она.

— Да, миледи. Это редкий экземпляр. Бесценный, на самом деле. И я знаю, что вы предлагаете её не в вечное владение, а лишь на время. За один вечер я отдам вам этот камень.

— Вечер с… — Я снова посмотрела на сумку.

— Он не это имеет в виду, — голос Королевы Мэб стал ледяным. — Хотя, возможно, очень бы хотел.

— Тогда что же… — Я подняла глаза и увидела, что взгляд мужчины прикован к моему полуобнаженному — спасибо «ангельскому» наряду — бюсту. — Оу.

Когда Королева Мэб заговорила снова, её голос звучал как прохладный шелк.

— Вы хотите купить мою юную подругу.

— Одолжить. На вечер. Она ведь для этого здесь, не так ли? Для обмена.

— Вы полагаете, я стану торговать живым человеком? Посмотрите на меня и скажите: вы и впрямь думаете, что я на такое способна?

Её голос всё еще звучал негромко, но вокруг все замерли, прислушиваясь.

— Даже в Америке больше не торгуют людьми, — отчеканила она. — И вы думаете, что я стану?

— Н-не торговать. П-просто одолжить.

— Одолжить вам её тело ради моей выгоды? И чем бы это меня отличало от работорговца? Эта девушка — моя подруга. Подруга. И это не вежливый эвфемизм. — Она встретилась с ним взглядом. — Вы видите симпатичную девчонку и автоматически решаете, что она продается?

Он что-то бессвязно забормотал. Словно из ниоткуда появилась женщина, одетая в серое — под цвет кружащегося дыма. Она стояла по ту сторону прилавка. Я напряглась, ожидая беды, но женщина обратилась к торговцу:

— Вам здесь больше не рады. Собирайте вещи.

— Нет, — вмешалась Королева Мэб. — Пожалуйста, не выставляйте его из-за меня. Он совершил ошибку и уже заплатил за неё ценой сорвавшейся сделки. Этого достаточно.

Женщина кивнула и растворилась во тьме, а Королева Мэб развернулась и пошла прочь. Заметив, как быстро шагает, она замедлилась, чтобы я могла её догнать.

— Простите за оскорбление, — сказала она мне.

— Не вы его нанесли.

— Возможно, но мне следовало предугадать, что подобное предположение возникнет, просто потому, что вы молоды, красивы и женщина. Очевидно, все решили, что именно вас я сегодня предлагаю для обмена.

— Они могли бы решить так, даже если бы я не была женщиной.

— Хм. Это одна из причин, почему я настояла, чтобы Густав ждал снаружи. Я веду дела с этими людьми, но нас связывают лишь общие интересы, а вовсе не мои мистические наклонности.

— Рынок мистики часто превращается в рынок всего на свете. Любых вкусов.

— Этого больше не повторится. Все, кто думал, что я привела вас для *этого*, теперь осознали свою ошибку. Я закончу свои покупки и отведу вас туда, куда вы хотели.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕМЬ

Мы продолжаем идти, пока не достигаем самого дальнего ряда. Одного взгляда достаточно, чтобы понять — это Аптекарский ряд.

Молодой азиат демонстрирует искусство иглоукалывания женщине с всклокоченными волосами и в испачканной землей одежде; она похожа на средневековую травницу, только что вышедшую из леса. У другого прилавка ближневосточная женщина втирает какое-то снадобье в узловатые руки крошечного старичка в ярко-зеленом костюме, который так и кричит: «лепрекон», а заодно — «мышьяк». Третий прилавок примыкает к палатке с плотно задернутым пологом. Я замедляю шаг из любопытства, но приглушенный вскрик изнутри заставляет меня подпрыгнуть.

— Флагелляция, — бросает Королева Мэб, не останавливаясь.

— Флагел…?

— Порка.

— О, я знаю, что такое флагелляция, но, по-моему, это больше подходит для борделя, чем для Аптекарского ряда.

Она бросает на меня взгляд с едва скрываемой ухмылкой:

— И откуда такая прелестная юная особа знает о подобных вещах?

— Я не так юна, как кажусь.

— Почему мне кажется, что это утверждение даже точнее, чем может показаться на первый взгляд? — мурлычет она. — В данном контексте порка служит для изгнания внутренних демонов, а значит, это медицина. Впрочем, если посмотрите в самый конец, там есть еще одна закрытая палатка специально для дам, страдающих от «нервов» и неудовлетворенности. Хотите, расскажу, чем их там лечат?

— Оргазмами? — шепчу я, понизив голос. Когда её брови взлетают вверх, я добавляю: — Слышала о таком. Уверена, им это помогает, хотя самолечение определенно дешевле.

Слышится сдавленный смешок, переходящий в кашель. Но доносится он не от Королевы Мэб — та лишь улыбается. Я оборачиваюсь: миссис Уоллес перестает кашлять и сверлит меня подчеркнуто пустым взглядом, будто смех мне почудился.

— Вы слишком умны для собственного блага, — говорит Королева Мэб. — Признаться, я не осуждаю этих леди за их методы лечения, но мне грустно думать, что им приходится приходить за этим сюда. И грустно, что это работает. Представьте себе общество, которое до такой степени извратило человеческую природу, что эти женщины даже не осознают, в чем истинная причина их тоски и не удовлетворенно стих, и как легко это лечится. Я рада, что у вас нет такой проблемы. А если возникнет, советую обратиться за «лекарством» к вашему домашнему доктору.

Я закатываю глаза. Сзади доносится звук, подозрительно похожий на рычание.

— Я знаю, что вы поддразниваете меня, — говорю я Королеве Мэб. — Но поберегитесь миссис Уоллес. Она и так уверена, что я нацелилась на постель босса.

— А почему бы и нет? Будь я на десять лет моложе, я бы так и сделала.

— Всего на десять? — бормочет миссис Уоллес.

— Всего на десять. — Королева Мэб бросает на неё взгляд, призывающий попробовать это оспорить. — Ваш наниматель — красивый и статный мужчина, но что важнее — он умен, интересен и внимателен. Это делает его весьма способным дать женщине то, чего так не хватает дамам в той палатке.

— Мадам… — в голосе миссис Уоллес звучит предупреждение.

— Ой, да бросьте. В таких словах о докторе Грее нет неуважения. Если вы боитесь, что я вкладываю мысли в голову Мэллори, то сами же считаете, что эти мысли там уже есть. А я отвечу: даже если и так, она, к сожалению, не собирается переходить к действиям. Я считала, что ты лучше разбираешься в людях, Паулина.

— Кажется, это тот прилавок, который вы искали, — говорит миссис Уоллес, кивая налево.

— Ах, верно. И не думай, что я не заметила этой резкой смены темы. Поговорим позже, Паулина, и, думаю, нам стоит заключить пари: включает ли план мисс Мэллори соблазнение её нанимателя или нет.

Я решаю прекратить этот разговор, проявив живейший интерес к прилавку. Он специализируется на травах, но крошечные ярлычки, исписанные каллиграфическим почерком, перечисляют вещи, которые я не ожидала бы увидеть в лаборатории Айлы, а возможно, даже и у Королевы Мэб. Некоторые я узнаю, например, красный лотос. Другие, вроде «травы сна» из Центральной Америки — *Calea ternifolia* — мне незнакомы.

За прилавком никого нет, но как только мы останавливаемся, к нам подходит молодая женщина, которая до этого сама что-то рассматривала у соседей. Она одета в кремовое платье, подходящее для современной невесты, в комплекте с головным убором и вуалью, закрывающей лицо. Иссиня-черные волосы рассыпаны по плечам.

Хозяйка лавки не бросается к нам, как остальные. Приблизившись, она склоняет голову и произносит: «Мэб». Я еще не слышала, чтобы кто-то называл Королеву Мэб просто по имени. Даже я мысленно его не сокращаю — это кажется проявлением неуважения. Однако в певучем, высоком голосе этой женщины нет и тени дерзости, а Королева Мэб в ответ склоняет голову и бормочет приветствие, словно они равны.

— Я слышала, у тебя есть партия египетского голубого лотоса, — говорит Королева Мэб.

Сквозь вуаль я могу разобрать только темные глаза и ярко-красные губы, и эти губы изгибаются в улыбке.

— Да, и если бы ты не пришла сегодня, я бы послала свою девочку узнать, не нужно ли тебе чего. Признаться, я купила его наполовину в надежде выманить тебя из дома. Мы слишком давно не виделись.

— Это правда. Но тебе не нужен голубой лотос, чтобы выманить меня. Я всегда к твоим услугам, дорогая леди, если речь идет о травах и снадобьях. Полагаю, взамен лотоса ты хочешь обычную плату?

— Если это не слишком обременительно.

— Никогда. Тогда я возьму лотос и, пожалуй, еще кое-что. Но сегодня у меня есть и вторая причина для визита. Ты ведь заметила мою юную подругу?

— Заметила.

— Она ищет ингредиент, который ты больше не держишь в продаже.

Вуаль поворачивается в мою сторону.

— Если я его больше не держу, значит, он бесполезен.

— Он бесполезен, — соглашается Королева Мэб. — Она это понимает, но ищет его по другой причине. Точнее, её интересует, где можно продать такой ингредиент. Тем, кто всё еще им торгует.

— А. Это совсем другое дело. Скажи, что это, и я отвечу, могу ли помочь.

— Она ищет тех, кто мог бы купить останки египетской мумии.

— Мумиё? — Женщина медлит. Затем её лицо под вуалью резко приподнимается. — Это связано с убийством того баронета?

— Я бы не привела к тебе никого, кто замешан в убийстве, дорогая леди. Или, точнее сказать, никого, кто причастен к его совершению.

Тишина. Я чувствую на себе взгляд женщины сквозь вуаль и стараюсь сохранять спокойное и открытое выражение лица.

— Вы хотите знать, где можно продать мумию? — произносит она наконец. — Именно человеческие останки внутри, а не украшения или саму оболочку?

— Да, — отвечаю я. — Если бы у кого-то были эти останки, легко ли было бы их сбыть? Или для поиска покупателя требуются специфические знания и связи?

— Это редкий ингредиент, в наши дни его почти не используют. Чтобы он имел хоть какую-то ценность, нужно действительно знать места. Я знаю, где вы можете найти информацию об этом.

— Спасибо.

— Эта информация не бесплатна.

— У неё есть товар для обмена, — говорит Королева Мэб. — Покажи ей, пожалуйста.

Я ставлю саквояж на прилавок и открываю его. Женщина заглядывает внутрь. Она приподнимает руку в перчатке, чтобы раскрыть сумку шире, но затем издает ворчливый звук, словно ей всё еще плохо видно. Очень осторожно она отодвигает вуаль. Она не поднимает её полностью. На самом деле, мне удается разглядеть только её шею, и я подавляю возглас удивления. Судя по высокому голосу, смоляным волосам и белому платью, я была уверена, что мы говорим с ровесницей Катрионы. Но то, что я вижу — это шея, настолько покрытая морщинами, что женщина должна быть старше Королевы Мэб.

Это обескураживающий контраст с подвенечным нарядом, и первая моя мысль: «Мисс Хэвишем, полагаю». Я прикусываю язык, прежде чем произнести это вслух. Это литературная отсылка, которую здесь бы поняли… но не оценили. Зато возраст женщины объясняет, почему она обратилась к Королеве Мэб как к равной.

Приподнятая вуаль лишь на мгновение открывает шею, прежде чем снова опуститься.

— Могу я вынуть руку из сумки? — спрашивает она.

Королева Мэб оглядывается по сторонам.

— Вот здесь, — говорит женщина, кивая на прилавок позади себя. — Если позволите.

Получив кивок Королевы Мэб, я обхожу прилавок и ставлю саквояж на заднюю стойку. Затем я незаметно вынимаю руку и кладу её на ткань, которую расстелила женщина. Она встает так, чтобы закрыть обзор любому прохожему, мы с Королевой Мэб делаем то же самое по бокам, а миссис Уоллес остается по другую сторону прилавка.

Женщина тыкает и прощупывает руку металлическим зондом, не слишком отличающимся от тех, что используют Грей и Айла. Также она использует увеличительное стекло.

— Я приму её как подлинную, — произнесла женщина. — Где вы раздобыли такую вещь?

Королева Мэб ответила за меня:

— Она была найдена совершенно случайно человеком, который не понял её истинной ценности, но моя подруга — поняла. Рука была у неё, и когда я упомянула, что мне нужно что-то для обмена, она вспомнила об этом предмете.

Женщина продолжала изучать руку, не поднимая головы под вуалью:

— Вам стоит передать вашему нанимателю, дитя, чтобы он был осторожнее. У него и так репутация *стервятника*. Покупка подобных вещей ему явно не на пользу.

Я постаралась никак не выдать свою реакцию и не сводила глаз с руки.

— Я не припомню, чтобы мы говорили, будто она здесь по поручению какого-либо нанимателя, — вкрадчиво заметила Королева Мэб.

Женщина повернулась к ней:

— Старая подруга, отдай мне хоть малую дань за мой интеллект. Я, может, и не детектив, но в состоянии сложить простейшие улики. Этого достаточно, чтобы понять: я говорю с настоящим сыщиком. Или, по крайней мере, с его ассистенткой.

Когда мы не ответили, вуаль дрогнула от вздоха.

— Вы сказали, что это купил кто-то, кто не знал, что это такое. Как много людей, по-вашему, увидев в лавке отрубленную руку, заявляют, что обязаны её приобрести?

— Больше, чем вы можете себе представить, — пробормотала я.

— Возможно. Но я также знаю, что ваш вопрос связан с «убийством мумии». Вы ищете информацию о продаже мумии, но сами не пытаетесь её продать. Это подсказало мне, что я, почти наверняка, говорю с той самой юной леди из «Таинственных приключений Серого Доктора».

— Из чего? — переспросила Королева Мэб.

— Это что, все читают? — процедила я сквозь зубы.

— Я — нет, — отрезала Мэб. — Я даже не знаю, что это за «это».

— Кто-то описывает расследования доктора Грея в жанре дешевого фикшена, — пояснила я. — И делает это чертовски паршиво.

Женщина повернулась в мою сторону:

— То есть на самом деле ваша роль не заключается в том, чтобы рассматривать воображаемые улики на полу, используя это как повод выставить свой прелестный задок на всеобщее обозрение?

Королева Мэб фыркнула.

— Теперь я просто обязана это прочесть. — Она снова обратилась к собеседнице: — Имеет ли значение, кто моя подруга?

— Возможно. Хотя эта Рука Славы и привлекла мое внимание, я не смогу использовать её сама. Мне пришлось бы её перепродавать, а это лишние хлопоты. К тому же, это нечестный обмен. Рука стоит дороже моей информации. Взамен я бы хотела то же, что выменяваю у тебя, Мэб. Но только от сестры доброго доктора.

Я нахмурилась, глядя на Королеву Мэб.

Та вздохнула и пояснила мне:

— Я предлагаю свои услуги травницы: смешиваю для неё ингредиенты в снадобья, требующие моих навыков и оборудования. Она просит о том же самом миссис Баллантайн.

— Я не могу соглашаться на это от имени миссис Баллантайн, — отрезала я.

— Разумеется, — кивнула женщина. — Я скажу вам, как связаться со мной, когда будет ответ. И когда я его получу, я дам вам то, что нужно.

— Могу я предложить что-то другое вместо этого?

— Не думаю, дитя. Ведь ваше единственное умение — подбирать воображаемые улики с пола, а я, боюсь, не та аудитория, которую могут восхитить подобные таланты.

Лица я не видела, но по тону поняла, что она поддразнивает меня. Тем не менее, я настояла:

— Я бы очень не хотела перекладывать это бремя на другого человека.

— Это не будет в тягость, — вмешалась Королева Мэб. — Она в основном хочет познакомиться с миссис Баллантайн, чтобы добавить химика в список своих ресурсов.

Мне это не нравилось, но было очевидно, что другой сделки здесь не будет, а Королеву Мэб предложенный вариант вполне устраивал. Значит, это лучший расклад из возможных. Как она и сказала, рука, по большей части, просто купила мне доверие. Но она не купит саму информацию.

Когда мы уходили, Королева Мэб произнесла:

— Я знаю, вы не хотите вешать эту ответственность на миссис Баллантайн, но это и не ваша ответственность. Вы пытаетесь раскрыть убийство — дело, за которое доктору Грею даже не платят.

Я промолчала.

— Вы добываете эту информацию не для личного пользования, — продолжала она.

— Я всё равно предпочла бы заплатить за неё сама.

— Что похвально. Вы не хотели отдавать руку, потому что это подарок. Вы не хотите просить миссис Баллантайн об услугах, потому что это не её работа. Это говорит о вас с лучшей стороны. Но это дело — вопрос общественного блага, и вы не можете позволить своей личной этике мешать следствию.

— Я знаю, но всё равно имею право из-за этого дуться.

Мы прошли еще несколько шагов, когда кое-что привлекло мое внимание. Мы покинули медицинский сектор и шли мимо рядов с по-настоящему интересными штуками — вроде кастетов с тигриными когтями и крошечного пистолета, который носят как кольцо, — но я лишь мазнула по ним взглядом. Я злилась по уважительной причине и не собиралась позволять какому-то крутому *барахлу* испортить мне настрой. Но тут я увидела стол с предметами явно египетского происхождения, и это мгновенно выбило меня из состояния обиды.

Пока я подходила ближе, Королева Мэб прошептала:

— Если вы надеетесь найти другой источник информации, не советую. Белая Леди куда надежнее этого типа.

— Из коллекции сэра Аластера украли артефакты, — прошептала я в ответ. — Не думаю, что они всплывут на рынке так быстро, но, судя по всему, это далеко не первая кража.

— Ах, вот оно что. В таком случае, давайте изучим ассортимент.

Я заучила описания всех предметов, числившихся пропавшими. На столе у этого человека не было ничего подходящего. Мой взгляд упал на ожерелье, похожее на то, что леди Кристи надевала на прием, но присмотревшись, я заметила тонкие различия.

— Нравится вещица, милочка? — подал голос человек за столом. Он был ненамного старше меня, с таким сальным видом, который не исправил бы даже бриолин, которым он прилизал волосы. — Вот это конкретное украшение нашли в гробнице…

Дальше я не слушала, мгновенно распознав *торгашеское дерьмо*.

— Очень мило, — прервала я его. — Но меня больше интересуют такие вещи, как куклы-лопатки.

Заметив его недоумение, я пояснила:

— Не знаю, как вы их называете, но это деревяшки в форме лопаток, вырезанные в виде стилизованных женских фигур, с волосами из бусин. Их находят в гробницах, считается, что они изображают танцовщиц бога Хатор. Вы видели что-то подобное?

Он моргнул. Его взгляд переметнулся с меня на миссис Уоллес, которая стояла в шаге от меня с суровым видом, будто конвоир. Затем он посмотрел на Королеву Мэб и вздрогнул, видимо, так увлекся мной, что не сразу понял, с кем я пришла.

— Ваше Высочество, — выдавил он, дернув за козырек кепки.

Королева Мэб величественно наклонила голову.

— Пожалуйста, ответь моей подруге на вопросы об этих предметах. И учти: она здесь со мной, она точно знает, что ей нужно, и у неё есть средства на покупку.

— Д-да, мадам. Конечно, мадам.

Мужчина снова повернулся ко мне:

— Буду счастлив помочь чем угодно, милочка… то есть, миледи. Это лишь малая часть моей коллекции. У меня отличные источники. Прямые поставки, можно сказать. — Он огляделся и понизил голос: — Один египетский малый, работает на раскопках.

Мои брови взлетели вверх.

— Неужели?

— Истинная правда.

Я позволила своему энтузиазму слегка поутихнуть.

— Полагаю, это отличный источник для простых вещиц, которые легко достать. Но мне нужно кое-что более… особенное.

— О, мой контакт — не какой-то там чернорабочий, миледи. Его сестра замужем за одним из джентльменов, которые заправляют раскопками.

Сердце екнуло. *Черт возьми.*

Мужчина снова посмотрел на Королеву Мэб и буквально облизнулся. Она же ясно дала понять, что не доверяет ему, а значит, дел с ним не ведет. В моем лице он видел не просто потенциальную сделку, но и способ выслужиться перед столь могущественной фигурой этого сообщества.

Он снова понизил голос:

— По правде говоря, до меня дошли слухи, что новая партия прибудет совсем скоро.

— Насколько скоро? — спросила я.

— Точно сказать не могу. Возникла задержка между отправителем и мной. Небольшая семейная трагедия, полиция тут и там вынюхивает… ну, вы понимаете. Но товар в надежном месте и скоро будет у меня.

— Вы знаете, что именно там будет?

— Предметов несколько, мне, скорее всего, достанутся один или два. Не могу сказать наверняка, не узнаю, пока не увижу, но гарантирую: это вещи куда более редкие, чем то, что вы видите здесь. Настоящие жемчужины для любой коллекции египетских древностей. Если скажете, как с вами связаться, я дам знать, как только они прибудут.

Вмешалась Королева Мэб:

— Превосходно. Оставьте нам адрес, по которому вас можно найти, и мы свяжемся с вами через несколько дней.

Я почти не заметила, как мы покинули рынок. Мозг работал на пределе возможностей. Похоже, Селим Авад всё-таки украл артефакты, и мы только что нашли одного из его покупателей. Тип сказал, что передача затянулась из-за, я так полагаю, полицейского расследования. Я думала, что преступник использовал убийство как прикрытие для кражи, и, вероятно, так оно и было, но обыски в доме явно спутали ему карты. Селим не смог вынести награбленное. Где же он его припрятал?

В туннелях.

Это может быть не единственным вариантом, но самым логичным. Нам нужно снова осмотреть туннели в надежде найти артефакты раньше, чем Селим успеет их умыкнуть. Где бы они ни лежали, он не оставит их там надолго. Возможно, он забирает их прямо сейчас.

***

Мы воссоединились с Густавом и дошли до места, где ждал экипаж Королевы Мэб. Её дом был ближе, чем особняк Грея, и, видимо, у неё были еще какие-то поручения для кучера после того, как нас высадят, поэтому она велела остановиться сначала у своего дома.

— Сообщите мне ответ миссис Баллантайн, и я выступлю вашим посредником, — сказала она на прощание.

— Благодарю вас.

— Что до того типа… если решите связаться с ним, будьте осторожны. Впрочем, подозреваю, вы уже получили от него всё, что хотели.

— Скорее всего, больше из него не вытянуть. Еще раз спасибо.

Мы попрощались, и она ушла вместе с Густавом. Карета снова тронулась, и не успели мы отъехать от обочины, как миссис Уоллес произнесла:

— Вы ведь думаете, что знаете, где спрятаны эти египетские вещицы, не так ли?

Я вздрогнула.

— Простите?

— Краденое добро из дома Кристи. Вы решили, что тот малый говорил именно о них, и думаете, что знаете, где их припрятали.

Когда я не ответила, она огрызнулась:

— И не смейте спрашивать, откуда я знаю о краже у Кристи. У меня есть уши, девица, и никто из вас не обсуждает свои расследования шепотом. Половину времени я слышу вас прямо из кухни.

— Да, — ответила я. — Полагаю, речь об одних и тех же предметах, и у меня есть идея, где их могут держать.

— И теперь вы собираетесь втянуть доктора Грея в бешеную гонку посреди ночи.

— Нет, — отрезала я спокойным тоном. — Я собираюсь изложить ему свою теорию, и он решит, как нам поступить.

Она фыркнула.

— Уж я-то знаю, что он решит. Что ему нужно нестись сломя голову вместе с вами в этот неурочный час. Вы ни во что не ставите его покой, поднимая среди ночи. Вам плевать, что вы втягиваете его в это.

Я из последних сил старалась сохранять спокойствие.

— Я не в бар его приглашаю, миссис Уоллес. Это расследование. Я была «в поле», и я очень сомневаюсь, что он уже лег спать, учитывая его слова о том, что он приедет за нами, если мы не вернемся к двум часам. Если краденое спрятано, вор воспользуется первой же возможностью его забрать. И это случится сегодня ночью, когда все в доме уснут.

— В таком случае, я пойду с вами.

Я открыла было рот, чтобы возразить, но она меня перебила:

— Если дело действительно в том, чтобы вернуть вещи или поймать вора, вы примете меня в качестве напарницы. В противном случае, всё это затеяно не ради дела, а ради самого доктора Грея.

Я вцепилась в саквояж так, что костяшки побелели. *Она меня провоцирует. Существует миллион веских причин, почему я должна поговорить с Греем, а не брать её с собой. Он мой чертов напарник в этом деле. Черт, для неё он мой босс! Старший следователь.*

Но если я это скажу, она найдет новые аргументы. Правда заключалась в том, что я *могла* взять её с собой. Она была бы неплохим подкреплением, и если мы не станем заезжать домой, у нас будет больше шансов опередить вора в туннелях.

Доверяю ли я миссис Уоллес настолько, чтобы она прикрывала мне спину? Не особо. Доверяю ли я ей прикрывать спину ассистентке Грея? Да. Она сделает это ради него.

— Ладно! — рявкнула я. — У вас есть оружие?

Она выхватила нож из-за голенища сапога. Затем залезла в карман своего шерстяного пальто и достала дерринджер. Я подавила вспышку зависти. *Тоже хочу пушку. Я шутила об этом, но на самом деле мне не до шуток. Знаю, МакКриди помог бы мне её достать, но тогда придется учиться стрелять — уверена, викторианские стволы совсем не похожи на то, к чему я привыкла.*

— Хорошо, — сказала я. — Полагаю, вор — это, к несчастью, брат леди Кристи. Он из Египта, работал с сэром Аластером на раскопках. Под домом Кристи есть туннели, и мистер Авад определенно о них знает, именно там его вырубили той ночью. Он пользуется ими, чтобы незаметно прошмыгивать в дом и обратно. Там полно мест, где можно спрятать артефакты. Вчера всё тщательно обыскали, так что он не ожидает, что полиция сунется туда снова. Это звучит логично, учитывая то, что вы слышали?

— Вполне.

— Тогда, полагаю, нам нужно дать кучеру новый адрес.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Мне потребовалось время, чтобы решить, где именно нас должен высадить кучер. Слишком близко — и мы привлечем внимание к входу в туннель. Слишком далеко… ну, сейчас еще не настолько поздно, чтобы я могла спокойно разгуливать по улицам Нового города в разноцветном сюртуке и цилиндре.

Я велела ему остановиться за пару кварталов; мы выскочили из кареты так быстро, как только могли, и нырнули в тени прежде, чем он тронулся с места. Я плотнее запахнула пальто, скрывая ослепительно белое платье, и поспешила к сараю, за которым скрывался вход в подземелье.

Я потянулась к двери и обнаружила на ней массивный новый замок.

Не говоря ни слова миссис Уоллес, я достала шпильку, нагнулась и…

Замок открылся. С виду он казался запертым, но дужка не была защелкнута. Кто-то оставил его так, чтобы вернуться внутрь, не создавая видимости взлома. Кто-то, у кого был доступ к ключу… но кто не рассчитывал, что он пробудет у него долго.

Я припрятала саквояж. Затем вытащила из кармана коробок спичек. Чиркнула одной, посветила миссис Уоллес на лестницу, а когда начала спускаться, погасила огонь. Только оказавшись внизу, где свет никто не мог увидеть снаружи, я зажгла вторую спичку.

Я двинулась вглубь туннеля, не дожидаясь миссис Уоллес. Раз уж она настояла на том, чтобы пойти со мной, пусть либо не отстает, либо берет свои чертовы спички.

Надо отдать ей должное: она не ворчала. Или, по крайней мере, делала это молча. Она шла след в след за мной, и когда я оглянулась, то увидела в её руке дерринджер. Что еще лучше — ствол был направлен не в мою сторону.

Я немного расслабилась и начала поиск. Проверила тот отнорок, где мы нашли Селима. Пусто. Осмотрела другие. Все они уходили вглубь не более чем на шесть-семь футов; в одном, который, казалось, пострадал от обвала, я наполовину протиснулась в щель между балками, но обнаружила лишь глухую стену из сырой земли.

Проверила еще один тупик, ставший жертвой оседания грунта — то же самое. Как и предполагал Грей, это были почти наверняка «пробные шары»: строители туннеля начинали копать в одном направлении, понимали, что место неудачное, и бросали затею.

Значит, это не разветвленная система лабиринтов, а один основной проход.

Мы так и не определили истинное назначение этих ходов. Леди Кристи знала о них и утверждала, что, вопреки мнению детей, сэр Аластер тоже был в курсе, хоть и не пользовался ими с самого детства.

Расследование МакКриди показало, что ни в одном другом доме на этой улице нет цокольных этажей такой глубины. Это наводило на мысль, что подвал под домом сэра Аластера строился специально под этот туннель. Эксклюзивный секретный ход только для жильцов.

Должно быть, контрабандная нора. Для тайных свиданий с любовниками и мутных дельцов? Или для перевозки нелегальных грузов? Какова бы ни была первоначальная цель, теперь её прибрали к рукам дети, Селим… и убийца.

Я продолжила поиски. Боковые ответвления почти закончились, когда я дошла до еще одного завала с дырой, достаточно широкой, чтобы в неё пролезть. Я присела и посветила спичкой внутрь. Глубоко в проеме лежал мешок из грубой мешковины.

— Там что-то есть, — сказала я, передавая спичку миссис Уоллес. — Я полезу внутрь.

Я бы с радостью взяла свет с собой, но дыра была слишком узкой, чтобы ползти с зажженной спичкой в руке, а я не была уверена в огнеупорности своего наряда.

Сняв сюртук, я подоткнула юбки и неуклюже связала их, надеясь не слишком сильно извалять их в грязи.

Миссис Уоллес молча наблюдала за моими манипуляциями. Раз она не возражала, значит, ей было плевать, что станет с платьем. В конце концов, это и не платье вовсе, а исподнее. И всё же мне не хотелось давать ей лишний повод для ворчания.

Я встала на карачки и проползла мимо полуразрушенной перегородки между туннелем и плотным грунтом за ним. За перегородкой оказалась вырытая в земле нора чуть больше двух футов в диаметре.

Для меня это была «сжатая среда», выражаясь профессионально. *Узковато.* Что это — дети копали от скуки? Или тайник для контрабанды, устроенный еще до того, как перегородка рухнула?

Я втиснулась внутрь уже по бедра, когда наконец коснулась мешковины. Потянула — застряло. Дернула сильнее — мешок поддался, и даже в темноте я поняла, что он пуст. Я отпихнула его назад и просунула руки туда, где он лежал. Со всех сторон — только земля. Тупик. Ничего больше нет.

Я поползла задом, пока бедра не оказались снаружи.

— Пусто. Просто пустой меш…

— Замри.

Я замерла и прошептала:

— Вы что-то слышали? — Но земля поглотила мои слова. Я снова заерзала, и тут в поясницу что-то уперлось. Что-то твердое и размером в точности с дуло дерринджера.

— Вы что, приставили пистолет к моей спине? — спросила я, вывернув голову так, чтобы миссис Уоллес меня услышала.

Ствол сильнее вдавился в плоть, отвечая на вопрос. Гнев вспыхнул во мне, но я подавила желание сопротивляться. Во-первых, пуля в позвоночнике — так себе перспектива. Во-вторых, у меня возникло предчувствие, что нас ждет давно назревший разговор, который миссис Уоллес предпочитает вести под дулом пистолета.

— Кто ты такая? — спросила она.

Я вздохнула, борясь с желанием уткнуться лицом в грязь.

— Вы прекрасно знаете, кто я. Если вы думаете, что я обманываю доктора Грея…

— Ты их облапошила, девица, но только потому, что они никогда не встречали таких, как ты. А я — встречала. Я видела такую, как ты, каждый день в зеркале.

Это заставило меня замолчать. Я попыталась переварить её слова.

— Вы — аферистка?

— Кто?

— Мошенница. Катало… в смысле, специалистка по «разводам».

Тишина.

— Вы промышляли аферами на доверии, — попробовала я другой вариант. — Втирались в доверие и обдирали людей как липок. Когда мы занимались делом об отравлениях, миссис Баллантайн сказала, что пойдет поговорить с экспертом. В следующий раз я увидела, как она поднимается из подвала. Я думала, она вернулась после визита и зашла к вам обсудить ужин. Но она ведь с вами говорила, верно?

— Я провернула больше афер, чем ты можешь себе вообразить, и попалась только потому, что доверилась человеку, у которого таланта было вполовину меньше моего. Я чую аферу на доверии за версту. Бывают быстрые схемы, а бывают такие, что длятся годами, пока жертва не увязнет в них по самые уши.

— И моя цель — стать любовницей доктора Грея, чтобы он завалил меня подарками? Вроде отрубленных рук и медицинских журналов.

— Ты зубоскалишь, но та рука стоит кучу денег. К тому же, это настолько странный предмет, что никто не заподозрит твоих истинных мотивов — не так, как если бы он дарил тебе дорогие кольца или жемчужные шпильки. Хотя кольцо он тебе тоже подарил. Ты надела его сегодня. И снова — поскольку это вроде как ваша общая шутка, перстень с ядом, у тебя есть повод его принять. Ты была очень довольна кольцом, а теперь довольна рукой, и он продолжит искать способы тебя порадовать. Ведь ты можешь сколько угодно твердить, будто не соблазняешь доктора Грея, но *он-то* ухаживает за тобой, и это единственное, что имеет значение.

От смешка мне в нос попала пыль, и я закашлялась так сильно, что испугалась — как бы она случайно не спустила курок.

— Это было бы самое странное ухаживание в истории.

— Странное ухаживание для странной девицы.

Я снова вздохнула.

— Да, я странная. Доктор Грей находит это интересным, потому что он и сам, скажем так, не «среднестатистический обыватель». Когда я ударилась головой…

— Еще раз повторишь эту ложь, девица, и я раздроблю тебе коленную чашечку рукояткой пистолета.

Я помедлила. С одной стороны, мои коленные чашечки сейчас на земле. С другой — от такого удара пистолет может и сломаться. Но я уловила суть. Она в ярости и верит, что единственный способ добиться правды — это угроза.

— Значит, вы думаете, что я всё та же Катриона, — сказала я.

— Нет, я как раз не думаю, что ты Катриона. В тебе слишком мало от неё осталось, зато слишком много того, что не лезет ни в какие ворота. Ты несешь слова, которых я не понимаю. Я заглядывала в словарь Уэбстера — их там нет.

— Это всё удар по го…

— Хватит. Ты ответишь на мои вопросы как следует, иначе я оставлю тебя в этом туннеле с пулей в боку. Убивать я тебя не стану. Если только не решу, что ты угрожаешь кому-то из домашних. Но я прострелю тебе ногу и запру выход в сад, и тебе придется ползти в дом Кристи и объяснять, что ты забыла в их туннеле. Если скажешь, что это я в тебя стреляла, я всё буду отрицать. Я лгу мастерски. А вот ты — нет.

— Я…

— Сегодня ты шутила про ту палатку для дам, — перебила она. — Катриона, может, и была демоном, но в таких вещах вела себя как старая дева, до тошноты чопорно. А ты говоришь об этом так, будто это самое естественное дело на свете.

— Может, потому что я — в своем «новом» уме — понимаю: так оно и есть.

— Катриона даже слова такого — «оргазм» — не знала, не то что произносить его вслух. Ты знаешь слишком много вещей, которые ей были неведомы. Она не умела читать; я сама слышала, как она жаловалась Саймону, что буквы у неё в глазах путаются, и бросила это дело. А ты — можешь.

— Потому что меня учили, и эти знания…

— Ты не Катриона. Ты не так говоришь, не так думаешь, не так ходишь и не так жестикулируешь. В тебе нет ничего от неё, кроме лица, а значит, объяснение напрашивается само собой. Ты её сестра-близнец. Или, как минимум, очень близкая родственница, которая достаточно похожа на неё, чтобы выдать себя за покойную.

— И меня нашли без сознания в переулке? Где тогда сама Катриона?

— Думаю, это она на тебя напала. Вы встретились. Возможно, она чего-то требовала. Она придушила тебя и решила, что убила, даже для неё это был перебор. Поэтому она поменялась с тобой одеждой и сбежала, оставив всех думать, что она мертва.

— Какая… затейливая версия.

— Ты издеваешься надо мной?

Я снова попыталась дернуться, но она лишь сильнее вдавила ствол мне в спину. — Я не Катриона, — выдохнула я. — Разве важно, кто я на самом деле? Помутился ли у меня разум? Заняла ли её место сестра-близнец? Или я эльфийский подменыш? Важно лишь то, что у меня нет скрытых мотивов. И если вы обнаружите обратное, вы вольны предпринять любые меры, чтобы защитить свой дом. И еще, как я уже говорила Элис: если я когда-нибудь снова стану Катрионой, немедленно предупредите миссис Баллантайн и доктора Грея, чтобы они вышвырнули её из своей жизни ко всем чертям.

— Ты даже не говоришь как приличная шотландская девушка.

— Это потому что я ругаюсь?

— Нет, потому что ты строишь фразы неправильно. Когда обращаешься ко мне, ты еще стараешься, но стоит тебе остаться наедине с доктором или миссис Баллантайн, ты даже не утруждаешь себя. Сейчас, под прицелом, ты снова сорвалась. Какую бы сказку ты ни скормила хозяевам, они почему-то не задают вопросов ни твоей речи, ни твоим манерам, ни твоим идеям. Я хочу услышать ту же историю, что ты дала им.

— Я сказала им правду. — Я помедлила секунду, а затем решилась: — И вам придется этим довольствоваться.

— Прошу прощения?

— Вы ведь знаете, что они люди неглупые. Да, у них доброе сердце, и кто-то может этим воспользоваться. Они могут быть немного оторванными от реальности и наивными. Доктор Грей легко отвлекается на науку. Но неужели вы всерьез верите, что если бы я скормила им несусветную чушь, они бы приняли её без проверки? Они ученые. Это их работа — подвергать теории сомнению.

— Значит, твоя история — несусветная чушь?

— И это всё, что вы вынесли из моей речи? Конечно, она несусветная. Чуть меньше, чем ваша теория про подменыша, но чуть больше, чем про близнеца или доппельгангера.

— Доппель… чего?

— В германском фольклоре так называют двойника. В легендах это злой дух, а в обычном понимании — просто человек, который выглядит точь-в-точь как ты. Это случается чаще, чем кажется. Существует конечное число комбинаций ДНК, которые формируют наши черты лица, так что совершенно неродственные люди могут быть похожи. Есть теория, скорее городская легенда, что у каждого в мире есть свой доппельгангер. А откуда я знаю про немецкий фольклор — оттуда же, откуда узнала Руку Славы. Из книг. Мне всегда нравились странные вещи. Повезло, что у меня были либеральные родители с академическим складом ума: они поощряли своего

единственного ребенка изучать всё, что нравится, каким бы странным оно ни было. Хотя сейчас я жалею, что не налегала на историю. Это бы мне чертовски пригодилось.

С Айлой я проделала тот же трюк: завалила её информацией, которую мозг XIX века переваривает с трудом, в надежде, что на этом фоне моя основная история проскочит легче.

— Вы правы, миссис Уоллес. Я не Катриона. Но если вы знаете какую-то физическую примету, которая отличала бы её от близнеца — шрам или вроде того, — скажите где, и я покажу. Это её тело. Но внутри — не она.

Тишина.

Я продолжала:

— Я прошу вас просто поверить, что миссис Баллантайн и доктор Грей знают мою историю и принимают её, какой бы невероятной она ни была. Как и детектив МакКриди. Три человека, которые не проглотят наживку, не изучив её под микроскопом. Они мне верят. А теперь, можем мы, наконец, закончить обыск? Я не угроза для хозяев. Я здесь, чтобы помочь им, и если я до сих пор этого не доказала, я не знаю, что еще могу сделать.

— Скажи мне, кто ты такая. — Ствол больно уперся мне в копчик. — Живо.

— Мы всё-таки будем в это играть? — Я опустилась на пятки. — Ладно. Меня зовут Мэллори Элизабет Аткинсон. Мне тридцать лет. Родилась 20 марта 1989 года в Ванкувере. Мои родители шотландцы. Мама переехала в Канаду после того, как закончила университет здесь, в Эдинбурге. Она адвокат, ну, или барристер, как вы говорите. Семья отца эмигрировала… ну, вообще-то, примерно в ваше время. Он вырос в Ванкувере. Он профессор университета. Преподает английскую литературу. Специализируется на викторианской эпохе — это, собственно, единственный источник моих знаний об этом мире.

Я попыталась оглянуться, но не увидела её.

— Вот. Достаточно странно для тебя? Я из будущего.

Снова тишина.

— Если хочешь проверить меня, давай позже? Я никуда не денусь. Я застряла здесь, в теле викторианской горничной, которая была той еще дрянью. Серьезно, если она когда-нибудь объявится — гони её в шею. Она, скорее всего, социопат. Я таких встречала. В моем мире я коп. Детектив, как Хью МакКриди.

— И как же ты оказалась в теле Катрионы?

— Хочешь и эту часть? Пожалуйста. Мой мир. 2019 год. Моя бабушка умирает. — Голос на мгновение дрогнул, но я взяла себя в руки. — Я дежурила у её постели в последние дни. Когда она уснула, я выскочила на пробежку — бег для здоровья, понимаешь? Мне нужно было проветриться. Сбросить напряжение. Была глубокая ночь, но эй — я же коп. Я справлюсь, так? Я слышу крик женщины. Вбегаю в подворотню на Грассмаркет. И вижу что-то похожее на проекцию — девушка в викторианском платье. Катриона, как я теперь понимаю. Я подумала, это какое-то мрачное шоу для туристов. Эту девушку душили. И в тот же миг меня хватает парень, который меня преследовал. Он начал душить меня ровно в тот момент, когда её душили на том же самом месте сто пятьдесят лет назад. Я очнулась в её теле. И я очень, очень надеюсь, что она не очнулась в моем и не разводит сейчас мою семью…

Сзади донесся глухой удар, будто она тяжело осела на землю. Пистолет больше не давил мне в поясницу.

— Это значит, что я могу вылезать? — спросила я. Ответа не последовало.

Кто угодно на её месте лишился бы дара речи, не зная, как реагировать на такой бред. Но миссис Уоллес не из таких. У неё наверняка найдется что сказать, и я рискую остаться запертой в этом туннеле, пока она будет решать, что со мной делать.

Как бы то ни было, ствол больше не целится мне в зад, и я решила этим воспользоваться. Я начала пятиться из норы, как вдруг чьи-то руки вцепились в мое платье и с силой дернули назад.

— Эй! — вскрикнула я, извиваясь.

Рука метнулась к карману пальто за ножом. Проклятье. На мне нет пестрого пальто. На мне чертово исподнее, в котором карманов не предусмотрено.

Меня волокли из узкого лаза, пальцы скребли по земле, тщетно пытаясь зацепиться. Тщетно. Оставалось только приготовиться к драке, как только меня вытащат на открытое пространство…

Пальцы впились мне в волосы и рванули так, что я закричала, а голова дернулась назад. Я попыталась ударить ногой, извернуться, но нападавший намотал мои волосы на кулак. Что-то мелькнуло над головой. Тонкий шнур впился мне в горло, и мозг взорвался от смеси животной паники и неверия.

У тебя галлюцинации. Ты принимаешь прикосновение ткани за веревку. Тебе нужно драться, а ты паникуешь.

Шнура на горле быть не может. Я только что объяснила миссис Уоллес, как я здесь оказалась, рассказав, что меня задушили верёвкой, значит, этого просто не может происходить на самом деле!

Но это происходило. Руки взметнулись к шее и нащупали шнур. Гладкий шелковый шнур.

Миссис Уоллес убивает меня. Я рассказала ей свою историю, она решила, что я сумасшедшая, и захотела оградить свою семью. Я сказала, что меня задушили, и она делает то же самое. Логичный финал.

Я втиснула пальцы под шнур. Чей-то сапог с силой обрушился мне на спину, боль была такой, что потемнело в глазах. Я стояла на коленях, шнур тянул меня вверх, а колено, придавившее спину, лишало возможности сопротивляться.

Я должна была бороться. Не знаю, одолела бы я миссис Уоллес в честном бою, но сил мне было не занимать. Однако сейчас я могла лишь вцепляться в шнур на горле; из-за колена в спине и удавки у меня не было никакой опоры, как бы я ни дергалась.

Мне удалось извернуться, пытаясь увидеть лицо миссис Уоллес, в надежде, что она не сможет убить меня, глядя мне в глаза.

Самодельный факел, который миссис Уоллес воткнула в земляную стену, едва разгонял тьму коптящим пламенем. Когда колено снова толкнуло меня в спину, голова дернулась вниз, и я увидела миссис Уоллес…

Она лежала на земле позади меня. Без сознания.

А еще я увидела ноги того, кто вытащил меня из норы. Две ноги в брюках, расставленные в широкой стойке.

Тот глухой удар, что я слышала — это миссис Уоллес вырубили. Вырубили? Или убили?

Думать об этом было некогда. Нужно было драться. Должно быть, Селим пришел за артефактами и застукал нас здесь, а я недооценила опасность.

Чужие руки перехватили мои запястья и силой вырвали пальцы из-под шнура. Я снова дернулась, задирая голову, и увидела лицо над своим плечом. Лицо, застывшее в гримасе яростной решимости.

Это был не Селим. Это был лорд Мьюир.

Я увидела его лицо… а затем мир окончательно погрузился во тьму.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Я проснулась, хватая ртом воздух и вцепившись в горло. Когда пальцы коснулись ткани, я запаниковала, решив, что это шнур. Но тут же поняла: я чувствую бинты, и лежу я не на холодной земле в туннеле. Я в кровати. Я выдохнула и расслабилась.

Лорд Мьюир меня не убил. Кто-то его остановил. Миссис Уоллес очнулась, или кто-то зашел в туннель, и Мьюир сбежал, а я теперь в особняке, прихожу в себя. Веки казались свинцовыми, но я заставила их приоткрыться и увидела прядь темных вьющихся волос и смуглую кожу.

— Дункан, — прохрипела я.

Голос звучал странно. Наверное, из-за удушения. Я открыла глаза чуть шире, глядя на лицо… На лицо, которое не принадлежало Дункану Грею. Это был незнакомый мужчина. Я попыталась приподняться.

— Воу, воу! — сказал он. — Полегче, мисс Аткинсон. — Он улыбнулся. — Рад видеть вас в мире живых, но вам нужно поберечь силы.

У него был густой шотландский акцент, но какой-то «неправильный». Интонации, выбор слов, построение фраз — всё было не то. И тут до меня дошло, что именно он сказал. Как он меня назвал.

Мисс Аткинсон.

Я резко села и уставилась на мужчину в медицинском костюме; за его спиной сияла чистотой современная больничная палата.

Я вернулась домой. Я в своем времени.

Нет, нет, нет. Мне нужно назад. Я должна узнать, в порядке ли миссис Уоллес. Я должна сказать Грею, кто на меня напал. Мне нужно… Мне нужно…

Мысль оборвалась, когда по венам что-то разлилось. По идее, это должно было быть облегчение. Я дома. Наконец-то я дома. Но это было не облегчение. Это был ужас.

Шок отбросил меня обратно на подушки; ужас смешался с удушающим чувством вины. Все эти месяцы я отчаянно хотела вернуться, и вот теперь, когда я здесь, единственное, о чем я могу думать — это как я хочу назад.

Я потерла глаза. Ощущения были странными, будто я двигала телом, которое мне не принадлежало. Хотя оно-то как раз было моим. Я посмотрела на свои руки, на свои плечи — и они казались мне такими же чужими, какими казались руки Катрионы полгода назад.

Я не заметила, как врач вышел. Лишь смутно осознала, что в палате стало тихо. А потом дверь распахнулась.

— Мэллори!

Мама влетела в комнату, папа — за ней. Она сжала меня в сокрушительных объятиях… и я, уткнувшись в неё, разрыдалась.

Следующие полчаса прошли как в тумане. Я была в шоке, не в силах поверить, что действительно вернулась. Я не задавала вопросов. Просто обнимала родителей, плакала у них на плечах и снова обнимала.

— По-моему, я не получал от тебя столько обнимашек с тех пор, как ты была совсем маленькой, — сказал папа, когда я прильнула к нему, вдыхая знакомый запах его лосьона после бритья. — Я бы мог снова к этому привыкнуть.

Я крепко обняла его, глаза снова наполнились слезами.

— Ну же, тише. — Он взял меня за подбородок и вытер слезы; я увидела, как его собственные глаза за стеклами очков подозрительно заблестели. — Ты в порядке, милая. Всё хорошо.

Я моргнула, прогоняя туман шока, и заставила мозг включиться, анализируя ситуацию. Я в больнице. Я что, была в коме шесть месяцев?

Пальцы коснулись повязки на горле. Говорить было больно, значит, меня душили не полгода назад.

— Как долго…? — голос сорвался, и я попробовала снова. — Как долго я была в отключке?

— Со вчерашней ночи, — ответила мама.

— Со вчерашней…?

— Ты вышла на пробежку, и кто-то пытался… — голос мамы дрогнул. — Пытался…

— Задушить меня, — прошептала я. — Это было позавчера?

Мама кивнула. С момента моего «отлета» прошло меньше сорока восьми часов.

— И я всё это время была без сознания? — спросила я.

Родители синхронно кивнули. Значит, Катрионы в моем теле никогда не было. На меня напали, нашли, привезли в больницу в состоянии комы, приехали родители…

Я резко вскинула голову.

— Нэн. Как Нэн? — Я сглотнула. — Она…? — Еще один тяжелый глоток. — Я опоздала?

Мама отвела взгляд, и я замерла в ожидании страшного ответа.

— Ей осталось недолго, — мягко сказал папа. — Но нет, ты не опоздала.

— Мне нужно к ней. Сейчас же.

***

Мы едем в хоспис. Мама за рулем, потому что мы спешим, а папины навыки вождения «по левой стороне дороги» еще хуже моих. Папа залез на заднее сиденье крошечной арендованной машины, а я была слишком раздавлена, чтобы протестовать.

Моя бабушка жива. Я не опоздала, я смогу попрощаться, и это — сбывшаяся мечта, если бы не одно «но»…

Это означает, что последние шесть месяцев были не более чем коматозным сном. Айла, МакКриди, Элис, Саймон, миссис Уоллес… и Грей. Всего лишь плоды воображения моего спящего мозга. Это единственное объяснение. Я лежала без чувств на больничной койке, пока мозг рассказывал мне эту безумную и чудесную историю.

И ничего из этого не было правдой. Никто из них не существовал на самом деле.

Я не могла удержаться даже за крохотную надежду на то, что действительно переместилась во время, потому что финал доказывал — это был сон. Я была в туннеле, под прицелом миссис Уоллес, и я буквально только что закончила рассказывать ей, как я сюда попала, когда меня снова придушили, и я очутилась в своем времени. Будто мозг почуял, что пора просыпаться, и ему пришлось по-быстрому сворачивать сюжет, закольцевав историю к самому началу.

Мне хотелось свернуться калачиком и рыдать о том, что я потеряла. О том, чего у меня на самом деле никогда не было. Мой мозг просто хотел развлечь меня, пока я спала, а в итоге это ощущалось как предательство. Как те сны, где меня, наконец,

переводят в отдел по расследованию тяжких преступлений, или я встречаю потрясающего мужчину, или узнаю, что врачи ошиблись насчет рака у бабушки. Просыпаться после такого — значит тонуть в разочаровании от осознания, что твоя сбывшаяся мечта была всего лишь сном.

Я оглядываюсь назад, ковыряюсь в странностях и твержу себе: «Вот доказательства, что всё это фейк». Надо же, я случайно попала в прогрессивную семью? К людям, с которыми я бы с радостью подружилась? Химик-суфражистка, её брат — судмедэксперт и их друг — полицейский детектив? Этого одного достаточно, чтобы понять: я это выдумала. Попади я в прошлое по-настоящему, я бы оказалась женой какого-нибудь забулдыги, спускающего каждый цент на выпивку, пока я стираю руки в кровь на работе и рожаю ораву вечно вопящих детей.

Я провалилась в викторианскую сказку. Но даже понимая это, я продолжаю чувствовать, что всё было по-настоящему.

Когда мы доезжаем до хосписа, я заталкиваю свое горе поглубже, чтобы разобраться с ним позже. Нэн еще жива. Я провела — по моим ощущениям — полгода, думая, что пропустила её последние дни, но это не так.

Сколько раз я представляла, как иду по этим коридорам, вижу впереди дверь её палаты, ускоряю шаг, понимая, что всё-таки не опоздала.

И тогда я нахожу в себе силы улыбнуться. Я иду по коридору, потом перехожу на быстрый шаг, а затем срываюсь на бег, вызывая смех у папы за спиной. Я влетаю в палату — и она там. Крошечная женщина на огромной кровати в окружении цветов, книг и наполовину пустых коробок конфет.

Я вбегаю, она лежит с закрытыми глазами. Она открывает их — сначала медленно, а затем распахивает широко; её лицо озаряется улыбкой, руки тянутся ко мне.

— Мэллори, — говорит она, и я заливаюсь слезами счастья, бросаясь в её объятия.

Вечер. Я приехала около обеда, и мама заставила меня пойти поужинать с папой. Теперь я вернулась, и мы с отцом выпроводили маму на поздний ужин. Мой отец не из тех, кто откажется от лишней порции еды.

Нэн спала с самого моего возвращения. Я пыталась читать одну из её книг, но не перевернула ни единой страницы. Я из последних сил старалась не думать о Грее и Айле — это забирало всю мою ментальную энергию, словно я пыталась удержать прорывающуюся плотину.

— Что случилось? — негромко спросила Нэн.

Я вздрогнула, отрываясь от притворного чтения, и увидела, что она внимательно за мной наблюдает.

— У тебя отлично получается скрывать свои чувства, как и всегда, — заметила она. — Вы с матерью держите лицо, пока думаете, что на вас никто не смотрит, а потом маска сползает.

Я поднялась и расправила плечи.

— Просто устала, наверное. Хотя и проспала двое суток подряд.

— Тут что-то другое. Что-то, от чего тебе грустно.

Я коснулась пальцем лотка с таблетками у её кровати.

— Хм. Понятия не имею, с чего бы мне грустить.

— Обо мне грустить не стоит. У меня была потрясающая жизнь, и я готова попрощаться. Самое сложное — оставлять других позади. Что еще тебя гложет?

— Я… — я замялась, подбирая слова, а потом выпалила: — Мне снился сон. Пока я была в коме.

Она наклонила голову, изучая меня своими острыми глазами.

— Сон, который тебя расстроил.

Я снова передернула плечами, словно пытаясь стряхнуть с себя меланхолию.

— Это был хороший сон. Странный, причудливый, но хороший. Я думала, что всё это по-настоящему, а оказалось… что нет. И мне трудно с этим смириться. Что само по себе… — я сморщила нос. — Тоже странно и причудливо.

— Что же тебе снилось?

Мои губы тронула мимолетная улыбка.

— Что я провалилась в прошлое, в тело викторианской горничной, работающей на судмедэксперта.

Её глаза блеснули.

— А вот это звучит весело. Расскажешь подробнее?

Я пожала плечом.

— Это был всего лишь сон.

— Значит, расскажешь позже?

— Конечно.

— Как насчет следующего вторника? Сядешь у моей могилы и выложишь всё как есть.

Я сердито на неё посмотрела, но она лишь улыбнулась в ответ. Да, свою любовь к макабрическим шуточкам я определенно унаследовала от Нэн. Её смерть — не та тема, на которую мне хочется шутить, но ведь речь сейчас не о моем комфорте, верно? Эти последние дни — только для неё.

— Расскажи мне сказку, Мэллори Элизабет, — произнесла она. — Сказку о том, как моя внучка провалилась сквозь время. — Она взяла шоколадную конфету из открытой коробки, а затем запила крошечную таблетку обезболивающего глотком воды. — Вот так. Я готова. Развлекай меня.

***

Я успела дойти только до смерти мужа Эннис, когда родители вернулись с ужина. На этом я остановилась. Я не против развлечь бабушку своим странным сном, но обсуждать это с родителями мне совсем не хотелось. К тому же Нэн почти заснула, и пришли медсестры, чтобы дать ей еще одну дозу обезболивающего. Мама осталась с ней, а я вернулась с папой в нашу арендованную квартиру и приняла снотворное, которое прописал врач, без него я бы ни за что не уснула.

Я вернулась в палату Нэн еще до рассвета, отправив маму завтракать с папой. У Нэн была тяжелая ночь. Конец близок, она держится молодцом, но я могу только догадываться, какую боль она терпит. Пару раз она полупроснулась, выглядела растерянной, но тут же снова провалилась в забытье. Она всё еще спала, когда папа повел меня на свой «второй завтрак», но когда я вернулась, Нэн бодрствовала и была на удивлении бодра, она что-то нажимала в своем iPad, пока мама дремала в кресле.

— Веди жену спать, Глен, — сказала она моему отцу. — Чтобы до двух часов дня я её здесь не видела. Это приказ.

Папа улыбнулся, осторожно разбудил маму и вывел её из палаты. Я заняла её место у кровати.

Когда я зевнула, Нэн сурово на меня посмотрела.

— Мне и тебя спать отправить?

Я приподняла огромный стакан из кофейной сети.

— Нет, я в норме. Я не пила капучино уже… — я осеклась и заставила себя улыбнуться. — Ну, три дня, судя по всему. Хотя кажется, что прошли месяцы.

— Насчет твоей истории… Я хочу узнать побольше о твоем друге Дункане Грее.

Я застонала.

— Нэн, он воображаемый друг. Как Ангус, когда мне было пять. Помнишь Ангуса?

— Доктор Дункан Грей, — произнесла она, заставив меня застонать еще громче. — Родился 12 августа 1838 года в Эдинбурге. Сын Ирвайна Грея и его жены Фрэнсис. Посещал Королевскую школу, затем Эдинбургский университет, который окончил со степенью в медицине и хирургии, хотя так и не получил лицензию на практику.

— Потому что он выкопал тело, чтобы подтвердить теорию о причине смерти, — я сделала глоток капучино. — Ты что, собираешься пересказывать мне мои же байки?

— Мэллори, разве ты называла мне его дату рождения? Или школу, в которой он учился? По-моему, ты даже не говорила, какую именно степень он получил, кроме того, что он врач. А уж насчет того, почему ему не дали лицензию — ты точно об этом не упоминала, но теперь я очень хочу послушать эту историю.

Я замерла, оторвавшись от кофе. Я уставилась на неё. Мой мозг этим утром работал туго после вчерашнего снотворного.

Нэн помахала планшетом.

— Здесь не так уж много информации, но даже такому дилетанту в расследованиях, как я, удалось кое-что раскопать.

— Я… я, должно быть, читала о нем где-то. Когда изучала криминалистику.

Она начала читать с экрана:

— Сестры: Айла Баллантайн, химик, и леди Эннис Лесли, которая взяла на себя управление бизнесом мужа после его смерти от отравления от рук… Ну, ты, полагаю, знаешь, кто его убил, хотя мне немного обидно, что я спойлернула себе финал твоей истории.

Я не могла вымолвить ни слова. В горле пересохло, мысли мгновенно испарились.

— Я в чем-то ошиблась? — спросила Нэн.

Я по-прежнему молчала.

— Я зачитала тебе факты, — продолжала она. — Ты веришь, что наткнулась на упоминание о Дункане Грее где-то раньше, а потом вплела его в свой сон, а значит, выдумала все детали. Скажи, что из того, что я прочла, не совпадает?

Я попыталась сосредоточиться.

— Погоди. Там сказано, что его мать звали Фрэнсис Грей. В моем сне она была его приемной матерью.

— Да, в твоей версии отец привез его домой как внебрачного ребенка, и жена вырастила мальчика как своего. Должна сказать, эта миссис Грей мне уже нравится… в отличие от её мужа, которого я бы прокляла до второго круга ада. Но я читаю краткую биографическую заметку о его вкладе в науку, там вряд ли стали бы копаться в тонкостях его происхождения.

Видя, что я всё еще колеблюсь, она добавила:

— Опиши своего Дункана Грея. Как он выглядит?

Запинаясь, я начала выдавать обрывки описания. Она развернула iPad экраном ко мне.

— Вот так?

На экране был Грей. Он был старше, лет сорока с небольшим, с проседью на висках, но это совершенно точно был он. И увидев это фото… я разрыдалась.

Я тут же вскинула руки, в ужасе закрывая лицо от этой внезапной вспышки эмоций.

— Ну что ж, — пробормотала Нэн. — Я всегда говорила твоей матери, что нужен совершенно особенный мужчина, чтобы покорить сердце моей Мэллори. Просто не думала, что ей придется отправиться на сто пятьдесят лет назад, чтобы его найти.

Я вытерла глаза.

— Всё не так…

— Да-да, «всё не так», конечно. Он просто друг, и он лишь одна из причин, почему ты была там счастлива. Ты тонешь в отчаянии не потому, что мужчина, которого ты любишь, — плод твоего воображения. А из-за потери всего сразу. И это правда. Это и Айла Баллантайн, и Хью МакКриди, и Элис, и Саймон, и даже миссис Уоллес. Это тот мир и та жизнь. Но отчасти — это и тот мужчина.

— Я не тону в отчаянии.

Нэн закатила глаза.

— Боже упаси тебя в этом признаться. Или признать, что ты чувствуешь к мужчине. — Она поймала мой взгляд. — К мужчине, который очень даже реален.

— *Был* реален, — прошептала я. — Сто пятьдесят лет назад. Что там еще написано…

— Ничего. — Она перевернула iPad и прижала его к коленям. — Ты не будешь ничего проверять. Обещай мне.

— Я…

— Я умирающая женщина и имею право на предсмертные обещания. Это будет первое из двух. Ты не станешь ничего искать про Дункана Грея или кого-либо еще, кого ты знала в том мире.

— А второе?

— Сначала согласись на первое.

— Ладно. Ничего искать не буду. Теперь второе обещание?

Она посмотрела мне прямо в глаза и не отводила взгляд; секунды тикали одна за другой, прежде чем она произнесла:

— Что ты вернешься назад.

Келли Армстронг – Тревожа мертвых
Kelley Armstrong - Disturbing the Dead

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Последний час я провела в спорах с умирающей бабушкой, которая хотела, чтобы после её ухода я отправилась назад во времени. Мне не стоило спорить. Нужно было просто сказать: «Да, Нэн, как скажешь, Нэн». Но я бы никогда не позволила себе снисходительно давать предсмертное обещание, которое не смогу сдержать.

— Ладно, — сказала она наконец, обессиленно откинувшись на подушку. — Давай так: ты *попробуешь* вернуться. Получится или нет, возможно, решать не тебе. Но ты попытаешься.

Я всплеснула руками:

— Я даже не знаю, с чего начать!

— Мы над этим поработаем. Мне сегодня приснился сон… — Её голос затих. — Дай мне еще подумать. А пока пообещай, что попробуешь вернуться.

— В девятнадцатый век? Туда, где даже не знают, что такое ботулизм? Или пенициллин?

Её губы дрогнули:

— Это и впрямь твоя главная забота?

— О, у меня вагон забот. Это чертовски пугающе, Нэн.

— Но тебе там нравилось. — Она посмотрела мне прямо в глаза. — Ты нашла там свое место. Место, где тебе бросали вызов, и где ты была счастлива в окружении людей, которые радовали тебя, даже если их приходилось палкой заставлять мыть руки после вскрытия трупов.

Я промолчала, и она позволила тишине затянуться.

— Я никогда не брошу маму и папу, — прошептала я. — Представляешь? Мама теряет тебя, а тут еще и я исчезаю? Её единственный ребенок?

— Они уже думали, что потеряли тебя, Мэллори, — мягко произнесла она. — Врачи верили, что ты никогда не придешь в себя.

— И теперь мы скажем им, что я хочу уйти навсегда?

— Они любят тебя. Любят так сильно, что хотят лишь того, что хочешь ты. Того, что сделает тебя счастливой, какой бы ценой это им ни обошлось. — Она помолчала. — Могу я поговорить с ними?

— Нет, — отрезала я. — Я вернулась туда, где должна быть, где я хочу быть, и я никуда не уйду.

***

Нэн угасала на глазах. Мама постоянно о чем-то шепталась с врачами — в разговоры, к которым меня не допускали. Обсуждали, как ускорить неизбежное? Я знала, что Нэн рассматривала вариант эвтаназии, но когда финал наступил, всё произошло слишком быстро.

Не поздно ли что-то предпринять? Юридически — поздно… но не поздно ли для милосердия? Понятия не имею, какие здесь законы. Знаю только, что мне не нужно подслушивать, чтобы понять, о чем идет речь. И пока маленькая девочка внутри меня вопила, что хочет провести с Нэн каждую последнюю секунду, взрослая женщина соглашалась: если конец наступит быстрее, пока она еще в сознании и боль под контролем — это и будет высшим проявлением милосердия.

Мы с Нэн разговаривали, когда она приходила в себя. Она хотела знать больше о моей жизни в 1869 году. Больше не заикалась о моем уходе. Просто хотела слушать, и если это помогало ей отвлечься в последние дни — и давало нам общий последний секрет, — то это было величайшим благословением, о котором я могла просить.

Вечером, когда Нэн погрузилась в глубокий сон, я отправилась в нашу арендованную квартиру на Ройал-Серкус. Стоя у окна и глядя на тихую площадь, я вспомнила, как видела её в последний раз, прогуливаясь здесь с Айлой. Мы шли вдоль Уотер-оф-Лит — тем же путем, каким Флоренс Кинг бродила в ночь смерти сэра Аластера. Мы купили горячие пироги и шли домой, когда я узнала дом, в котором снимала жилье в будущем, и остановилась, чтобы показать его ей.

Я смотрела в окно и улыбалась, представляя нас там, прямо под этим выступом. А потом поняла, что в комнате не одна, и резко обернулась. Там стояла мама.

— Не слышала, как ты вошла, — сказала я.

Без лишних слов она подошла и обняла меня. Обняла крепко, и я уткнулась в её плечо.

— Я так тебя люблю, Мэл, — прошептала она, гладя меня по волосам. — Я хочу, чтобы ты была счастлива. Это всё, чего я когда-либо хотела.

Я напряглась.

— Нэн что-то сказала?

Она не ответила. Просто сжала меня еще сильнее, и я поняла: мой секрет больше не секрет. Верит ли она в это? Одно дело — Нэн, которая заявляла, что не верит в «дикий народ», но при этом старательно обходила грибные кольца. Но убедить мою мать, адвоката по уголовным делам? Это уровень «невыполнимо», и я не представляла, как Нэн вообще решилась на такой разговор. Но сейчас мама молчала. Она просто меня обнимала.

***

Смерть пришла за Нэн следующим утром. Когда мама с папой потащили меня в палату, я готова была поклясться, что видела Смерть, ждущую у занавесок, танцующих на ветру. И это был не Мрачный Жнец с косой, а Смерть из комиксов «Песочный человек», которыми я зачитывалась в подростковом возрасте: тихая, добрая и терпеливо ждущая, чтобы проводить мою бабушку на ту сторону.

Я думала, что буду выть и метаться в эти последние мгновения. Но Нэн была готова уйти, а я была готова её отпустить. Не готова вычеркнуть её из своей жизни, к этому невозможно подготовиться, но готова освободить её от её собственной.

Я была достаточно спокойна, чтобы настоять: мама должна первой сесть у её постели, на случай если конец наступит слишком внезапно. Мы с папой ждали за дверью, пока мама прощалась. Потом папа зашел к ним на пару минут.

Когда пришла моя очередь, я попросила родителей остаться. Они согласились, просто отошли в сторону, давая нам с Нэн побыть вдвоем.

Я сказала всё, что мечтала сказать с того момента, как решила, что шанс упущен. Поделилась самыми дорогими воспоминаниями о нашем времени вместе. Сказала ей, как она была важна для меня и как сильно я её люблю, и как жалею, что была слишком занята работой, чтобы приезжать чаще, чем на пару дней.

— Ты приехала, — прошептала она. — Это единственное, что имело значение. Дети вырастают и начинают свою жизнь, так и должно быть. Но ты звонила, ты писала, ты приехала, и я ни разу не пожелала большего.

Я обняла её. А потом она взяла меня за руку и сжала её с такой силой, какой я не ожидала — это меня поразило.

— Я верю, что у каждого есть место, где он должен быть, — сказала она. — Для меня это было здесь. Я родилась здесь, выросла, встретила твоего дедушку и никогда не уезжала. Я считала, что мне повезло родиться именно в той точке пространства. Место твоей матери оказалось за океаном, и это было больно, но я была так счастлива, что она его нашла. А потом мне осталось только ждать, когда ты найдешь свое. Ты думала, что нашла его раньше, но оно не совсем тебе подходило. Тебе нужно было найти место, которому ты принадлежишь целиком и полностью. Где ты смогла бы что-то изменить. И ты нашла. Просто никто не догадался бы искать его *там*.

Я хотела возразить, но она сжала мою ладонь крепче.

— Ты могла бы быть счастлива и здесь, Мэллори. И если придется — ты будешь. Но твое место — там, в прошлом. Ты думаешь, это была случайность, что ты оказалась в том времени и в том доме? Нет. Это Вселенная исправляла свою ошибку. Ты ушла туда, где ты должна быть.

Она потянулась ко мне, и я прильнула к ней; её хрупкие руки сомкнулись на моей шее.

— Ты найдешь дорогу назад, Мэллори. Я видела, что ты там совершишь, какую жизнь проживешь, и я несказанно за тебя рада.

Я обняла её еще раз и отстранилась, кивнув маме, чтобы та подошла ближе. Мы держали Нэн за руки, папа стоял позади, положив ладони нам на плечи. И через несколько вздохов Нэн тихо покинула этот мир.

***

Последние сутки были адом. Мама спланировала всё заранее — в этом вся она, — но это не отменяло бесконечного списка дел: похоронные хлопоты, оповещение знакомых, благодарности персоналу… когда всё, чего мне хотелось — это забиться в тихий угол и выплеснуть горе. Но стоило наступить затишью, как скорбь накрывала с такой силой, что я снова мечтала о какой-нибудь суете.

Всё, что можно было сделать, было сделано. Мама — единственный ребенок, так что нам не пришлось встречать ораву родственников. Семья и друзья Нэн жили неподалеку, похороны назначены через два дня.

Мы ехали обратно в квартиру по Принсес-стрит, когда мама свернула на парковку.

— Давайте перекусим.

Я хотела возразить. Был полдень, и я не смогла бы проглотить ни кусочка, даже будь я голодна. Но я всегда помнила: как бы я ни любила Нэн, мама понесла величайшую утрату, и если она хочет поесть, мы будем есть.

Папа промолчал. Он просто вышел из машины (на этот раз с пассажирского сиденья), взял куртку мамы, встряхнул её и помог ей одеться.

Нэн шутила, что мне пришлось пересечь время, чтобы найти мужчину, достойного меня. Но правда за этой шуткой была в том, что дело не в «достойном» мужчине, а в

поиске того, кто даст мне такую любовь, уважение и поддержку, к которым я привыкла, глядя на родителей. Они задали планку так высоко, что всё остальное казалось компромиссом, а я никогда в жизни не шла на компромиссы.

Я плелась позади, глядя, как они идут рука об руку; папа нес мамину сумочку, словно даже она сейчас была для неё непосильной ношей.

Мы были на южной стороне Принсес-стрит, и я изо всех сил старалась не думать о том, сколько раз я гуляла здесь с Греем и Айлой, Саймоном и Элис, и даже Эннис, которая притащила меня сюда две недели назад за покупками (Айла наотрез отказалась идти, и я быстро поняла почему). Шопинг с Эннис напоминал поход в ресторан с той самой подругой, которая вечно отсылает блюдо обратно на кухню. Она бы…

Я оборвала мысль. Хватит. Никаких воспоминаний.

Что «никаких»? Никаких воспоминаний? Я уже признала сама себе, что действительно совершила прыжок во времени, а значит, это не были сцены из сна. Неужели я собираюсь навсегда запереть их в ящик? Спрятать на полку в надежде, что забуду, куда их положила?

— Я бы хотела подняться наверх, — сказала мама.

Я вынырнула из своих мыслей и поняла, что она остановилась. Я проследила за её взглядом: над нами возвышалось готическое великолепие Монумента Скотта.

— Пойдем, — мама достала из кармана кредитку. — Я куплю билеты.

Мои колени словно одеревенели. Я посмотрела вверх и вспомнила прошлую весну: мы с Греем поднимались по этим ступеням в сумерках, сразу после нашего первого визита к Королеве Мэб.

— Мэллори? — мама даже не обернулась, просто махнула рукой, будто мне снова двенадцать, и я опять плетусь позади. — Мы идем наверх.

Я с трудом переставляла ноги — сначала к кассе, потом по ступеням. Я слышала их лязг под подошвами, и вот я уже в 1869-м, теплой июньской ночью…

Нет. Хватит.

Я взяла себя в руки и продолжила подъем, сосредоточившись на всем, что вопило о двадцать первом веке. Гудки машин. Трамваи, дребезжащие посреди дороги. Туристические автобусы и толпы туристов. Столько туристов.

Оставайся в этом времени. Не давай мыслям блуждать. Не вспоминай. Не расклеивайся.

Когда мы добрались до смотровой площадки, я замерла у ступеней, но мама потянула меня к перилам. Затем, когда папа встал с другой стороны от меня, мама прошептала:

— Я знаю, где ты была.

Я резко повернулась к ней.

— Нэн нам всё рассказала. Она взяла с нас обещание не упоминать об этом, пока… — Её голос дрогнул, но она откашлялась. — Пока она не уйдет. Так было лучше. Я хотела сосредоточиться на ней, да и мне самой нужно было время, чтобы… переварить это. Этим я и занималась: обдумывала, сопоставляла факты и пыталась осознать случившееся.

— Тебе не нужно этого делать, — сказала я, возможно, слишком резко. — Всё кончено, и нам незачем об этом говорить.

— Нам незачем говорить о чем-то, что так сильно на тебя повлияло?

— Я бы предпочла не обсуждать это.

Она замолчала. Папа взял меня за руку, сжал её и не отпускал. Мы смотрели на город.

Через минуту мама произнесла:

— Каждый раз, когда мы проезжаем мимо этого монумента, ты смотришь на него, и твое лицо… У меня сердце разрывается.

Я напряглась.

— Нам правда не стоит обсуждать…

— Ты была здесь, тогда. Расскажи мне об этом.

Я промолчала, лишь сжала челюсти, игнорируя ком в горле, и продолжила смотреть вдаль.

— Мэллори? Просто… поговори со мной.

Я качнула головой.

— Можем мы не делать этого? Пожалуйста. Ты же не веришь, что я на самом деле путешествовала во времени. Не надо мне потакать. Прошу тебя.

Мама положила ладонь на мою руку, сжимающую перила.

— Но я верю. Я обязана верить.

Папа пробормотал:

— «Когда вы исключите невозможное, то, что останется, даже если оно невероятно, и будет правдой».

При этой цитате из Шерлока Холмса мои глаза наполнились слезами, но мне удалось ему улыбнуться.

— Пап, я почти уверена, что путешествия во времени — это само определение «невозможного».

— М-м, некоторые очень умные люди с этим бы не согласились. Люди куда умнее меня.

Я прислонилась к его плечу и, прежде чем успела себя остановить, выпалила:

— Я как-то раз назвала доктора Грея «консультирующим детективом», и теперь он вовсю пользуется этим титулом. Чувствую, что задолжала сэру Артуру Конан Дойлу огромные извинения.

Папа обнял меня за плечи и усмехнулся:

— Консультирующий детектив, значит?

Я напряглась, осознав, что ляпнула лишнего. Мне хотелось забрать слова назад, притвориться, что я пошутила или выставить всё как сон. Но я оставила всё как есть. Я прислушивалась к их дыханию, пытаясь понять: не скрывают ли они за этим спокойствием дикую тревогу от того, что их дочь, похоже, действительно верит в свои странствия по прошлому?

Будто прочитав мои мысли, папа наклонился и шепнул:

— Мы верим тебе, милая. — И слезы всё-таки брызнули из моих глаз, пока я прижималась к его плечу.

Мама крепче сжала мою руку.

— А теперь расскажи: что здесь произошло?

Когда я не ответила, она добавила мягкое: «Пожалуйста». А затем: «Мы правда хотим знать. Здесь ведь что-то случилось…»

— Ничего плохого, — ответила я наконец. — Ничего такого уж масштабного. Дункан… доктор Грей, это тот самый…

— Ученый, на которого ты работала, — мама едва заметно улыбнулась. — В качестве горничной.

— Худшей горничной в мире. Ну, на самом деле я была не так уж плоха — спасибо родителям, которые заставили меня в свое время подрабатывать уборкой домов у пенсионеров.

— Разве я не говорила, что ты когда-нибудь скажешь мне за это спасибо?

Я закатила глаза.

— Так ты была здесь с доктором Греем…? — подтолкнула она меня к продолжению.

— Мы проходили мимо, и я сказала, что всегда хотела подняться сюда ночью. И он меня привел. Было поздно, тихо и…

Я посмотрела на город и пожала плечами, не находя слов. Нет, это была ложь. Слова нашлись бы. *Особенный. Волшебный. Чарующий.* Но я такими словами обычно не разбрасываюсь.

— Было здорово, — сказала я наконец. — Мы говорили о том, как этот вид изменится в моем времени, а потом о… — Горло перехватило. — О том, что я хочу вернуться домой. Ему было тяжело это слышать, знать, что я уйду при первой же возможности. Он только-только привык к тому, что я его ассистентка, и всё же понимал: если у меня будет шанс вернуться, я за него вцеплюсь. Я сказала, что это не значит, будто мне там плохо. Просто… у меня была жизнь здесь, и, возможно, всё было бы проще, если бы…

Я глубоко вздохнула.

— Проще, если бы у меня не было такой потрясающей семьи, к которой я хотела вернуться.

Папа крепче прижал меня к себе.

Я продолжала:

— Дункан сказал, что никогда бы не пожелал мне жизни похуже.

— И что потом? — спросил папа.

— Ну, а потом внизу кто-то заорал: «Убийство!», что вкрай испортило весь момент.

Папа притянул меня к себе и поцеловал в макушку.

— В этом я даже не сомневаюсь.

Мы стояли там: рука мамы на моей, голова на плече у папы. Я мельком глянула на маму — она наблюдала за мной. Но она ничего не сказала, и мы просто стояли в мирной тишине. Вместе.

Келли Армстронг – Тревожа мертвых
Kelley Armstrong - Disturbing the Dead

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Похороны прошли идеально, разумеется, ведь за дело взялась мама. Это означало не только проработку каждой мелочи, но и то, что она в точности исполнила волю Нэн. В итоге получились шотландские похороны, больше похожие на ирландские поминки: с морем смеха, реками виски и бесконечной вереницей людей, твердивших мне, какой чудесной женщиной была моя бабушка.

На следующий день я сидела в арендованной квартире, пытаясь разгрести рабочую почту, но мысли то и дело возвращались к «делу о мумии». Я твердила себе: это больше не моя забота. Дело давно раскрыто (технически — в прошлом), и я обещала Нэн ничего не искать о том времени.

Я старалась не накручивать себя. Нашла ли она в своих изысканиях что-то такое, чего мне не следовало видеть? Если да, то могу ли я это изменить? Стоит ли мне вообще туда соваться?

Нет, чутье подсказывало: не надо ничего вынюхивать ни о людях, ни о событиях той эпохи. Хотя бы ради того, чтобы не узнать лишнего — будь то хорошее или плохое. К тому же я помнила последние слова Нэн:

«Я видела, что ты там совершишь, какую жизнь проживешь, и я несказанно за тебя рада».

Это ведь добрый знак, верно? Хотя, конечно, мне безумно интересно, что именно она увидела…

— Мэллори! — позвала мама из гостиной. — Чай?

Я вышла и обнаружила накрытый стол. Мы уселись в крошечной обеденной зоне — я и родители — и принялись за сконы с густыми сливками и джемом. Классический британский «пятичасовой чай», хотя он и близко не стоял к тому, что подавала миссис Уоллес на Роберт-стрит.

Я хотела было это озвучить, но мы не обсуждали мой «круиз» с того самого дня у монумента, и я решила, что это неспроста. Родители дали понять, что верят мне, и мы двинулись дальше; им явно было некомфортно снова поднимать эту тему.

— Я всё думаю о твоей бабушке, — начала мама. — То есть, это и так понятно, но я об одном конкретном моменте. О том, как я сказала ей, что остаюсь в Канаде. Я так долго мучилась этим решением. Я…

Она взглянула на отца, потом снова на меня.

— Я чуть было не порвала с твоим папой, потому что не могла заставить себя сказать матери, что её единственный ребенок уезжает за океан навсегда.

Она взяла папу за руку.

— Это стало бы величайшей ошибкой в моей жизни, но это показывает, как сильно я переживала. Твоя Нэн была разочарована, это очевидно. Она надеялась, что мы вместе переедем в Шотландию. Но корни твоего отца были в Канаде, мои новые корни тоже, там были возможности, там я хотела быть. И именно это имело для неё значение — то, что я нашла свое место. Были телефоны, были самолеты, мы знали, что всё будет в порядке.

Мама поерзала на стуле.

— Но это навело меня на мысли о том, каково было семьям в прошлом. Когда прадедушка и прабабушка твоего отца эмигрировали в Канаду, это было навсегда. Ни телефонов, ни самолетов, ни денег на месячный вояж на пароходе. Люди уезжали и больше никогда не видели своих родных. Вся связь — только письмами. Я не

представляла, каково это для родителей. Но теперь, когда у меня есть собственная дочь, я, кажется, понимаю. Мы хотим для тебя того же, чего моя мать хотела для меня: чтобы наш ребенок был счастлив и волен искать свою радость. Мы больше не растим детей для того, чтобы они присматривали за нами в старости. Мы растим их, чтобы они летали сами. Чтобы парили, если смогут.

Её глаза встретились с моими; в них блестели слезы, которые она быстро смахнула.

— Что бы держало тебя здесь, Мэллори? Что бы помешало тебе вернуться в 1869-й?

— Я не могу вернуться…

Она подняла руку, прерывая меня.

— Представь, что могла бы. Считай это мысленным экспериментом. Осталась бы ты здесь ради работы?

Я качнула головой.

— Ради друзей? Я знаю, их у тебя много, но я также знаю, что с по-настоящему близкими подругами детства ты почти не общаешься. Осталась бы ради них?

Снова «нет».

— Тогда представь, что ты можешь выйти в ту дверь, — она указала на вход, — и оказаться в 1869 году. Ты бы это сделала?

— Нет.

— Из-за нас.

Я отстранилась.

— Нет, просто… там много факторов. Это не мой мир и…

— А если бы ты могла выйти в ту дверь, но время от времени возвращалась бы сюда, и мы были бы здесь? Ты бы ушла тогда? — Её взгляд впился в мой. — Ответь честно, Мэллори. Ты бы ушла?

Горло перехватило, но я кивнула.

— Значит, мы — единственное, что тебя держит, — произнесла она с такой решительностью, будто подводила итог в финальной речи перед присяжными. Когда я попыталась возразить, она продолжила: — Твой доктор Грей не стал бы тебя держать, верно? Если бы он сидел здесь, а та дверь вела бы в двадцать первый век, он бы сказал тебе идти, потому что ты этого хочешь.

Я не ответила.

— Ты можешь сказать, что он просто не хотел терять ценную ассистентку, но дело не в этом. Совсем не в этом. И всё же, если бы путь открылся, он бы велел тебе уходить. Зная, что никогда больше тебя не увидит, он бы этого пожелал, потому что не стал бы тебя связывать. Твое счастье для него важнее, чем любая радость, которую ты могла бы ему принести.

Её взгляд снова скрестился с моим.

— С нами то же самое, Мэллори. Мы растили тебя для полета. И мы хотим видеть, как ты паришь… даже если это значит, что ты оставишь нас позади.

Я люблю своих родителей за эти слова. Потом было много слез. Всё это лишь гипотезы, никакой «двери» для меня не существует, но мне было важно знать, что они отпускают меня, даже понимая, что я могу никогда не вернуться.

Когда слезы высохли, а чай закончился, я сказала:

— Мне пора позвонить сержанту. Нужно обсудить мое возвращение на службу.

— Не торопись, — папа начал собирать чашки. — Сначала нам нужно попробовать вернуть тебя в 1869-й.

Я уставилась на него, уверенная, что он шутит. Хотя внутри всё сжалось от мысли, что это была бы очень жестокая шутка, а папа никогда не бывает жестоким.

Мама поморщилась и вздохнула.

— Не давай ей ложных надежд, Глен. — Она повернулась ко мне: — Твоей бабушке перед смертью снились сны о тебе и о том, как ты совершила переход. Она оставила для тебя видео. Посмотришь его.

— С инструкцией по телепортации, которая явилась ей во сне? — скептически уточнила я.

— Ну да, — мама закатила глаза. — Вообще-то я просто хочу, чтобы ты знала: если это когда-нибудь случится, по любой причине, и ты окажешься в девятнадцатом веке… — Она замолчала и глубоко вздохнула. — Я хочу, чтобы этот разговор у нас уже состоялся. Если ты исчезнешь или снова впадешь в кому, мы будем знать, где ты, и даем тебе свое благословение остаться там. И еще… — Она встала. — Я хочу, чтобы у нас был способ связи.

— Э-э…

— Ты будешь давать частные объявления в газетах.

Папа добавил:

— Судя по викторианским романам, «личные колонки» были самым распространенным способом тайной переписки.

— И мне нужно знать твое имя в том мире, — сказала мама, — а также любую информацию, которую ты можешь предоставить.

— Ну, кто-то вовсю строчит хроники наших дел, — вспомнила я. — Можете просто их почитать… если не боитесь увидеть свою дочь в образе смазливой и пустоголовой ассистентки фокусника.

Мама вскинула брови.

Я вздохнула:

— Мы как раз собирались прикрыть эту лавочку. Уверена, в наши дни от них и следа не осталось. Это были просто грошовые серийные рассказы. «Таинственные приключения…»

— «Серого Доктора»? — подхватил папа.

Теперь уже мои брови взлетели до небес.

— Твоя Нэн нашла упоминание о них, — пояснил папа, — в связи с доктором Греем. Ей не удалось найти сами тексты онлайн. Я поищу по своим каналам. Возможно, что-то сохранилось в академических архивах или частных коллекциях.

Меня передернуло.

— Надеюсь, что нет. Там я только и делаю, что восторгаюсь гениальностью Дункана и нагибаюсь рассмотреть несуществующие улики, чисто чтобы автор мог растечься мыслью по древу по поводу моей задницы.

— Твоей чего? — переспросила мама.

— Катриона — блондинка с пышными формами и очень недурным лицом. — Я снова вздохнула. — Это то еще испытание. Хотя по-своему полезно. — Я резко вскинула голову. — Интересно, что сталось с ней самой. Я думала, она могла переместиться в мое тело, но, похоже, этого не случилось.

Мама пожала плечами.

— Если и переместилась, то к твоему пробуждению её уже не было.

— Там была еще одна пациентка в коме, — задумчиво произнес папа. — Странная история. Она очнулась и… — Он махнул рукой. — Впрочем, это не поможет вернуть тебя в прошлое. Но те авантюрные книжонки я обязательно найду. Чисто поржать.

— Вот именно, — сказала я. — Ты увидишь, как твоя дочь неуклюже копошится, пока её босс меняет историю.

— Как минимум в той части, где он встретил мою дочь.

Я нахмурилась.

— Это проблема? Всё это — проблема? Все те изменения, которые я могла спровоцировать? Чертов «эффект бабочки»?

— Ну, согласно последним теориям квантовой физики, изменение одной детали в прошлом не вызывает бесконечных разветвлений в нашем времени. Так что тут ты в безопасности.

— Но как это работает? — не унималась я. — Там прошло шесть месяцев, а здесь — два дня. Это наводит на мысль о раздельных вселенных. Это одна временная линия? Или параллельные, которые накладываются друг на друга? — Я потерла виски. — От этих мыслей голова раскалывается.

— Послушай, я не квантовый физик и не философ, — ответил папа. — Поэтому даже пытаться не буду ответить на этот вопрос.

— На меня не смотри, — добавила мама. — Я вижу здесь столько лазеек и нестыковок, что мой адвокатский мозг готов взорваться.

— То, *как* это работает, неважно, — отрезал папа. — Важно то, что это *работает*. По крайней мере, для тебя. А теперь тебе стоит посмотреть видео Нэн.

— Только не обольщайся, — предупредила мама. — Она была под сильными лекарствами.

Папа посмотрел на меня:

— Твоя мама умалчивает о том, что у Нэн и раньше бывали вещие сны.

Мама фыркнула:

— Если под «вещими» ты имеешь в виду случаи, когда ей снилось, что я приехала без предупреждения, и я действительно приезжала… месяц спустя.

— Твоя бабушка верила, что в ней есть «искра», — продолжал папа. — И она думает, что именно это объясняет твой переход.

— Слишком много лекарств, — пробормотала мама. — И не забывай, что её молодость пришлась на шестидесятые: наркотики, мистицизм и вся эта контркультурная чушь…

Папа перебил её:

— Твоя Нэн также верила, что, находясь на пороге перехода в иную жизнь, её сны, а они были необычайно яркими, обретают смысл. Что она видит сквозь завесу.

Мама продолжала ворчать себе под нос. Она никогда не жаловала эксцентричные убеждения бабушки, и когда я была маленькой, она заставляла папу отводить меня в сторонку, чтобы объяснить роль суеверий и фольклора в жизни людей. Но на этот раз она лишь повторила:

— Я просто не хочу, чтобы ты зря надеялась.

— Если я останусь здесь, со мной всё будет в порядке, мам. Я рассчитываю остаться, и это нормально. — Мне удалось произнести это почти убедительно. — Но я согласна насчет личных объявлений. На случай, если это всё же произойдет.

***

Мне потребовалось время, чтобы заставить себя досмотреть видео до конца. Черт, мне потребовалось время, чтобы просто осознать услышанное. Я видела Нэн, слышала её голос, горе накрывало меня с головы, и слова просто не задерживались в мозгу. Но, в конце концов, я смогла сосредоточиться на её теории моего возвращения.

Будет ли честным сказать, что я разочарована?

Я борюсь с самой мыслью о возвращении. Борюсь с желанием вернуться. Полгода я твердила себе, что моя жизнь — здесь. Рационально иметь план на случай, если я провалюсь назад случайно. Но ставить это целью?

Думаю, в глубине души мне нравится отсутствие выбора, так мне не приходится его делать. Но если копнуть еще глубже? Когда я думаю о том, что никогда не вернусь? Никогда не увижу тот мир и тех людей? Меня охватывает паника. Поэтому, когда Нэн говорит, что знает способ, одна часть меня содрогается от страха… а другая, более глубокая, трепещет от надежды. А потом я слышу её план.

Я ждала от неё магии. Какого-то особого ритуала. Я бы согласилась даже на очевидный вариант: пусть кто-нибудь придушит меня до беспамятства. Но то, что она предложила, было слишком похоже на все те неудачные попытки, которыми я пыталась вернуть себя в этот мир.

Весь её план? Отправиться к особняку Грея. Вернуться на Роберт-стрит, 12, войти внутрь, и тогда «завеса», как она её называет, истончится, и я смогу шагнуть сквозь неё.

Я ценю, что она сделала это для меня напоследок. И я чертовски рада, что она велела маме не давать мне видео до её смерти, так мне не пришлось говорить ей в лицо, что это не сработает.

Когда видео закончилось, вошла мама.

— Я надеялась на что-то более креативное, — сказала я. — Учитывая все эти лекарства.

Мама подавила смешок и обняла меня.

— Я знаю.

— Даже если допустить, что это сработает, — продолжала я, — как мне это провернуть? Постучаться к незнакомцам и попроситься войти?

Мама замолчала. Когда я подняла на неё взгляд, она произнесла:

— Этот особняк сдается в аренду. Очень дорогое отпускное жилье. Семья, которая снимает его сейчас, съезжает завтра утром. Появилось «окно».

Мое сердце екнуло от надежды, но я тут же отогнала её резким кивком.

— Это не сработает, мам.

— Скорее всего. Но я его забронировала. Как минимум ты сможешь показать нам, где жила эти шесть месяцев, и мы проведем чудесную ночь в шикарном доме. — Она похлопала меня по плечу. — А теперь иди к отцу: он составил список газет и инструкцию, как лучше составить викторианское частное объявление.

Мне хотелось сказать, что это бесполезно. Хотелось рухнуть в кресло и утонуть в горе по Нэн, в разочаровании от её «решения» и в чувстве вины за это самое

разочарование. Вместо этого я просто сказала: «Спасибо», и поцеловала маму в щеку. Она снова обняла меня, а затем добавила:

— После урока по объявлениям я хочу, чтобы ты рассказала мне о своем последнем деле с мумией. Посмотрим, сможем ли мы раскрыть его вместе.

***

Той ночью мы действительно обсуждали дело о мумии. Мы с мамой перебирали версии, пока не заметили, что папа уткнулся в свой телефон.

— Уже скучно? — спросила я. — Я думала, ты любишь детективы.

— Не уверена, что он их действительно любит, — вставила мама, — учитывая, что он всегда пролистывает до конца.

— Что?! — возмутилась я. — Серьезно, пап?

Он выглядел оскорбленным.

— Я потом возвращаюсь и дочитываю. Я заглядываю в конец, только чтобы проверить свою версию.

— Это всё равно читерство. — Я посмотрела на телефон в его руке. — Погоди. Ты пытался заглянуть в конец? Узнать, было ли раскрыто преступление?

— Возможно.

— И ты нашел его в сети?

— Это уникальный случай. В свое время он наделал много шума в прессе.

— Ну и «кто убийца»? — спросила я.

— А кто это тут у нас пытается пролистнуть до финала? — усмехнулся он, убирая телефон в карман.

Я потянулась за своим телефоном, но папа его перехватил.

— Никаких спойлеров. Твоя Нэн не хотела, чтобы ты что-то вынюхивала о своей жизни там. А что касается того, кого осудили — это будет спойлером только в том случае, если этот человек действительно совершил преступление.

— Так кто это был?

Он помедлила, а затем произнес:

— Селим Авад был осужден за убийство своего зятя и юной ассистентки доктора Грея, которую он задушил в туннеле. Неделю спустя она скончалась от полученных травм.

Воздух застрял у меня в легких.

— Меня. Его осудили за мое убийство, из-за чего он автоматически стал выглядеть и убийцей сэра Аластера.

Папа кивнул.

— Экономка дала показания, что вы вдвоем отправились в туннель, услышав, что Селим крал артефакты у своего зятя.

Миссис Уоллес дала показания. Значит, она выжила.

Отец продолжал:

— Её вырубили, а тебя задушили. Хотя она не видела нападавшего, лорд Мьюир «заметил» мистера Авада, убегающего с места преступления.

— То есть лорда Мьюира, который на самом деле меня и душил.

— Он подставил Селима Авада, — пробормотала мама. — Начав с того вброса, который ты подслушала на рынке.

Я посмотрела на неё и поморщилась.

— Ну конечно. Было странно, что торговец на рынке так много знал о том, кто поставляет артефакты. Ему скормили историю, которая в случае чего вывела бы на Селима. Так что случилось с Селимом…? — Я осеклась.

Я знала, что ждало Селима Авада. Что ждало всех осужденных убийц в то время. Петля палача.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Мы так и не раскрыли тайну смерти сэра Аластера. О да, лорд Мьюир возглавлял список подозреваемых, но это я поняла еще в тот миг, когда увидела, кто именно меня душит… точно так же, как был задушен сэр Аластер, вплоть до колена, прижатого к спине.

Вот только у Мьюира было железное алиби, которое МакКриди лично проверил. Я всё еще подозревала, что он подставил Селима, но это нужно было доказать. Других явных кандидатов на роль убийцы не было. Мама пришла в восторг от связи дела с «Эдинбургской семеркой» и вовсю фанатела от того, что я познакомилась с Софией Джекс-Блейк, но единственной ниточкой, связывавшей студенток с убийством, было то, что лорд Мьюир, похоже, использовал сэра Аластера, дабы выступать против них.

Я не стану говорить, что судьба Селима дала мне повод вернуться в девятнадцатый век. Если мне предстоит сделать выбор, я должна сделать его сама, а не идти трусливым путем, выставляя себя мученицей, принесшей в жертву свое место в мире ради спасения почти незнакомого человека. Я должна вернуться ради самой себя, как бы больно мне ни было даже думать о том, что я оставлю родителей.

Но это вряд ли случится просто оттого, что я переступлю порог дома двенадцать по Роберт-стрит. Тем не менее, мы решили попробовать, и на следующий день мы уже шли по тротуару, таща за собой чемоданы.

Идти по Роберт-стрит было физически больно. Я не могла не думать о тех бесчисленных разах, когда ходила здесь с Греем и Айлой, с Саймоном или Элис, отправляясь по делам. Если полузакрыть глаза, я могла представить, что я с ними… пока грохот проезжающей мимо машины не разбивал иллюзию вдребезги.

У дома нас никто не встретил. Только мы и сейф с кодовым замком для ключей. Я толкнула знакомую дверь; в лицо ударили чужие запахи, и мне захотелось отшатнуться.

Это был не дом Грея и Айлы. Это было стерильное жилье под сдачу, пропахшее полиролью для пола и дезинфекцией. Похоже на семейный дом после того, как из него всё вывезли и вылизали для новых жильцов, честно говоря, я бы предпочла голые стены и пустые комнаты. Здесь же всё было обставлено мебелью: дорогой скандинавский стиль, эдакая «Икеа» для одного процента избранных. Обычно минимализм в декоре отвечает моим вкусам, но здесь, в этом величественном старом особняке, от него меня бросало в дрожь.

Сколько раз я ворчала на агрессивный викторианский декор, буквально бьющий по глазам? Но в том нагромождении цветов и стилей было тепло и жизнь — совсем как в пять лет, когда я настояла на фиолетовой спальне с кроватью для принцессы и постерами с единорогами и радугами. Я обожала ту комнату, и я обожаю своих родителей за то, что они дали мне её, ни разу не спросив: «Ты уверена?».

Оставляя сумки в прихожей, я напомнила родителям о той старой фиолетовой спальне, о том, как я её ценила, и сказала, что она напоминает мне особняк Грея.

— Газовое освещение помогало, — заметила я. — Видно было не так отчетливо, так что цвета не слепили окончательно. Я всё время представляю тот день, когда в мир придет электричество, и люди поймут, насколько аляпистыми были эти золотисто-алые обои.

— Или им будет всё равно, — отозвалась мама. — Помнишь дом тети Лиллиан?

— Помню, — улыбнулась я.

Келли Армстронг – Тревожа мертвых
Kelley Armstrong - Disturbing the Dead

Мы вошли через парадную дверь; планировка комнат на этом уровне осталась прежней. Я провела родителей в помещение, которое когда-то было «похоронным залом», и прочла им минилекцию о похоронном деле в девятнадцатом веке. Они слушали так же терпеливо, как когда-то за ужином, когда я изводила их всякими странными фактами, вычитанными в школе.

Похоронный зал переделали в спальни, и я невольно улыбнулась, подумав о людях, засыпающих в уютных кроватках там, где Аддингтон проводил вскрытия, а Грей препарировал трупы. Просыпаются ли гости от приглушенного шлепка — звука органа, падающего в чашу? Слышат ли они далекий голос, вопрошающий: «Хью, подержи-ка эту отрубленную конечность»?

Затем я спустилась в подвал. То, что раньше было владениями миссис Уоллес — кухни и её жилые комнаты — теперь стало детским блоком с двумя маленькими спальнями и игровой с телевизором и приставками.

Потом мы поднялись на два пролета — на второй уровень (или, по-британски, на *first floor*). Здесь изменений было меньше всего. Комнаты остались целыми и даже сохранили свои функции: от столовой до библиотеки. Единственное отличие — гостиную разделили, втиснув крошечную ванную и кухню, которая была даже меньше, чем в моей квартире. Полагаю, если ты можешь позволить себе аренду этого места, готовить ты не планируешь.

Мы зашли в библиотеку, и я провела рукой по встроенному книжному шкафу.

— Эти полки оригинальные. Тогда вот здесь стояла беллетристика. А тут — медицина…

На лестнице в отдалении послышался топот, и я резко обернулась.

— Мэллори? — позвала мама.

— Здесь кто-то есть. — Я прислушалась к шагам над головой. — Может, уборщики еще не закончили?

— Я… я ничего не слышу, Мэл, — ответила мама.

Топот прекратился, скрипнула дверь.

— Вот, — сказала я, глядя вверх. — Вы не могли этого не слышать.

Они обменялись взглядами.

— Нет, милая, — мягко сказал папа. — Что именно ты слышишь?

Шаги на лестнице. Кто-то бежит наверх в… в мягких домашних туфлях, легкой походкой. Это Алиса несется на следующий этаж, а затем открывает дверь.

Мой разум играет со мной в прятки, воспроизводя звуки, которые я слышала так часто, что теперь не могу пройти по этому дому, не воображая их. Топот Алисы. Окрик миссис Уоллес, распекающей меня за что-то. Смех МакКриди и ответная колкость Айлы. А затем — тяжелые шаги: Грей меряет комнату шагами, погруженный в раздумья.

— Пойдем на верхний этаж, — сказала я, пожалуй, слишком бодро. — Хочу показать, где была моя комната.

— Думаю, нам стоит пойти туда, где ты что-то слышала, — предложил папа.

Я поморщилась.

— Это воображение. Всё из-за Алисы. Она вечно носится как угорелая. Айла купила ей мягкие туфли, но, клянусь, они всё равно гулко топают, прямо как мои ковбойские сапоги. Помните их?

— Мы идем на следующий этаж, — отрезала мама и направилась к лестнице прежде, чем я успела её остановить.

Пока мы поднимались, я продолжала болтать тоном экскурсовода, стараясь говорить как можно больше:

— Это просто уровень со спальнями. Сначала комната Дункана, напротив, через холл — комната Айлы, а дальше по коридору — еще две поменьше. Думаю, они занимают те, что были комнатами родителей, а остальные предназначались для детей.

Я вышла в холл, указывая сначала налево:

— Это комната Дункана, а…

Бежевая краска на стенах словно поплыла, за ней проступили золотистые дамастовые обои. Я тряхнула головой, и обои исчезли.

— Мэллори? — позвала мама.

— Здесь что, всё покрашено в этот тошнотворный «бежевый от застройщика»? — спросила я, стараясь унять дрожь, и толкнула дверь в комнату Грея. — И…

У камина стоял письменный стол; бумаги и книги Грея были разбросаны повсюду, сползая на пол.

Я с силой захлопнула дверь, сердце колотилось как сумасшедшее, но образ остался выжженным на сетчатке.

Когда я подняла взгляд, свет замерцал. Газовый рожок в латунном креплении на стене.

— Мэл? — теперь это был папа, его рука сжала мой локоть. — Расскажи нам, что ты видишь.

Я покачала головой.

— Пожалуйста, Мэллори, — понизил он голос.

Я помедлила. А затем выложила всё. Рассказала, что видела комнату Грея, что здесь, в холле, горят газовые рожки, а под бежевой краской мерцают обои.

Шум в комнате дальше по коридору заставил меня подпрыгнуть.

— Мэллори? — спросила мама.

Я не ответила. Я просто пошла вперед. Послышался скрежет и звон, будто кто-то поднимал что-то упавшее. А затем голос. Низкий рокот голоса, от которого по коже побежали мурашки.

Голос Грея.

Я шла как в трансе. Пальцы сомкнулись на ручке двери одной из гостевых комнат. Той самой, в которой я очнулась шесть месяцев назад. Под пальцами ручка ощущалась гладкой и современной, но когда я посмотрела вниз — это была старинная латунь с ключом в скважине.

Я толкнула дверь. Внутри царил полумрак. Ни ламп, ни свечей. Только одно окно, за которым угасал свет. Белые хлопья бились в стекло и медленно сползали вниз.

— Снег идет, — прошептала я. — Идет снег.

Я вошла внутрь, завороженная снегопадом. Сделала три шага, и глубокий вздох заставил меня обернуться. Там стояла кровать. Та самая кровать, в которой я очнулась… и в ней лежала я.

То есть в ней лежала Катриона, натянув простыню до самого подбородка. Бледная, она лежала прямо на спине. Сквозь ткань было видно, что её руки сложены на животе, словно её уже подготовили к погребению. И только едва заметное движение грудной клетки говорило о том, что она жива.

Рядом с ней в полумраке просто сидит Грей и смотрит на неё. Смотрит на меня.

Я могла бы убедить себя, что вижу сцену из прошлого мая. Но я знаю, что это не так. Грей заходил проведывать Катриону, но он бы не стал вот так сидеть с ней. И тогда не было снега.

Грей шевельнулся, поджимая свои длинные ноги, и провел рукой по волосам.

— Дункан, — позвала я, не в силах сдержаться.

Я повторила его имя, делая шаг к нему, и он резко вскинул голову. Он всмотрелся в мою сторону, будто что-то услышал, но его взгляд не мог на мне сфокусироваться.

Мама положила руку мне на предплечье, заставив подпрыгнуть.

— Что ты видишь? — прошептала она.

— Себя. Катриону. Ну, то есть меня. В постели. На улице идет снег, уже темнеет, а Дункан сидит рядом с кроватью.

— Значит, мама была права, — вздохнула она. — Как всегда.

Я оглянулась. Папа тоже зашел в комнату и осматривался. Когда я смотрела на них, я видела то же, что и они — обычную гостевую спальню. Но стоило мне отвести взгляд, как «та» комната возвращалась.

— Ты видишь сквозь завесу, — пробормотал папа. — Прямо как Нэн и предсказывала. В этом и был ключ. Оказаться в том же месте, где ты находишься «там».

Я не знала, что на это сказать. Мысли путались. Я просто смотрела на Грея. Я думала, что потеряла его навсегда, а теперь он здесь, протяни руку. И в то же время — нет. Между нами лежат сто пятьдесят лет, непреодолимая пропасть.

— Ты говорила, что в твоей комнате есть шатающаяся половица, — вдруг сказала мама.

Я вздрогнула от резкой смены темы.

— Что?

— Ты упоминала про половицу. Тебе нужно прятать под неё письма, а мы будем снимать этот дом и проверять тайник. Но всё равно давай объявления в газетах, на всякий случай.

Я уставилась на неё. Она была спокойна. Слишком спокойна, словно отправляла меня в летний лагерь и напоминала не забывать писать имейлы и присылать открытки.

— Я… я не могу просто так… — Я снова посмотрела на Грея.

— О, я думаю, ты сможешь, Мэллори. — Она поцеловала меня в щеку. — Я думаю, ты способна на всё, что задумаешь. — Она выпрямилась. — Так где твоя комната и эта половица?

— Я пока…

Её рука на моем плече остановила меня.

— Ты никуда не пойдешь, на всякий случай. Просто скажи, где искать доску.

Я объяснила. Папа прошептал, что скоро вернется. Через пару минут он зашел обратно с улыбкой, которая выглядела немного натянутой.

— Наверху мало что изменилось, — сказал он. — Та спальня сейчас пустует. Полы перестелили, но та самая доска всё еще шатается. Почти так, будто ей *положено* шататься.

— Ну что ж, — мама расправила плечи. — Пора проверить, сработает ли это.

— Как? — выдохнула я. — Я не могу просто… Это же не дверь, в которую можно войти.

— Нет? Ну, попытка — не пытка.

Когда меня накрыла волна паники, именно папа притянул меня к себе и обнял.

— У тебя всё получится, милая, — сказал он. — Мы справимся.

Я открыла рот, чтобы возразить. Но он был прав. Они справятся без меня. Они вырастили меня и выпустили в мир еще десять лет назад. Мы можем жить в часе езды друг от друга, но это не значит, что мы видимся каждый день или даже каждую неделю. Как бы близки мы ни были, сейчас эта близость больше живет в наших сердцах и мыслях. Есть звонки, есть эсэмэски, но я живу своей жизнью, а они — своей. Я больше не являюсь той жизненно важной частью их будней, какой была, когда мы жили под одной крышей.

Они есть друг у друга, и с ними всё будет в порядке.

Значит, они правы? Пришло время мне следовать за своей мечтой? Мне казалось, я занималась этим с тех пор, как уехала из дома, но на самом деле я не за мечтами гналась. Я преследовала цели.

Чего я хочу на самом деле?

Всего. Я хочу ту чертову магическую дверь, чтобы приходить и уходить, когда вздумается. Жить в викторианской Шотландии 1869 года и всё равно иметь возможность навещать родителей, а если там что-то не срастется — вернуться домой.

Я хочу страховочную сетку, но этот вариант не предусмотрен.

Так останусь ли я там, где безопасно? Или всё-таки прыгну, зная, что оставляю здесь часть себя?

— Ты этого хочешь, — сказала мама, взяв мое лицо в ладони и заглядывая мне в глаза. — И не смей притворяться, что это не так. Ты этого хочешь, и мы хотим, чтобы ты это получила.

Я бросилась к ней в объятия. Они оба обнимали меня, и мы стояли так какое-то время — совсем как у постели Нэн. Если я перейду — сейчас или когда-либо еще — я могу никогда больше их не увидеть, а мне так много нужно им сказать.

Я говорила, как сильно их люблю и как мне будет больно. Они говорили, как гордятся мной, как рады, что я нашла свое место в мире, как сильно будут скучать и как будут ждать весточек.

Мама, будучи мамой, не забыла и о практической стороне. Они предполагают, что я снова впаду в кому, и обещают позаботиться о моем теле, ведь кто знает, что случится, если «отключить питание», хотя вслух она этого, конечно, не произнесла. Они сами объяснят в моем отделе и друзьям, что произошло — то есть, что я снова впала в кому, а не правду.

Затем мама взяла меня за плечи, сказала: «Иди», и легонько подтолкнула. Я чувствовала её руки на своих плечах, чувствовала, как папина рука сжимает мою, а потом я отпустила их. Я пошла к той кровати, не сводя взгляда с Катрионы.

Нет, не сводя взгляда с *самой себя*. Это я лежала в той постели. Не знаю, куда делась Катриона, но её там нет. Это я. Я подошла к краю кровати, потянулась, чтобы коснуться своей щеки, лежащей там, и…

И я ахнула, дезориентированная, замахав руками, словно проснулась в незнакомом месте.

Словно я провалилась сквозь время.

Келли Армстронг – Тревожа мертвых
Kelley Armstrong - Disturbing the Dead

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Я резко вскочила, и мой взгляд первым делом метнулся туда, где мгновение назад стояли родители. Там никого не было. Лишь тускло освещенная комната… и тихий перестук снега по стеклу.

Я проследила за этим звуком, глядя на снегопад, кожей ощущая ноябрьскую прохладу, смешанную с сухим жаром угля; его едкий и такой знакомый запах забивал ноздри.

Я подняла руки. Кожа на них была гладче, они выглядели моложе, но при этом казались такими же привычными, как мои собственные. Потому что это и были мои руки. *Мои — в этом мире.*

В комнате царила тишина, и это заставило меня замереть. Я ведь видела Грея у своей постели. Или мне это причудилось? Я медленно обернулась и судорожно вздохнула: он уже был на ногах и пристально на меня смотрел. Его выражение лица было настолько настороженным, что внутри у меня всё болезненно сжалось.

Да, он дежурил у моей кровати, но он всего лишь присматривал за пациентом. И если какой-то романтичный уголок моей души надеялся на иное, то вот она, правда — в его лице, на котором сейчас почти не отражалось эмоций.

— Дун… — я сглотнула. — Доктор Грей.

Если в его глазах и мелькнул какой-то огонек, то сейчас он погас, а плечи бессильно опустились.

— Катриона, — произнес он.

— Что? — Я уставилась на него, хлопая глазами. А потом до меня дошло. — Нет, это я. Мэллори.

Я попыталась улыбнуться, но улыбка вышла жалко, я вдруг осознала всю чудовищность того, что натворила. Когда-то я потратила недели, выбирая между двумя квартирами, зная, что, сделав выбор, повернуть назад будет трудно. Теперь же я приняла решение, которое почти наверняка необратимо, решение, меняющее всю мою судьбу — и я просто… взяла и сделала это. Часть меня была настолько уверена, что ничего не выйдет, что этот выбор казался скорее символическим жестом, чем реальностью.

Голос в моей голове не вопил о том, что я бросила свою настоящую жизнь. Он кричал о том, какой безумный прыжок веры я совершила, предположив, что у меня здесь вообще есть жизнь. Предположив, что мой дом и моя работа были чем-то большим, чем временное пристанище для застрявшего путника.

Я собиралась заявить хозяевам этого дома, что я здесь навсегда, хотят они того или нет.

***

Я тонула в этом страхе и нерешительности, а Грей лишь выдавил: «Мэллори?». Он всё еще не был уверен, что это я.

Мне стоило бы начать сыпать доказательствами. Вместо этого я услышала собственные слова:

— Я вернулась.

Он молча смотрел на меня; тень сомнения всё еще лежала на его лице.

Келли Армстронг – Тревожа мертвых
Kelley Armstrong - Disturbing the Dead

Сколько раз я сама твердила: не верьте тому, кто возвращается «оттуда»? Но вот я здесь, и доказательства предоставить легко — *я видела вас в последний раз, когда вы оставили меня с Королевой Мэб у входа в Своды, и в моем саквояже лежала Рука Славы.*

Но мне не хотелось ничего доказывать. Я хотела, чтобы он посмотрел мне в глаза и увидел *меня*. Я знала, что это по-детски и нелогично, но именно это я чувствовала. И когда он продолжил смотреть на меня так, словно не понимал, чья душа проснулась в этом теле, мне захотелось сбежать.

Я свесила ноги с кровати, но тут же поняла, что на мне ночная сорочка, и мои ноги больше не «порхают» так, как я успела привыкнуть за последние пару дней. Я пробормотала ругательство себе под нос; Грей дернулся, чтобы подхватить меня, но я оттолкнула его руку.

— Я в порядке, — отрезала я. — С миссис Уоллес всё хорошо?

Он кивнул, медленно, всё еще настороженно.

— Мне нужно поговорить с Айлой, — сказала я.

Он по-прежнему молчал. Ни единого чертового слова, и эта тишина ранила сильнее, чем я могла себе представить.

Чего я ждала?

Уж точно чего-то большего, чем этот осторожный, подозрительный взгляд. Этот человек сидел, черт возьми, у моей постели, ожидая моего пробуждения, а когда я открыла глаза, удостоил меня всего одним словом.

Катриона.

И тут я поняла: он не ждал моего возвращения. Я присмотрелась к нему в полумраке: он выглядел паршиво — сальные волосы, щетина, рубашка застегнута вкривь и вкось. Но всё это не потому, что я лежала на смертном одре.

Он дежурил, охраняя дом от возвращения Катрионы.

Не думаю, что раньше Грей осознавал, что приютил социопата. Катриона казалась ему просто очередным человеком с криминальным прошлым, которому его сестра пыталась помочь. А если прогресс шел не так гладко, как у Элис, что ж, такие вещи требуют времени. Но через меня он окончательно понял: Катриона не из тех, кому можно помочь. Она — та, кого нужно немедленно выставить за дверь, если она когда-нибудь вернется.

Так что Грей ждал, готовый отразить угрозу своей семье.

— Где Айла? — спросила я, и в моем голосе прорезалось больше резкости, чем мне бы хотелось.

— Мэллори…

— Да, это Мэллори. Если нужны доказательства…

— Нет, я просто… я не думал… — Он выдохнул. — Вы действительно вернулись.

— Вернулась. А теперь, если вы соблаговолите…

— Простите меня.

Я посмотрела на него; сердце подпрыгнуло к самому горлу, а мозг взорвался догадками. Он извиняется? За что? Айла пострадала? Что-то случилось?

— Я знаю… — начал он и глубоко вздохнул. — Вы сказали, что вернулись. Полагаю, это значит, что вы уходили… домой. После того, как вас ранили.

Я коротко кивнула.

— Да. Уходила.

— В таком случае, мне очень жаль.

— О чем?

— О том, что вы не смогли там остаться. Я знаю, как сильно вы этого хотели, но каким-то образом вы снова оказались здесь. Мне жаль.

Я качнула головой.

— Всё было не так. Я сама вернулась.

— Вы…?

— Сама. Я…

Мне хотелось придумать оправдание. Сказать, что я вернулась раскрыть дело. Вернулась, потому что иначе Селим Авад закончит жизнь на виселице.

Мне хотелось увильнуть, вывернуться, лишь бы не признавать очевидного: я вернулась, потому что сама этого захотела. Но как это произнести вслух?

Я вернулась, потому что здесь я счастлива. Я вернулась, потому что здесь мое место. Я вернулась ради Айлы, ради расследований, ради работы.

Я вернулась ради вас.

Помню, когда я назвала его другом, он сказал, что такие признания даются мне легко. Что ж, это правда, если они достаточно просты и прямолинейны. Если в них нет большого риска.

— Я вернулась, — повторила я просто. — Появилась возможность. Я не была уверена, что сработает, но я сделала выбор.

— Значит, теперь вы можете перемещаться туда и обратно? Путешествовать из вашего времени в наше?

Могу ли я? Возможно ли это? Я отогнала эту мысль. Сейчас нужно отдаться этому миру целиком.

— Нет. Это… скорее всего, это был билет в один конец. Можем мы поговорить о чем-то другом?

Он уставился на меня.

— О чем-то другом?

— О чем угодно. Пожалуйста. Я просто хочу… — Я встала и расправила ночную сорочку. — Я бы хотела вернуться к работе.

— Вы были без сознания двое суток. Вас едва не убили.

— Но ведь не убили же. Я имею в виду — не насовсем. Мне нужно одеться. У нас есть дела.

— Мэллори? Вы…

— Селима уже обвинили в нападении на меня?

— Да. Его видели уходящим из туннеля сразу после нападения на вас. Вам не стоит об этом беспокоиться. Хью выслеживает его и…

— Это был не Селим. Вы сказали, кто-то видел, как он уходил? Лорд Мьюир, верно? Это он на меня напал. Нам нужно передать Хью…

— Мэллори, прошу вас. Сядьте. Дайте мне хотя бы осмотреть вас. Вы были без сознания…

— Двое суток. Я поняла. — Я встретилась с ним взглядом. — Я слишком гоню. Я знаю. Я притворяюсь, что всё в порядке, хотя я только что моталась бумерангом между эпохами и добровольно отказалась от всего, чтобы вернуться сюда, и это серьезно. Чертовски серьезно. Но я не могу сейчас об этом думать, ясно? Для вас я была в отключке два дня. Для меня — я очнулась в своем мире, где с момента моего ухода

тоже прошло два дня, и моя Нэн была еще жива. Я сидела с ней, пока она умирала. Я была на её похоронах. А потом мои родители сказали, что поймут, если я захочу вернуться сюда, чтобы, возможно, никогда больше их не увидеть, и я… я сделала это, и это…

Я судорожно вздохнула.

— Я не могу сейчас через это проходить, и если вы заставите меня столкнуться со всем этим лицом к лицу, я стану такой же бесполезной, какой была, пока валялась в этой кровати. Я вернулась. Я никуда не уйду. Всё ли у меня «пучком»? Черт возьми, нет, я абсолютно не в норме.

Я посмотрела на него.

— Но мне нужно время, чтобы всё переварить, а пока я бы хотела раскрыть это дело, прежде чем Селим Авад окажется на виселице. Договорились?

Тишина. Та самая паршивая тишина, которая говорит о том, что я сболтнула лишнего. Что я смутила Грея своей прямотой.

— Я… — Он коснулся своего горла, отвел взгляд в сторону, и я уже была готова вставить какую-нибудь шутку или перевести тему, когда он произнес: — Я думал, вы ушли. Совсем. Навсегда. Я… я думал, что потерял вас.

— Оу.

Меня накрыло чувство стыда. Да, я провела последние четыре дня в эмоциональном вихре. И да, я хочу забыться, с головой уйдя в работу. Но ведь и Грей не просто жил своей обычной жизнью. Он провел два дня, ожидая, проснусь ли я… и буду ли это действительно я.

Я закрыла лицо руками.

— Прости. Конечно, ты не знал, кто может вернуться, и в любом случае, у тебя на руках двое суток был пациент без сознания. Тебе нужен отдых.

Он покачал головой.

— Нет. Я… я знаю, что мог показаться недостаточно обрадованным вашим возвращением, но я лишь хотел прояснить, что я был в шоке. Вы вернулись, и если это был ваш выбор, то, хотя я и понимаю, как это болезненно… Могу я сказать, что я счастлив вас видеть?

Улыбка прорезалась на моем лице одновременно со слезами, выступившими на глазах.

— Можешь. Я бы тебя обняла, но знаю, что у вас так не принято…

Прежде чем я успела договорить, он сгреб меня в охапку, рванул вверх, буквально оторвав от пола в яростном объятии, а затем снова поставил на ноги.

— Вот так, — сказал он. — Теперь слушайте: хотя Айла и моя мать сказали бы, что я должен настоять на разговоре о том, что вы перенесли и что чувствуете, я не вижу смысла требовать от человека изливать душу «ради его же блага». Если захотите поговорить…

— Не хочу. Не сейчас. Если начну, то превращусь в лужу слез — из-за бабушки, из-за родителей, и при этом из-за облегчения, что я всё-таки вернулась, и…

Я сделала несколько глубоких вдохов, чтобы унять забившееся сердце.

— Нет. Вытаскивайте меня из бездны, Грей. Желательно с помощью кофе. — В животе заурчало. — И еды. Судя по всему, я давно не ела. А еще мне нужно поговорить с Айлой.

— Её нет дома, но я принесу еду и сообщу остальным, что вы очнулись. Хотите, чтобы я пока никого к вам не пускал?

— Если можно, на какое-то время.

— Кофе и виски? Или просто кофе?

Я улыбнулась ему:

— Я не скажу «нет» виски, если доктор рекомендует.

— Доктор рекомендует.

***

Я вернулась, и всё стало так, будто я никуда не уходила. По крайней мере, когда я смогла полностью погрузиться в дело, пересказывая Грею то, что мы с папой вычитали в газетах будущего о Селиме, и теорию, к которой мы пришли с мамой: тот, кто украл артефакты, предположительно Мьюир, подставляет Селима, распуская слухи, будто продавец — египетский зять археолога.

Когда я увлечена следствием, я забываю о своем уходе, а когда вспоминаю, напоминаю себе, что успела увидеть бабушку и сказать родителям, где я. Это ослабило узел, который я носила внутри полгода. Я попрощалась с Нэн. Она не думает, что я её бросила. Мама и папа не провели шесть месяцев, сражаясь с вероломством Катрионы. Всё улажено. И всё же, вслед за облегчением, по пятам идет вина.

Я бросила родителей. Бросила добровольно. Их единственный ребенок исчез именно тогда, когда они потеряли Нэн. Я бросила работу, друзей и оставила родителей разгребать последствия исчезновения дочери, которую они, возможно, больше никогда не увидят.

Так что да, сосредоточиться на деле куда проще. Со всем остальным я разберусь позже, точно так же, как разбиралась в свой первый приезд сюда: позволю реальности и эмоциональному хаосу медленно осесть внутри, а не буду тонуть в них сразу.

Что до подставы Селима с кражей древностей — МакКриди уже рассматривал эту версию. Обсудив это с мамой, я смогла взглянуть на ситуацию со стороны и понять: наводка, которую я получила от торговца на подпольном рынке, была слишком уж «в яблочко». Селим, которого я встретила, был образованным и смышленым молодым человеком. Стал бы он воровать артефакты, чтобы вернуть их на родину? Возможно. Мог ли он даже продать парочку наименее ценных, чтобы разжиться деньгами? Тоже возможно. Он молод, а на одних идеалах в пабе не угостишь друзей выпивкой.

Но стал бы он трепать покупателям, что его зять — археолог? Есть уйма способов объяснить происхождение вещей и доказать их подлинность, не вручая покупателю визитку с надписью: «Селим Авад, зять сэра Аластера Кристи».

МакКриди не давал этой версии хода только потому, что Селим и впрямь выглядел вором. Мы с миссис Уоллес были в туннеле именно для того, чтобы найти украденное, когда на нас напали.

И его не просто «заметил» лорд Мьюир — Хью бы сразу почуял неладное. На месте остались свежие отпечатки сапог, которые совпали с обувью Селима, изъятой, когда его нашли без сознания в туннелях после убийства сэра Аластера. Более того, Селима нет рядом, чтобы предъявить алиби или объясниться. Если не считать того, что его якобы видели убегающим из туннеля, его никто не встречал с той самой ночи после убийства Кристи, когда он исчез из дома и не вернулся.

— По крайней мере, мы знаем, что он жив, — сказала я. Мы сидели в кабинете Грея с кофе, виски и тарелкой с нарезкой холодного мяса, сыра и хлеба. — В статьях из будущего сказано, что он предстал перед судом, а его не стали бы судить и выносить приговор заочно.

— Хм.

Кажется, Грей хотел поспорить. Возможно ли подставить какого-то случайного молодого египтянина и выдать его за Селима? Но потом я поняла, о чем он думает на самом деле.

— То, что Селим дожил до виселицы в *той* версии истории, не гарантирует ему жизнь сейчас, когда я вернулась, чтобы натравить следствие на Мьюира, — произнесла я. — Вы сказали, полиция охотится за Селимом?

— Да, Хью сейчас с ними в надежде, что ничего не пойдет не так.

Под «пойдет не так» он имел в виду, что МакКриди лично проследит, чтобы Селим был жив и здоров при аресте.

— Было бы полезно знать, где именно его нашли, но папа отыскал только запись о преступлении и вердикте. Чтобы копнуть глубже, пришлось бы идти в архивы. Наверное, мне стоило это сделать, но… — Я пожала плечами. — Бабушка взяла с меня обещание не смотреть «спойлеры».

— Спойлеры?

Я прихлебнула кофе.

— Любые предсказания будущего. Что в итоге случится с вами, с Айлой, Хью… Есть вещи, которые мне знать не положено, а уж тем более — рассказывать здесь. Но вас она нашла. В книгах по истории.

— Вместе с датой моей смерти, я полагаю? Именно это она и не хотела, чтобы вы видели.

— О, не переживайте. Теперь, когда я вернулась, вы умрете гораздо раньше.

Его взгляд потеплел.

— Хорошо, что вы вернулись, Мэллори.

— Хорошо-то хорошо, вот только теперь я почти наверняка заплачу за это жизнью, умерев от какой-нибудь болезни, которую в мое время лечат на раз-два. И раз уж я, судя по всему, остаюсь, мне срочно нужно научить миссис Уоллес варить капучино. — Я заглянула в чашку. — Или хотя бы приличный *café au lait*.

— Кофе с молоком?

— Это ведь не так сложно, верно? Кстати, о миссис Уоллес… — Я посерьезнела. — Она в порядке?

— Она получила удар по голове и… она сама не своя. Какое-то мгновение я даже гадал, не случилось ли с ней того же, что и с вами, что это буквально не она. Но нет. Она — это она. Просто… рассеянная. Когда я сказал ей, что вы очнулись, она очень затихла. Спросила только, уверен ли я, что вы — не Катриона. Я ответил: «Да, вне всяких сомнений».

— Я сказала ей правду в туннелях. У нас была… перепалка.

Он напрягся.

— Она вам угрожала?

— Нет-нет, — соврала я. — Она просто беспокоилась за вас, за Айлу и Элис. В итоге я призналась не ради спасения шкуры. Просто психанула и решила: «к черту всё». И выложила правду.

Он моргнул.

— Ага, — подтвердила я. — Уж я-то наверняка об этом пожалею. Мне нужно быть осторожнее. — Особенно теперь, когда я выложила всё человеку, у которого есть все причины использовать это против меня. — Это было паршивое импульсивное решение.

— Мы с этим разберемся, — твердо произнес он. — Я прослежу, чтобы она знала: если она воспользуется этой информацией во зло, она предаст моё доверие. Моё и Айлы.

— В общем, именно в тот момент Мьюир её и вырубил. Она прижала меня, когда я наполовину вылезла из норы, так что когда Мьюир схватил меня, я решила, что это она. А потом я увидела его. И, к слову, он проделал со мной то же самое, что убийца сэра Аластера. Уперся ногой мне в спину для упора.

Глаза Грея сузились.

— Что делает его подозреваемым и в убийстве сэра Аластера.

— Вот только у Мьюира подтвержденное алиби на всё то время, когда могло произойти убийство. Кроме того, если он подставляет Селима, то, скорее всего, имитировал способ убийства намеренно. Мог ли он знать, как именно погиб сэр Аластер?

— Полагаю, да, поскольку наши предположения о методе удушения просочились в газеты.

— Черт. Ладно, значит, он скопировал почерк, чтобы еще сильнее подставить Селима. Вернемся к покушению на меня. Похоже, Мьюир спустился туда, чтобы забрать припрятанные древности, увидел миссис Уоллес, стоящую ко мне спиной, вырубил её, а затем…

Грей сделал быстрый глоток виски.

— Увидел возможность.

— Увидел меня, торчащую задом из норы — идеальная мишень: схватить, задушить тем же манером, что и сэра Аластера, а потом свалить обе смерти на Селима.

— Именно.

— Удалось выяснить что-нибудь еще, пока я была в отключке?

— Хью, естественно, сосредоточился на Селиме Аваде: и на его поисках, и на поиске мотивов для убийства сэра Аластера. Очевидный мотив — украденные древности, но Хью нужно доказать, что их украл именно Селим, что кажется всё менее вероятным. Пока я ухаживал за вами, я обратил внимание на предметы, найденные под матрасом Флоренс Кинг. Не вижу, как они могут быть связаны с делом, но… — Он пожал плечами, отрезая кусок холодной ветчины. — Мне нужно было чем-то занять мысли.

— Вы разгадали шифр?

— Да. Впрочем, было бы куда приятнее, если бы письмо оказалось чем-то важным. Это конспекты.

— Конспекты? Для экзаменов Флоренс?

— Похоже на то. Всего лишь список вопросов для самоподготовки.

— Зачем тогда было шифровать их?

— В этом и вопрос. Боюсь, однако, что ответ прост: кто-то упражнялся в кодировании и использовал для этого учебные записи. Что касается ключа — леди Кристи была так любезна, что позволила мне послать Саймона в дом, где он опробовал

его на каждом замке. Опасаюсь, что мы украли ключ, который не нужен никому, кроме самой Флоренс Кинг.

— И если окажется, что это был её единственный ключ от чего-то важного, мы будем чувствовать себя по-свински. Нужно будет вернуть его ей, когда всё закончится. Получается, ключ и шифр — вместе с самой миссис Кинг — это просто «копченные селедки».

Он вопросительно поднял брови.

Я проглотила кусок сыра и пояснила:

— Ложные следы. Улики, которые не имеют отношения к делу и только отвлекают нас. Если я правильно помню, фраза пошла от сильного запаха копченой селедки, которой можно было сбить собаку со следа. В нашем случае, если искать плюсы, эти зацепки не были совсем уж бесполезными. Лорд Мьюир наверняка хотел отправить нас по ложному пути, когда обвинил Флоренс Кинг в убийстве, но если бы мы не занялись ею, мы бы никогда не узнали, что Мьюир давил на сэра Аластера, настраивая его против студенток.

— Что дало сэру Аластеру еще один повод желать разрыва отношений с покровителем. Мы…

Парадная дверь открылась. Послышался стук каблуков.

— Это Айла, — сказал Грей. — Хотите, я поговорю с ней?

Я замялась. По идее, я должна сделать это сама, но от одной этой мысли меня накрывала волна изнеможения.

Я смогла вывалить всё Грею и попросить «отложить тему в сторону». Айла такого не позволит. Она захочет услышать полную историю, и у неё возникнут вопросы. Как и намекал Грей, для некоторых людей фраза «я не хочу об этом говорить» звучит как «просто ломаюсь». Они думают, что тебе на самом деле нужно выговориться, и тебя просто надо подтолкнуть. Или что ты не хочешь, но *должна* — ради твоего же блага.

— Я поговорю с ней, — прошептал он, наклоняясь ближе. — Расскажу, что произошло, и объясню, что вам нужно время, прежде чем вы будете готовы это обсуждать.

— Она не обидится, что я не сказала ей лично?

Поднимаясь, он сжал мое плечо — короткое, но полное поддержки прикосновение. — Не обидится. Могу я привести её к вам после нашего разговора?

— Пожалуйста.

— Тогда договорились.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Ага, я трусиха с большой буквы. Я бросаю Грея на растерзание волкам и прячусь в кабинете, пока приглушенный ропот голосов не заканчивается вопросом Айлы: — Могу я её увидеть?

— Разумеется. Она сама хочет тебя видеть. Прошу только… — его голос понижается, и я не слышу окончания фразы.

— Я всё поняла.

Они стучат в дверь кабинета, и я, поднимаясь, приглашаю их войти. Увидев меня, Айла медлит; её лицо принимает выражение вежливой, но настороженной улыбки, словно она заходит в палату к крайне тяжелому пациенту. И, будем честны, в каком-то смысле так оно и есть.

— Привет, — говорю я. — Я вернулась.

Она решительно подходит и обнимает меня, шепча на ухо:

— Мне жаль, что тебе пришлось через это пройти, но я очень рада тебя видеть.

— Я тоже рада тебя видеть. — Я крепко обнимаю её и отстраняюсь. — Ну что же…

— Мэллори хотела бы обсудить дело, — вставляет Грей.

Айла бросает на меня вопросительный взгляд:

— Если ты этого хочешь.

— Хочу. Пожалуйста. Остальное подождет. Судя по всему, я никуда не денусь, так что разберемся со всем позже. Сейчас нас должен волновать Селим Авад.

Айла напрягается:

— Мы больше не позволим ему к тебе приблизиться.

— Дело не в этом. Напал на меня не он, — отвечаю я, и мы вводим её в курс дела.

На середине моего рассказа заявляется МакКриди, а значит, приходится начинать сначала: сначала краткую версию «как Мэллори вернулась», а затем — «как Мэллори увидела нападавшего, и это был не Селим Авад».

— Я рад это слышать, — говорит он. — Хотя, конечно, не так рад, как самому твоему возвращению. Я был сам не свой от тревоги, боялся, что потерял свое преимущество в виде детектива из будущего.

— Я думала о том же самом всё то время, что меня не было. О боже, мне нужно скорее вернуться и помочь детективу МакКриди, а то он больше ни одного дела не раскроет.

Мы обмениваемся улыбками.

— Приятно, что ты снова с нами, Мэллори, — произносит он. — И хорошо, что на тебя напал не Селим Авад. Селим мне даже симпатичен. Лорд Мьюир — в разы меньше. Всегда приятнее, когда подонок оказывается подонком на самом деле.

— Ну, мы пока не можем полностью списать Селима со счетов, — замечаю я. — Или повесить убийство сэра Аластера на лорда Мьюира. Но вот мое покушение? Это точно Мьюир. Проблема в том, что если вы его арестуете, а окажется, что он держит Селима в заложниках…?

— Мы можем подвергнуть опасности одного, арестовав другого. Однако, если мы будем медлить с арестом лорда Мьюира, это ослабит наши позиции.

— Потому что мои показания имеют больший вес, если я даю их сразу после того, как пришла в себя. Можем мы пригласить другого детектива, чтобы он зафиксировал мои слова, не предпринимая пока открытых действий против Мьюира?

— Я бы не хотел просить другого офицера участвовать в затягивании дела против Мьюира. Однако ты можешь дать показания солиситору, который заверит их и проставит дату.

— Идеально. — Я вскидываю руку, чтобы проверить время на часах, и чертыхаюсь. Да уж, эта привычка еще долго меня не отпустит. — Наверное, уже слишком поздно, чтобы идти на разведку сегодня?

— Слишком поздно для вас, — отрезает Грей. — Нет ничего такого, что не могло бы подождать до утра, а сейчас время ужина. Если вы сможете заставить себя что-нибудь съесть, сделайте это, а потом я приглашу своего поверенного, чтобы он принял ваши показания, пока задержка не стала выглядеть подозрительной.

***

Когда приходит время накрывать на стол, я решаю, что пора показаться прислуге. Слишком неловко позволять Алисе и Лорне разносить еду, когда я с ними еще даже не поздоровалась.

Начинаю с малого — с Саймона. Он не знает моей настоящей истории, так что для него это просто визит в конюшню: привет-как-дела. Он искренне рад меня видеть и, кажется, ничуть не разочарован тем, что моя последняя травма не вернула ему «прежнюю» Катриону. Вернувшись в дом, я едва не сталкиваюсь с Лорной. Это воссоединение выходит еще проще, хоть и не без неловкости: она чувствует себя обязанной изображать восторг от возвращения человека, которого почти не знает.

Теперь — миссис Уоллес. Вообще-то я бы предпочла сначала поговорить с Алисой. Как и Саймон, она не в курсе моего секрета. Но в отличие от него, у неё есть все основания опасаться возвращения Катрионы. И всё же это будет проще, чем объясняться с миссис Уоллес. Но я не знаю, где Алиса, зато точно знаю, где экономка, так что откладывать этот разговор больше нельзя.

Я собираюсь с духом и открываю дверь в подвальный этаж. Услышав голоса, я замираю. Похоже, Алиса нашлась. Она о чем-то спорит с миссис Уоллес, причем звучит весьма расстроенно. *Из-за моего возвращения? Черт. Надо было успокоить её пораньше.*

— Я хочу, чтобы она ушла, — говорит Алиса.

Внутри у меня всё сжимается. Я знаю, Грей заверил их, что это я. Но, может, это неважно? Алиса поняла, что не хочет рисковать и ждать возвращения Катрионы.

— И как ты себе это представляешь, милочка? — отвечает миссис Уоллес. — Миссис Баллантайн никогда не уволит её без веской причины. У тебя есть такая причина?

— Она мне не нравится.

Узел внутри затягивается еще туже. За последние месяцы мы с Алисой стали близки, и я искренне верила, что она видит во мне «сестру по службе» — наполовину подругу, наполовину наставницу. Неужели она всё это время меня терпела, притворяясь дружелюбной ради мира в доме?

— Это не повод для увольнения, — мягко говорит миссис Уоллес. — Я понимаю, тебе кажется, что это важно. Ты здесь дольше, и если она тебе не по душе, ты не обязана с ней работать. Но этого мало.

— Она сует свой нос куда не следует.

Любопытная? Ну да, грешна. Профессиональная деформация. К тому же, работая с кем-то, я люблю узнавать человека получше, и я действительно старалась сблизиться с Алисой. А еще я как-то раз вторглась в её личное пространство. Типа того.

Я проследила за ней, когда заволновалась из-за письма, которое она получила. В итоге я узнала её предысторию, и, возможно, она затаила на меня обиду. Она копила этот гнев всё это время? Я-то думала, что тот случай стал поворотным моментом, после которого она начала мне доверять.

— Любопытство — не преступление, Алиса, — замечает миссис Уоллес.

— Доктор Грей и миссис Баллантайн имеют право на частную жизнь. Они… — Алиса понижает голос. — Вы же знаете, какие они, мэм. Они не совсем нормальные.

Миссис Уоллес издает звук, подозрительно похожий на смешок.

— Мы все здесь такие.

— Я не в обиду говорю. Они другие, а непохожесть заставляет людей сплетничать. Мы с вами и Саймон знаем, что нельзя болтать, потому что о нас самих когда-то судачили. Вот почему ей здесь не место. Она нормальная — *слишком нормальная*, — и я боюсь, что она не прикусит язык, когда ей попадется на зуб жареная сплетня.

Нормальная? Это уж точно не про меня.

— Я поговорю с Лорной, — произносит миссис Уоллес.

Я замираю. Поговорит с Лорной обо мне? Нет, стоп. Они говорят о Лорне. Это имеет больше смысла. Я выдыхаю с облегчением.

— Ты права, — продолжает миссис Уоллес. — Она не разделяет нашего прошлого, а потому может не видеть вреда в пустой болтовне.

— Не понимаю, почему меня не могли повысить. Из меня вышла бы горничная получше, чем из неё или из Мэллори.

— Ты слишком юна для горничной, и у миссис Баллантайн на тебя большие планы.

— «Большие планы». Это не значит, что я не могу быть горничной сейчас.

Я тихо отступаю и жду, пока они закончат разговор. Теперь я понимаю неприязнь Алисы к Лорне. Она расстроена, что её не повысили. И да, она переживает из-за сплетен — и вполне обоснованно.

Вспоминаю, как Эннис возражала против найма кого-то, у кого не было проблем с законом. Вот что она имела в виду: те, кого обычно нанимает Айла, с меньшей вероятностью будут косо смотреть на причуды хозяев и трепать о них на каждом углу.

Когда беседа затихает, я открываю и закрываю дверь погромче, а затем нарочито тяжело топаю вниз по ступеням, чтобы меня не обвинили в подслушивании.

Алиса сердито смотрит на лестницу, пока не видит, кто это. И тут её лицо озаряется поистине бесценной улыбкой, особенно приятной после моего страха, что она говорила обо мне.

— Ты вернулась, — говорит она.

— Да, и я отлично помню, что ты задолжала мне три пенса с прошлой недели, когда тебе не хватило на ту новую шляпку на рынке. Так что не думай, что тебе это сошло с рук.

Она закатывает глаза, но её лицо расслабляется в ответной улыбке. Плевать мне на эти три пенса. Я просто доказываю, что это действительно я.

Миссис Уоллес протянула Алисе тарелку с булочками.

— Ступай же. Они и так ужинают поздно, я не хочу, чтобы жаркое совсем остыло.

Как только Алиса ушла, миссис Уоллес повернулась к вышеупомянутому жаркому, положила его на разделочную доску и отрезала несколько ломтиков. Я подождала, пока мясо окажется на тарелке и экономка переключится на картофель.

— Значит, вы собираетесь меня игнорировать, — констатировала я.

— Нет, я готовлю ужин.

— Справедливо. Я могу зайти позже, и тогда мы всё обсудим.

— Мне нужно мыть посуду.

— Я помогу. Отличная возможность поболтать о том, что я наговорила вам перед тем, как меня начали душить.

— Ты собираешься забрать свои слова назад? — Она добавила моркови на блюдо, по-прежнему не глядя в мою сторону.

— Нет.

— Тогда, полагаю, нам нечего обсуждать.

— То есть нам было бы о чем поговорить, если бы я отозвала свои показания?

— Только если ты собираешься сказать правду.

— Ну, это типичная «Уловка-22», верно? Вы согласны обсуждать это только в том случае, если я скажу правду, но я уже сказала вам правду, которую вы обсуждать отказываетесь.

Она выловила морковку, вознамерившуюся совершить побег с блюда.

Я продолжила:

— «Уловка-22». Это означает парадокс, ситуацию, при которой нельзя предпринять действие, не имея чего-то, что можно получить только в результате этого действия. Термин из одноименного романа Джозефа Хеллера, написанного в середине двадцатого века. Книга — сатира на войну. В частности, на Вторую мировую, но название относится к абсурдности бюрократии. Если хотите, я могу разобрать темы книги подробнее. В этом и заключается опасность того, что твой отец — профессор английской литературы. Продолжить?

Она вручила мне блюдо с овощами.

— Я бы хотела, чтобы ты отнесла это наверх.

— Ясненько-понятненько! — Я замерла. — Это фраза, которую используют, чтобы замять неловкую ситуацию. Её популяризировал фильм «Эйс Вентура: Розыск домашних животных».

Она на миг застыла и, словно вопреки самой себе, переспросила:

— Розыск домашних животных?

— Это комедия. Американская. Большинство блокбастеров — кинокартин — именно оттуда.

— Отнеси овощи наверх.

— Вы верите в мою историю. Я же вижу. Если бы не верили, вы бы попытались меня подловить и доказать, что я лгу. Но раз доктор Грей и миссис Баллантайн приняли её, вам тоже приходится, как бы трудно это ни было. Однако вы не можете заставить себя признать это вслух, поэтому будете игнорировать факты и притворяться, что всё еще считаете меня лгуньей. Ясненько. Овощи уношу. Но если вам когда-нибудь захочется обсудить литературу середины двадцатого века или поп-культуру конца того же столетия — я к вашим услугам.

Я вышла из кухни, не сказав больше ни слова. Не скажу, что я выиграла битву, но интуиция подсказывала: мне не стоит бояться, что миссис Уоллес снова приставит пистолет к моей спине. По крайней мере, в ближайшее время.

На ужине у нас была еще одна гостья. Эннис, увидев, что я на ногах и вовсю перемещаюсь по дому, заявила:

— Жива, значит? Хорошо. Ты делаешь это своей дурной привычкой.

— Быть живой? — уточнила я, когда мы входили в столовую.

— Быть задушенной и брошенной умирать. Что это за прелестная шейка такая, которую всем так и хочется придушить? — Она опустилась на стул. — Хотя, возможно, дело не в шейке, а в её обладательнице.

— Эннис… — предостерегающе произнесла Айла.

— Это не было оскорблением, — отрезала Эннис. — Уверена, многим хотелось проделать то же самое и со мной.

Когда мы расселись, дверь открылась и вошла Лорна.

— А, — протянула Эннис. — Новая горничная еще не сбежала. Не передумала еще, дитя?

Лорна замерла и огляделась, будто Эннис обращалась к кому-то другому.

— Здесь есть еще одна горничная? — хмыкнула Эннис. — Разумеется, я говорю о тебе.

— Я… у меня всё хорошо, мем. Все очень добры ко мне.

Эннис фыркнула.

— Еще бы. Они все здесь слишком добры, причем вполовину больше, чем следовало бы. — Она подняла бокал. — Наполни это и свободна. Взрослым нужно обсудить убийство.

После ужина Эннис ушла, и прибыл солиситор, чтобы зафиксировать мои показания. Вечер выдался коротким, и вскоре мы все разошлись по комнатам. Ночь не принесла покоя. Вместе с темнотой вернулись все мои страхи и тревоги. Правильный ли выбор я сделала? Что, если я действительно больше никогда не увижу родителей? Стоило ли отказываться от прежней жизни ради всего этого?

Я думаю — стоило. И если у меня возникают сомнения, я должна сделать так, чтобы это *было* не напрасно. Погрузиться в этот мир и помогать тем, кто рядом.

На следующее утро мы с Греем отправились в университет. МакКриди был занят поисками Селима Авада. У Айлы были заказы: у неё договоренности с фармацевтами-мужчинами, которые платили ей за лекарства, выдавая их за свои собственные. Уверена, Айла могла бы найти время, чтобы присоединиться к нам, но, очевидно, «вынюхивание в кабинете профессора» не казалось ей захватывающей детективной работой. Она ждала настоящего приключения.

Не могу её винить. Университеты — не самое захватывающее место в мире. Лично у меня остались хорошие воспоминания о студенческих годах. Я люблю учиться, и университет утолял эту жажду куда лучше, чем школа. Но для некоторых людей сама возможность вдыхать этот разреженный воздух науки — уже восторг. Для меня же университет — как адвокатская контора. Это место, где работает один из моих родителей, что лишает его всякого мистического ореола. А для Айлы университет — это еще и место, куда ей закрыт путь в качестве студентки.

Грей занимал странную нишу в академической иерархии. Он выпускник. Причем титулованный. Второй в своем выпуске с двумя учеными степенями. Он также

публикующийся исследователь в новой и захватывающей области. Это должно было приносить ему приглашения на выступления и даже место на факультете. Но он — Дункан Грей, доктор, которому отказали в лицензии. Не думаю, что университет понимает, как к нему относиться, поэтому ему разрешено посещать лекции, но никто не просит его их читать.

Тем не менее, на территории кампуса его узнавали. Служащие приподнимали перед ним шляпы. Один профессор улыбнулся нам при встрече, другой задержался для краткого обмена любезностями, в то время как третий сделал вид, что не замечает нас, а четвертый одарил откровенно яростным взглядом.

Когда мы дошли до кабинета сэра Аластера, у двери обнаружился констебль. Я видела его раньше, как и Иэн, он не имел ничего против Грея, что, вероятно, и стало причиной его назначения в утреннюю смену. Грей поздоровался с ним, а я проскользнула внутрь.

В комнате было темно и не было окон. Маленький кабинет профессора медицины, который больше известен в другой области. Воздух здесь был спертым и холодным, камин не топили уже несколько дней. Я зажгла газовый рожок, который не слишком помог осветить помещение, заставленное темной мебелью. Я смогла разглядеть стол — тоже из темного дерева — на нем стояла лампа. Я направилась к ней и уже наклонилась, чтобы зажечь фитиль, когда заметила что-то на столешнице.

Я зажгла настольную лампу, а затем карандашом пододвинула предмет ближе к свету для детального осмотра.

— Уже что-то нашли? — спросил Грей, входя в комнату.

Я указала на предмет.

— Это ключ из дома Кингов. Саймон не мог оставить его здесь. Думаю, он вернул его одному из констеблей, а тот забыл забрать его в полицейский участок.

— Тот ключ всё еще у нас дома. Хью велел оставить его на случай, если у нас появится новая версия, к какому замку он подходит.

Я нахмурилась, рассматривая ключ:

— Мне кажется, или он выглядит точно так же?

— Нет, вы совершенно правы.

Значит, ключ Флоренс Кинг — это ключ от университетского кабинета. Что она с ним делала и чей кабинет он открывал?

Грей достал из кармана платок, поднял ключ и вышел из комнаты, заперев за собой дверь. Через мгновение он снова открыл её, держа ключ в руке.

Дежурный констебль окликнул нас:

— А, это ключ от этого кабинета. Секретарь принесла его на случай, если нам понадобится войти. Ключ сэра Аластера пропал какое-то время назад.

Грей посмотрел на меня.

— Похоже, нам стоит поговорить с секретарем сэра Аластера, — сказала я.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Да, рассказ констебля подтвердился. Ключ сэра Аластера исчез за пару недель до его смерти. Профессор пытался вспомнить, куда его задевал, а тем временем оставил запасной ключ своему секретарю, чтобы не посеять и его.

Закончив разговор с секретарем, мы нырнули в боковой коридор.

— Я-то думала, что найденный нами ключ от другого кабинета, — сказала я. — Но, похоже, он принадлежал сэру Аластеру. Флоренс стащила его и прятала под матрасом.

— С какой целью? — задумчиво произнес Грей.

— Ну, мы знаем, что сэр Аластер возглавлял «крестовый поход» против «Эдинбургской семерки». Может, она искала его план действий? Список тех, кого он пытался перетянуть на свою сторону? Письма со словами поддержки? Любую информацию, которую мисс Джекс-Блейк могла бы использовать для подготовки к грядущей схватке.

— Или информацию, чтобы эту схватку предотвратить.

— А-а. Поиск компромата, чтобы прижать сэра Аластера и заставить его прекратить кампанию против студенток. Если так, и Флоренс что-то нашла, а потом предъявила это профессору… Похоже, списывать миссис Кинг со счетов рановато. Пора нанести ей визит?

— Несомненно.

***

После убийства нам было трудно застать Флоренс дома, но сегодня она была на месте, хотя и собиралась уходить на занятия.

Мы попросили МакКриди встретиться с нами у дома Кингов, чтобы придать допросу официальный статус. Это был верный ход, но я видела, как Флоренс напряглась, когда мы втроем нагрянули в её крошечную квартиру.

— Вам нужно что-то еще? — спросила она. — Я рассказала всё, что знаю. Если у вас проблемы с подтверждением моего местонахождения после смерти сэра Аластера, я вспомнила еще нескольких людей, которых встречала во время прогулок.

— Нет, свидетели, которых вы указали, подтвердили ваши слова, — ответил МакКриди. — Одинокая, хорошо одетая молодая женщина — такое запоминается.

Она вздернула подбородок:

— Не должно запоминаться. И тот факт, что это так, лишь доказывает, как много нам еще предстоит пройти, пока на порядочных женщин без сопровождения смотрят косо.

— Согласна, — вставила я. — Но сейчас мы решаем другую проблему. Ваше алиби подтверждено, но это лишь отчасти полезно.

Она и сама понимала почему. То, что она не была в туннелях *после* смерти сэра Аластера, еще не снимало с неё подозрений в самом убийстве.

— Простите, что прерываю, — подал голос мистер Кинг, маячивший за спиной жены. — Могу я предложить чаю?

— Спасибо, не стоит, — отрезал МакКриди. — Надеюсь, разговор будет кратким. Вам, должно быть, известно, что на днях в ваших помещениях был проведен беглый осмотр — обычная процедура в рамках расследования убийства.

— Что? — Флоренс округлила глаза. — Когда?

МакКриди тактично умолчал о том, как я пробралась в их спальню, пока он допрашивал её мужа.

— Мы изъяли из вашего дома два предмета, — продолжил он.

— Это законно? — спросила Флоренс. Вопрос был крайне неудобным, но я отдала ей должное за смелость.

— Это расследование убийства, — парировал МакКриди. — Предметы были найдены под вашим матрасом.

Она осеклась. Пока её внимание было приковано к МакКриди, я вовсю изучала её реакцию. На лице Флоренс отразилось чистейшее недоумение.

— Под матрасом? На нашей кровати?

— Да. Мы нашли ключ и записку, написанную шифром.

— Шифр? Это какая-то шутка? — Она снова замерла, и её лицо медленно налилось ужасом. — Кто-то подложил туда зашифрованное послание? Пытался подставить меня в убийстве сэра Аластера?

— Нет, записка была учебной.

Флоренс наморщила лоб:

— Учебной? Зачем её шифровать? — Секунда раздумий, и её глаза вспыхнули. — Если вы обвиняете меня в жульничестве, то уверяю вас: нам запрещено проносить в экзаменационный зал что-либо. Шпаргалка — даже зашифрованная — была бы бесполезна.

На другом конце комнаты Эммет Кинг перестал возиться с чаем. Он замер. *Хм.* Я мельком глянула на Грея: он тоже это заметил.

МакКриди продолжал:

— Нас не беспокоят конспекты. Интерес представляет ключ, так как он подходит к конкретной двери. К кабинету сэра Аластера в университете.

— Что? С чего бы мне… ?

— Он возглавлял оппозицию против обучения женщин. Мы полагаем, вы были в его кабинете. Возможно, искали подробности его плана. Или данные о его сторонниках. А может, информацию, способную его дискредитировать.

— Это… это… — Она покачала головой. — Я должна была бы сказать, что это нелепость, но не могу не признать: жаль, что эта идея не пришла мне в голову раньше. по крайней мере в том, что касается выяснения его планов и союзников. Бывают дни, когда я всерьез подумываю об использовании более сомнительных методов, чем те, что одобряет София. Однако я не обыскивала кабинет сэра Аластера. И ключа у меня не было.

— Но он был найден…

— Это сделал я. — Эммет практически бросился на амбразуру, заслоняя жену. — Простите. Я понимаю, как это выглядит, но уверяю вас: моя жена не имела никакого отношения к моей затее.

— Вашей затее? — переспросил МакКриди.

— Я просто хотел помочь её делу. Шифр… ну, это довольно неловко. Это были упражнения. — Он повернулся к Флоренс: — Помнишь, мы обсуждали шифры? Мы баловались с одним простеньким кодом, и я сказал, что, возможно, в этом есть смысл. Ты ответила, что такой простой шифр слишком легко взломать. Я начал учить более

сложный. Думал, что вы, леди, сможете использовать его для тайной переписки. — Он понурил голову. — Да, я повел себя глупо и, возможно, по-детски.

— А ключ? — уточнил МакКриди.

Эммет выпрямился, всё еще загораживая молодую жену от детектива.

— Сэр Аластер забыл его в лекционном зале после нашего разговора. Я взял его, чтобы вернуть… а потом мне пришла в голову другая мысль. Я подумал, что смогу найти что-нибудь, что поможет Флоренс и остальным в их борьбе против профессора. — Он глянул на МакКриди — наполовину виновато, наполовину с хитринкой. — Считается ли это незаконным проникновением, если у меня был ключ?

МакКриди проигнорировал вопрос. Сильно сомневаюсь, что он собирается предъявлять Эммету обвинения, но в его интересах было создать впечатление, что исход дела зависит от чистосердечного признания.

— Вы нашли что-нибудь? — спросил МакКриди. — Учитывая, что идет расследование убийства, любая зацепка может быть важна.

— Боюсь, из меня вышел никудышный детектив, — вздохнул Эммет. — Вот почему я не говорил об этом Флоренс до смерти сэра Аластера. А после его гибели… ну, я не посмел упоминать об этом, чтобы не волновать её, особенно после того, как её саму допрашивали. Это был безрассудный поступок, сэр, и я глубоко сожалею о своем легкомыслии.

Флоренс положила руку ему на плечо:

— Я ценю твой порыв, дорогой, но тебе нужно быть осторожнее. Представь, если бы тебя поймали? Тебя могли отчислить. А поскольку маловероятно, что мне позволят заниматься медициной, лицензия нужна хотя бы одному из нас.

— Знаю. Я даже не подумал о последствиях. Действовал опрометчиво, и ради чего? Ничего полезного не нашел, только привел полицию к нашему порогу.

— По-моему, я привела их первой, — пробормотала его жена. — Тоже повела себя опрометчиво на том приеме у Кристи. — Она вздохнула и повернулась к нам: — Мы оба вели себя как импульсивные дети, и я приношу свои извинения.

Я подала голос:

— Мистер Кинг, было ли в том кабинете что-то, что привлекло ваше внимание? Хоть что-нибудь?

— Не могу сказать, чтобы там было что-то особенное. — Он замялся, будто что-то вспоминая. Затем произнес: — Нет, это было странно, но вряд ли полезно.

— Что именно? — надавила я.

— Я нашел в мусорной корзине письмо от одного человека, который хотел купить мумию. Я знал, что сэр Аластер увлекается египтологией, и уверен, что ему пишут многие богачи, желающие заполучить мумию для своих коллекций. Но то письмо не было похоже на послание от джентльмена. Написано безграмотно, в чернильных пятнах. Я продолжил читать, и оказалось, что этому человеку нужна была вовсе не «такая» мумия.

— «Такая»? — переспросила я.

— Он спрашивал сэра Аластера, не может ли тот продать ему экземпляры, найденные не полностью сохранными. Полагаю, он надеялся распродавать их по частям тем, кто не может позволить себе целую мумию — в качестве своего рода диковинок. Странным было то, что он называл сэра Аластера доктором и писал, мол, «вы, как врач, поймете».

— Что, будучи врачом, сэр Аластер поймет, зачем автору письма понадобились мумифицированные части тел?

— Именно. Разве это не странно?

Флоренс покачала головой:

— Он хотел их для «мумиё».

— Для чего?

Молодая женщина улыбнулась:

— Эм, ты что, проспал весь курс истории медицины? Мумии когда-то вовсю использовали в лекарственных целях.

— Серьезно?

Она вздохнула:

— Этот малый хотел мумиё для каких-то медицинских нужд, и сэр Аластер мудро поступил, выбросив письмо вместо того, чтобы давать ему ход. Впрочем, не вижу, как это может быть связано с убийством. Трудно представить, чтобы кто-то вломился в дом сэра Аластера, требуя куски мумифицированных тел, и убил его за отказ. Слуги бы такого человека и на порог не пустили.

Эммет повернулся к нам:

— Это всё, что я могу вам поведать, господа и дама. Простите, что заставил вас зря охотиться за зацепками с шифром и ключом. Просто глупый поступок молодого человека.

Я бы не сказала, что это было зря. Хотя Флоренс и права — кража мумии вряд ли тянет на мотив для убийства, — тот факт, что кто-то донимал сэра Аластера просьбами о мумифицированных останках незадолго до того, как эти самые останки украли, вряд ли можно считать простым совпадением.

Это напомнило мне еще об одном. Я ведь ходила на подпольный рынок именно за наводкой на покупателей мумии. Пора поговорить с Греем и МакКриди о том, насколько важной может оказаться эта ниточка.

***

Грей и МакКриди разошлись во мнениях, и этот раскол я могла предсказать заранее. Грей не видел ничего плохого в том, чтобы Айла помогла нашей «мисс Хэвишем» с черного рынка. МакКриди же был куда менее склонен позволять Айле связываться с этой «криминальной дельцом» ради зацепки, которая может оказаться пустышкой.

В конце концов, я поняла, что выбор на самом деле не за ними, и с моей стороны было ошибкой перекладывать решение на их плечи. Айла и так страдает от недуга, слишком распространенного среди викторианских женщин среднего и высшего сословия. Этот недуг называется «всю жизнь за тебя решают мужчины». Сначала отец, потом муж, теперь вот брат. Младший брат, между прочим. Юридически у шотландок прав больше, чем у англичанок, но на практике даже в статусе вдовы Айла находится под негласной опекой Грея.

Айла, возможно, менее затворница, чем большинство дам её круга, но это означает лишь то, что она занимается наукой и путешествует в одиночку. По сравнению со мной и большинством женщин моего времени она всё еще тепличная и местами наивная. Это позволяет легко принимать решения за неё.

«Ради её же блага». «Просто защищаю её интересы».

Это чистой воды инфантилизация, и она имела бы полное право разозлиться на Грея за такое поведение, а уж на меня — и подавно. Я-то должна понимать лучше других.

Я заявила Грею и МакКриди, что нам нужно вынести этот вопрос на обсуждение с Айлой, предоставив ей все данные для принятия взвешенного решения. Вернувшись в особняк, мы именно так и поступили. Неудивительно, что Айла согласилась на сделку. Впрочем, она четко обозначила, какие услуги будет оказывать, а какие — нет, и как именно это будет организовано, чтобы сохранить её анонимность. Другими словами, она сделала расчетливый выбор профи.

Грей отправил Саймона с письмом к Королеве Мэб.

Мы как раз заканчивали обедать, когда пришло послание. Первой моей мыслью было: «Оперативно». Но оказалось, что это Боб, мальчишка на посылках у Элспет, принес пакет от Джека.

— О, глядите-ка, — сказала я, размахивая брошюрой. — Свежий выпуск «Таинственных приключений Серого Доктора». — Я подняла книжонку, демонстрируя обложку с аляповатым наброском, на котором, видимо, была я, застывшая в ужасе перед мумией, встающей с прозекторского стола. — Похоже, кто-то уже вовсю строчит про наше последнее дело. Думаете, там есть подсказки?

Айла забрала у меня брошюру.

— О, это может оказаться даже полезным. Слушайте: *«Пока лучшие граждане Эдинбурга толпились у стола, дорогая мисс Митчелл развернула полоску ткани, обнажив лицо бедного сэра Аластера, застывшее в ужасающей гримасе. Она отпрянула в объятия нашего отважного Серого Доктора, который поспешил её успокоить, пока её алебастровая грудь вздымалась, а сама она прелестно задыхалась».*

— «Прелестно задыхалась»? — я изобразила собачью одышку. — Вот так?

— Тебе нужно поработать над дыханием, — заметила Айла. — Иначе Дункан никогда не захочет тебя успокаивать. Запомни это. Девушка должна тщательно выверять моменты истерики, если хочет привлечь правильное внимание мужчины. Обморок — это нормально, как и «прелестное удушье». Но если ты сорвешься на панические вопли, мужа тебе не видать.

Я закатила глаза:

— По крайней мере, мы можем вычеркнуть автора из списка тех, кто действительно был на приеме.

— М-м, не спеши с выводами, детектив Митчелл, — возразила Айла. — Автор описывает твое платье до мельчайших деталей. Либо он сам там был, либо говорил с кем-то из гостей.

— Насколько там всё плохо дальше…? — начала я, но меня прервал стук в дверь.

— Простите, что снова мешаю, — сказала Лорна, когда Грей разрешил ей войти. — Но пришло еще одно сообщение. Это адресовано доктору Грею.

Она протянула конверт. Грей взял его и отпустил горничную. Пробежав глазами по строчкам, он передал письмо МакКриди, который, изучив его, выругался.

— Я сдаюсь, — МакКриди отбросил письмо в сторону. — Прости, Айла, но, похоже, мне не остается ничего другого, как переехать в твою гостевую комнату, раз уж люди вообразили, будто я живу здесь. По крайней мере, я буду тешить себя этой

мыслью — это не так сильно бьет по самолюбию, как признание того, что Дункана считают более выдающимся сыщиком.

— Еще один повод найти того, кто пишет эти пасквили, — я указала на брошюру, — и прикрыть лавочку. Подозреваю, в письме очередной вызов.

МакКриди уже поднимался на ноги, Грей последовал его примеру.

— Автор утверждает, что знает, где мы можем найти Селима Авада, — произнес МакКриди. — Это было бы куда более захватывающе, если бы я не боялся, что это ложный след.

— Или ловушка, — добавила Айла.

— Да, — кивнул МакКриди. — Учитывая, кому адресовано письмо, кто-то может просто надеяться выманить Дункана и Мэллори, чтобы посмотреть на них в действии.

— Мы можем пойти с вами? — спросил Грей. — На случай, если отправитель действительно ожидает увидеть нас?

Улыбка МакКриди потеплела:

— Отличный предлог для приключения. Да, пойдемте. Я пошлю весточку в участок за подкреплением, но сам направлюсь прямо туда — ваша поддержка не помешает.

Согласно записке, молодого человека, подходящего под описание Селима Авада, видели у доходного дома — или «лэнда» — в районе Лейт-Уинд в Старом городе. Этот район славится проституцией, и, судя по осторожным формулировкам в письме, здание является борделем. Или, может, «бордель» — не совсем верное слово. Это подразумевает организованное заведение под управлением мадам. Эти же дома в основном заселены секс-работницами, которые трудятся либо независимо, либо под присмотром «красавчика» — любовника, который по совместительству является их сутенером. По словам МакКриди, в этом районе есть три таких здания, образующих треугольник, которые местные называют «Счастливая Земля», «Святая Земля» и «Праведная Земля». Мне ужасно хотелось узнать историю этих названий, но МакКриди хранил молчание, явно желая меня подразнить.

Всё это казалось мне крайне любопытным. Я не раз бывала в этой части Старого города и в этом времени, и в своем собственном, но не знала историй, скрытых за этими стенами. Полагаю, чтобы знать такое, нужно быть потенциальным клиентом.

Даже зная то, что я знаю, я не видела ничего из ряда вон выходящего. Конечно, сейчас только начало второго дня, но МакКриди говорит, что даже ночью здесь не встретишь полуголых девиц, вальяжно расхаживающих перед домами. В рекламе нет нужды. Если хочешь нанять работницу, ты знаешь, где её искать, или тебя направит тот, кто в курсе.

Женщины, которых я замечала, выглядели вполне обыденно, хотя у многих глаза были заспанными, будто они только что проснулись. Увидев МакКриди, пара девиц напряглась, явно готовая нырнуть обратно в тени, но он лишь приподнял шляпу, словно перед леди из Нового города. Одна приободрилась, преисполненная надежд, пока не заметила меня, тогда она одарила меня завистливым взглядом и продолжила свой путь. Несколько женщин посмотрели на Грея, но скорее с любопытством. Всё внимание доставалось МакКриди, видимо, они понимали, что он коп.

Мы не остановились ни у одного из трех зданий. В записке говорилось, что Селима видели у входа, где он «беседовал с молодой леди», но при этом он «нетвердо стоял на ногах», и она помогла ему зайти в соседний дом.

Помогла? Или воспользовалась тем, что он в стельку пьян?

Конечно, мы не знаем, действительно ли это Селим Авад. Есть большой шанс, что они просто увидели смуглого юношу. Мы также понимаем, что это не случайная наводка. Тот, кто её прислал, знает, что полиция ищет Селима, а раз письмо пришло Грею, значит, автор понимает и причину поисков. Обычно такие вещи не разглашаются, хотя в эту эпоху нельзя быть уверенным, что какой-нибудь констебль не раззвонил на каждом углу, что Селим разыскивается за убийство сэра Аластера.

Автор был предельно точен насчет дома, куда «помогли» зайти Селиму, и даже указал квартиру: он заметил, что там зажегся свет после того, как Селим и женщина вошли внутрь.

Нужное нам здание находилось как раз по соседству с «лэйндами» борделей, и мы вошли без труда. В этой части Эдинбурга домофонов не предусмотрено. Первым делом в нос ударил запах, и это о многом говорит, учитывая, как воняло на улице. Смрад нищеты был таким, что я невольно пожалела об отсутствии платка. Когда что-то коснулось моей руки, я подпрыгнула, но увидела лишь Грея, который вкладывал мне в карман запасной носовой платок. Я приняла его с благодарностью, хотя и понимала, как нелепо, должно быть, смотрюсь со стороны — девица в приличном платье, брезгливо пробирающаяся сквозь мусор с тряпицей у носа.

Это не самая худшая часть города, но этот дом — определенно худший из худших. Запах немытых тел и невылитых ночных горшков стоял такой густой, что я начала понимать логику — пусть и ошибочную — теории миазмов.

Когда мы дошли до мужчины, полулежащего в открытом дверном проеме, я судорожно вздохнула, что было ошибкой. Грей и МакКриди спокойно подхватили беднягу под плечи и втащили в комнату — полагаю, это означало, что он жив.

Грей подбросил монетку к протянутой руке мужчины.

— Вы же понимаете, что он профукает это на самогон, — заметил МакКриди.

— Да.

МакКриди вздохнул и уронил свою монетку рядом с бродягой, прежде чем мы отошли и закрыли дверь. *Да, эти деньги наверняка уйдут на паршивое пойло, но ни Грей, ни МакКриди не могли это контролировать — да и сам этот несчастный, скорее всего, тоже. По крайней мере, когда он очнется и найдет монеты, это будет единственным светлым пятном в его беспросветном дне.*

Мы начали подниматься по лестнице. Когда-то это здание явно было частным особняком — на это намекала внутренняя лестница и наспех перегороженные комнаты. Мы поднялись на четвертый этаж, и МакКриди замер, прикидывая, какое из окон должно выходить на дорогу.

Он двинулся вперед, но тут же замялся. Вдоль стены тянулись три двери. Средняя больше походила на чулан, но автор письма указал на вторую квартиру слева, так что это должна была быть она.

МакКриди шагнул к двери и постучал. Соседняя створка распахнулась, и на нас сердито уставилась пожилая женщина.

— Что за шум? — проворчала она. — Сейчас два часа.

— По полудни, мэм, — невозмутимо отозвался МакКриди.

— Тем более. — Она окинула нас взглядом, и её глаза хищно сузились. — Вы из благотворительного общества? У меня… — она надсадно закашлялась в кулак, — ужасный кашель, а на лекарства денег нет.

— Я врач, — ответил Грей. — Опишите симптомы, и я позабочусь, чтобы вы получили нужное средство.

Алчный блеск в её глазах тут же погас.

— Если только вы не предпочтете купить его самостоятельно, — добавил он, протягивая монету. Она потянулась к ней, но он отвел руку назад.

— Сначала пара вопросов. Вот эта дверь. Это квартира или чулан?

Она посмотрела на него как на дурачка.

— Квартира, ясное дело. Только там никто не живет. В смысле, за аренду не платит. Там какой-то малый, пьяный в стельку. Дружки втащили его туда вчера вечером. С тех пор — ни звука. Может, уже и концы отдал.

Грей отдал ей монету, а МакКриди схватился за ручку узкой двери. Заперто. Я поспешила к нему, чтобы вскрыть замок.

Прежде чем старуха успела скрыться, Грей спросил:

— Можем мы постучать к вам, если возникнут еще вопросы?

— Зависит от того, найдутся ли у вас еще монеты.

— Разумеется.

— Тогда стучите. Всё равно вы меня уже разбудили.

Она ушла, а МакКриди решил не ждать, пока я вожусь с отмычками, и просто вышибить хлипкую дверь. Он навалился на неё плечом, и дерево с треском поддалось.

— Отличная работа, — заметил Грей, просовывая руку внутрь, чтобы отпереть замок. — Видишь? Ты ценный член нашей команды, Хью. И не позволяй никому говорить обратное.

Когда Грей начал толкать дверь, я вцепилась в его сюртук.

— Э-э, а как же ловушка?

Он недоуменно нахмурился. Я отодвинула его в сторону, подоткнула юбки и с силой пнула дверь, придерживая остальных сзади. Окно внутри было занавешено, в комнате стояла кромешная тьма. МакКриди чиркнул спичкой, и мы вошли.

Старуха могла сколько угодно называть это квартирой, но комнатушка была размером с чулан. Честно говоря, я была уверена, что именно чуланом она и была, пока особняк не превратили в доходный дом. В лучшем случае — крошечной детской спаленкой.

Это была всего одна комната, футов восемь в длину и вполовину меньше в ширину. Тут хватило бы места только для узкой койки, не более. Но койки не было. На полу валялась куча одеял… а на них лежал мужчина.

МакКриди поднес горящую спичку ближе, и лицо мужчины стало отчетливо видно. Это был Селим Авад.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Мы тут же бросились внутрь. В таком крошечном пространстве не было ни единого шанса, что кто-то затаился в засаде. Селим лежал на одеялах в окружении пустых бутылок и чего-то еще. Что-то, что я и Грей заметили одновременно.

Я сорвала газету с крошечного окна, и в каморку хлынул свет. Повернув голову, я разглядела этот бледный предмет. Отрезок веревки, лежащий прямо рядом с Селимом.

Грей уже склонился над юношей.

— Он жив, — констатировал Грей, проверяя пульс. Он встряхнул Селима за плечо: — Мистер Авад? Селим?

Раздался глухой стон. Грей снова потряс его и позвал по имени. Голова Селима безвольно мотнулась в сторону. Запах перегара перебивал вонь немытого тела. Был и еще один запах. Приторно-сладковатый.

— Рвота, — определил Грей.

Он отпихнул грязное одеяло, испачканное этой самой рвотой, и вернулся к попыткам привести Селима в чувство. Когда он отвесил парню пощечину, я поморщилась, но это сработало. Селим вздрогнул и очнулся, хлопая глазами и озираясь по сторонам.

— Доктор Грей? — Он заморгал еще чаще. — Мисс Митчелл и детектив МакКриди. Где я…? О!

Он попытался вскочить, но пошатнулся, и мужчинам пришлось его подхватить.

— Где я? — спросил Селим, оглядывая каморку. Его взгляд упал на пустые бутылки. — Что это…? — Он снова осмотрелся. — Как я здесь оказался?

— Ну, согласно записке, которую я получил, — произнес МакКриди, — вчера вечером вас видели входящим сюда в сопровождении женщины.

— Что? Нет. — Селим в ужасе уставился на свои руки. — Это не… я не… — Он указал на бутылки. — Это не моё. — Затем он увидел веревку и замер. — И это совершенно точно не моё.

— У нас к вам много вопросов, это очевидно, — сказал МакКриди. — Но для начала нам нужно доставить вас домой к сестре, где доктор Грей сможет осмотреть вас как следует.

Пока МакКриди ловил на улице кэб, я разговорилась с соседкой. Грей снабдил меня монетами, чтобы развязать ей язык. Самым печальным было то, что монетки были пустяковыми. Медяков и «хапенни» оказалось достаточно, так что я не винила её за требование материального стимула. Опасаться стоило лишь того, что она начнет выдумывать небылицы, лишь бы заработать побольше. Поэтому я тщательно выверяла вопросы и платила ей даже тогда, когда она не знала ответа.

Вчера вечером Селима принесли двое мужчин. Совершенно точно мужчины, значит, автор записки врал про женщину, и всё это было чистой воды *инсценировкой*.

Соседка не смогла описать их точнее, чем «здоровенные и грубые, как докеры». Они не заметили её за приоткрытой дверью, а у неё хватило ума не выскакивать к ним с претензиями по поводу шума. К тому же было два часа ночи, а не полудня.

Селим был в глубоком отключке. «Пьян в зюзю», по её словам — запах спиртного пробивался даже сквозь общую вонь доходного дома. Они затащили его в комнату и ушли. Перед уходом один сказал другому нечто весьма конкретное:

— Ты оставил веревку?

Мне даже не нужно было допрашивать Селима Авада, чтобы понять: его подставили. Мы и так подозревали это по записке и по тому, что нашли его без чувств в окружении пустой тары. К тому же на нем не было сапог, судя по всему, их использовали, чтобы оставить те самые отпечатки, которые привязывали его к нападению на меня.

К тому времени, как я закончила опрос, мужчины уже помогали Селиму спуститься. Я скользнула обратно в каморку, чтобы провести обыск. Грей забрал веревку. Я завернула бутылки в наименее грязное из одеял. Также я заметила, что Грей прихватил и то одеяло, которое было в рвоте. Мерзко, но *профессионально*.

Весь расчет был на то, что Селим был мертвецки пьян. Содержимое одеяла могло подсказать нам, что именно было в его организме — обычный алкоголь или что-то еще.

Когда улики были собраны, в комнате остались только два других одеяла, которые я вытряхнула. Пусто.

Селима сбросили здесь на ночь. Место преступления «украсили» бутылками и веревкой, а затем кто-то послал наводку Грею. МакКриди может ворчать, что нам подсовывают улики на блюдечке, но подозреваю, что если здесь и был намек на чью-то несостоятельность, то метили не в Хью.

В этих грошовых романах Грей предстает гениальным сыщиком, но при этом эдаким адреналинщиком, который очертя голову бросается в самое пекло. И хотя автор много в чем ошибается, здесь он попал в точку. Дункан блестящий ум, но при этом азартный охотник за приключениями, как и его новая ассистентка.

Наводку прислали человеку, который с наибольшей вероятностью сорвется с места за Селимом, не потрудившись уведомить полицию. Такой человек ворвался бы, увидел веревку и бутылки и воскликнул: «Ага! Дедукция подсказывает мне, что это наш убийца, который от угрызений совести напился до беспамятства». Потому что, конечно же, если ты кого-то задушил, ты будешь таскать с собой ту самую веревку еще несколько дней.

Тот, кто это устроил, мнит себя криминальным гением, хотя, как и большинство самопровозглашенных злых гениев, он лишь облегчил нам работу своими топорными попытками обставить «сцену».

***

Селим отдыхает у сестры и — со смущенным видом — шутит о том, что поставил рекорд по количеству нокаутов за неделю. Да уж, тут накрывает нехилое чувство дежавю. Парня вырубили в туннелях, а теперь, оказывается, его там вырубили дважды.

Селим был в туннеле в ту ночь, когда исчез. К слову о детективах-любителях: он спустился туда в надежде, что обстановка освежит его память. Видел ли он или слышал что-то накануне, а потом забыл из-за удара по голове? Могла ли зацепка к убийству зятя быть заперта где-то глубоко в его мозгу?

Возможно, Селим и не рекордсмен по нокаутам, но по части того, чтобы оказаться не в то время и не в том месте, он точно чемпион. Сначала он наткнулся на убегающего убийцу, когда пытался прокрасться в дом, чтобы устроить детям сюрприз. На этот раз, пока он вынюхивал улики в туннелях, кто-то уносил артефакты.

— Я услышал, что кто-то идет, — рассказывал он. — Я не знал, что и думать. Неужели убийца вернулся? Если да, то зачем? Мои колебания стоили мне драгоценных секунд, и когда я заметил вора, было уже поздно. Я увидел его с сумкой и попытался выхватить её. Сумка упала, из неё выкатился свиток папируса. А потом кто-то огрел меня сзади. Удар не вырубил меня окончательно, но в голове помутилось, и этот громила меня одолел.

— Вы видели вора? — спросил МакКриди. — Это кто-то из ваших знакомых?

Селим покачал головой:

— Я почти уверен, что он лишь исполнитель, работающий на того, кто крал древности. И я полагаю, мне известно, кто это был.

Казалось, он готов назвать имя, ведь это был бы наш следующий вопрос. Вместо этого я попросила его описать того человека, которого он видел. Мужчина лет тридцати, крупный и грубоватый, и хотя от соседки я узнала немного, это описание совпадало с одним из тех, кто затаскивал Селима в ту каморку. Однако это был не тот человек, который напал на него в туннеле после убийства сэра Аластера, Селим подтвердил, что тот нападавший был заметно меньше ростом.

— Что произошло дальше? — уточнил МакКриди.

Селим замялся, явно сбитый с толку тем, что мы не требуем немедленно назвать подозреваемого в краже. Но он ответил, рассказав, как его опоили снотворным; он пару раз ненадолго приходил в себя в темноте, будучи связанным по рукам и ногам, прежде чем его снова накачивали лекарством.

Грей подтвердил, что следы от веревок на запястьях и лодыжках Селима подтверждают его слова.

После этого Селим помнит, как проснулся один раз, чувствуя тошноту; он едва успел повернуться, чтобы не захлебнуться рвотой, прежде чем снова провалился в тяжелый сон.

МакКриди дотошно расспрашивал Селима обо всем, что тот мог вспомнить о напавшем на него человеке, о папирусном свитке, выпавшем из сумки, и о местах, где он приходил в себя. По последнему пункту у него не было ничего, а по первому — лишь то, что он уже сообщил.

Похоже, нападение на Селима снова было лишь фатальным невезением. Но после того, как его оглушили, тот, кто заправлял кражей, решил, что парень может пригодиться. Нападавший припрятал артефакты в туннеле «на ответственное хранение», пока вытаскивал Селима наружу. А следующей ночью Мьюир вернулся за добычей… и обнаружил, что так называемый секретный туннель вовсе не такой уж секретный: народ там шныряет туда-сюда, как в *подземке Торонто* после матча «Лифс».

То, что мы оказались там вместе с миссис Уоллес, дало толчок новой схеме. Вырубить экономку и задушить меня точно так же, как был задушен сэр Аластер, чтобы свалить обе смерти на Селима. Благо парень был у них в руках, и они могли использовать его обувь для создания следов. Черт, убийство меня могло еще и выбить следствие из колеи, если бы смерть ассистентки — и предполагаемой любовницы — заставила прославленного доктора Грея выйти из игры.

Наступил момент, которого Селим вежливо дожидался. Он сказал, что знает, кто держал его в плену, а мы даже не спросили имя. Это потому, что у нас было предчувствие: это будет самая предсказуемая часть истории.

— Лорд Мьюир, — произнес он, когда МакКриди наконец задал вопрос. — Послушайте, прежде чем вы что-то скажете: я понимаю, насколько это серьезное обвинение. Хуже того, у меня нет твердых доказательств, что это был именно он. Я не видел его, не слышал его голоса и даже не слышал, чтобы мои похитители произносили его имя. Зато у меня есть результаты моей собственной «детективной работы», которые указывают на него как на человека, ворующего древности Аластера. Вполне возможно, что эта последняя кража и моё похищение были делом рук другого человека. Но даже если так, я обязан заявить о своих подозрениях в отношении лорда Мьюира, так как понимаю, что это может повлиять на расследование смерти Аластера.

Селим глубоко вздохнул.

— Аластер считал, что лорд Мьюир стоит за недавними кражами древностей, предназначавшихся для музейных коллекций и исследований. Это ставило Аластера в очень щекотливое положение, учитывая, что лорд Мьюир был его покровителем. Он попросил меня провести расследование, используя мои связи в среде торговцев антиквариатом. Чем я и занимался, наведываясь в город под предлогом встреч с любовницей.

Я вспомнила письмо, которое нашел Мьюир.

— Сэр Аластер писал вам об артефактах?

Он нахмурился.

— До нас дошли слухи о письме сэра Аластера к вам, в котором он настоятельно просил о встрече, чтобы обсудить артефакты.

— Ах, это. Да. Я был в Лондоне, и он прислал записку туда. Я вернулся, чтобы всё обсудить. Если это важно, я, скорее всего, смогу предъявить это письмо.

— Если не затруднит, сделайте это.

— Значит, вы были в Эдинбурге по делу, — подытожил МакКриди. — И никакой любовницы нет?

— Не буду притворяться монахом. — Он заметил меня, и его щеки залил румянец. — Э-э, то есть, я хотел сказать… — Он откашлялся. — У меня нет любовницы. Я слишком занят работой для интрижек подобного рода. Когда придет время, мои тетушки подыщут мне жену, если я не захочу найти её сам. Выдумка с любовницей позволяла мне незаметно перемещаться по городу по ночам, не вызывая лишних вопросов у сестры.

— Вы помогали зятю найти вора.

— Скрытно. Очень скрытно. Само слово «кража» здесь… звучит неоднозначно, если человек, забирающий вещи — это тот самый человек, который спонсирует экспедиции. У меня было чувство, что между ними были и другие поводы для раздора, и всё это было очень… — Он пожал плечами. — Сложно.

— И что же вы обнаружили?

— Достаточно доказательств, чтобы Аластер всерьез задумался, как с этим быть. Я выследил три пропавших артефакта. В деле были замешаны два дилера. Один хорошо известен торговлей ценными предметами, я могу назвать его имя. Другого выследить оказалось труднее. Он глубоко завязан в криминальном мире торговли древностями. У меня была наводка, связанная с каким-то подпольным рынком, но я не успел довести дело до конца. Тот торговец, с которым я связался, похоже, считал, что товар поступил… ну, от меня. Человек, доставивший артефакты, был смуглокожим и утверждал, что он египетский зять египтолога. Я выследил этого человека и в ходе

разговора убедился, что его нанимателем и поставщиком был лорд Мьюир. Именно он велел ему рассказывать историю, намекающую, что этот юноша — я. Я сообщил об этом Аластеру, и мы планировали нанести этому молодчику визит, как только Аластер покончит с этим проклятым разворачиванием мумии.

— То есть вы сможете сказать мне, где найти этого молодого «египтянина»?

Селим закатил глаза:

— Он не египтянин. Он даже не африканец. Его мать родом из Индии. — Он посмотрел на Грея. — Уверен, вы понимаете, как это бывает, доктор. Одного смуглокожего легко выдать за другого. Но да, я могу сказать, где его искать. У меня даже есть его настоящее имя. — Он кивнул в нашу сторону с легкой улыбкой. — Из меня не ахти какой детектив, но любознательность и капля обаяния творят чудеса, когда нужно найти людей и разговорить их. Именно поэтому Аластер и поручил мне это задание, помимо моих связей. Обаяние никогда не входило в «арсенал» моего зятя. — Он посерьезнел. — Он был хорошим человеком. Немного степенным и часто до чертиков упрямым, но он искренне радел за египетскую историю и за мою сестру — пусть и именно в таком порядке. Работа была для него всем, но он не пренебрегал семьей. Он заботился о них больше, чем умел показать.

Эпитафия, которую, я уверена, можно приложить к жизням многих мужчин — и в этом мире, и в моем собственном. Воспитаны так, чтобы отдавать все силы карьере, но лишены навыков делать то же самое в кругу семьи, как бы глубоко они ни любили близких.

Разумеется, МакКриди спросил, почему Селим не рассказал об этом сразу, ведь это давало Мьюиру если не мотив для спланированного убийства, то как минимум повод для ссоры, которая могла привести к трагедии.

Вопрос был не совсем честным, учитывая хронологию событий. Когда сэра Аластера нашли, Селим лежал без сознания в туннеле. Половину следующего дня он приходил в себя… а затем его похитили, прежде чем пропали новые артефакты.

И всё же МакКриди обязан был спросить, потому что, если Мьюиру предъявят обвинения — даже только в кражах, — его адвокат сможет использовать эту задержку как «доказательство» того, что настоящим вором был Селим. Мол, ему просто нужно было время, чтобы состряпать версию защиты, результатом чего и стало то письмо Грею, имитирующее похищение.

Ответ был прост. Селим не упоминал об этом, потому что не видел причин подозревать Мьюира в убийстве зятя, а именно это расследовала полиция. Мы-то знаем, что у Мьюира было алиби. А кража обнаружилась уже после исчезновения Селима.

Если бы Селим знал, что украдены новые артефакты, он бы заговорил. Ему просто не представилось случая.

— О, и еще кое-что, — добавил Селим. — Я подозревал, что лорд Мьюир мог использовать туннель для выноса артефактов. Конечно, это казалось нелепым, откуда графу знать о подземном ходе, которым пользуются только дети? Ответ я нашел, поговорив с его дочерью под предлогом передачи посланий между Аластером и лордом Мьюиром. Она очаровательная женщина, хоть и немного одинокая в их загородном поместье. Она была рада составить мне компанию за чаем.

Да уж, в этом я не сомневалась. Селим не просто обаятелен; он умен, образован и привлекателен. Для женщины, которая, возможно, никогда не покидала Британские

острова, его происхождение добавляло ему флер экзотики. А тот факт, что он зять баронета, делал его социально приемлемым собеседником, по крайней мере, в безопасности дома мисс Мьюир, под присмотром прислуги.

— Однажды я упомянул о туннелях, — продолжал он. — Ей особенно нравятся подобные авантюрные детали. Когда я заговорил о них, она очень оживилась и захотела поделиться со мной семейной сплетней. Вы знаете, как Аластер стал протеже лорда Мьюира?

— Семейные связи, разве нет? — ответил МакКриди. — Семьи знакомы уже несколько поколений?

— Да, еще со времен французских революционных войн. Прадед Аластера служил под началом деда лорда Мьюира и спас ему жизнь. После этого судьбы семей переплелись. Домом Аластера изначально владел дед лорда Мьюира. Именно он построил туннель, чтобы тайком проводить сомнительных личностей на свои вечеринки. И хотя это не доказывает, что лорд Мьюир знал о ходе, это вполне вероятно, ведь он жил в этом доме, когда был ребенком.

— А если есть туннели, — вставила я, — дети их обязательно найдут.

Селим улыбнулся:

— Обязательно.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Я сидела в библиотеке особняка вместе с Айлой: она была занята домашними счетами, а я… ну, я по большей части просто пялилась в окно. Айла не мешала мне, лишь разок уточнив, что, если я захочу поговорить, она с радостью отвлечется от своей бухгалтерии.

После того как мы покинули дом Кристи, МакКриди нужно было ехать прямиком в полицейское управление, чтобы обсудить с начальством дело Мьюира. Решить, когда и как доставить графа на допрос, — задача со звездочкой, учитывая его положение. Это могло бы меня бесить, но МакКриди это бесило не меньше, так что ворчать не было смысла.

Грей поехал с ним на случай, если какие-то детали его показаний потребуют подтверждения. Они звали меня с собой, но я не видела, чем могу быть полезна, поэтому попросила высадить меня у дома.

И вот я в библиотеке. Думаю. Много думаю. Состыковываю детали, верчу их и так, и эдак.

Час спустя вернулся Саймон с запиской от Грея:

«Нашли одного из сообщников лорда М. по похищению. Везу его в участок на допрос. Хотите присоединиться?»

Я размышляла над вопросом несколько минут. Затем отправила короткий ответ, который даже не нужно было записывать: — Нет, спасибо.

Я отпустила Саймона с ответом, поблагодарив за доставку. Когда он ушел, Айла вопросительно вскинула брови. Я рассказала ей, о чем просил Грей, и её брови взлетели еще выше.

— Ты не хочешь допросить человека, который похитил мистера Авада? Того, кто может дать прямую улику против лорда Мьюира?

— Хью справится.

— Не сомневаюсь, но Дункан звал тебя не для помощи. Он хотел, чтобы ты увидела, как свершается правосудие над твоим несостоявшимся убийцей.

Я пожала плечами и снова уставилась в окно.

— Ты не веришь, что виноват лорд Мьюир? — спросила она.

— Я верю, что он похитил и подставил Селима Авада. Верю, что он стоит за кражей артефактов. И я знаю, без тени сомнения, что он пытался меня убить.

— А как же сэр Аластер? Мог лорд Мьюир убить его?

— У него железное алиби.

— Тогда кто-то из сообщников? Те люди, что похитили мистера Авада?

— Насколько вероятно, что Мьюир послал бы одного из них прикончить сэра Аластера?

— К тому же, они явно не те, кого видел мистер Авад. Так кто же тогда убил сэра Аластера?

Я продолжала сверлить взглядом улицу за стеклом.

— У тебя есть идеи, — констатировала она.

— Мои мысли упорно возвращаются к Селиму Аваду. Мы предполагаем, что они с зятем были в хороших отношениях, раз сэр Аластер просил его о помощи.

— Но у нас есть только слова мистера Авада на этот счет.

— Плюс письмо, которое он предъявил. Но в нем ровно то, о чем говорил Мьюир — срочный вызов, чтобы обсудить пропавшие артефакты. Это можно трактовать двояко.

— Либо как помощь сэру Аластеру в расследовании, либо как предъявление обвинений самому Селиму в краже.

— Именно. Я не сомневаюсь, что Селима похитил Мьюир, и что Мьюир ответственен за кражи, но вор — это не обязательно убийца.

— Вор — лорд Мьюир — мог просто воспользоваться смертью сэра Аластера и трауром в доме, чтобы украсть еще больше артефактов, — задумчиво произнесла Айла. — И хотя мистера Авада нашли в туннеле без сознания, это могло быть инсценировкой. Он крепкий молодой человек, который легко мог одолеть сэра Аластера и затащить его в ту кладовую.

— И его алиби тоже ничего не проясняет.

Она поднялась.

— Давай проанализируем то одеяло, которое принес Дункан. Возможно, я смогу подтвердить, действительно ли мистер Авад был под воздействием седативных…

В дверь постучали. Айла позвала Лорну; та вошла с письмом в руке.

— Боже мой, — вздохнула Айла. — Посланиям сегодня нет конца. Это тоже мисс Мэллори?

— Нет, мэм. Это вам.

Айла с улыбкой приняла конверт. Собравшись его вскрыть, она помедлила, нахмурившись. Прежде чем я успела спросить, в чем дело, она достала карточку.

— А, — вымолвила она. — На самом деле это нам обеим, Мэллори. Письмо от Королевы Мэб. Она пишет, что твой контакт по поводу мумии встретит нас через час на Старом кладбище Калтон. Мое присутствие также обязательно, так как у меня были вопросы, прежде чем я соглашусь на её условия.

Айла взглянула на часы.

— У нас есть время переодеться и выйти. Еще светло, так что, полагаю, это место достаточно безопасно для встречи?

Кладбище находится на Ватерлоо-плейс, это продолжение Принсес-стрит, рядом с Калтон-хилл. Вполне подходящее место для двух женщин в конце дня. Я подтвердила это, и мы разошлись по комнатам, чтобы сменить домашние платья на прогулочные.

***

Я спустилась как раз в тот момент, когда Айла велела Лорне и Алисе основательно протереть пыль в библиотеке. Хотя пыль там вытирали ежедневно — неизбежность в эпоху угольного и дровяного отопления, — она имела в виду генеральную уборку, которая проводится раз в месяц. А библиотека из-за книг и безделушек — самая трудоемкая комната. Я сама занималась этим всего две недели назад, но подозреваю, что миссис Уоллес попросила Айлу найти задание, которое заставит двух девушек долго работать бок о бок в надежде, что они наконец поладят.

Лорна, которая до этого беспрекословно выполняла любое поручение, на этот раз заупрямилась. Сказала, что у неё побаливает голова, и она надеялась прилечь. К моему удивлению, Айла не разрешила, а лишь выдала ей аптечный порошок.

Айла не из тех начальников, кто даст раненому сотруднику пластырь и велит пахать дальше. Но имею ли я право спрашивать, что происходит? Я вроде как больше не горничная, но каков мой статус в этом доме?

Эти мысли потянули за собой думы о будущем, и я замолчала, подавленная неопределенностью. Мы вышли из дома и пошли пешком; я так погрузилась в себя, что даже не заметила, светит ли солнце или небо затянуто тучами, идет снег или нет. Заметив почтальона на Принсес-стрит, я вздрогнула.

— О, мне нужно будет поговорить с вами позже, — сказала я.

Я объяснила ситуацию с родителями: план с письмом под половицей и объявлениями в газетах.

— Твои родители на редкость сообразительны, — заметила Айла. — Да, газетные колонки должны сработать, так они будут знать, что с тобой всё хорошо.

Она мельком взглянула на меня, когда мы обходили пару туристов.

— Я не буду донимать тебя вопросами о случившемся, пока ты сама не созреешь для разговора. Но позволь сказать: я рада, что ты успела вернуться в свое время до смерти бабушки. Рада, что она прожила гораздо дольше, чем ожидалось.

— На самом деле — нет. Я очнулась там через пару дней после ухода. Примерно в то же время, когда очнулась здесь в первый раз. Не проси меня это объяснять. Но да, я повидала Нэн и всё ей рассказала. Включая то, что происходит здесь. Именно она помогла мне понять, что это был не сон. И именно она подтолкнула меня к возвращению.

— Ты… чувствовала себя обязанной?

— Что? — Я резко обернулась. — А, обязанной вернуться, потому что она этого хотела? Нет. Это был… — Я глубоко вздохнула. — Странно называть это выбором, когда всё произошло так быстро, но это был выбор. И я рада, что всё случилось быстро. Такие решения не принимаются путем долгих раздумий. Чутье сказало мне, что я должна использовать шанс, если он представится снова, и я так и сделала.

Голос Айлы понизился:

— Ты жалеешь об этом? Можешь честно сказать, если да. Тебе станет легче, если будет с кем это обсудить. Дункану я ни слова не скажу.

— Я не жалею. — Мы перешли дорогу. — В идеальном мире у меня была бы дверь, в которую можно ходить туда-сюда. Но по крайней мере я успела попрощаться с Нэн и увидеть родителей, и они знают, где я. К тому же Катриона там не объявилась, и это огромное облегчение. Но если вдруг — они готовы.

— Не думаю, что она там появится. Не имею понятия, куда делась Катриона, и мне немного грустно от мысли о её возможной смерти, но я не убита горем. Думаю, никто из нас не убит, и именно от этого мне грустнее всего. Никто не должен умирать неоплаканным.

— Катриона сама делала свой выбор. Уверена, выживание стояло у неё на первом месте, но… — Я пожала плечами. — Люди выживают и в более суровых условиях, не втыкая нож в спину каждому, кто проявил к ним каплю доброты. Катриона была устроена иначе.

— Это уж точно.

Заметив на часах, что мы пришли раньше срока, Айла замедлила шаг у витрин. А затем добавила:

— Мне нужно поговорить с Дунканом о твоем жалованье. Знаю, он поднял его, когда ты начала ему помогать, но теперь, когда ты его ассистентка на полную ставку, оно должно быть выше.

Она указала на мануфактурную лавку, в витрине которой были выставлены образцы тканей.

— Ты больше не планируешь исчезнуть в любой момент, а значит, пора принять прибавку к жалованью и начать занимать подобающее тебе место в этом мире. — Она посмотрела на меня. — Если этому миру суждено стать твоим домом, Мэллори, ты должна сделать его домом по-настоящему.

— Да, насчет этого... — Я откашлялась. — Тут такой неловкий момент. Я решила остаться здесь, не посоветовавшись с людьми, которые меня приютили. Я тут подумала, что мне стоит подыскать себе квартиру. У Катрионы были кое-какие сбережения, да и я почти не тратила свое жалованье за последние два квартала. Этого должно хватить на первое время.

Тишина. Затем, тщательно подбирая слова, Айла произнесла:

— Это то, чего ты хочешь? Собственный угол?

— Вы не подписывались на вечного гостя, — сказала я. — Если хотите вычесть из моей зарплаты плату за стол и кров, я с радостью останусь, но я знаю, что в доме стало теснее теперь, когда у нас есть Лорна.

— Я пойму, если тебе действительно нужна отдельная квартира, но мы были бы очень рады, если бы ты осталась. — Она мельком взглянула на меня. — Мне приятно твое общество, если я еще недостаточно ясно это дала понять, а дом вполне велик для всех нас. Впрочем, нам стоит обсудить твой переезд в одну из гостевых комнат.

— Мне и там хорошо, где я сейчас. И я с радостью останусь. Просто не хочу никому мешать. Я не напрашивалась к вам в пожизненные нахлебники.

— Ты не нахлебница. Можешь считать себя жильцом, если тебе так угодно, но мы видим в тебе друга, который решил жить с нами, к нашему величайшему удовольствию.

— Э-э, если под «мы» вы подразумеваете и вашего брата, вам лучше сначала уточнить у него.

— Нет нужды. Я уверена, мой брат чувствует то же самое. А теперь, когда это дело будет закончено, мы обсудим твое новое жалованье, а затем отправимся к портнихе за гардеробом, подобающим твоей новой и постоянной должности.

***

Как и на Грейфрайерс, я бывала на обоих Калтонских кладбищах в свое время. Есть «Старое» кладбище Калтон и «Новое», которое в эту эпоху и впрямь относительно новое.

Это приходские кладбища тех времен, когда иного способа упокоиться просто не существовало. По крайней мере, для христианина, надеющегося пройти сквозь жемчужные врата. Частные кладбища появились сравнительно недавно... и стали источником внезапного богатства для таких семей, как Грей, которые вовремя вложились в это «предприятие будущего».

На протяжении сотен лет каждого христианина в Эдинбурге хоронили на одном из нескольких церковных дворов. При этом на каждом из них всего по паре сотен

надгробий. Разгадка этой математической невозможности проста: большинство могил не помечены. Подобная роскошь — только для богатых.

На этом кладбище самый заметный ориентир — Памятник политическим мученикам, девяностофутовый обелиск в память о четырех парламентских реформаторах, которых сослали в Австралию. Ходит слух, что он настолько высок, что с его вершины можно увидеть саму Австралию — задача не из легких, учитывая тысячи миль расстояния и ту досадную проблему, что земля всё-таки круглая.

Когда-нибудь здесь появится и статуя Авраама Линкольна, и если я когда-то и слышала, почему её решили поставить именно тут, то давно забыла. Линкольна убили четыре года назад, но памятника ему пока не видать.

Королева Мэб велела нам встретить связного на холме. Мы направились туда, минуя десяток людей: кто-то пришел почтить память близких, но большинство просто сокращали путь. На вершине женщина в черном стояла на коленях перед могилой, прижимая кончики пальцев в перчатках к земле.

Мы уже собирались обойти «вдову» по широкой дуге, когда она произнесла:

— Миссис Баллантайн?

Женщина поднялась. Она была одета в траурный черный с головы до пят, включая вуаль, полностью скрывающую лицо. Именно эта вуаль подсказала мне: перед нами наша «мисс Хэвишем». Белая Дама, как называла её Королева Мэб.

Подойдя ближе, я скользнула взглядом по могиле, у которой она только что молилась.

— Там никого из моих знакомых, — сказала она. — Удобный способ устроить частную встречу. Никто не горит желанием вторгаться в моё горе.

Она указала на скамью неподалеку, и мы присели. Я молчала, пока она вела переговоры с Айлой, отвечая на её вопросы и торгуясь об объеме работы, которую получит взамен. Закончив, Белая Дама повернулась ко мне.

— Полагаю, вы всё еще ищете того, кто скупает останки мумий? — спросила она.

— Да.

— Тогда мой ответ вас не обрадует, но будьте уверены, у меня есть кое-что полезное.

— Ладно...

— Если в Эдинбурге и есть человек, приторговывающий мумией, я его не знаю. А если я его не знаю, сомневаюсь, что он существует. Мой ответ: никто не покупает подобные вещи, так как никто, насколько мне известно, их не продает.

Мои пальцы вцепились в каменное сиденье скамьи.

— Вы сказали, что у вас есть информация. Наш уговор...

Она подняла руку в черной перчатке.

— Я сказала, что у меня есть информация. Ко мне обратились с желанием *купить* мумиё. Я ответила, что не продаю его, и они хотели знать, кто продает. Они были весьма настойчивы. Им оно было позарез нужно, и они жаждали выйти на продавца.

— Я не ищу покупателя.

Она качнула головой, вуаль зашуршала по платью.

— Они не собирались покупать мумиё. Теперь я это понимаю. Им нужен был продавец, потому что у них самих было что продать.

— Когда это было?

— На следующий день после смерти сэра Аластера.

— Значит, вы встречались с человеком, который, возможно, пытался сбыть мумифицированные останки?

— Я не встречаюсь с клиентами за пределами рынка. Этот человек связался со мной письмом.

Я подалась вперед:

— Вы можете с ним связаться?

— У меня есть способ передачи сообщений. И это не «он». Почерк был женским. Впрочем, полагаю, отправительница связана с врачом. Возможно, жена доктора или больничная медсестра.

— С чего вы взяли?

— Ко мне часто обращаются врачи за редкими или вышедшими из моды ингредиентами. Письмо было от кого-то явно образованного; использовалась медицинская терминология, наводящая на мысль, что женщина действует от имени доктора. Она даже упомянула имя человека, которого я раньше нанимала для добычи... определенных ингредиентов.

— Определенных ингредиентов?

Её вздох всколыхнул вуаль.

— У меня был контакт в медицинском колледже, который поставлял мне части препарированных трупов. Он там больше не работает, но тот, кто писал письмо, использовал его имя как рекомендацию.

— Врач приторговывал частями трупов?

— Студент, который с тех пор уже выпустился. Хотя, полагаю, теперь это делает его врачом. Я не назову его имени, потому что он сейчас за морем и никак с этим не связан, кроме того, что его использовали для подтверждения «надежности» автора письма. Но если сложить всё вместе, вы поймете, почему я сочла это письмо серьезным запросом.

— Женщина, связанная с доктором, предлагающая мумиё.

— Да.

— Письмо у вас? — спросила я.

— Нет. Я сожгла его, как всегда делаю с любыми бумагами, которые могут навлечь на меня неприятности. Однако я могу сказать, как выйти на связь. Вы должны оставить письмо здесь, на этом кладбище, и она заберет его, когда сможет. Я покажу вам место.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Мы с Айлой ловим кэб до полицейского участка МакКриди. Как бы ни хотелось оставить письмо, пока мы были на кладбище, нам нужно обсудить это с Хью и попросить его выставить наблюдение за тем местом.

Мы добираемся до участка как раз в тот момент, когда Грей выходит на улицу, собираясь домой. Он заводит нас обратно и вводит в курс дела, пока мы идем по коридорам.

— Человек лорда Мьюира признался, — говорит Грей, проводя нас в пустую комнату. — Это было непросто, но как только он услышал, что граф пытался убить молодую женщину, его желание выгораживать хозяина поубавилось. Хью сделал вид, будто мы считаем этого малого соучастником покушения на вашу жизнь, за что он может загреметь на виселицу. Присяжным достаточно одного взгляда на такого грубияна, чтобы решить: вы ошиблись, и именно он вас душил.

— Хороший ход.

— Сейчас Хью докладывает начальству. Но, разумеется, это не решает загадку смерти сэра Аластера. Надеюсь, то, что вы узнали, нам в этом поможет.

Мы с Айлой пересказываем Грею новости. Пока мы объясняем, его лоб прорезает складка.

— И что всё это значит? — спрашивает он.

— Я еще в процессе осмысления, — отвечаю я. — Мы предполагаем, что тот, кто убил сэра Аластера, забрал останки и попытался сбыть их как мумиё. Но это лишь теория. Мог ли кто-то другой найти и забрать мумифицированные части, осознав их ценность? Может ли быть простым совпадением то, что кто-то обратился к Белой Даме в поисках покупателя мумиё на следующий день после смерти профессора? По словам Эммета Кинга, к сэру Аластеру тоже кто-то обращался, но почерк и стиль там были совершенно иными. Пока я могу лишь предложить оставить письмо на кладбище и выставить полицию, чтобы взять того, кто за ним придет.

— Ну что ж, — произносит Грей с обеспокоенным видом, — полагаю, это действительно всё, что мы можем сделать. Пойду поговорю с Хью. Хотите подождать?

Я качаю головой:

— Нам с Айлой лучше вернуться домой и всё обдумать.

— Я скоро к вам присоединюсь. Передайте, пожалуйста, миссис Уоллес, что я могу не успеть к ужину.

***

Грей не успел к ужину. Зато он успел к десерту, и я позволю ему притворяться, что это вышло случайно. Возможно, это и впрямь было так, учитывая, каким рассеянным он выглядел. Он устроился рядом с нами, МакКриди всё еще пропадал в участке, и принялся за свой лимонный пирог, не проронив ни слова.

— Проголодался, я смотрю, — заметила Айла. — Хочешь еще кусочек?

Грей моргнул, глядя на нас.

— Хм?

Он не был голоден. Просто настолько погрузился в мысли, что ел на автопилоте. Или, может, заправлялся сахаром перед грядущим разговором, потому что спустя пару укусов он произнес:

— Боюсь, у меня появился новый подозреваемый, и мне это совсем не нравится. Совсем.

— Флоренс Кинг, — тихо сказала я.

Его глаза встретились с моими.

— Да.

— Мы с Айлой пришли к тому же крайне неуютному выводу. Флоренс знала, для чего используют мумиё, и у неё достаточно медицинских знаний, чтобы составить то письмо.

— Похоже, миссис Кинг виновна в попытке продать останки, — добавила Айла. — И мы надеемся, что это единственное, в чем она виновна. Мы не видим весомого мотива для убийства. Я знаю, лорд Мьюир обвинил её в том, что она хотела остановить кампанию сэра Аластера против студенток, но, как сказала сама миссис Кинг, он был лишь одним из многих оппонентов. Ей потребовался бы куда более личный мотив.

Грей медленно и методично вытер рот салфеткой.

— И у вас он есть, — констатировала я. — Черт, что я упустила?

— Улику, к которой у меня был доступ, а у вас — нет. Она не дает мне покоя с тех пор, как я расшифровал тот текст.

— Конспекты? Которые её муж... Погодите. Почерк указывал на то, что писала женщина. Я совсем об этом забыла.

— Потому что муж взял вину на себя и за записку, и за ключ. К тому же вы не видели расшифрованных записей, а если бы и видели, их значимость могла ускользнуть от того, кто не был студентом-медиком. Как я уже говорил, это был список вопросов, которые обычно используют для самоподготовки.

— Верно. Я сама так делала. Писала вопросы на одной стороне карточек, а ответы на другой, чтобы проверять себя. Если мистер Кинг хотел на чем-то попрактиковаться в шифровании, он мог взять первое, что попалось под руку — например, список учебных вопросов. А насчет того, зачем прятать это под матрас... — Я осеклась. — Черт. Там были только вопросы? Без ответов?

— Только вопросы.

— Такого рода, какие бывают на экзамене?

— Именно, — подтвердил Грей.

— Список экзаменационных вопросов по медицине, зашифрованный и спрятанный под матрасом вместе с ключом от кабинета сэра Аластера. Сэра Аластера, профессора медицинского колледжа. Погодите. Нет. Миссис Кинг еще не посещает медицинские лекции. Она только в прошлом месяце сдавала вступительные экзамены вместе с остальными.

Я повернулась к Айле, которая выглядела озадаченной.

— Этот список вопросов мог быть украден из кабинета сэра Аластера. Меньше всего нам хотелось бы узнать, что кто-то из «Семерки» жульничал.

— А как же муж миссис Кинг? Он ведь учится на год старше неё?

— Да, — ответил Грей. — И он учится из рук вон плохо. Я боюсь не того, что миссис Кинг украла вопросы для собственных экзаменов.

— Она украла их, чтобы помочь мужу.

— Это объясняет, зачем ей понадобился шифр.

— Чтобы помогать ему так, чтобы он сам об этом не догадался, — предположила я. — Направляя его подготовку к нужным вопросам.

— Это было бы куда более благородным объяснением, чем жульничество ради себя, — заметила Айла.

— Если только это не привело к убийству, — добавила я. — Сэр Аластер понимает, что Флоренс украла экзаменационные билеты для мужа. Он грозится вышвырнуть Эммета из университета. Как говорила Флоренс, это катастрофа — одному из них кровь из носу нужна лицензия врача. Она идет в дом сэра Аластера, чтобы поговорить с ним. Проскальзывает внутрь во время предпраздничной суеты и находит его в кладовой с артефактами. Умоляет о пощаде для мужа. Сэр Аластер отказывает. В панике — или в ярости — она убивает его. Прячет в обмотки мумии, чтобы тело не нашли, пока она не скроется. Она сама подтвердила, что знает о ценности мумиё. Поэтому она забирает останки — их квартира явно говорит о том, что они типичные бедные студенты. Вот только она переживает о том, что случится, когда сэра Аластера развернут, и придумывает повод оказаться поблизости во время приема.

Айла кивнула: — Затем она связывается с Белой Дамой, чтобы продать мумиё, зная о её связи с бывшим студентом-медиком. А когда выясняется, что ключ и шифр были украдены, её муж бросается на амбразуру и берет вину на себя, придумывая нелепые оправдания.

Грей взял еще один кусок пирога.

— Но это означает, что её муж либо знал, либо догадывался о том, что она совершила.

— Понял ли он, что она украла вопросы? — спросила я. — Знал ли он про мумиё? Он утверждал, что нашел то письмо в мусоре — то самое, от человека, искавшего мумиё. Какое поразительное совпадение. Было ли это топорной попыткой снова отвести подозрение — на этот раз на какого-то необразованного третьего лица, у которого якобы могут быть останки? — Я покачала головой. — Черт возьми. Я пытаюсь втиснуть квадратные колышки в круглые дырки. Сначала это казалось решением, но Флоренс вписывается в роль убийцы ненамного лучше Селима Авада.

— Возможно, потому что мы смотрим не с того угла, — предположила Айла. — Не на того преступника, основываясь лишь на почерке.

Я уставилась на неё. А затем разразилась чередой ругательств.

— Ну конечно. Шифр казался написанным женской рукой, как и письмо Белой Даме. Для записки из квартиры Кингов очевидным автором была миссис Кинг. Для письма Белой Даме она тоже подходила. Но мы строим всё это на убеждении, что писала женщина, потому что почерк выглядит «женственным».

— Хотя это вполне может быть мужчина с типично женским почерком, — подхватил Грей. — Тот, кто подходит под остальные критерии и уже взял на себя вину за шифр.

— Эммет Кинг.

Как подозреваемый, Эммет Кинг действительно подходит лучше. Мне всё еще не нравится подозревать приятного молодого человека, который поддерживал новаторские усилия своей жены и других женщин. Но в остальном — всё сходится.

Эммет берет ключ — в чем он уже признался. Использует его, чтобы украсть вопросы к экзаменам. Его ловят, и он идет объясниться с сэром Аластером, который в итоге оказывается мертв. Сценарий тот же, что мы примеряли на его жену: он идет просить о снисхождении, сэр Аластер отказывает, завязывается потасовка, в ходе которой Эммет убивает профессора.

Осознав, что натворил, Эммет разматывает мумию и заматывает сэра Аластера, чтобы его не нашли до вечера. Затем, увидев размотанные останки, он вспоминает, что мумиё считается лекарством, он лишь притворился, что прослушал эту часть лекции по истории медицины.

Он также знает о старшекурснике, у которого была выгодная сделка по продаже частей тел какой-то торговке. Это звучит логичнее, чем если бы Флоренс знала бывшего связного Белой Дамы. Большинство студентов-мужчин вряд ли стали бы пропускать по пинте со своими новыми сокурсницами, а уж тем более сплетничать о подработке по продаже человеческих останков.

Знает ли Флоренс, что сделал её муж? Не потому ли она крутилась у дома во время приема? Возможно, но чем больше я об этом думаю, тем больше понимаю: это опасная уловка, которая изначально и ввела её в круг подозреваемых.

Нет, я думаю, Флоренс уже тогда планировала свой протест, а разговоры о вечеринке с «разворачиванием» мумии натолкнули её мужа на мысль: сэр Аластер будет дома, в особняке воцарится хаос, и это отличный шанс прокрасться внутрь и поговорить с профессором.

Эммет либо знал о туннеле, либо обнаружил его. Он вошел этим путем и вышел им же, столкнувшись с Селимом и вырубив его. Его телосложение в точности соответствует описанию человека, которого Селим видел в туннеле.

Когда мы нагрянули к Эммету на следующий день, у него, должно быть, сердце в пятки ушло. К его облегчению, мы пришли за Флоренс, в чьей невиновности он был уверен. А когда мы вернулись расспросить про ключ и шифр — он на ходу состряпал историю.

Зачем заявлять, будто нашел письмо о мумиё в мусоре? Отвлекающий маневр, хоть и топорный. В конце концов, он знает, что мумифицированные останки пропали, а ведь об этом не объявляли во всеуслышание. Он хотел, чтобы мы искали какого-то необразованного проходимца, который мог прикончить сэра Аластера ради этой мумии. А зачем она тому бедняге понадобилась?

«Мумиё? Впервые слышу. Вы сами были рядом, когда я это сказал».

Не думаю, что у МакКриди возникнут проблемы с тем, чтобы убедить полицию задержать Эммета. В конце концов, он не из знати. Или я, по крайней мере, на это надеюсь.

Я оставляю это Грею. Сейчас я хочу сравнить почерк Эммета с тем шифром и посмотреть, совпадает ли он с воспоминаниями Белой Дамы, но всё это уже после ареста Эммета.

Я снова пытаюсь занять себя чем-то, чувствуя, что застряла на месте. Я довольна этим решением загадки, но всё равно чувствую себя отодвинутой на второй план… хотя сама себя туда и поставила.

Мне нужно обрести почву под ногами и упрочить свое положение — и в личном, и в профессиональном плане. Я не могу наступать на пятки МакКриди и не могу сама стать копом. Придется смириться с тем, что я выбрала жизнь, где принадлежность к женскому полу воздвигает больше барьеров, чем в моей прежней реальности.

Стало бы мне легче, увидь я арест Эммета? Нет. Напротив, мне могло стать только хуже от зрелища того, как молодого человека уводят от его жены-первопроходца.

Мне жаль Эммета и Флоренс, но это правосудие. Возможно, в конечном итоге я хотела присутствовать там лишь потому, что не смотреть на его арест кажется

трусостью. Но не мое это дело — созерцать аресты, в этом есть что-то стервятническое. Я буду здесь, если кому-то понадоблюсь, а пока попытаюсь сменить настроение, читая свежий выпуск «Таинственных приключений Серого Доктора». Это может заставить меня посмеяться, а может, рвать и метать, но отвлечение есть отвлечение.

Я устроилась с брошюрой, которую Джек занесла ранее. Это была первая часть нашей «тайны мумии», начинающаяся со сцены, которую я уже читала: я разворачиваю лицо мумии и едва не падаю в обморок в объятия Грея. Это снова заставило меня улыбнуться.

Далее сцена вечеринки превращается в чистейший вымышленный хаос, за чем довольно забавно наблюдать. Точнее, забавно до того момента, когда источником хаоса становится неспособность МакКриди контролировать ситуацию, хотя в реальности он справился как настоящий профи. Тут я даже возмутилась за него, что тоже послужило полезным отвлечением.

Переходим к следующей сцене: Селима находят без сознания в туннеле подвала…

Стоп. Об этом не было ни в одном газетном отчете.

Впрочем, в доме Кристи об этом знали все. Кто-то проболтался.

Я перелистнула страницу и…

— Какого черта?! — воскликнула я, вскакивая на ноги.

Я читала одна в библиотеке, и, услышав шаги за дверью, замерла, надеясь, что не ляпнула ничего слишком «невикторианского», что могла услышать Лорна. Но вошла Айла.

— А-а, — протянула она, глядя на брошюру в моей руке. — Полагаю, вот и причина вспышки.

— Вы это читали? — спросила я.

— Читала, — спокойно ответила она. — И я уже этим занимаюсь.

— Сначала я думала, что кусок про Селима в туннеле — это утечка из дома Кристи, но потом дошла до сцены, где лорд Мьюир прервал наш завтрак на следующее утро. Детали переданы с точностью до мелочей. Те же подробности, что и в описании моего платья в ночь приема.

— Я знаю. И я занимаюсь этим вопросом.

— Кто-то в этом доме поставляет информацию… — Я осеклась, когда до меня дошел ответ. Единственно возможный. Мой взгляд метнулся к двери.

— Здесь мы можем говорить свободно, — безмятежно произнесла Айла, присаживаясь. — Нам больше не нужно беспокоиться о том, что Лорна подслушивает у замочных скважин.

Я выругалась, вспомнив, сколько раз заставала Лорну маячащей за дверью, будто она нервничала, боясь помешать. Как часто она предлагала помощь. Как часто находила повод задержаться.

Алиса жаловалась, что Лорна слишком любопытна, но я, как и миссис Уоллес, отмахивалась от этого, считая, что Алиса просто ревностно охраняет частную жизнь хозяев.

— Вы её уволили, — догадалась я.

— Еще нет. Мне нужны доказательства, и я работаю над тем, чтобы их получить. А пока я проинформировала миссис Уоллес, которая согласна с моими выводами. Она помогает мне загружать Лорну заданиями, которые не позволяют ей подслушивать или следовать за нами.

— Вот почему вы не отпустили её спать, когда у неё разболелась голова. Вы поняли, что она прочитала письмо, которое принесла, и надеялась увязаться за нами.

— Да, письмо было явно вскрыто, а если у меня и оставались сомнения, то её внезапная головная боль их развеяла.

Я помахала брошюрой:

— Вы думаете, это она написала?

— К сожалению, нет. Я говорю «к сожалению», потому что, если бы это сделала она, я бы сочла своим долгом похвалить её за находчивость и изобретательность. Трудно было бы уволить девушку, приложившую столько усилий, чтобы обеспечить себе независимую жизнь. Нет, я убеждена, что ей просто платят за шпионаж в пользу настоящего автора — им, скорее всего, является соперник Джека, Джозеф МакБрайд. Я сделала такой вывод, проанализировав выбор слов и стиль письма. Мы с Джеком сейчас работаем над подтверждением этой версии.

— Вы времени зря не теряли.

— Скорее, это ты и Дункан были заняты, а я поняла, что эти серийные приключения представляют угрозу для ваших расследований. Решила копнуть глубже, пока вы были поглощены другими делами. И только прочитав последний выпуск, я осознала, что у нас под крышей завелся шпион.

— Значит, еще одной горничной меньше.

— Боюсь, что так.

— Эннис нас предупреждала. Говорила, что Лорна слишком нормальная, чтобы прижиться… и тот факт, что она прижилась, должен был навести на подозрения. Видимо, мне придется еще помахать тряпкой какое-то время.

Айла покачала головой:

— Я поговорю с Эннис и одолжу одну из её девушек, пока не найду новую горничную.

Я не стала спорить, хотя понимала, что это не выход. В доме Греев с братом и сестрой учеными и бывшими преступниками в штате не может работать кто угодно. Вот почему они так долго терпели Катриону. Какой бы невыносимой она ни была, её никогда не пугали брызги крови, и она не торговала сплетнями о своих работодателях.

— Нам нужно… — начала я, когда по коридору загрохотали тяжелые шаги — походку Грея ни с чем не спутаешь.

Я выскочила в холл:

— Как всё прошло?

— Хм. — Он прошел мимо меня прямиком к бутылке виски на столе.

— Настолько хорошо, да? — хмыкнула я. — Тяжелый арест?

— Никакого ареста. Кингов не оказалось дома. — Он поднял стакан и вопросительно взглянул на нас с Айлой.

— Да, пожалуйста, — в один голос ответили мы.

Он разлил виски по трем стаканам и передал их нам.

— Полиция дежурит у квартиры, а также на кладбище, в надежде, что Эммет Кинг явится за ответом от Белой Дамы. А пока… — Он залез в карман и выудил пачку перевязанных бумаг. — Вы хотели взглянуть на шифр. Я принес его вместе с расшифровкой.

Я взяла листы.

— Ого. Вы перерисовали шифр вместо того, чтобы принести оригинал? Я впечатлена.

— Это потребовало времени, зато избавило меня от тех звуков глубокого страдания, которые вы издаете, когда мы работаем с настоящими уликами.

— Спасибо.

Глядя на страницу с шифром снова, я видела, что почерк по-прежнему кажется женским. Я мысленно отвесила себе пинка за то, что пошла на поводу у гендерных стереотипов. Да, почерк очень мелкий и изящный, с теми самыми завитками, которые ассоциируются с женщинами — но это всё равно что увидеть фигуру ростом под два метра и сразу решить, что это мужчина. Уж кто-кто, а я должна была поставить под сомнение подобные суждения, но не сделала этого.

Я пробежала глазами список расшифрованных экзаменационных вопросов и передала листок Айле. Я не виню Грея за то, что он принял их за учебные конспекты. Это самый очевидный ответ… пока не задумаешься, зачем их шифровать. Эммет украл вопросы к экзамену и хотел изучать их так, чтобы жена не догадалась, что это такое. Поэтому он зашифровал их, вдохновившись разговором о кодах, который у них когда-то был.

— Я бы хотела передать копию этого Белой Даме, — сказала я. — Придется действовать через Королеву Мэб, это может занять время. Также я хочу сравнить это с подтвержденным образцом почерка Эммета. Он признался в написании этого шифра, но как только дело дойдет до суда, он может забрать свои слова назад.

— Он может даже обвинить жену, — пробормотала Айла. — Заявить, что просто покрывал её.

— Надеюсь, нет, но исключать нельзя. Я бы тоже хотела помочь Хью и доказать, что это рука Эммета, еще до его ареста. Где лучше всего раздобыть проверенный образец? В университете?

— Всё должно быть проще, — ответил Грей. — Полиция охраняет квартиру Кингов, а значит, у нас будет к ней доступ. — Он сверился с часами. — Поздно уже, но, если хотите, можем поехать прямо сейчас.

— Пожалуйста.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Было уже около десяти вечера, когда мы добрались до квартиры Кингов. Её караулили двое констеблей. Они выбрали позицию так, чтобы перехватить Кингов еще на лестнице, до того как те успеют войти в дом.

Одним из офицеров оказался Иэн, тот самый молодой горец, и я подозреваю, что это не случайно. Когда патрульный проявляет дружелюбие к Грею, у него куда больше шансов получить от МакКриди ответственное задание. Это хорошая ступенька на пути к детективному званию, если парень действительно к этому стремится. Надеюсь, что да.

МакКриди привык, что под рукой у него констебль, а не полноценный напарник-детектив, как это было принято в моем мире. В мае он потерял своего протеже и пока не нашел замену. Если им станет Йэн, я буду рада за них обоих. Оставив Йэна с напарником на улице, мы обменялись парой фраз и вошли в здание. Точнее, «пару фраз» бросила я, пока практически удерживала Грея за фалды, чтобы он не взлетел по лестнице галопом. Йэну и его коллеге предстояла долгая ночь, так что им не помешало бы немного человеческого общения и обещание горячей еды после того, как мы закончим. Я бы даже добавила пинту эля к неизбежному мясному пирогу. У меня дома «выпивка на посту» — это табу, но здесь это означает «глушить виски бутылками». Пинта эля или даже горячий тодди за нарушение не считаются — они лишь помогут не замерзнуть и поддержат боевой дух.

Нам не потребовалось много времени, чтобы найти образцы почерка и Эммета, и Флоренс. Флоренс вела дела безупречно, даже для эпохи, предшествовавшей современным системам архивации. У неё был секретер с ячейками для текущих бумаг и ящиками, полными старых документов. Очевидно, что финансами семьи и перепиской занималась именно она, вплоть до того, что исправно строчила письма родителям Эммета. И хотя подписи под ними стояли обе, другие письма, подписанные только Флоренс, не оставляли сомнений в том, кто автор. Нашлись и образцы почерка Эммета — любовные письма к ней, которые она сохранила.

Я старалась не вчитываться. Но, конечно, пара строк всё же попалась на глаза, и этого хватило, чтобы мне стало еще паршивее. Трагедия молодого человека, чьи способности не дотягивали до планки, которую он сам себе поставил; парня, решившегося на жульничество, а затем убившего профессора в состоянии слепой паники. Трагедия мира, в котором врачом должен был стать он, хотя его жена явно подходила для этой профессии куда лучше.

Имея на руках эти образцы, мы могли с уверенностью заключить: зашифрованные заметки писал Эммет. Почерк Флоренс был совсем другим — взвешенным и точным, под стать ей самой. У Эммета же он был более вычурным и размашистым — полное совпадение с шифром. Теперь нужно подтвердить, похож ли он на почерк в записке, отправленной Белой Даме. В любом случае, это была не Флоренс: её руку никогда нельзя было бы однозначно классифицировать как «женскую».

Я уже заканчивала осмотр, когда Грей подошел и протянул мне измятый листок.
— Я нашел это в одежде Эммета.

Я взяла бумагу и пробежала глазами.

— Черт. Ожидаемо, но всё же.

— Да, к сожалению.

Келли Армстронг – Тревожа мертвых
Kelley Armstrong - Disturbing the Dead

Письмо было из медицинской школы. Эммета предупреждали: если его оценки не улучшатся, он будет отчислен. Единственным сюрпризом стало имя внизу.

— Оно от сэра Аластера, — сказала я.

— Да, похоже, он был наставником Эммета. Поэтому тон письма неофициальный, даже ободряющий.

Я бы ни за что не назвала этот тон «неофициальным», но я начинаю понимать, что в этом мире стандарты иные. Здесь даже переписка между друзьями звучит куда формальнее, чем то, что я черканула бы своим современным знакомым.

При повторном прочтении я поняла, что Грей прав. Письмо от самого колледжа было бы холодным и безличным. А это — предупреждение от наставника о том, что нужно подтянуться, иначе грозит исключение. «Ободрение» заключалось в сухой строчке о том, что сэр Аластер знает, Эммет может учиться лучше, и ждет от него этого. Не слишком-то душевно, но для викторианских реалий это вполне можно счесть поддержкой. Внизу даже были указаны часы приема сэра Аластера — полагаю, намек на то, что он готов помочь.

Это лишь усугубляло ситуацию. Эммету грозило отчисление, и сэр Аластер пытался ему помочь. Это не был холодный профессор, жестоко отказавшийся слушать мольбы Эммета после того, как тот попался на жульничестве. Это был союзник, но человек строгих правил, который не мог закрыть глаза на обман.

— Есть еще кое-что, — произнес Грей.

Он подвел меня к дальней стене и замер в ожидании. Судя по всему, мой «научный руководитель» решил устроить мне проверку. Я могла бы поворчать, но ворчала бы еще больше, если бы он всегда указывал на очевидное, не давая мне шанса развивать навыки.

Я коснулась отметин на штукатурке. Большинство были старыми, будто вмятины оставили еще прежние жильцы. Но затем я заметила несколько свежих сколов, один из которых был настолько новым, что с него еще осыпалась пыль.

Я видела такие стены раньше, когда выезжала на определенный тип вызовов. Вмятины в гипсокартоне. Сколы краски. Всё чуть выше уровня моей головы. Здесь, на оштукатуренных стенах, это были щербины. Но паттерн тот же самый.

Я отступила назад, чтобы рассмотреть получше, и под моим сапогом что-то хрустнуло.

— Мне следовало это поднять, — заметил Грей, — но я помню, что вам не нравится, когда я трогаю улики.

Я бросила на него тяжелый взгляд.

— Тогда могли бы предупредить, прежде чем я на них наступлю.

Я подоткнула юбки и присела на корточки. Нашла осколок грубого фаянса, который только что раздавила каблуком.

Грей вздохнул.

— Вы ведь понимаете, что делаете это абсолютно неправильно?

Я подняла на него глаза.

— Полагается наклоняться так, чтобы ваши ягодицы взмывали в воздух.

Я фыркнула.

— Сами попробуйте проделать такое в корсете. А теперь, будьте добры, подайте лампу.

Он подал, и я пригнулась еще ниже, чтобы осмотреть пол. Разглядела еще несколько осколков и капли чего-то темного.

— Помогите мне подняться, пожалуйста, — я протянула руку.

— Сегодня вам требуется необычайно много помощи.

— Всё из-за этого чертова корсета и юбок, ясно?

Его лицо посерьезнело, когда он протянул руку.

— Если вы предпочитаете одеваться как Джек, мы можем это устроить. Я знаю, в свое время вы привыкли к брюкам.

Я с трудом выпрямилась.

— Заманчиво, но это значит, что мне придется притворяться мужчиной, а я не уверена, что хочу носить брюки настолько сильно. С моим телом понадобится очень тугой бандаж, чтобы сойти за парня. Хотя носить брюки время от времени было бы неплохо. Может, в особняке, когда никого нет? Если это допустимо.

— Это абсолютно допустимо. Мы найдем вам брюки и сообщим остальным о вашем выборе. Лишних вопросов не будет.

Что опять же возвращает нас к вопросу о «особенной» горничной, которую не вгонит в краску вид женщины в брюках… и которая не побежит трепаться об этом на каждом углу.

Я вспомнила, что заметила пролитую жидкость, собственно, ради этого я и поднималась. Какой бы чистой ни казалась эта квартира, ползать по полу я не собиралась.

Я снова присела там, где увидела пятно. Убедившись в своих подозрениях, я протянула руку и коснулась его. Кончик пальца окрасился красным.

Капля крови на полу, еще влажная, рядом с несколькими другими, которые уже впитались в дерево.

Затем я заглянула в мусорное ведро. Сверху лежали черепки разбитой чашки и окровавленная тряпка.

— Черт, — вырвалось у меня. — Я очень не хотела этого видеть.

— Хм.

— Следы на стене в кухонной зоне. Примерно на уровне головы. Кто-то регулярно швыряет предметы в другого человека, и последним была чашка, совсем недавно. Крупные куски убрали, но подмести еще не успели. Кровь на полу и тряпка в мусоре.

— Кровь я сам не заметил, — признался Грей. — Только разбитую чашку и стену. Эти отметины указывают на систему.

— На систему домашнего насилия. Один партнер против другого.

— Предположительно, мистер Кинг против своей жены.

Я кивнула.

— Статистически — да. Она чуть выше меня ростом, и следы соответствуют этому, но мне нужно больше зацепок. Я хочу поговорить с соседом за той стеной.

Когда мы с МакКриди впервые пришли к Кингам, Эммет сказал, что за стеной живут Райаны, и жена там больна. К счастью, это не тот сосед, который нам нужен. По другую сторону кухонной стены жил пожилой вдовец. Он долго не открывал, но когда я сказала, что беспокоюсь о миссис Кинг, охотно пригласил нас внутрь. Разговорить его не составило труда. Он явно симпатизировал Флоренс… и совсем не жаловал Эммета.

— Актером ему надо быть, этому-то, — говорит старик. — А не врачом. Актером. Всех в этом доме одурачил, кроме меня. Все думают, какой он славный молодой

человек, такой обаятельный и вежливый, а его жену считают заносчивой барышней. Она девица хмурая, серьезная, порой резкая на язык. Но именно она постоянно бегает для меня по поручениям, приносит миску похлебки и слушает мои жалобы на ноги. Из неё вышел бы хороший врач. А ему я бы и занозу вытащить не доверил. Он бы, скорее всего, сразу всю ногу оттяпал. Он может казаться дружелюбным, но у него нет времени ни на кого, кроме самого себя и своих «ребят».

— Ребят?

Старик машет рукой.

— Дружки из колледжа. Если он не шляется с ними по кабакам, оставляя её одну, так притаскивает их домой выпивать, и бедной девчонке приходится уходить.

А я-то думала, что изможденный вид Эммета — следствие ночных бдений над учебниками. Похоже, нет.

— Он выживает её из квартиры своими выходками, когда пьян? — спрашиваю я.

— Нет-нет. Когда парень под мухой, он милейшее создание. Но девчонке нет покоя от всего этого шума. Она уходит заниматься к друзьям или выскальзывает на одну из своих прогулок, а когда возвращается, он уже трезв — и вот тогда он становится сущим тираном.

— Вы слышали, как они ссорились?

— О, он осторожен. Никогда не кричит. Почти не повышает голоса. Он слишком хитер, чтобы давать другим подслушивать. Вместо этого он швыряет вещи. Тарелки и всё прочее, будто они могут позволить себе покупать новые. Вот только сегодня он что-то разбил о мою стену. Бедная девчонка ушла с разбитым носом. Пыталась смыть кровь, но я видел. Говорю вам, будь я на двадцать лет моложе, я бы отлупил этого мальчишку. Будь я моложе на тридцать — увел бы девчонку прямо у него из-под носа. Она заслуживает лучшего.

— Вы поняли, из-за чего они спорили?

Он качает головой.

— Слух у меня уже не тот, а парень ведет себя осторожно. Слышал только его голос, злой, а потом что-то разбилось. Она вышла не позже чем через десять минут, я спросил, всё ли в порядке, она ответила «да» и сказала, что пойдет прогуляться. Я стоял у двери, караулил, чтобы он за ней не пошел. Но он никогда так не делает. Отпускает её в любое время.

— Значит, миссис Кинг ушла, а муж за ней не последовал. Но его ведь нет дома. Обоих нет.

— О, он ушел. Просто не за ней. Он вышел минут через двадцать, в своем лучшем пальто и шляпе. Отправился пропустить по пинте со своими ребятами, как будто ничего и не случилось.

— В лучшем пальто?

— Вроде вашего, сэр. — Старик кивает на Грея, который всё это время хранил молчание. — Длинное черное пальто и черная кепка. Он надевает его только тогда, когда идет кутить с друзьями. Видать, думает, что выглядит щеголем, но оно ему совсем не идет.

Итак, Кинги поссорились. Эммет швырнул в Флоренс чашку, и та попала в стену. Кроме того, он её ударил. Она быстро смывает кровь и оставляет его наедине с его паршивым настроением. Он дает ей фору, а потом выходит сам, в темноту, облаченный в длинное черное пальто и черную шляпу — невидимый в ночи.

Я могу надеяться, что Эммет действительно пошел пропустить пинту эля, но я в это не верю. Совсем не верю.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

Мы заглянули в пансион на Баклю-плейс, чтобы убедиться, что Флоренс не ушла заниматься туда вместе с остальными. Девушка, открывшая дверь, сказала, что не видела Флоренс весь день. Нам стоило поискать её внизу, у берегов Уотер-оф-Лит. Это её любимое место для прогулок… и именно туда мы планировали отправиться дальше.

Из наших прошлых бесед, когда Флоренс восстанавливала поминутно свои передвижения в день убийства, я знала её маршрут. Она направляется к Дин-Бридж, а затем идет вдоль Уотер-оф-Лит до Стокбриджа, после чего выходит в город и идет домой.

Всего несколько дней назад (в моем времени) я гуляла по берегам Уотер-оф-Лит вместе с мамой; вход со стороны Стокбриджа находился совсем рядом с нашей арендованной квартирой на Ройал-Серкус. Это приятная прогулка вдоль реки — место, где, если рядом никого нет, можно слушать журчание воды, любоваться старой архитектурой и представлять, что живешь… ну, примерно в это самое время.

Однако это днем. Я не уверена, что рискнула бы гулять вдоль реки в такой час даже в своем мире, и уж точно не в одиночку. В эту же эпоху — и подавно. Пусть Уотер-оф-Лит и петляет через фешенебельный Новый город, это не значит, что здесь безопасно зимним вечером, когда стрелки часов близятся к полуночи.

Когда мы пересекали Дин-Бридж, я заметила секс-работницу, пытавшуюся согреться в дверном проеме. Да, опять же, это Новый город, но даже здесь есть подобные места, где процветает подпольный мир. Можно сколько угодно строить красивые особняки и разбивать частные сады за холмом, отделяющим ваш мир от трущоб, но нищета не будет вечно сидеть по ту сторону этой насыпи.

На этой женщине было шерстяное платье с дополнительными нижними юбками для тепла. Её наряд не был вызывающим в обычном смысле слова, но распущенные волосы и косметика выдавали род занятий, как и тот факт, что она забилась в тень, в полном одиночестве в такой час.

— Сколько стоят её услуги на час? — вполголоса спросила я, когда мы притормозили на углу.

Грей вздрогнул.

— Откуда мне знать?

— Я не спрашиваю о твоем личном опыте, Грей. Просто назови примерную цифру.

Он что-то возмущенно пробормотал, но, в конце концов, признал: слышал, будто для женщины на улице это обойдется в несколько шиллингов для прилично одетого джентльмена.

Я протянула руку. Он поперхнулся еще раз, но вложил монеты мне в ладонь. Я направилась к ней, нарочито громко стуча каблуками, чтобы предупредить о нашем приближении. Женщина подняла взгляд; её глаза скользнули с меня на Грея. Поняв, что мы идем именно к ней и при этом не пылаем праведным гневом, она сделала шаг вперед, улыбаясь.

— Добрый вечер, — сказала она. — Ищете способ согреться этой зимней ночью?

— Скорее, ищем пропавшую участницу вечеринки. — Я показала монеты. — Одна молодая леди любит здесь гулять, и у нас есть причины беспокоиться о её благополучии сегодня. Могу я купить несколько минут вашего времени?

— Вы ищете мисс Фло?

Я замедлила шаг.

— Э-э, да.

Женщина рассмеялась, и, подойдя ближе, я поняла, что она старше, чем мне показалось вначале. Лет тридцать пять, с приятным лицом и завидными гладкими черными волосами.

— Здесь только одна молодая леди гуляет в такой час, и у вас есть все права за неё беспокоиться. — Она закатила темные глаза. — Эта девчонка — живое доказательство того, что ум и здравый смысл не всегда ходят парой. Что бы я ни говорила, я не могу выкурить её отсюда. Никто из нас не может.

— Не самое безопасное место для одинокой девушки, — заметила я.

— Вот ей это и скажите. Или, может, ваш друг джентльмен скажет, она может и послушать. Некоторые дамы лучше воспринимают слова мужчин. Она милая, очень милая девочка, и я завидую её храбрости, но… — Она вздохнула и покачала головой. — То, что она *должна* иметь возможность гулять здесь в безопасности, вовсе не означает, что она *может*.

Я указала на неё пальцем:

— Именно так. В точку. В общем, ответ на ваш вопрос — да. Я видела её около часа назад. Она пыталась всучить мне пару шиллингов, как и всегда, в надежде, что я устрою себе выходной. Я не беру её деньги. Ей они нужнее, чем мне.

— Она что-нибудь говорила сегодня?

Женщина покачала головой.

— Почти ни слова. Она и так не особо болтлива, но обычно спрашивает, как дела, напоминает беречься от «дурной болезни», спрашивает про моих малюток. Но сегодня — лишь пара слов. Её мысли были где-то далеко.

— И она пошла туда, вдоль реки? — Я указала направление.

— Как обычно. Если пойдете за ней, надеюсь, чтобы отговорить от этого безумия, можете спрашивать любого встречного. Мы все её знаем и присматриваем за ней. — Она вздохнула. — Наверное, в этом и проблема. Пока мы за ней следим, у неё здесь не бывает неприятностей. Вы ведь не против того, чтобы её капельку припугнуть?

— Нас больше беспокоит, что она сама найдет неприятности, но да, ей полезно будет осознать, что она была в безопасности только потому, что другие за ней приглядывали. Подозреваю, она не хотела бы быть обузой.

— Это не обуза. Мы только хотим, чтобы она прекратила эти безумные вылазки. Или брала с собой мужа. Не представляю, как он это допускает.

Я очень надеялась, что мужа рядом с ней сегодня нет. Вслух я этого не сказала. Просто отдала женщине монеты, несмотря на протесты, что это лишнее, и мы начали спускаться по лестнице к тропе внизу.

Это была часть города, которую не видел даже Грей. Конечно, он гулял здесь раньше, но только при дневном свете и только в тех местах, где жители Нового города обычно прогуливаются вдоль берега. Сегодня же была не просто ночь. Была зима, со свежевыпавшим снегом и холодным ветром, хлещущим на открытых улицах наверху. Здесь, внизу, было тише и спокойнее. Слишком тихо для одинокой женщины, но я подозревала, что Флоренс видит здесь только покой и тишину. Здесь кажется безопасно, особенно когда чистый слой белого снега скрывает даже самые грязные углы.

Почувствовав запах жареных каштанов, мы поднялись по ступеням и обнаружили сгорбленную старушку, которая уже закрывала свою тележку на ночь. Мы находились рядом с садом, украшенным к зиме, и раньше люди наверняка выходили сюда насладиться снежной прогулкой. Мы не особо рассчитывали, что она видела Флоренс, но когда спросили, она ответила: да, она знает эту молодую леди, та купила каштаны и заплатила вдвойне, как и всегда. Мы забрали последний пакет её товара, уже остывающего на углях, и поблагодарили её, прежде чем спуститься обратно.

Мы прошли совсем немного, когда Грей заметил старика, закутанного в одеяла, спасавшегося от холода. Он тоже видел Флоренс — она отдала ему каштаны, которые купила. Она не остановилась поболтать, как делала обычно, просто сказала несколько добрых слов и пошла дальше. Он указал нам направление, и мы отдали ему свои каштаны, прежде чем продолжить путь.

Не прошло и двадцати шагов, как исчезли даже звуки города наверху. Я не была уверена, где именно мы находимся, но теперь вокруг воцарилась абсолютная тишина, даже река беззвучно текла под коркой льда.

Дойдя до моста, я посмотрела под ноги. Раньше я замечала следы на свежем снегу, но их было слишком много, чтобы вычленить нужные. Теперь же я видела только одну цепочку следов, которую уже начинало припорашивать.

— Мы не сильно отстаем, — сказала я, когда мы миновали мост и пошли дальше. — И нет никаких признаков того, что за ней кто-то следил.

— Хорошо, — отозвался Грей. — Хотя, даже если муж не преследовал её, нам следует настоятельно рекомендовать ей не возвращаться домой.

— Мы заберем её в участок для дачи показаний, — предложила я. — Хью, может, и не нужно допрашивать её прямо сейчас, но это хороший повод.

— Согласен.

Мы шли по следам, пока они не оборвались, а навстречу им не потянулась другая цепочка следов. Затем обе цепочки свернули к небольшому мостику, ведущему на другой берег.

— Это не следы Эммета Кинга, — заметила я.

— Нет, не его.

Когда мы поняли, что будем искать Флоренс и Эммета, мы нашли по запасной паре обуви каждого из них. Туфли Флоренс были меньше моих, обувь Эммета — длиннее, чем у Грея.

— Я знаю, что здесь люди не всегда носят обувь своего размера, — сказала я. — Берут то, что могут себе позволить. Возможно ли, что ноги Эммета на самом деле меньше тех туфель, что мы нашли?

Грей качнул головой.

— Я проверял обе пары на предмет необычного износа и ничего не нашел. — Грей поставил свою ногу в сапоге рядом с отпечатком. Этот след был на размер или два меньше.

— Если только он не надел сапоги, которые ему малы, — хмыкнула я. — Черт возьми.

— Посмотри на отпечаток, — произнес он. — Это новые сапоги, но их владелец слегка прихрамывает. Я ожидал увидеть…

Он сделал несколько шагов и указал пальцем:

— Вот.

Он указывал на небольшую выемку в снегу. Она была такой крошечной, что, в отличие от следов ног, её почти засыпало.

— Трость, — констатировала я. — Мужчина в довольно новых сапогах, на размер или два меньше твоих, который пользуется тростью. — Я проследила взглядом за двумя цепочками следов, идущими бок о бок через мост. — Кто-то, с кем Флоренс пошла бы добровольно.

— Или, по крайней мере, кто-то, за кем она пошла бы, не опасаясь вреда.

— Потому что даже если он ей не нравится, он всего лишь старик с тростью. — Я посмотрела на Грея сквозь туман нашего дыхания. — Лорд Мьюир.

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ

Одни только отпечатки не могут на сто процентов доказать, что это Мьюир, но, черт возьми, всё указывает на него. Либо он выследил Флоренс, либо знал, что она придет сюда. Он заходит с противоположной стороны. Он «случайно» натыкается на неё — ситуация досадная, но она вынуждена соблюдать приличия.

Разве не об этом она говорила при одной из наших первых встреч? Что не может избавиться от мысли: если бы противники «Семерки» узнали их поближе, они бы поняли, что это искренние и умные девушки, не представляющие никакой угрозы. Хорошая мысль, и я не сосчитаю, сколько раз она посещала меня саму. Надежда на то, что предвзятый человек изменит мнение, стоит ему познакомиться с тобой лично. Я не раз перетягивала на свою сторону старых копов, которые либо не выносили женщин в полиции, либо не желали работать с «этими миллениалами». Это не значило, что они меняли мнение о женщинах или миллениалах в целом. Просто я была другой. Аномалией.

«Эти бабы в форме ждут, что мы под них прогнемся, с ними теперь даже на посту не пошутишь. О, я не про тебя, Аткинсон. Ты другая».

«Эти миллениалы не знают, что такое тяжелый труд, спускают все бабки на авокадо-тосты. О, я не про тебя, Аткинсон. Ты другая».

Лорд Мьюир якобы натыкается на Флоренс. Может, говорит, что свернул не туда. Может, изображает легкую тревогу от того, что оказался здесь один в темноте. Просит её проводить его. Или она сама предлагает помощь, потому что она такая, какая есть.

Но каков его план? Зачем ловить Флоренс Кинг? Он всё еще думает, что она убила сэра Аластера? Это очередная попытка поиграть в детектива-любителя? Или что-то более зловещее?

Перейдя мост, следы сворачивают с тропы на голый участок земли, ведущий к… — В туннель? — шепчу я Грею.

Он не отвечает, а значит, тоже не уверен. Ясно лишь одно: следы ведут к решетке под зданием. Металлическая калитка. И прямо у её края характер следов меняется: больше нет двух ровных цепочек, вместо них — мешанина из борозд и вмятин, уходящих глубоко в грязь.

Здесь Флоренс поняла, что дело плохо, и попыталась убраться оттуда ко всем чертям. Арочный вход закрыт, но не заперт, хотя рядом висит навесной замок.

Я забираю замок себе. Грей начинает было вскидывать брови, но замирает, вспомнив, что я уже так делала. Оставлять незащелкнутый замок снаружи — это практически приглашение запереть меня внутри.

Мы проскальзываем в темноту. Полная тьма, и мне приходится подавлять желание чиркнуть спичкой. Где бы мы ни находились, здесь пахнет сырой землей, и когда мой сапог шаркает по полу, я чувствую под ним именно почву.

Грей осторожно прикрывает решетку за нами. Когда она закрывается, я замечаю впереди крошечный отблеск света. Успеваю сделать пару шагов, как раздается голос. Грей хватает меня за руку, удерживая на месте, словно я собираюсь броситься вперед. Я качаю головой и концентрируюсь на голосе, пытаясь разобрать слова сквозь странное эхо.

Это Мьюир. Несомненно, лорд Мьюир. Когда отвечает другой голос, я мысленно чертыхаюсь. Эммет Кинг.

Мы продвигаемся вперед, выверяя каждый шаг.

— Я хочу, чтобы вы это уладили, — говорит Эммет. — Вы обещали, что уладите любые проблемы.

— Именно это я и делаю, мальчик.

— Вы обещали поговорить с ней. Сказали, что если она о чем-то догадается, я должен немедленно сообщить вам, а вы с ней поговорите.

Тишина.

Голос Эммета срывается на крик:

— Вы должны были забрать её к себе домой для разговора. Это не ваш дом, и это не разговор!

— Напротив. У нас с тобой вполне получается беседа. Проясняем очевидное недопонимание.

Пока они говорят, мы движемся вперед. Наконец доходим до чего-то похожего на дверь — странно новую для этого древнего подземелья. Она массивная, металлическая, с петлей для замка, но самого замка нет, а дверь слегка приоткрыта, и сквозь щель пробивается неровный свет.

— Какое еще недопонимание? — спрашивает Эммет. Я присматриваюсь к щели, прикидывая, смогу ли заглянуть внутрь незамеченной.

— Я сказал, что разберусь с этим, — произносит Мьюир. — А не то, что я буду с ней разговаривать. Я сказал, что разберусь с ней. Именно это я и делаю. Она поняла, что ты натворил…

— Она поняла, что я жульничал на экзамене. И только.

Несмотря на эхо, я понимаю, что голоса доносятся с дальней стороны помещения, и решаю, что заглянуть внутрь безопасно. Я приседаю и прижимаюсь глазом к щели. Внутри — складская комната, добротной постройки, заставленная ящиками и коробами.

Это не было случайным местом, куда Мьюир затащил Флоренс после встречи. Мьюир знал об этой каморке, возможно, даже владел ею. Он выжидал, пока она окажется рядом, прежде чем «столкнуться» с ней на прогулке.

Я чуть смещаюсь и вижу Флоренс. Она связана, во рту кляп, её бросили сидеть под фонарем, пока двое мужчин разговаривают поблизости, вне зоны моей видимости. Её взгляд прикован к ним, глаза расширены от ужаса.

— Что ж, это действительно недопонимание, — тянет Мьюир своим вкрадчивым голосом. — Я-то решил, ты сказал, что она знает всё.

— Нет, я выразился предельно ясно. Я сказал, что она догадалась, что я украл ответы, и я хотел вашей помощи, чтобы она не узнала ничего сверх этого.

— Именно это я и делаю. Слежу, чтобы она не узнала ничего сверх этого.

— Взяв её в заложники? — голос Эммета лезет вверх. — Она моя жена!

— На которой ты женился только ради помощи в учебе. Она — фанатичная студентка из группы таких же фанатичных студенток, каждая из которых с радостью помогла бы тебе, притворись ты сторонником их дела. Твоя жена могла бы натаскивать тебя и даже писать за тебя работы, пока ты занимался бы куда более приятными вещами — элем и хорошенькими девицами. А когда ты закончил бы обучение, её отец взял бы тебя в помощники. Он вряд ли смог бы отказать зятю, верно? Каким бы паршивым студентом тот ни был.

Мьюир замолкает.

— О, простите, миссис Кинг. Для вас это новость? Вы думали, Эммет женился на вас по любви? Нет, вы уже начали подозревать неладное, поэтому перестали писать за него работы и готовить его к экзаменам. Ваше предательство заставило его пойти на обман. Надеюсь, вы осознаете свою ответственность за это. Долг жены — помогать мужу, а вы этого не сделали. Посмотрите, к чему это его привело. Он сжульничал на экзаменах, попался, а затем он…

— Нет! — выкрикивает Эммет.

— …убил сэра Аластера. О, и этого вы тоже не знали, миссис Кинг? Боже мой. Вот что случается, когда стареешь, дорогая моя. Язык начинает болтаться без костей.

— Вы сами послали меня убить его! — яростно шипит Эммет. — Вы знали, что сэр Аластер поймал меня на обмане, и предложили выход, приправив его солидной суммой. Вы сказали мне, где найти туннель и где найти его. Велели притвориться, будто я пришел просить о пощаде, словно слуги меня впустили, а потом убить его и замотать как мумию.

— Я не велел тебе забирать куски мумии, парень, и вот здесь всё пошло наперекосяк. Я обещал тебе деньги, но ты пожадничал. Ты украл мумию, и теперь полиция дежурит у твоей квартиры. Выход только один — бежать из страны. Я помогу, в знак признательности за оказанную услугу. Но твоя жена? Она не может поехать с тобой. И не захочет. Она станет твоей погибелью, если мы оставим её в живых.

Я тяну Грея за рукав, чтобы прошептать ему на ухо:

— Вы всё это слышите?

— Да. Вы их видите?

— Только миссис Кинг.

— Этого достаточно, — произносит он. — Предлагаю проскользнуть внутрь. Я отвлеку мужчин, а вы спасете её.

Я киваю. Именно это я и собиралась предложить. Не сомневаюсь, что Грей справится с пожилым лордом Мьюиром и молокососом Эмметом Кингом. Если возникнут проблемы, я вмешаюсь, но я не против оставить драку ему. Вытащить Флоренс — вот приоритет.

Я снова припадаю к щели в двери и анализирую обстановку. Мужчины, похоже, стоят за штабелями ящиков. Свет внутри комнаты. Значит, они не должны заметить, как дверь откроется.

Проверяю петли. Если заскрипят, придется ждать, пока Эммет снова повысит голос. Когда он заговаривает снова, споря за жизнь своей жены, я приоткрываю дверь еще на дюйм. Ни звука. Мужчины ничего не замечают. Они слишком поглощены своей драмой: Эммет настаивает, что Флоренс сбежит вместе с ним, а Мьюир высмеивает его наивность.

Тяну дверь еще на дюйм, потом еще, пока проем не становится достаточно широким, чтобы мы с Греем могли просочиться внутрь.

— Идите вперед, — шепчет Грей. — Займите позицию, чтобы защитить её, а потом я ворвусь…

Он оборачивается, и только когда он делает движение, я слышу шум позади него. Грей резко разворачивается, выбрасывая кулак, в тот самый миг, когда огромная туша бросается на него. Удар Грея достигает цели, отшвыривая громилу назад, но тут другая тень хватает его. Я бросаюсь на вторую фигуру. Бью вслепую, разя в полумраке и молясь, чтобы не задеть Грея.

Келли Армстронг – Тревожа мертвых
Kelley Armstrong - Disturbing the Dead

Кто-то хватает меня сзади. Я брыкаюсь и пытаюсь извернуться, но уже лечу по воздуху: меня швыряют на дверь, я вышибаю её настежь и вваливаюсь внутрь.

Я ударяюсь об пол, и мой мозг вопит, что это худший из возможных исходов. Я практиковалась в драках в юбках и корсете и усвоила одну вещь, особенно если противник мужчина: нужно, черт возьми, оставаться на ногах. Оказавшись на земле, подняться стоит огромных трудов. Я не могу просто вскочить одним рывком, как в своем старом теле и старой одежде.

Упав, я первым делом задираю юбки и переворачиваюсь. Теперь я упираюсь голыми коленями в пол и могу оттолкнуться. Точнее, могла бы, если бы нападавший не воспользовался моментом и не вцепился в спинку моего платья. Есть огромная разница между реальным противником и спаррингом с Саймоном, который даст мне ту самую секунду, чтобы встать на ноги.

Нападавший вздергивает меня вверх, явно собираясь швырнуть снова. Я лягаю назад со всей силы. Мой каблук врезается ему в живот, я слышу болезненный выдох. Бью снова, еще сильнее. Вот в такие моменты викторианская одежда лучше современной: сапог на жесткой подошве в животе куда эффективнее кроссовок. Еще один удар, на этот раз ниже, и с воплем мужчина выпускает меня.

Я начинаю падать и каким-то чудом умудряюсь приземлиться на ноги, пусть и неуклюже. Резко оборачиваюсь и вижу здоровенного детину, под стать тому, которого арестовал МакКриди. Лицо багровое, он согнулся пополам, вцепившись в переднюю часть брюк и изрыгая слова, которых я никогда раньше не слышала, и все они адресованы мне.

Я бросаюсь на него и бью в висок. Это выводит его из строя. Позади него, в самой кладовой, Грей и его столь же огромный противник кружат друг вокруг друга; оба тяжело дышат, у того течет кровь из носа, у Грея разбита губа.

Я уже бегу на помощь, когда сбоку мелькает смазанная тень. Третий человек, поменьше остальных. Черт! Я забыла про Эммета.

Я разворачиваюсь, но это не Эммет. Это Мьюир, и он у двери. Нет, он уже за дверью.

Я оставляю Грея заканчивать бой. Противник может превосходить его весом, но Грей держит ситуацию под контролем. Я мчусь к Мьюиру и достигаю двери в тот самый миг, когда он с грохотом захлопывает её.

Изнутри ручки нет. Я толкаю дверь. Снаружи раздается отчетливый щелчок. Я наваливаюсь на неё всем телом, а в мозгу вспыхивает образ той пустой дужки для замка.

Я забрала замок с внешней двери, но вторая-то была пуста. Потому что замок был у Мьюира.

Дверь не поддается. Мьюир защелкнул замок… оставив нас запертыми здесь с двумя его громилами и Эмметом Кингом.

Я оборачиваюсь к Грею. Он уже взял своего противника в удушающий захват. Черт. Жаль, я не видела, как он это провернул.

— Веревка, — выдавливает Грей сквозь зубы, указывая подбородком и с трудом удерживая амбала.

Я прослеживаю за его взглядом: там лежат остатки веревок, которыми связывали Флоренс. Я уже тянусь к ним, когда мой первый обидчик ковыляет в мою сторону.

Хорошая попытка, парень, но ходит он теперь неважно, а резкий удар по коленной чашечке окончательно возвращает его на пол.

Я связываю руки противнику Грея, пока Дункан присматривает за моим, тот осознал, что проклятая дверь заперта, и решил, что это сейчас проблема посерьезнее нас. Он колотит мясистыми кулаками по металлу и орет, призывая Мьюира.

Как только руки второго амбала связаны, Грей спрашивает:

— Эммет?

— Должно быть, сбежал вместе с лордом Мьюиром.

Грей хмыкает и шагает к человеку, который всё еще долбится в дверь, настолько увлеченному своими криками, что Грею остается только перехватить его руку. Ну, перехватить и швырнуть на пол, а потом я помогаю ему скрутить детину на живот и связать руки.

Когда с этим покончено, я выдыхаю:

— Окей, значит, следующий шаг — это…

— Выпустить меня отсюда, — раздается голос из другого конца комнаты.

Я смотрю в сторону Флоренс, но её там нет, и голос был не её. Я осторожно обхожу груду ящиков и нахожу Эммета: он накинул удавку на шею жены и уперся ногой ей в спину.

— Вы найдете способ выбраться отсюда, — говорит он, в упор глядя на Грея. — И вы дадите мне уйти первым. Иначе я её убью.

Разве он только что не спорил с Мьюиром, пытаясь спасти Флоренс жизнь? Неужели он на самом деле её убьет?

Но не всё так просто. Он сам привел Мьюира к ней. Он может утверждать, будто думал, что Мьюир собирается только поговорить, но сколько в той его речи было ради неё, чтобы она не сошла в могилу, проклиная его имя? А сколько ради собственного эго, чтобы убедить себя, что он не такой уж злодей, и если Мьюир её убьет, то он хотя бы «протестовал»?

Не думаю, что Эммет хочет смерти Флоренс. Возможно, он даже любит её, по-своему. Нельзя жениться на человеке только ради того, чтобы он помогал тебе в мединституте и нашел работу. Он не хочет её смерти, но если ей придется умереть, чтобы защитить его…? Ну, у мужчины свои приоритеты, верно?

Эммет продолжает вещать, обращаясь к Грею. Вариации на одну и ту же тему: «Я убью её, если вы меня не выпустите. Честное слово. Я не шучу».

На меня он не обращает никакого внимания. Вообще.

Я тихо отступаю назад. Эммет не смотрит в мою сторону. Грей что-то говорит. Я не разбираю слов, просто надеюсь, что Дункан понял мой замысел и продолжает отвлекать Эммета. Я двигаюсь, пока снова не оказываюсь за горой ящиков.

Пробираясь через комнату, я прохожу мимо одного из связанных наемников. Кляпа у него нет. Он мог бы предупредить Эммета. Но он лишь злобно смотрит на меня и сжимает челюсти. Он не станет вмешиваться. Ему это ни к чему.

Когда голос Эммета срывается на крик, я заглядываю в щель между двумя коробами. Грей сделал шаг вперед, и это до смерти напугало Эммета. Я еще раз выверяю траекторию. Жаль, я не могу перехватить взгляд Грея, но он слишком занят своей частью спектакля — удерживает внимание Эммета на себе.

Я приподнимаюсь, считаю до двух и толкаю ящики.

Штабель с грохотом обрушивается. Эммет вскрикивает, я вижу, как он отлетает назад, выпуская веревку. Грей бросается вперед и отшвыривает его от Флоренс. Я продираюсь сквозь оставшиеся коробки, пока Грей скручивает Эммета. Это происходит быстро, и к тому времени, как я освобождаю руки Флоренс, я могу передать веревки Грею, чтобы он связал её мужа.

— Значит, это правда, — это первые слова Флоренс, когда я вынимаю кляп. — Он убил сэра Аластера.

Вот что для неё важнее всего во всей этой истории. Не то, что Мьюир желал ей смерти, и не то, что Эммет грозился её задушить. Возможно, ничто из этого не стало сюрпризом. В конце концов, под её носом всё еще виднелась засохшая кровь от удара, который Эммет нанес ей этим вечером.

Слезы в её глазах вызваны осознанием: Эммет убил человека не в порыве ярости, а чтобы спастись от отчисления и заработать денег. У меня такое чувство, что брак с Эмметом Кингом и так был для Флоренс медленным угасанием надежды. Постепенным осознанием того, почему он на ней женился. Развод был невозможен, так что ей оставалось только смириться и тянуть лямку. Может, он изменится. Может, он получит диплом, устроится к её отцу, стресс утихнет, и он станет лучше, станет тем человеком, за которого она, как ей казалось, выходила замуж.

Теперь, после этого разоблачения, её надежда испарилась, и она опустила голову, беззвучно плача.

Когда трое мужчин были обезврежены, а Флоренс тихо попросила оставить её в покое, у нас осталась еще одна задача. Выбраться из этой кладовой. Не думаю, что Флоренс до конца осознала, что мы заперты в глухом подземном помещении без окон, и я не собираюсь говорить ей об этом, пока не припрет.

Мы обошли комнату, простукивая каждый дюйм стен, но кладовая оказалась такой крепкой, какой и выглядела.

— Единственный выход — эта дверь, — сказала я. — С навесным замком по ту сторону.

Грей расправил плечи:

— Значит, нам нужно выломать этот замок. Я буду бить в дверь, пока она не поддастся.

— Или мы можем попросить об этом одного из них. — Я кивнула в сторону двух амбалов, наблюдавших за нами.

— Я согласен, — пророкотал один.

— Да, — подхватил Грей, — и как только вы её откроете, вы дадите стрекача. Нет, я сделаю это сам и…

— …и спасешь положение? — раздался голос, когда дверь распахнулась и вошел МакКриди. — На этот раз, Дункан, положение спас я. И спас вас, используя выдающиеся детективные навыки, чтобы выследить вас.

— Потому что мы сказали Йэну, что идем за миссис Кинг, — вставила я.

— Чтобы найти вас, всё равно потребовалась дедукция.

Я улыбнулась:

— Еще какая. Но вам стоит заняться лордом Мьюиром. Это он запер нас здесь и…

— Йэн взял его прямо у выхода.

— Выдающаяся детективная работа, — подытожила я.

Он снял шляпу и отвесил поклон.

— Благодарю. А теперь рассказывайте, что тут у нас.

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ

Эммет Кинг предстанет перед судом за убийство сэра Аластера, и это больше не кажется мне той трагедией, которой виделось вначале. Да, жизнь Флоренс как жены убийцы не будет легкой, но когда альтернативой была смерть от его же рук — что ж, это так себе выбор.

Она разумная молодая женщина, у неё хватит воли пройти через это, к тому же у неё есть те, кто её поддержит. Флоренс планирует продолжить обучение, даже репутация мужа не выживет её из колледжа, и я краем уха слышала, как Грей тихо предложил ей любую помощь, какую только сможет оказать. Ранее Джекс-Блейк хотела убедить Дункана поддержать их движение. Я знаю, почему он не может: его собственное положение слишком шаткое, и он не верит, что его дурная слава им поможет. Но помочь лично Флоренс — это в его силах. Сама она подумывает о переезде в Америку после окончания учебы. Там она сможет заниматься медициной, вырвавшись из тени преступлений мужа.

Лорд Мьюир за решеткой по обвинению в сговоре с целью убийства сэра Аластера. Я попросила МакКриди передать прокуратору-фискалу, чтобы тот не выдвигал обвинений в покушении Мьюира на мою жизнь. МакКриди это не понравилось, но он понял: это лишь еще сильнее затащит Грея в центр внимания прессы. Лучше пусть Мьюир знает, что я опознала в нем нападавшего, и я всегда могу передумать насчет обвинений, если он не договорится о полюбовном расторжении деловых отношений с леди Кристи.

Она решила расстаться с Мьюиром и искать египетского покровителя для продолжения работ. И хотя семья Кристи хочет и дальше жить в Шотландии, они настаивают, чтобы артефакты по возможности оставались в Египте.

Пропавшие древности были найдены, как и большая часть мумифицированного тела. И то, и другое будет репатриировано. Что касается останков — это печальная нота в финале. Сэр Аластер надеялся установить личность того, кто покоился под этими бинтами, и отправить человека домой для достойного погребения. Теперь погребение состоится, но сохранилась лишь часть тела, и любая надежда на опознание потеряна навсегда.

Почему Мьюир изначально натравил нас на Флоренс — он не объясняет. МакКриди считает, что Флоренс была настолько слабым кандидатом в подозреваемые, что мы должны были быстро её исключить, и если бы позже улики указали на Кингов, полиция бы их проигнорировала. Возможно, Хью прав, но я также гадаю, не сделал ли он это специально, чтобы напугать Эммета. В конце концов, бегство Эммета из страны было Мьюиру на руку: исчезла бы единственная ниточка, связывающая его с убийством сэра Аластера.

У нас остался один незакрытый вопрос, лишь косвенно связанный со всей этой историей.

— Это МакБрайд, — говорит Джек. — Это он пишет те «приключения», а ваша горничная на него шпионила.

Мы сидим в похоронном кабинете — Айла, Джек и я. Джек и Айла взяли на себя расследование этой конкретной тайны. Я здесь только потому, что заинтересована в результате: не только в прекращении публикации этих пасквилей, но и в том, чтобы узнать судьбу Лорны.

Грея нет дома. Для него это «домашние хлопоты», а значит — епархия Айлы. Это может прозвучать так, будто мужчина умывает руки, бросая «женскую» работу, но он передал сестре контроль над хозяйством и прислугой, и его участие в таких разговорах означало бы, что он всё еще главный. Если в комнате есть мужчина, люди всегда будут ждать последнего слова именно от него.

— Хорошо, — произносит Айла. — Мэллори, приведи, пожалуйста, Лорну. Джек, мы признательны тебе за помощь в этом деле, и мой брат проследит, чтобы ты получила достойную компенсацию.

— О, я в этом не сомневаюсь, но я не спешу уходить. — Джек потягивается, закидывая ноги на стол Грея. — Хочу посмотреть, чем всё закончится. И да, можете смело винить меня в том, что правда выплыла наружу.

— Винить? Или благодарить?

Джек улыбается:

— Как вам будет угодно.

Они продолжают болтать, а я спускаюсь вниз, где миссис Уоллес запрягла Лорну чистить кастрюли.

— Лорна? — говорю я. — Нам с миссис Баллантайн нужна твоя помощь в похоронном кабинете.

Она бросает кастрюлю в таз с водой и буквально семенит за мной. Раньше я бы подумала, что ей просто надоело драить посуду. Теперь я знаю: она просто боится упустить шанс услышать что-то полезное.

Мы входим в кабинет Грея. Джек по-прежнему сидит за столом. Увидев её, Лорна напрягается.

— Что *он* здесь делает? — В её голосе звучит не любопытство, а враждебность. Она может не догадываться, что Джек — женщина, но она явно знает, что Джек работает на главного конкурента МакБрайда.

— Джек — наш друг, — отвечаю я. — Ты видела его раньше, когда он приносил записки.

— Записки, которые ты читала, — вставляет Джек.

Мы с Айлой обмениваемся взглядами. Прощай, тактика мягких подступов.

Айла берет инициативу на себя:

— Мы знаем, что ты шпионишь для Джозефа МакБрайда, автора серийных романов о докторе Грее.

— МакБрайд сам в этом признался, — добавляет Джек. Со снисходительной улыбкой она добавляет: — Признался, когда я предложил поставлять ему информацию получше, так как я лично знаю доктора Грея и участвую в его расследованиях.

— Так что давай обойдемся без протестов и заверений, что ты не работаешь на мистера МакБрайда, — говорит Айла. — Он нанял тебя, зная, что мы отчаянно нуждаемся в горничной, и помог тебе попасться нам на глаза. Вопрос теперь не в том, правда ли это, а в том, что мы собираемся делать.

Лорна не произносит ни слова. И она вовсе не дрожит от страха перед последствиями.

Мало какие криминальные истории в викторианской Британии так популярны, как те, где слуги оказываются злодеями. Это люди, допущенные в святая святых семьи. Скорее наймут ленивую горничную, чем ту, кому нельзя доверять. Если Айла

расскажет о предательстве Лорны, та больше никогда не найдет работу. И всё же девчонка стоит с каменным лицом.

Айла явно ждет продолжения; её рука ныряет в карман за мятной лепешкой — верный признак беспокойства. Она одергивает себя и выпрямляется.

— Полагаю, мы можем прийти к соглашению, Лорна. Возможно, ты даже не потеряешь место. Ты была хорошей горничной, и мы готовы рассмотреть возможность…

— Сто фунтов.

Айла осекается и уставляется на неё:

— Прошу прощения?

— Сотня соверенов, миледи. — Лорна с издевкой выговаривает последнее слово. — Вот цена моего молчания.

— Твоего молчания о чем?

— Обо всем. — Девчонка скрещивает руки на груди. — За сто фунтов я сохраню все секреты этого дома.

Айла выдерживает её взгляд:

— Нет.

Лорна моргает. А затем смеется.

— Если вы пытаетесь торговаться, я бы посоветовала вам попросить заняться этим *вон ту*, — она кивает на меня. — У вас кишка тонка.

У Айлы на щеке дергается мускул.

— Возможно, но я не торгуюсь. Я отказываюсь платить.

— Значит, вы хотите, чтобы я рассказала всему миру, что творится в этом доме?

Теперь наступает очередь Айлы смеяться.

— И что же здесь творится, дитя? Мы странные, но всё, чем ты можешь нам угрожать — это публичное смущение из-за наших причуд. Это сработало бы с семьей куда более респектабельной, чем наша. Все и так знают, что мы эксцентричны. Что еще ты им скажешь? Здесь не происходит ничего по-настоящему скандального, и уж точно ничего преступного.

В глазах Лорны вспыхивает недобрый огонек:

— А что, если я скажу обратное?

— Кто тебе поверит? — вклинивается Джек. Она встает и передает сложенный листок бумаги. Лорна открывает его и бледнеет. — Какие бы враки ты ни плела об этом доме, найдется десяток людей, которые подтвердят, что ты лжешь. Десяток людей куда более уважаемых, чем уличная замарашка, которая…

— Откуда у вас…? — начинает Лорна.

— Не твое собачье дело, — отрезает Джек.

Я делаю шаг в сторону, чтобы заглянуть в бумагу.

— Но-но, мисс Мэллори, — Джек забирает листок. — Вас это тоже не касается. Как и вас, миссис Баллантайн, при всем уважении. Это дело между мной и мисс Лорной. — Она поворачивается к девушке. — Ты слышала леди. Она не принимает твое предложение и не торгуется. Она принимает твой вызов разболтать секреты. Я — не принимаю, о чем прозрачно намекает эта записулька. Услуга за услугу, девка. Око за око.

— Ладно. Я остаюсь на службе…

— Ага, ни единого шанса. — Я осекаюсь и смотрю на Айлу. — Простите.

Айла поворачивается к Лорне:

— Мэллори права. Ни единого шанса. Собирай вещи и уходи сегодня же. Хоть ты и не проработала полный квартал, я выплачу тебе за весь срок. Это не взятка. Я поступала так же с другими горничными, которые нам не подошли. Ступай. Твои деньги у миссис Уоллес.

Выставить Лорну оказывается не так-то просто, но вскоре она исчезает, и я бессильно опускаюсь в кресло, пока Айла достает с полки бутылку виски.

— Еще одной горничной меньше, — вздыхаю я. — Начинаю думать, что те, прежние, были не так уж плохи.

— Мне жаль, — говорит Айла. — Одолжим служанку у Эннис, пока я не найду замену.

— Так значит, у вас есть вакансия? — подает голос Джек.

— Да, — кивнула Айла. — Если ты знаешь молодых женщин, которым нужен шанс начать жизнь с чистого листа, возможно, тех, кто попал в беду,, я бы с радостью с ними встретилась.

— О, та, кого я имею в виду, не в беде, но она впишется сюда куда лучше. — Она махнула в сторону двери, за которой скрылась Лорна. — Я сама претендую на это место.

Мы с Айлой обе уставились на неё.

— Это… работа горничной, — выдавила я. — Это значит…

— Мои родители были в услужении. Я и сама когда-то была горничной в покоях. Я справлюсь и пойду на это — в обмен на особые условия.

— Какие еще… условия? — осторожно уточнила я.

— Кое-чего я всё-таки хочу.

— Ну еще бы.

Джек улыбнулась так, что я готова была поклясться: у неё между зубами торчат перья съеденной канарейки. Она взяла брошюру с описанием наших последних дел.

— Я хочу стать официальным летописцем ваших приключений.

— О, мне жаль, — вставила я. — Но для этого тебе нужно быть писателем.

Она закатила глаза:

— Да, ладно, видимо, придется признать твою правоту.

— Правду в чем? — я приложила ладонь к уху. — Плохо слышно.

— Я — лучший криминальный репортер Эдинбурга, как ты и догадалась. Теперь я хочу писать… — Она помахала брошюрой. — Что-то получше этой дешевки. Официальные приключения доктора Грея и мисс Мэллори.

— Ты хочешь работать здесь ради «эксклюзива из первых рук»?

— Ради чего? А, ты про взгляд изнутри? Именно.

Я переглянулась с Айлой.

— Хм, — протянула Айла. Джек так и подалась вперед, прежде чем нацепить маску безразличия, хотя её так и подмывало сорваться с места. — Полагаю, ты готова к переговорам?

— Вполне. — Джек откинулась на спинку, снова закинув ноги на стол. — Торгуйтесь, мэм.

— Ты будешь выполнять все обязанности горничной в полном объеме, не перекладывая нагрузку на Алису или миссис Уоллес. Обычно нам не требуется работа в течение всего дня, но смена может длиться от четырех до десяти часов.

— Я и сама впахивала по десять часов, когда мне было десять лет. Прошу лишь об одном: если я управлюсь за полдня, мне будет позволено уйти раньше, а не торчать здесь в ожидании новых поручений.

— Договорились. Жалованье — пять фунтов в квартал при условии проживания и питания в доме, вдвое больше — без них.

— Давайте сойдемся посередине. Мне нужно лишь место, где можно преклонить голову время от времени, да случайный обед. Я бы предпочла сохранить свое жилье.

— Что касается хроники приключений моего брата — на это потребуется его разрешение.

— Разумеется.

— И если он согласится, я возьму на себя роль редактора.

Джек напряглась:

— Мне не нужен…

— Каждому писателю нужен редактор. Как редактор я буду иметь право вето на всё, что сочту неприемлемым: будь то вторжение в нашу частную жизнь, искажение фактов или насмешка над участниками событий.

— Значит, мне нельзя писать о том, как мисс Мэллори задирает зад кверху?

— Если это поможет продажам газет — валяй, — разрешила я. — Но нельзя писать, будто я делаю это ради поиска несуществующих улик.

Она улыбнулась мне:

— Справедливо.

— Кстати, о продажах, — вставила Айла. — Как твой редактор, я потребую свою долю. Десять процентов мне и еще десять Мэллори — она должна что-то получать за использование её приключений. Дункану будет всё равно.

— Мне тоже, — сказала я. — Пусть Айла забирает обе доли.

Айла посмотрела на Джек:

— Десять процентов мне. Пять Мэллори. Пять на содержание дома.

Джек притворно задумалась, но я видела: она ожидала, что Айла потребует больше.

— По рукам, — кивнула Джек. — Считайте, у вас новая горничная и новый летописец.

— Если Дункан согласится. И сначала нам нужно вытеснить с рынка другого «летописца». По крайней мере, в этом жанре.

Улыбка Джек была хищной.

— Это предоставьте мне.

***

Прошла неделя с момента окончания нашего приключения. Напряженная неделя для Грея: он помогал МакКриди и прокурору-фискалу собирать доказательства. Если от тех серийных книжонок и была какая-то польза, так это то, что они принесли Грею больше признания в высших кругах правоохранительных органов. Не знаю, как он к этому относится — это не тот вопрос, на который можно ждать честного ответа.

Что касается «хроник», Грей согласился позволить Джек писать их. Кто-то всё равно будет это делать, так что лучше иметь редакторский контроль.

Сегодня первый полноценный выходной Грея, и он пригласил меня на ланч. Мы идем домой; я смотрю на замок вдали, сверкающий под солнцем и снегом.

— Такой красивый город, — говорю я.

Грей улыбается:

— Когда снег скрывает всю грязь и копоть.

Даже без снега я вижу красоту во всем: от зданий до людей. Мир в движении, перемены приходят стремительно, общество эволюционирует. Кто-то, как Грей, несется вперед, навстречу этому новому миру; другие, как лорд Мьюир, пятятся назад и пытаются тянуть мир за собой. Совсем как в моем времени. Может, поэтому мне здесь комфортно. Есть так много вещей, которые я хотела бы изменить, но я уже вижу, как многое меняется. Совсем как в моей реальности.

Когда мы входим в дом, Грей стягивает перчатки и произносит с полнейшим равнодушием:

— Вы проверяли сегодня половицы?

Я напрягаюсь.

— Я перестану спрашивать, — добавляет он, — если этот намек вам в тягость.

Я написала родителям уже два письма и спрятала их под той доской. Оба всё еще там.

— Если они их еще не забрали, — говорит Грей, старательно изучая свои сапоги, — это не значит, что они не смогут. Они не живут в Эдинбурге. Они будут проверять это место лишь периодически, возможно, не чаще раза в год.

— Я знаю, — отвечаю я. И я действительно это понимаю… за исключением того, что время здесь работает по-другому. Им наверняка пришлось задержаться там надолго из-за моей комы, и снять дом на Роберт-стрит было бы разумным шагом.

— Даже если они их получат, письма, скорее всего, останутся в этом времени, — рассуждает Грей. — Возможно, они будут копиться там, пока они не прочитают их в будущем. — Он хмурится. — Я искренне не понимаю, как работают эти перемещения во времени.

Я всплескиваю руками:

— А кто понимает? Какая бы космическая сила ни забросила меня сюда, она забыла приложить инструкцию по эксплуатации.

Он посмеивается.

— Я продолжу писать письма, — говорю я, убирая зимние сапоги. — И продолжу давать объявления в газету.

— И верить, что они их получат.

Я киваю:

— Но я также буду продолжать заглядывать под эту чертову половицу, даже если это безнадежно.

— Тогда пойдемте сделаем это прямо сейчас.

Я качаю головой, но всё равно иду к лестнице. В доме тихо. У Джек и Алисы сегодня выходной на полдня, а у Айлы была назначена встреча, и она не смогла присоединиться к нам на ланче. Стук наших сапог на мягкой подошве эхом разносится по дому.

— Я слышала Алису, — замечаю я, пока мы поднимаемся. — Когда я была здесь в свое время. Я слышала её шаги.

Грей вздыхает позади:

— Она топает так громко, что сами стены до сих пор вторят её шагам спустя полтора столетия.

Я улыбаюсь ему в ответ:

— Я подумала в точности то же самое.

Мы доходим до моей комнаты. Я снова взяла в привычку запирать дверь. Не то чтобы я не доверяла Джек, но… скажем так, я верю, что Джек не украдет мою серебряную щетку, но я ни на грош не верю, что она не сунет свой нос в мои секреты.

Я направляюсь к той самой половице. Я немного сдвинула кровать, так что одна ножка теперь стоит прямо на доске. Да, я стала супер-осторожной. Когда-то я шутила сама с собой, что не запираю дверь, потому что мне нечего скрывать, я ведь не пишу летописи своих приключений путешественницы во времени. И вот именно этим я сейчас и занимаюсь, сочиняя эти письма.

— Я знаю, это трудно, — говорит Грей, пока мы отодвигаем кровать. — Вы сделали очень нелегкий выбор, и я бы понял, если бы временами вы о нем жалели.

Я качаю головой:

— Я не жалею.

Тихий выдох.

— Хорошо.

Он потянулся, чтобы приподнять доску, но я остановила его жестом. Грей присел на край кровати, пока я устраивалась на полу.

— Я рад, что вы вернулись, Мэллори, — произнес он. — Я говорил это уже не раз, но боюсь, моя реакция на ваше возвращение была…

Я взглянула на него: он потирал губы. Затем я отвернулась и потянула доску на себя.

— Я боялся, что это неправда, — продолжал он. — Что я… слишком сильно этого хотел и мне просто привиделось, будто вы очнулись. Я не смел надеяться, что вы действительно вернулись. Я просидел там два дня, ловя хоть какой-то знак и убеждая себя: если вы придете в себя, я скажу вам… — Он осекся. — Письма исчезли.

Я вскинула на него взгляд:

— Вы хотели сказать мне, что письма исчезли?

— Нет. — Он поднялся и указал вниз. — Ваши письма исчезли.

Он присел, заглядывая в пустоту, словно письма могли провалиться в какую-то невидимую щель. А потом улыбнулся мне.

— Их нет. Ваши родители забрали письма.

Я сглотнула. — Но почему они исчезли *здесь*? Разве они не должны были просто лежать стопкой…

Он поднес руку к моим губам, призывая к молчанию.

— Ваши родители получили письма, Мэллори. Не надо вопросов, сомнений и копания в себе. Они знают, что вы живы и с вами всё в порядке.

— И что мы раскрыли дело.

Он улыбнулся:

— Думаю, их больше волнует, что вы живы и здоровы, но да, они будут знать, что вы раскрыли дело.

— Мы раскрыли. Все вместе.

Когда мы поднялись, я посмотрела на него, и моя улыбка превратилась в сияющую ухмылку. Мне хотелось броситься ему на шею. Хотелось пуститься в

дурацкий победный пляс. Не знаю, почему это казалось таким важным, но это так. Мои родители знают, что я в порядке. Я могу слать им депеши из девятнадцатого века.

Грей взял мою ладонь и сжал её.

— Я рад за вас.

— Спасибо. — Я подняла на него глаза. — Так что вы говорили до этого?

— Хм?

— До того как увидели, что письма исчезли. Вы сказали, что если я очнусь, вы мне что-то скажете.

— А-а. Да. — Он поправил воротничок. — Я хотел сказать... — Он расправил плечи. — Я хотел сказать, что если бы вы могли вернуться домой снова и пожелали бы этого — я бы понял. Я бы понял, если бы вы передумали.

— Я ценю эти слова. Но я действительно сделала выбор и не жалею о нем.

— И всё же, если вы когда-нибудь...

— Нет. — Я встретилась с ним взглядом. — Мне нужно строить жизнь здесь, Дункан. Да, я не могу предсказать будущее, но я должна принять это время как своё будущее.

Он поймал мой взгляд, и в его глазах промелькнуло нечто... я не успела уловить суть, как он отвел глаза, начав поспешно копаться в кармане.

— Кстати, о деле, — произнес он... хотя мы говорили совсем не об этом. — Я купил вам подарок. Вы этого хотели, и я согласен, что после нападения в туннелях это вам необходимо.

Он разжал ладонь, на которой лежал пистолет «дерринджер». По-моему, я издала звук, какой обычно издают при виде щенка. Он был очарователен и совсем не похож на те «дерринджеры», что я видела раньше. Серебристый, подозреваю, никелированный, с ажурной гравировкой. Рукоять изгибалась так, что идеально ложилась под палец.

Я прижала его к груди.

— Он чудесный. Спасибо.

— Вам придется поучиться из него стрелять, полагаю, он отличается от того, к чему вы привыкли.

— Обязательно. Спасибо. Правда.

— Пожалуйста. Я думал купить вам еще и брюки, но они не влезли в карман.

Я рассмеялась.

— Логично.

— К тому же, они вряд ли подошли бы вам без примерки. Тут нужна помощь портного. Джек подсказала одного, который может подойти. Предлагаю отправиться туда и договориться о пошиве. Если вы не против.

Я улыбнулась ему:

— Я только «за».

Он жестом пригласил меня к двери. Я сунула «дерринджер» в карман и, уходя, оглянулась на ту самую половину, письма исчезли, а вместе с ними и последняя ниточка, связывавшая меня с современным миром. Затем я посмотрела вперед и вышла за дверь, навстречу нашему следующему приключению.